

ЗОЛОТОЙ ХОЛМ

ЗОЛОТОЙ ХОЛМ

Автор
Светлана Крушина

Оформление
Beatrix

Иллюстрации
Scriptorium Aventuris и Pixabay.com

Оглавление

Часть 1. Проклятый

Глава 1	3
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	70

Часть 2. Спящий бог

Глава 1	84
Глава 2	104
Глава 3	119
Глава 4	128
Глава 5	141
Глава 6	156
Глава 7	166
Глава 8	176
Глава 9	199

Часть 3. Золотой холм

Глава 1	212
Глава 2	224
Глава 3	231
Глава 4	247
Глава 5	259
Глава 7	270

Часть 1. Проклятый

Глава 1

Метель застигла Арьеля врасплох. Вот только что был день — пусть и бессолнечный, серенький, — и вдруг налетел ветер, сгустились тучи, повалил снег. В один миг наступила непроглядная ночь.

Арьель остановился, повернулся к ветру спиной. Поминая Борона, он стянул с плеча зачехленную лютню и бережно пристроил ее под жиденским плащом. Мало того, что он рискует сбиться с дороги, так не хватало еще испортить инструмент...

Нет ничего хуже, чем метель в ночь Самайна. Разве что — оказаться этой метелью застигнутым под открытым небом. Все бесы, служившие некогда Безымянному, его верная армия, вырываются на волю и безумствуют, тщась отомстить каждому встречному за пленение и поругание их господина.

Метель — их предвестница.

Скорчившись и заслоня одной рукой лицо, Арьель пошел вперед, против ветра. Дальше по дороге должен был находиться постоянный двор. Туда Арьель рассчитывал добраться до темноты, там собирался скоротать страшную ночь Самайна. Знакомый трактирщик обычно не брал с него денег. Только настаивал, чтобы он развлекал гостей и постояльцев. Те, растроганные музыкой и пением, Арьеля угощали сами, и кормили, и поили. А комнату хозяин для него держал особую, хоть небольшую, но чистую и удобную.

Арьель только надеялся, что не сойдет с дороги и не заплутает, а выйдет прямо на трактир. Очень глупо и обидно будет замерзнуть в чистом поле, когда до надежных стен и жаркого очага — рукой подать.

Мысленно он начал молиться Тса, просил защитит и поддержать его. И, к его удивлению, молитва немедленно подействовала: впереди заблестал огонек. Арьель ускорил шаг, хотя ноги вязли в рыхлом снегу. Он боялся, что глаза обманывают его. Но огонек никуда не пропал, более того, оказалось, до него рукой подать. Вскоре Арьель стоял перед плотно затворенной дверью шинка. Над дверью был устроен навес, который отчасти защищал от непогоды, и Арьель стряхнул с плеч и с капюшона небольшие сугробы, постучал башмаками о порог. И однако же, когда он вошел в залу, на плаще его было полно налипшего снега.

Он откинул капюшон и зажмурился от удовольствия. В общей зале было светло и очень тепло, почти жарко (а может быть, ему так только показалось с мороза). С потолка на толстых цепях свисало колесо, по периметру которого горели свечи. Ярко пылал огонь в большом очаге, от него на лица сидящих поблизости людей ложились красновато-золотистые отблески. Масляные светильники на стенах тоже были зажжены. Арьель, оглядев все

это огненное великолепие, улыбнулся. Самайн приготовились встретить во всеоружии.

— Господин Арьель! — к нему уже спешил сам хозяин, приветственно протягивая вперед толстые руки. — Я уж боялся, не случилась ли с вами беда. Непогода-то какая разыгралась — страх просто! Проходите, садитесь у огня, вот тут. Благородные дамы, осмелюсь попросить вас потесниться. Господин музыкант натерпелся, все дрожат-с, зуб на зуб не попадает.

Две дамы в дорожных платьях, сидевшие у очага, сначала поглядывали на Арьеля с брезгливым любопытством, но, услышав обращение к нему трактирщика, сменили гнев на милость и подвинулись, уступая место. Арьель с поклоном поблагодарил и сел, высвободил из-под плаща лютню и положил ее рядом. Дамы едва ли принадлежали к благородному сословию, но выглядели изящно. Одна была постарше, вторая, довольно миловидная (ей Арьель ясно улыбнулся и получил в ответ робкую улыбку, сдобренную румянцем) — помоложе. Видимо, мать и дочь. Они пили подогретое вино и с тревогой поглядывали на залепленные снегом окошки. С ними рядом сидели двое неразговорчивых парней в кожаных куртках и при оружии. Охранники.

Трактирщик лично вынес Арьелю горячего вина, шепнул: «За мой счет». Арьель с благодарностью принял кружку и оглядел зал. Чуть поодаль за столом сидели четверо мужчин, они играли в карты и пили пиво. По их повадкам и словечкам Арьель предположил, что это наемники. Еще один, средних лет, с сединой в темных волосах, подозвал трактирщика и о чем-то вполголоса с ним заговорил. Этот носил на груди медальон с аистом. Храмовник, служитель Перайны.

Негусто, отметил про себя Арьель. Да и неудивительно. В такую ночь только отчаянная нужда заставит отправиться в путь. Ну, или шило в заднице. Это у кого как...

Только со второго раза Арьель заметил еще одного человека, который сидел в стороне от всех, в полутьме, откинувшись к стене, и, казалось, дремал. Во всяком случае, глаза его были прикрыты. На вид ему казалось лет двадцать пять — двадцать шесть. Темные неподвязанные волосы до плеч, узкое неправильное лицо, еще и рябое, кажется, в придачу. Одежда свободного покроя и неопределенного коричневого цвета, что-то вроде мантии или балахона. Медальона этот человек не носил, но Арьель решил, что и он тоже из длиннорясых, только странствующий. А если кого-то Арьель не любил больше, чем городскую стражу, так это бродячих храмовников. Поэтому он быстро потерял к спящему всяческий интерес. Отставил в сторону опустевшую кружку и потянулся к лютне. Тут же рядом оказался трактирщик.

— Споете нам, господин музыкант? Порадуйте песней, а то ветер так тоскливо завывает, аж на душе тошно делается...

Дамы оживились, храмовник с аистом на груди встал со своего места и подошел к очагу, заинтересовано поглядывая. Даже наемники остановили

игру и повернули головы. Сегодня ночью все чувствовали себя не в своей тарелке. Один только дремлющий молодой человек никак не выказал своего интереса. Даже не пошевелился. Однако Арьелю показалось, что из-под опущенных ресниц на миг блеснули черные глаза.

Он неспешно расчехлил лютню, пристроил ее на колене. Хвост намокших от снега светлых волос упал на плечо, и музыкант плавным движением отбросил его за спину. Обвел взглядом собравшихся путешественников.

– Спою с большой охотой. Только не звучать радостным песням в ночь Самайна. Не время это для радости... Я расскажу историю, которая едва ли развеселит благородных дам и господ. Это история о Лионеле и Лионетте... я услышал ее в Аркаре.

При этих словах темноволосый молодой человек открыл глаза и слегка подался вперед. Но Арьель, склонившийся к струнам, этого не заметил.

* * *

Жили некогда в Аркаре мальчик и девочка. Окна их домов смотрели друга на друга, и детям нужно было только перебежать улицу, чтобы встретиться. Поэтому они часто играли вместе на горбатых улочках Аркары и проводили вместе времени больше, чем если бы были родными братом и сестрой. Их матери, которые тоже дружили, смотрели на них и радовались, что дети не скучают в одиночестве. Ведь других детишек в семьях не было.

Люди часто принимали их за брата и сестру, а те только смеялись и кивали. Им нравилось, что они одинаково темноволосые и черноглазые. Родились они в один год, и даже назвали их похоже: Лионель и Лионетта.

Дети росли, и дружба их крепла, хотя, кроме внешнего сходства, ничего у них общего, как казалось, не было. Лионетта, смешливая и беззаботная, не могла усидеть на месте, мелькала тут и там, так что ее даже прозвали Стрекозой. Мысли ее были яркими и воздушными, как крылья бабочки. Она любила петь и редко грустила, смех ее звенел, словно серебряные монетки, прыгающие по мостовой в солнечных лучах. Слыша его, люди и сами начинали улыбаться и всегда привечали славную, ласковую девочку.

Не таков был Лионель. Он мало разговаривал, мог подолгу сидеть на одном месте, о чем-то размышляя, и рано пристрастился к чтению. Только когда Лионетта была рядом с ним, он оживлялся. Но Лионетта уходила – и он снова брался за книгу. Еще в отрочестве он решил, что хочет стать учеников в храме Гесинды, и познавать тайны загадочных и темных наук. Родители не

препятствовали, поскольку видели, что к прочим занятиям, кроме чтения, мальчик равнодушен, и толку на другом поприще из него не выйдет.

Лионель остался в храме и после того, как его родители умерли от оспы. Болезнь сразила и его, но не убила, а только оставила о себе память в виде отметин на лице. К Лионетте судьба была добрее, ее семью оспа обошла стороной. Родители девочки с охотой бы приняли осиротевшего Лионеля в своем доме, как сына, но он предпочел остаться в храме. Напрасно подруга его уговаривала, он был непреклонен, и с еще большим рвением принялся постигать науки. Горе как будто даже обострило способности и таланты, которыми щедро наделила его Богиня Мудрая. Особенно Лионеля занимали лекарское дело и магия.

Со временем он стал лучшим учеником в храме, Богиня благоволила к нему, и в семнадцать лет он прошел посвящение.

Лионетта же стала красивой девушкой, и парни на нее заглядывались. Но сама она ни на кого не смотрела и при любой возможности убегала к Лионелю в храм. Детская привязанность превратилась в любовь, и Лионетта мечтала пройти всю жизнь рука об руку со своим любимым. Мать напоминала ей, что маг, посвятивший себя служению Богини, едва ли женится на простой женщине. Но в семнадцать лет не хочется думать о плохом, и Лионетта утешала себя тем, что в будущем все еще изменится к лучшему.

Все и впрямь менялось, но отнюдь не к лучшему. Лионель все больше времени уделял магической и врачебной практикам, и все меньше времени у него оставалось для Лионетты. Он много работал, к нему приходили люди со всей Аркары, поскольку он быстро прославился как искусный целитель. Рука у него и впрямь была легкая. Лионетта понимала, что вскоре бесповоротно его потеряет, и, чтобы отдалить разлуку, упросила друга взять ее в помощницы. Родителям девушки это не понравилось, но они никак не могли добиться от нее послушания.

Целыми днями Лионетта пропадала в храме, и так прошло три года. Матушка все чаще напоминала Лионетте, что пора уже всерьез подумать о замужестве, если она не желает остаться в девушках до старости. «Все твои подруги давно замужем и растят детей, а чего ждешь ты? — спрашивала матушка. — Лионель никогда не назовет тебя невестой и не поведет к алтарю». Лионетта и сама это знала, но что она могла поделать с своей любовью?

Женихи уже перестали к ней ходить, только один юноша все не терял надежды. Он любил Лионетту горячо и преданно — так же, как она сама любила Лионеля, — и мечтал когда-нибудь ввести ее в свой дом женой. Но Лионетта то не замечала его, то осыпала злыми насмешками. Он же готов был стерпеть от нее что угодно.

И вот однажды затеял Лионель сплести заклинание, за которое никто до него не осмеливался взяться. Его самонадеянность была велика, и помощи у

опытных магов он не попросил, положился на свои силы и на расторопность своей преданной помощницы. Но заклятье вырвалось из-под его власти, и храм загорелся. Некоторые утверждали после, что Лионель решился открыть двери в другой мир, и оттуда пришло огненное чудовище, с которым он не совладал. Так оно было или нет, никто точно не знает, но известно, что по вине молодого мага случился пожар, и немалый ущерб потерпел как храм Гесинды, так и множество домов поблизости. Ночью поднялся сильный ветер, который разнес пламя по городу. В пожаре погибли десятки людей, а Лионель и Лионетта уцелели лишь чудом. Маг почти не пострадал, ему обожгло пламенем только руки и грудь. Лионетта же получила страшные увечья, и никто не знал, возможно ли девушку исцелить. Ее мать плакала дни напролет, а Лионель много дней и ночей провел у постели подруги. Он призвал на помощь все искусство мага и врачавателя, и после долгих трудов смерть отступила от девушки. Только никто не узнал бы в несчастной прежнюю красавицу Стрекозу.

Тем временем горожане, которым уже стало известно, кто виновник пожара, собрались у бургомистра требовать суда над молодым магом. Его призвали в храм Прайоса и судили по законам города, ибо братья Гесинды от него отказались. Скорбь людей, которые потеряли в пожаре родных и близких, была велика, и многие требовали для преступника смерти. Но судьи припомнили, как много он делал прежде для горожан, и вынесли мягкий приговор. Лионелю велено было покинуть город и никогда не возвращаться под страхом смерти. Говорят, что молодой маг, услышав приговор, вздрогнул, потому что любил город, где прожил всю жизнь. Но о снисхождении он не просил, только умолил отсрочить приговор до той поры, пока Лионетта полностью не поправится. Ему позволили остаться.

Но вот пришел день, когда Лионель уложил пожитки и собрался уходить, ни с кем не прощаясь. На его душе тяжелым камнем лежала вина, и он не мог смотреть людям в глаза. Но к нему пришла Лионетта, которая проведала о его намерениях. Она просила взять ее с собой в изгнание. Сказала, что жизнь ей станет не мила, если друг уйдет. Но Лионель ответил, что и без того принес много горя, и не желает и далее омрачать Стрекозе жизнь. С этими словами он поцеловал ее в лоб и ушел.

Никто не знал, да и знать не хотел, куда он отправился. Никаких вестей от него не было. Лионетта печалилась все сильнее день ото дня, и плакала без конца. Время не лечило ее скорби, и настал день, когда Лионетта своей рукой лишила себя жизни, не чувствуя в себе больше силы жить без любимого.

От горя мать девушки обезумела, и страшным проклятием прокляла мага, которого обвинила в смерти своего дитя. Она сказала: «Пусть до самой смерти не найдешь ты покоя, и ни один дом не приютит тебя, и нигде не найдешь ты крова больше чем на одну ночь. И пусть тот, к кому потянется сердце твое, отвернется от тебя, и умрешь ты в одиночестве и горе».

А юноша, который желал взять Лионетты в жены даже после того, как она

утратила свою красоту, поклялся отыскать Лионеля и отомстить ему. Он покинул город и пустился в странствия, и никто из родных и близких с тех пор его не видел.

Что до Лионеля, о его судьбе по сей день никому не ведомо. В городе же, где он родился и жил, его зовут ныне Поджигателем и Навеки Проклятым.

* * *

— Так заканчивается история о Лионетте и Лионеле, — тихо произнес Арьель, мягко прикрыв ладонью струны лютни. — И не говорится о них более ни слова в песнях и сказаниях.

Он поднял голову и осмотрел слушателей. Обе дамы, растрогавшись, тихонько плакали и украдкой оттирали слезы. Трактирщик подпер рукой толстую щеку и пригорюнился. Храмовник с аистом на груди задумчиво опустил голову и медленно водил пальцем по столу. И только второй храмовник сидел в прежней позе, откинувшись к стене. Правда, глаза его были теперь открыты. Арьель встретился с ним взглядом и вздрогнул: не глаза, а черные дыры на бледном лице. Нехорошие глаза. Он машинально сделал знак против нечисти.

— Эй, парень! — крикнул один из наемников, повернувшись к Арьелю. — Присаживайся с нами! Порадовал ты нас сегодня, так выпей же с нами, будь другом. Хозяин! Тащи еще вина, мяса и сыра, мы за все платим!

Товарищи дружно его поддержали, и Арьель быстро пересел к ним за стол. Упускать такую прекрасную возможность поесть и выпить задарма было просто грешно.

— А что, — наклонился к нему через стол наемник со светлыми волосами, подстриженными скобкой, — и впрямь нет больше никаких историй о том, что было с Проклятым после?

— Я не слышал, — ответил Арьель и подцепил на кинжал кусок тушеного мяса из глубокой миски.

— Вот так странно. И никто не знает, куда он ушел? Настигло ли его проклятие? Отыскал ли его жених Лионетты?

— И впрямь, странно, — заговорил вдруг черноволосый молодой человек, устремив взгляд себе под ноги. Хотя говорил он тихо, голос его отчетливо разнесся по всей зале. И все разом повернулись к нему. — Просто таки удивительно, что сия замечательная история не имеет продолжения. Обычно менестрели знают все и обо всем на свете, а чего не знают, то додумывают. На то им и послан поэтический дар и талант рассказчика. Поэтому я удивлен, что вам, господин музыкант, нечего больше поведать о судьбе ваших героев.

— Пути магов неведомы, — осторожно сказал Арьель. Он не понимал, к чему клонит странный человек. — Может быть, потому ничего не известно нам о судьбе Лионеля из Аркары, что он сгинул давным-давно в далеких краях,

среди чужих людей...

— Верно, пути магов неведомы, — молодой человек слегка подался вперед, лицо его попало на свет, и Арьель понял, отчего его глаза кажутся такими большими и страшными: по нижнему веку они были густо подведены черным. Красить глаза было в обычае у мужчин-южан, но молодой человек на южанина совсем не походил. — Пути магов неведомы, а доля изгнанника горька. Особенно, если на нем лежит проклятие, а враг ищет его крови... Жаль, что не знаете вы окончания этой истории, господин музыкант. Мне очень хотелось бы ее послушать. Однако благодарю вас за балладу.

С этими словами он поднялся с места и подошел к Арьелю. Росту он оказался небольшого, а свободные одежды не скрывали хрупкость его сложения. Он положил что-то на стол перед Арьелем и быстро отошел в сторону. Арьель глянул и обомлел: на выскобленных досках мерцал нежным светом золотой с вычеканенным на нем королевским профилем.

Наемники переглянулись.

Арьель вскочил и обернулся, отыскивая взглядом молодого человека. Тот уже был у лестницы на второй этаж.

— Господин! — крикнул ему в спину Арьель. — Вы, должно быть, ошиблись! Тот только рукой махнул.

— Вот так длиннорясый, — скаля зубы, сказал стриженный в скобку. — Интересно, и много у него таких?

Под утро метель затихла. Снегу навалило почти по пояс, и чтобы открыть дверь, трактирщику пришлось попыхтеть, разгребая сугробы. Арьель помогал ему.

— И куда вас несет ни свет, ни заря? — ворчал толстяк, раскидывая снег. — Подождали бы хоть, пока рассветет.

— Не могу, — улыбнулся Арьель.

— Чего не можете? И-э-эх, шило у вас в заднице, господин музыкант, вот что. Уж простите за прямоту.

Идти по свеженаметенному, рыхлому снегу было тяжело. Арьель ушел совсем недалеко, только завернул за первый поворот, когда его окликнул чей-то голос.

— Господин музыкант! Подождите минутку.

Арьель остановился и обернулся. В серых предрассветных сумерках он увидел, как через сугробы к нему спешит невысокая темная фигура. По развевающимся свободным одеждам он узнал давешнего молодого храмовника. Тот приблизился и остановился, лишь на миг вскинув на Арьеля свои странные подведенные глаза и снова опустив их.

— Позвольте задать вам несколько вопросов?

Артель пожал плечами.

— Спрашивайте.

Храмовник помолчал.

— Вы точно знаете, что Лионетта умерла, господин музыкант? — тихо спросил он. — Или это только поэтический вымысел, чтобы выжать из слушателей слезу?

Словно молния прошила Артеля от макушки до пяток. Он во все глаза уставился на собеседника. Оспины на бледном лице... храмовый балахон без храмового медальона... и возраст подходящий. Двенадцать и Безымянный! Ну не бывает таких совпадений! Ведь не бывает же?

Он слегка попятился.

— Я сам видел могилу Лионетты и цветы на Колесе Борона. Вот уже пять лет, как влюбленные приходят туда, чтобы попросить благословения своей любви.

— Ага, значит, они сделали из нее мученицу... — задумчиво проговорил храмовник. — И сложили легенду. Вот как.

— Вы... знали ее?

— Знал. Когда-то... очень давно. Позвольте задать еще один вопрос, господин музыкант?

Артель стоял, весь обмерев, и почти позабыл о том, что надо дышать. Мысли спутались в дикий клубок.

— Проклятие, о котором вы упоминали, тоже — не выдумка?

— В Аркаре говорят, будто проклятие было, — Артель облизнул пересохшие губы. — Но кто может утверждать наверняка?..

— Тот, кто проклинал.

— Господин... — решился вдруг Артель. — Ведь ваше имя не Лио...

— Да, это мое имя, — перебил его храмовник, кивнув.

Артель вновь попятился и чуть не упал, завязнув в снегу. Собеседник ловко поймал его за рукав.

— Не бойтесь меня.

— Я не боюсь. Просто... не верю я в такие совпадения.

— Понимаю, — молодой человек слегка улыбнулся. — Я и сам не поверил бы... Однако, видите, как оно бывает. Я не знал, что о моих... кхм... делах в Медее уже распевают баллады, а вы не знали, что когда-нибудь столкнетесь с героем одной из своих историй.

— Господин Лионель...

Храмовник жестом остановил его.

— Просто Нэль, пожалуйста. Это имя мне привычнее. И забудь ты про

«господина», — он так непринужденно и так запросто перешел на фамильярное «ты», что Арьеля это нисколько не покорило. — Какой из меня господин, сам посуди, — он слегка развел руки, демонстрируя свои потрепанные одежды.

Небо загоралось зарей, воздух светлел. Несмотря на холод, капюшон шерстяного бурнуса был откинут за спину храмовника, и Арьель, наконец, смог как следует разглядеть его лицо. В трактире он не ошибся: лицо молодого человека было действительно сильно изуродовано оспой. Черты неправильные, но выразительные. Впрочем, как раз воли в выражении чувств этот человек, судя по всему, себе не давал. Лицо его казалось спокойным и почти равнодушным, но Арьель спинным мозгом почувствовал, что это — хорошо и точно подогнанная маска. Выработанная, должно быть, годами. Впечатление маски усиливали черные штрихи под глазами. Сами глаза были большие, темные, глубоко сидящие, а одна бровь немного выше другой.

И совсем он не походил на мага в представлении Арьеля, ну просто ни капли не походил.

— Мне нужно в ту же сторону, — Нэль подбородком указал направление. — Ты не против, если я ненадолго обременю тебя своим обществом?

— Дорога общая...

Они пошли рядом по рыхлому снегу, увязая на каждом шагу. Магу, вероятно, приходилось вдвое труднее, поскольку длинный подол его балахона быстро намок и лип к ногам. Арьель искоса поглядывал на спутника. Что ему, интересно, нужно? Признаться, страшновато становилось при мысли, что рядом идет человек, своей магией погубивший десятки жизней, пусть и невольно. Но и любопытно было тоже.

— Тебя зовут Арьель, верно?

— Да, госпо... то есть, Нэль.

— Не мог бы ты повторить, что было в том проклятии?

Арьель кашлянул.

— Видите ли, я не ручаюсь, что именно так оно и звучало...

— Вероятно, не совсем так, — согласился Нэль. — И все-таки, прошу тебя...

Арьель приостановился. Беседовать о подобных предметах на ходу казалось ему... неприличным, что ли. Нэль тоже остановился, поднял взгляд — кажется, это далось ему нелегко. Глаза его по-прежнему ничего не выражали, две черные дыры, да и только. Арьель откашлялся.

— Пусть до самой смерти, — медленно начал он, — не найдешь ты покоя, и ни один дом не примет тебя, и нигде не найдешь ты крова больше чем на одну ночь. И пусть тот, к кому потянется сердце твое, отвернется от тебя, и умрешь ты в одиночестве и горе.

Нэль помолчал, как бы к чему-то прислушиваясь (к отголоскам горьких слов,

которые звучали в нем?), затем провел рукой по лицу и покачал головой.

— Нет, не может быть... Впрочем, проклятие, брошенное в минуту отчаяния, имеет большую силу, — вполголоса пробормотал он. — О, Двенадцать, если бы знать наверняка...

— Вы разве не можете узнать? — с каждой минутой Аръель все больше набирался храбрости. Даже если храмовник не лгал, и в самом деле был тем, кем считал его Аръель, опасным он не казался. А любопытство возрастало тем сильнее, чем слабее становился первоначальный страх. — Магам ведь многое подвластно.

— Много, но отнюдь не все... Маги не занимаются проклятиями.

— Есть знающие женщины. Может быть, одна из них смогла бы помочь вам? Быстрый испытывающий взгляд из-под ресниц. Аръель уже привыкал к странной манере собеседника держать себя. Кажется, он вообще никогда подолгу не смотрел в лицо человека, с которым разговаривал.

— Ты говоришь... о ведуньях?

— Ведуньи, знахарки, колдуньи — зовите их как хотите, — заторопился Аръель, которому почудилось, что во взгляде Нэля блеснуло недоверие.

— Я знаю одну женщину, она действительно многое умеет. Возможно, она могла бы помочь. И если вам все равно, куда идти...

Маска показного равнодушия дрогнула, брови удивленно приподнялись.

— А тебе разве — все равно?

Аръель пожал плечами.

— Я собирался заглянуть к ней в ближайшее время, так почему бы не сейчас? Да и на тракте в одиночку небезопасно. Особенно тому, кто разбрасывается в тавернах золотыми монетами на глазах у солдат.

На губах мага промелькнула улыбка, быстрая и неяркая, как проблеск солнца в ноябрьский день.

— Об этом не беспокойся. Они не опасны... во всяком случае, не для меня. Но все равно, благодарю. А с твоей знакомой я охотно побеседовал бы, — добавил он после короткого молчания. — Наши знания о мире далеко не полны, и не стоит упускать возможность добавить к ним что-нибудь. Как говорят мудрецы, ничто не должно стоять на пути к совершенству.

— Ну так пойдёмте вперед, к совершенству, — весело сказал Аръель. Он уже предчувствовал новое приключение. Не упускать же такого замечательного и интересного человека! Да и нужно узнать наверняка, было проклятие или нет.

— Пойдем, музыкант. Только не обессудь, если найдешь меня неудобным попутчиком...

* * *

Бледное зимнее солнце, с трудом ползшее весь день над горизонтом, просвечивало сквозь частокол деревьев по сторонам дороги. По розоватому снегу тянулись длинные синие тени.

— Солнце скоро сядет, — заметил Арьель. — А до деревни еще далеко.

— Я предупреждал, что со мной рядом удача не ходит, — отозвался Нэль.

— Удача тут ни при чем. Не надо было торопиться после давешней метели. К тому же, первый день года... Эх, понесла меня нелегкая...

Он бы еще продолжал сетовать на собственную опрометчивость и нетерпеливость, но Нэль вдруг остановился и замер, к чему-то прислушиваясь.

— Нас догоняют всадники, — сказал он негромко. — Лучше сойдем с дороги.

— Всадники? — усомнился Арьель. — Я ничего не...

Но маг решительно потянул его в сторону. Пришлось умолкнуть и подчиниться. Они оба немедленно провалились в свежий, неулежавшийся еще снег. Арьель вопросительно взглянул на спутника, тот приложил палец к губам. Напрягши слух, Арьель уловил таки приглушенный перестук копыт, а спустя полминуты из-за поворота вылетели двое всадников в облаке снежной мглы.

— Не только нам не сидится в тепле у огня, — удивился Арьель. — Во летят, как только шею не свернут.

Верховые, в самом деле, гнали во весь опор, насколько позволяла толстая снеговая подушка. Но вместо того, чтобы промчаться мимо двух путников, смиренно отошедших в сторону, всадники вдруг резко осадил коней. Арьель присмотрелся и узнал двух наемников, накануне угощавших его в трактире. К спине как будто прикоснулись холодные скользкие пальцы. Вспомнились взгляды, которыми обменялись солдаты при виде золотого с королевским профилем... Сейчас всадники смотрели недобро. Хищно как-то смотрели.

— Ага, вот и наш молчаливый знакомец, — ухмыльнулся солдат, что сидел на серой пятнистой лошади. У него был свернутый набок нос. — И уже не один. Быстро ты нашел себе компанию!

— Золото еще и не на такое способно, — поддержал второй, стриженный в скобку, тот, который расспрашивал ночью Арьеля, нет ли продолжения у истории Проклятого. Он нагнулся в седле, присмотрелся и с удивлением воскликнул: — Ба! Да это же парень, который так славно пел сегодня ночью! Как видно, блеск золотых слишком заманчив даже для таких певчих пташек!

— А для вас? — негромко спросил Нэль. — Ведь это блеск золота поманил вас пуститься вслед за нами.

Он стоял спокойно, словно не замечая всадников на разгоряченных конях, которые так и напирала на него.

— Ну, раз уж ты знаешь, зачем мы здесь, — хохотнул кривоносый, — тем

лучше. Не придется долго языками трепать. Мы, понимаешь, хотим освободить тебя от лишнего груза. Золото — оно ведь тяжелое. К чему тебе надрываться? А мы едем верхами, нам ничего не стоит подвезти фунт-другой золотишка.

Нэль улыбнулся.

— Вы очень любезны, господа солдаты. Но с чего вы взяли, что у меня имеется, как вы выразились, золотишко?

— Хочешь сказать, что отдал нашему сладкоголосому другу последнюю монетку? — фыркнул стриженный. — Не верю я в людскую щедрость, приятель.

— Напрасно не верите...

— То есть, ты утверждаешь, что золота у тебя нет? я точно понял?

— Даже если б и было, я бы уж конечно не стал затруднять вас его перевозкой.

Первый раз в жизни Арьель видел наглость, которая настолько граничила с глупостью. И надеялся, что не увидит больше никогда.

— Что ж, — зловеще сказал кривоносый. — Не обессудь, парень, но мы чтой-то не верим. Придется тебя потрясти... А ты, музыкант, не бойся, ты свое золото честно заработал. Тебя не тронем. Только отойди в сторону, а то как бы не задеть.

Арьель не сдвинулся с места. И вовсе не из благородных побуждений, нет. Просто он опасался, что ноги выдадут его, стоит только сделать шаг, сразу колени подогнутся.

Солдаты спрыгнули с седел и сами убрали его с пути, бесцеремонно оттолкнули в сторону. Подступили к Нэлю. Только тогда он соизволил поднять на них глаза, глянул в упор.

— Господа, меньше всего на свете я хотел бы причинить вам вред. А потому убедительно прошу, давайте разойдемся с миром.

— Че-его-о?

Они настолько были уверены в себе, что даже не обнажили оружия. Думали, вероятно, что разберутся с тощим храмовником одной левой. Арьель тоже так думал. Оба солдата были выше Нэля по крайней мере на полголовы, а уж о разнице в ширине плеч и говорить не приходилось.

Нэль вдруг принял стойку наподобие той, в которую становится воин, готовясь отразить нападение противника. Только вместо оружия выставил перед собой руки. Арьель сразу понял, что сейчас будет. Быстро проговорив несколько коротких непонятных слов, Нэль взмахнул руками, проводя в воздухе извилистую линию. Солдаты пошатнулись и отлетели назад, словно их отбросила невидимая рука или сильный порыв ветра; они не удержались на ногах и повалились в снег. Испуганные лошади шарахнулись в сторону, всхрапывая.

— Могу я надеяться, что инцидент исчерпан? — ровным и нарочито официальным тоном поинтересовался Нэль.

Солдаты с руганью вскочили и одновременно дернули из ножен мечи. Преодолев оцепенение, Арьель бросился к лошадям и с силой хлопнул по крупу одну из них. Лошадь, которая и без того уже нервно прядала ушами, фыркнула и рванула в поле, увязая в снегу. Убежала следом за ней вторая или нет, Арьель не увидел — полетел на землю от оглушительного удара в ухо. На несколько секунд он, по-видимому, потерял сознание, потому как в эти мгновения все и разрешилось, а он так ничего не увидел и не понял. Когда ему удалось поднять отяжелевшую голову, первым делом он стал искать взглядом Нэля. Тот стоял, целый и невредимый, расставив ноги, и тяжело дышал, как после хорошей драки. Футах в тридцати от него ничком лежали оба солдата.

Арьель поднялся на колени, подождал немного, потом встал на ноги. Из носа потекло что-то горячее; во рту ощущался противный вкус крови.

— Не подходи! — выдохнул Нэль. — Стой. Обожди минутку.

Арьель сел на снег — так было легче. Осторожно провел языком по зубам. Вроде бы все целы.

Тем временем Нэль присел на корточки и, набрав пригоршню снега, окунул в него лицо. Арьель вдруг заметил, что его трясет. Через минуту маг стряхнул с ладоней мокрую снежную кашу и встал.

— Что вы... — Нэль быстро и выразительно вскинул на него глазами, и Арьель поправился. — Что ты сделал? — его взгляд против воли снова и снова возвращался к неподвижно лежавшим солдатам. Над ними поднимался странный дымок... или показалось?

— Слегка подпалил им задницы, — Нэль подошел к музыканту, наклонился, упершись руками в колени. Лицо у него было бледное, мокрое от снега. Влажные темные пряди волос прилипли ко лбу и щекам. Дышал он уже заметно спокойнее и почти не дрожал, только изредка по телу пробегала короткая судорога. — Ты как, сильно пострадал?

— Мелочи, — Арьель зачерпнул снег, помял его немного и приложил к переносице, запрокинув голову. — Они живы?

— Живы. Опамятуются раньше, чем успеют замерзнуть. Спасибо, что отвлек их. Если бы не ты, я мог бы и не успеть...

— Чего уж там.... — буркнул Арьель. От собственного поведения он в восторге не был. Струсил, растерялся... и ведь всегда так, когда становится жарко.

— Нам лучше убраться поскорее, — помолчав, сказал Нэль. — Пока эти ребята не очнулись. Ты идти можешь?

— Могу... — Арьель приподнялся, мир перед глазами провернулся вокруг оси, и Арьель снова поспешно опустился в снег. — Сейчас... только еще

посижу минутку...

— Позволь-ка...

Нэль прикоснулся холодными мокрыми пальцами к его скуле, переносице. Осторожно отвел в сторону руку с зажатым в ней комочком подтаявшего снега.

— Опусть голову. Ниже. Еще ниже. Вот так...

Кровь закапала на истоптанный снег.

— Что ты собираешься делать? — обеспокоено спросил Арьель.

— Помолчи, пожалуйста. И не двигайся.

Арьель, внутренне обмерев, на всякий случай зажмурился. С магией он еще лично не сталкивался, а Нэль, похоже, снова собирался задействовать магические силы.

Но ничего особенного не происходило. Арьель кожей чувствовал движение воздуха вокруг лица. Видимо, Нэль оглаживал его ладонями, не прикасаясь.

— Разве магией можно лечить? — прогнусавил музыкант. Переносицу покалывало тысячей крошечных иголочек, и это было почти приятно.

— Можно, — с заметным напряжением ответил Нэль после короткого молчания. — Только не каждый это умеет. Ну, вот и все... Теперь можешь поднять голову.

Арьель послушно выпрямился и осторожно открыл глаза.

— Гляди-ка, кровь остановилась, — проговорил он удивленно.

Нэль устало улыбнулся.

— Еще бы ей не остановиться... Ну, теперь пойдём.

— погоди! — спохватился музыкант. — Моя лютня...

— Вот, держи, — Нэль поднял и протянул ему зачехленный инструмент. — Кажется, цела.

После тщательного осмотра Арьель вздохнул с облегчением. В самом деле, цела! Он пристроил ее на плече.

Небо начинало темнеть. Показалась первая звезда. Спутники ускорили шаг, и уже в полной темноте вошли в деревню. Арьель втайне опасался, что солдаты нагонят их и, разъярившись, зарубят, на сей раз даже не сходя с седел. Но обошлось. То ли они так и не очнулись, вопреки заверениям Нэля, то ли не захотели еще раз связываться с человеком, который оказался им не по зубам, несмотря на беззащитный вид.

Они постучались в крайний дом, который выглядел победнее. Хозяйка встретила их неприветливо, но когда Нэль объявил, что он лекарь, и спросил, не нужны ли его услуги, смягчилась. Попросила посмотреть ее сильно отекающие ноги, а в благодарность дала им по ломтю подсыхшего овсяного хлеба и пустила переночевать в сенях. Возмущенный до глубины

души, Арьель промолчал только потому, что видел, с какой искренней серьезностью благодарил хозяйку Нэль. Музыкант начал подозревать, что связался с бессребреником. Оставалось удивляться, когда и как маг разжился золотыми монетами.

В сенях было холодно, почти как на улице, но хозяйка одолжила им по шерстяному одеялу. От них шел сильный резкий дух, но Арьель предпочел не задумываться, чем именно они пахнут.

— В доме было бы намного теплее, — проворчал он, закутываясь в одеяло.

— А в поле было бы намного холоднее, — парировал Нэль.

— Почему ты не настоял, чтобы эта тетка пустила нас в дом? Уж такой-то награды ты заслужил.

— Я вообще редко на чем-то настаиваю.

— Ну да, — с сомнением сказал Арьель, вспомнив сцену с солдатами. Точнее, снова к ней вернувшись — она так и не шла у него из головы. — Ты прямо сама уступчивость... Нэль, а почему ты просил меня не подходить?

Нэль долго молчал в темноте. Потом сказал тихо:

— Ты же знаешь, что случилось в Аркаре...

— Ну и? — не понял Арьель.

— Ну и, это был не первый и не последний раз, когда я не удержал заклинание. Конечно, разрушений таких масштабов больше не было, но... — он глубоко и медленно вздохнул. — Говоря короче, я боялся, что ударю и тебя.

— Ударишь? Чем?

— Магией, друг музыкант, магией. Это могло произойти против моей воли. Нужно время, чтобы усмирить поток, и на это уходит много сил.

Арьель поежился. И вовсе не от холода, и от мысли, что рядом с наемниками мог лежать и он... и точно так же дымиться.

— И все-таки ты лечил меня магией? А если бы...

Нэль коротко и сухо засмеялся.

— На лечение ушли сущие крохи. Я почти не прикасался к магии.

— Ну, а наша хозяйка? Ты дал ей какую-то мазь...

— В ней только травы, и вовсе не было никакой магии. Я умею обходиться и без нее.

— А часто вообще случается, что ты не удерживаешь заклинание? — осторожно спросил Арьель.

— Не хочу пугать тебя, — отозвался Нэль спокойным и ровным голосом, — но почти каждый раз. Извини, я очень устал сегодня. Давай спать.

Глава 2

Уже не раз Арьелю выпадал случай осесть при дворе какого-нибудь нобилия и начать беззаботную, сытую жизнь. Утром и днем бездельничать и щипать за щечки симпатичных камеристок, вечером брэнчать на лютне перед вельможным семейством, плотно кушать от господского стола, отращивать брюшко и, быть может, закрутить роман с молодой хозяйкой дома. Но все эти мирные картины домашнего благоденствия, в первые минуты мечтаний необычайно привлекательные, вгоняли Арьеля в тоску, стоило поразмышлять на эту тему немного подольше и представить, каково будет каждый день видеть вокруг себя одни и те же лица... одни и те же стены.

С людьми он сходилась легко (чему немало способствовало умение играть на лютне и бойко подвешенный язык) — и так же легко расходился. Старые знакомства приедались, и он уходил искать новых впечатлений.

На третий день знакомства с Нэлем он по-прежнему считал мага лучшим спутником из тех, которых могли послать ему Двенадцать. От этого человека, как ему казалось, нельзя устать. Нэль не надоедал пространными рассуждениями о мире, о людях, и о смысле жизни. Он редко заговаривал первым, предпочитал слушать, и при этом никогда не запирался в молчании, если его о чем-нибудь спрашивали. Правда, во время разговора он все время прятал взгляд, а Арьель любит смотреть собеседнику в глаза и угадывать за их прозрачным блеском невысказанные мысли. С Нэлем это не удавалось. Даже если и удавалось поймать его взгляд, невозможно было понять, о чем он думает. Глаза его обычно выражали не больше, чем два черных оникса.

Его личность пробуждала в Арьеле жгучее любопытство, и виновата в том была баллада, которую он сам же и сочинил. Основываясь на рассказах аркарских жителей, он не знал точно, что в ней правда, а что — вымысел. Нэль, к его досаде, о балладе ни разу больше не заговорил, и ни словом не обмолвился о происшествии в Аркаре. Он даже не объяснил, почему ухватился за упомянутое Арьелем проклятие, как за соломинку. Имелись ли у него причины думать, что его и в самом деле прокляли? Арьель не смел расспрашивать, боялся пробудить болезненные воспоминания. Да и знакомы они были не настолько долго, чтобы откровенничать друг перед другом.

* * *

— Вот мы и пришли, — выдохнул Арьель. Последние полчаса пришлось пробираться через бурелом, и он вспотел и покраснелся. Разумеется, к опушке от деревни вела натоптанная тропа, но Арьель самонадеянно решил срезать путь. А Нэль, при всей очевидной глупости этой затеи, почему-то не остановил его. Теперь он стоял рядом, в промокшем до колен балахоне, сложив на груди руки, и критически разглядывал избушку лесной колдуньи. Снежные хлопья где-то высоко вверху срывались с еловых ветвей и, падая, запутывались в его черных волосах.

Маленькая покосившаяся избушка на поляне выглядела бы нежилой, если бы не узенькая тропинка, которая убегала от двери в лес.

— Ты уверен, что здесь... живут? Очень уж неприветливое место.

Арьель пожал плечами.

— Мы же не в королевский дворец пришли. Здесь живут, уверяю тебя.

Они остановились у порога. Перекошенная входная дверь была под стать избушке в целом. Там и тут из щелей между досками торчала то ли солома, то ли пакля.

— М-да... — протянул Нэль, сощутив правый глаз. — Больше похоже на берлогу, чем на человеческое жильё. Да и то...

Он не успел договорить. Дверь распахнулась, и на пороге показалась рослая светловолосая женщина лет пятидесяти. На плечах ее лежала длинная, до пола, меховая накидка или плащ.

— Марика! — подался вперед Арьель.

— Ты сюда явился гостем незваным, — женщина вперила в Нэля холодный взгляд светло-серых глаз, а Арьеля как будто не заметила. — Так что будь любезнее, юноша.

Нэль низко поклонился, прижав руку к сердцу.

— Простите меня, госпожа. Я не хотел вас оскорбить.

Около минуты они стояли, сцепившись взглядами. Арьель сначала забеспокоился, но вскоре к нему пришло ощущение, что эти двое просто прощупывают друг друга на каком-то своем, недоступном ему, нематериальном уровне. Вдруг Марика качнулась и схватилась рукой за косяк. На лбу ее заблестели капли пота.

— Ты — маг? — выдохнула она резко. — Посвященный маг?

— Да, — просто ответил Нэль.

— Тогда что тебе тут нужно? Арьель? — она повернулась к музыканту. — Зачем ты привел его сюда? Ты умом рехнулся?

— Я пришел просить помощи, — опередил Арьеля маг.

— Помощи? У меня? — Марика недоверчиво нахмурилась. — Чем же я могу тебе помочь, маг?

— Марика, простопусти нас, пожалуйста! — взмолился, наконец, Арьель. — Нэль тебе все объяснит, правда.

— Ну что ж, заходите.

Она развернулась и ушла в дом, оставив дверь распахнутой. Музыкант легко подтолкнул Нэля в спину.

— Заходи скорее, пока она не передумала.

— Кажется, нас не слишком рады видеть, — пробормотал Нэль.

– Заходи, говорю тебе! – Арьель толкнул его посильнее.

Внутри дом казался больше, чем снаружи, несмотря на то, что повсюду были развешены пучки сушеных трав и расставлены горшочки со странно пахнущим содержимым. Арьель всегда подозревал, что в них хранятся сушеные лапки и хвостики невинно убиенных зверей и гадов, но уточнять не решался. Не ровен час, рассердишь хозяйку и сам окажешься разложенным по горшочкам. И будут из тебя мази готовить...

Нэль, уже позабыв, кажется, о нелюбезном приеме, с жадным любопытством оглядывался по сторонам, но ничего не трогал. Марика посмотрела на него и удивленно хмыкнула.

– Плащи можете снять, здесь тепло.

Сама она только немного приспустила меховую накидку с плеч. Ее гости послушно разделись и положили плащи на скамью. В очаге тлели алым угли, но в избушке в самом деле было не холодно. В одном из углов были накинаны звериные шкуры.

– Каким ветром тебя сюда занесло? – поинтересовалась Марика у Арьеля. Смотрела она, меж тем, на мага и не переставала хмуриться. – Надеюсь, на этот раз тебе ничего не покалечили?

Арьель смущенно кашлянул. Поминать глупую историю, на которую намекала Марика, казалось ему лишним. Особенно при Нэле.

– Я вполне благополучен, спасибо, что спросила, Марика.

– А твой друг, насколько я понимаю, отнюдь не благополучен. Иначе он сюда не пришел бы.

– Вы правы, – сказал Нэль.

– Ну и что же тебе от меня нужно... маг? Ты никак думаешь, будто я знаю больше тебя?

– Именно так я и думаю. Есть сферы, в которых познания и опыт магов бесполезны и бессильны.

Марика хмыкнула.

– Ишь ты, «сферы», – насмешливо протянула она. – Словам-то каким вас в храмах учат! Ну и какие же это сферы, к примеру?

Нэль никак не отозвался на насмешку. Ответил спокойно:

– К примеру, проклятия.

– Так-так! любопытно. Продолжай.

– У меня есть основания полагать, что я проклят.

– Но ты не знаешь наверное?

– Не знаю. Потому и пришел.

– Почему ты решил, что на тебе может лежать проклятье?

Нэль быстро взглянул на музыканта, тихонько усевшегося на лавку в углу.

— Арьель рассказал, будто... одна женщина прокляла меня за то, что я... погубил ее дочь.

Марика презрительно фыркнула.

— Арьель еще не то наплетет!

— Это не выдумка, — вмешался музыкант. — Любой в Аркаре знает о проклятии. Я лишь пересказал, что слышал.

— Слухи, сплетни, — с неудовольствием проворчала Марика. — Люди слишком много болтают. Ну и что это за проклятие?

С молчаливого согласия мага Арьель повторил слова, которые несколько дней назад впервые сказал Нэлю. Марика недоверчиво покачала головой.

— И как, что-нибудь сбывается?

— Шесть лет я скитаюсь по дорогам, — отрывисто ответил маг, — что-то гонит меня дальше и дальше, и не дает остановиться...

— Вот он, — Марика подбородком указала на музыканта, — шатается по свету без малого пятнадцать лет, и проклятие тут ни при чем... Ну, ладно. А скажи мне, юноша, как вообще посвященный маг оказался на дороге?

— Меня отлучили от гильдии.

— В таком-то юном возрасте? Что ты натворил?

— Это имеет какое-то значение?

С минуту Марика смотрела на него (и он выдержал ее взгляд), потом хлопнула ладонью по столу, стоявшему посреди комнаты.

— Ладно. Я погляжу, есть ли на тебе проклятие. Садись сюда.

Она вытащила на свободное место чурбачок, куда Нэль и сел. Пошла вокруг него, что-то нашептывая, легкими касаниями рук оглаживая темные волосы мага. Нэль выпрямился, застыл под ее руками. И, кажется, побледнел. Арьель из своего укромного уголка с любопытством наблюдал за происходящим. Марика обошла полный круг, потом опустилась рядом с чурбачком на колени, взяла Нэля за руки и принудила встать на колени возле нее. Она по очереди помяла его ладони, мимолетно сдвинув выше свободные рукава мантии и зачем-то осмотрев запястья, потом двумя пальцами коснулась его подбородка и заставила поднять голову. Долго-долго смотрела в глаза. Глубоко, прерывисто вздохнула и медленно поднялась. Отвернулась. Нэль тоже встал. В его лице, по-прежнему нарочито равнодушном, не было ни кровинки.

— Так что вы скажете? — а вот голос, в котором слишком явственно промелькнули нетерпеливые нотки, его подвел.

— Ты и впрямь проклят, маг, — запнувшись, ответила Марика. — И проклятие это редкой силы.

– Можно ли от него избавиться?

– Я не знаю. Ты хочешь получить ответ на этот вопрос?

– Да, – сказал Нэль. – Если это возможно.

Марика повернулась и посмотрела на него, ухватив в щепоть подбородок.

– Говоришь, тебя прокляла женщина, дочь которой ты погубил?

– Да.

– Мне нужно знать, что именно случилось.

– От этого зависит, будете ли вы мне помогать? – прямо спросил Нэль.

Марика молча кивнула.

– Хорошо... Я расскажу, – Нэль скрестил на груди руки, словно закрываясь от внимательного взгляда ведуньи. – Я... проводил опыт. Старшие запретили бы его, если б узнали, пришлось идти в лабораторию ночью, тайком. Со мной была эта девушка, она согласилась помочь.

– Она служила Богине? – Марика не могла скрыть удивления.

– Нет. Она... была мне как сестра. Наставники разрешали ей приходить в храм... ну, это долго рассказывать, – перебил сам себя Нэль. – Дело в том, что я был слишком самонадеян и совершил ошибку. Через меня пошел поток, с которым я не сумел справиться. Лаборатория загорелась, огонь разошелся по всему зданию, а затем перекинулся на соседние дома... Мне и моей помощнице чудом удалось выбраться из храма. Она получила сильные ожоги, но осталась жива. И даже поправилась... насколько это было возможно. Меня же... отлучили от братства, затем изгнали из города. Девушка осталась в Аркаре... а через какое-то время убила себя, – он помолчал и добавил явно с усилием. – Она... меня любила.

– А ее мать тебя прокляла, – закончила Марика. – Ну что ж... значит, эти ожоги у тебя на руках – память о том пожаре?

– Да. На руках и здесь, – Нэль коснулся груди. – Ну что? Этого достаточно? Вы мне поможете?

Марика немного помолчала, пощипывая нижнюю губу.

– Хорошо. Но мне нужна ночь и прядь твоих волос.

Нэль наклонил голову.

– Забирайте хоть все.

Взяв со стола ножницы, Марика не без труда (волосы были спутаны) отделила одну из черных прядей и быстрым движением лезвий отсекала ее. Едва она отняла руки, Нэль потянулся за бурнусом.

– Так я вернусь за ответом с утра...

– Вернешься? Куда же ты собрался?

– Переночую в деревне.

Арьель, разволновавшись, вскочил.

— До деревни час ходу, а то и все полтора! Марика, скажи ему!

Взглянув на него с непонятной усмешкой, Марика снова повернулась к магу.

— Скоро стемнеет. Сумеешь отыскать дорогу в темноте?

Нэль пожал плечами. Он все еще держал в руках свой бурнус, но надевать его не спешил, ждал чего-то.

— Попробую.

— Нет уж, — решительно сказала вдруг Марика. — Никуда ты не пойдешь. Устрою тебе постель, переночуешь у меня.

— Благодарю, госпожа, — поклонился Нэль. Марика поморщилась.

— Прекрати расшаркиваться. Я такая же госпожа, как и ты господин... маг.

Арьель понял, что пришла пора напомнить о себе, иначе придется в одиночестве топтать до деревни.

— Марика, а как же я? выставишь за дверь на ночь глядя?

— Да уж тебя выставишь... Оставайся и ты.

Когда стемнело, Марика подложила в очаг поленьев и повесила над огнем котелок, полный снега. Вскоре он растаял, вода закипела. Марика кинула по горсти сушеных ягод в три глиняных грубых кружки, залила кипятком. А в котелок набросала трав и еще, из маленького горшочка, чего-то черного и скрюченного. Нэль, прихлебывая ягодный чай, внимательно наблюдал за ней и как будто что-то отмечал про себя.

Взвар в котелке вскипел, и по избушке поплыл странный запах — травянистый, вяжущий, горький. У Арьеля, который прикорнул было у очага на шкуре, притащенной из угла, защипало глаза и запершило в горле. Не вытерпев, он вскочил, накинул плащ и вылетел за дверь. Вслед донесся голос Марики: «Возвращайся через полчаса, все уже выдохнется!»

— Хотелось бы знать, что такое это «все», — буркнул Арьель. — И чьих трупики она туда накидала... Впрочем, нет, лучше не знать.

Чтобы не стоять и не мерзнуть, он принялся ходить по тропинке взад и вперед, прислушиваясь к скрипу снега под башмаками и к тишине уснувшего леса. В небе, в прогалках меж еловых ветвей, мерцали крупные зимние звезды. Минут через пять дверь бесшумно отворилась, и с порожка в снег легко соскочил Нэль.

— Что, тоже не выдержал?

— Да, запах у нее там... — Нэль неопределенно покрутил рукой в воздухе. — Да и лучше ей сейчас не мешать.

— А ты знаешь, что она делает? — с любопытством спросил Арьель.

— Только приблизительно.

Нэль завернулся в плащ наподобие летучей мыши и встал, прислонившись к

стволу растущей у тропинки высокой ели. Арьель подошел ближе.

— А сам ты мог бы сделать то же самое?

— Нет.

— Почему? Я думал, маги сильнее, чем ведуны.

Нэль покачал головой.

— Дело не в том, сильнее ты или слабее. Это не имеет значения. Важно, как ты управляешься с силой, которую ты через себя пропускаешь... В храмах нас учат подчинять магию с помощью жестов и вербальных формул; ну а такие, как Марика, во всем полагаются на интуицию. Они не противостоят потоку, не пытаются его обуздать, а сливаются с ним. Это опасно, некоторые погибают... Нужно быть очень смелым человеком, чтобы раз за разом сознательно отдаваться во власть магической стихии.

Арьель тактично промолчал. Если он правильно понимал, в Аркаре произошло именно это: Нэль открылся магической силе, вступил с ней в противоборство... и проиграл.

Когда они вернулись в избушку, запах и впрямь выдохся. Варевое в котле мирно побулькивало, а Марика стояла над ним с деревянной поварешкой в руке — ни дать, ни взять хозяйка, стряпающая суп. меховую накидку она все-таки сняла, и осталась в простом шерстяном платье, вокруг шеи в несколько рядов обвивалось ожерелье из мелких речных ракушек.

— Ложитесь там, — не отрывая сосредоточенного взгляда от котелка, она ткнула поварешкой в дальний угол, где были грудой навалены шкуры.

Арьель охотно последовал приглашению и нырнул в мех, закутавшись по самый нос. Лютню осторожно уложил рядом.

— Нэль, а ты что же? — позвал он.

— Я пока посижу, — Нэль сел с краю, подтянул к груди колени, обхватил их руками. Марика искоса глянула на него:

— Не спится, маг?

— Не спится...

Арьель тоже никак не мог толком уснуть. В эту ночь сон был похож на рваную тряпку — серый и пыльный, он накатывал и обрывался, в нем сплошь зияли огромные дыры. Арьель беспокойно ворочался. Только-только на него снисходила дрема, как из нее немилосердно вырывали приглушенные голоса Марики и Нэля. Против воли музыкант начинал прислушиваться к обрывочным фразам, и сон бежал.

— ...вот тут нужно ртутное зеркало, — это Нэль, необычно возбужденный, Арьель такого голоса у него еще не слышал.

— ...где я тебе ртуть возьму? Смотри сюда... наливаешь воду...

— ...а если вот так?

— ...не трогай! И чему тебя только в храме учили, маг?..

Непонятное бормотание, и приглушенный короткий вскрик:

— А, Безымянный!

— ...говорила я тебе — не трогай!

И чем они занимаются среди ночи? сонно подумал Арьель.

— ...подойди ближе... дай руку... теперь читай... — полная абракадабра минуты на две.

Долгое молчание и тихий голос Нэля.

— Лучше не надо, Марика.

— ...я помогу...

— ...ты?..

— ...сомневаешься? не бойся, я сильная...

— ...нет...

— ...да чего ты боишься?..

— Нет, я сказал!

И дверь, которая до того открывалась и закрывалась совершенно бесшумно, грохнула так, что стены содрогнулись.

— Проклятье! — с чувством сказала Марика в полный голос.

Арьель, сонно щурясь, сел среди шкур. Действительно, проклятье. Человеку поспать не дают.

Комната погрузилась в полутьму, лишь тускло святился красным глаз очага. Возле него, сгорбившись и подтянув колени к груди, сидела Марика.

— Тебе тоже не спится? — спросила она, не оборачиваясь.

— Ага... С вами разве поспишь? — Арьель без стеснения зевнул. — Болтаете, как сороки, покоя от вас нет. Чем вы занимались?

— Да так... выясняли кой-чего. Тебе нелюбопытно будет.

— Хм. А где Нэль?

— Ушел.

— Куда?! Ночь на дворе!

— Почему мне знать, куда? — огрызнулась Марика. — Встал и ушел. Дверь чуть мне не порушил... Да успокойся ты! — цыкнула она на Арьеля, который нервно выпутывался из-под меховых одеял. — За ним, что ли, бежать собрался? Никуда он не денется, вернется. Погуляет, остынет и вернется.

Арьель все-таки выбрался из постели и подошел к очагу. Уселся на корточки рядом с Марикой, заглянул ей в лицо.

— Да что с ним случилось-то?

— Эх... как тебе объяснить-то... — проворчала Марика. — Он же сказал, что из гильдии его выставили. А гильдия — это ж не один храм, это вообще все братство. Ни один маг с ним говорить не будет. Понимаешь? Пять лет, и ни словом ни с кем из своей братии не перемолвиться. Несладко это, когда некому слово сказать о самом важном.

— А тут ты встретила, — понимающе кивнул Арьель.

— Ага. Я, конечно, не маг. Такие, как я, в их понимании, то есть у храмовых-то, вроде как недоделки. Но он-то и этому обрадовался... — Марика поморщилась, покачала головой. — Жаль парня. Поболтали мы с ним немного. И предложила я ему одно заклинание попробовать. У меня-то одной — какая сила, а вместе с храмовым колдуном, думаю, все должно получиться. Стала его уговаривать... а он уперся — нет, мол, и все тут. А у самого, вижу, аж руки дрожат, так ему охота попробовать. Я давай настаивать, и так его, и этак уламываю. А он встал и ушел. Боится, значит. Себе не верит. Ох, плохо это для нашего брата, когда себе не веришь... Он вообще-то колдует? Ты видел?

— Видел... — Арьель, подумав, рассказал про стычку с солдатами в первый день знакомства, и про то, как Нэль после его лечил. — Но это все. Больше он при мне не колдовал.

— Плохо, плохо... — снова проворчала Марика. — Крупно он, видать, напортачил, если даже свои от него отказались. А у них, у храмовников-то, я слыхала, друг за друга все крепко стоят. Э-хе-хе... — она поскребла пятерней в соломенных густых волосах, покосилась на Арьеля. — Шел бы ты спать, пташка певчая. Надо мне и делом уже заняться.

* * *

Нэль объявился на рассвете. Молча встал на пороге, оглядел комнату. Вид у него был бледный, замерзший и уставший, но в остальном он казался спокойным, как обычно.

— Доброе утро, — сказал он негромко.

— Доброе, — отозвалась из-за стола Марика. — Иди сюда, юноша. Ты как раз вовремя.

Нэль молча сел напротив нее, сцепил на коленях пальцы в замок. Смотрел он по своему обыкновению, не на собеседника, а в стол. Марика пододвинула ему исходящую паром кружку. Арьель, затаив дыхание, глядел на них обоих. Страшно было, как бы не выставили за дверь. Предстоящий разговор, по большому счету, касался только Нэля — а никак не его. Но на него не обращали внимания.

Марика через стол подалась к магу.

— Не могу я снять с тебя проклятие. И никто не сможет. Кроме...

– Кроме?.. – Нэль быстро вскинул на нее глаза.

Марика поморщилась, как будто ей неприятно было говорить об этом.

– Есть проклятия, освободить от которых может только тот человек, который их наложил. Если, конечно, он сделал это с умыслом. Невольные проклятия хуже всего... Так вот, эта женщина может отозвать свое проклятие... если простит тебя. А уж как получить прощение – твое дело.

Нэль резко выпрямился.

– Просить о прощении? Марика... если бы у тебя была единственная дочь, и я погубил бы ее, а после с покаянием пришел просить о прощении... Что бы ты сделала?

Марика долго молчала, пристально на него глядя. А он, вопреки обыкновению, не отводил глаз. И впервые за все дни знакомства Арьель заметил в них что-то живое. Отчаяние? Надежду? В остальном же лицо его оставалось неподвижным, как у фарфоровой куклы. Арьель снова поразился тому, как он умеет владеть собой.

– Я не знаю, – наконец, неохотно выговорила Марика. – У меня никогда не было дочери, я не знаю, что чувствует мать, потерявшая дитя. Может быть, она тебя и простит. А может быть, проклянет вторично, да и прогонит прочь.

– Вероятнее всего, что прогонит, – тихо сказал Нэль. – Но выбора у меня нет, не так ли?

– Выбор есть, – возразила Марика. – Жил же ты с проклятием до сих пор, проживешь и дальше.

Нэль сжал кулаки, резко наклонил голову и уткнулся в них лбом.

– Да, – сказал он сквозь зубы. – Проживу, конечно.

– В любом случае, – рискнул подать голос Арьель, – ты не можешь вернуться в Аркару.

– Почему? – глянула на него Марика.

Маг молчал, поэтому Арьель осмелился объяснить сам:

– Нэлю запретили возвращаться в город под угрозой смертной казни.

– Ах вот что, – с непонятым выражением сказала Марика. – Ну, тогда... тогда слушай, что я тебе скажу, маг, – Нэль приподнял голову, глянул вопросительно. – Я долго думала... это проклятие, вернее, первая его половина, оно не вне тебя, а внутри. Власти над внешними обстоятельствами, сколько я понимаю, у него нет. А значит, с ним можно бороться.

– Как?

– Идти наперекор. Ломать себя – а значит, его. Оно будет тащить тебя с места, а ты – упираться. Понимаешь?

— Кажется, да, — медленно проговорил Нэль.

— Принуди себя сидеть на одном месте. Тяжко будет, тошно, даже, может быть, больно, но ты не уступай.

— Я понял, — повторил Нэль. — Спасибо тебе за совет. Но что насчет второй половины?

Марика мотнула головой.

— Здесь ты ничего не можешь поделать. Те, кого ты полюбишь, будут тебя избегать. Но выбор есть и здесь. Ты можешь... никого не любить или все-таки просить о снисхождении ту женщину, которая тебя прокляла.

Нэль кивнул и поднялся, упираясь ладонями в столешницу.

— Спасибо тебе, Марика. Что я должен тебе за труды? Назови цену.

— Ты уже расплатился сегодня ночью, — кривовато улыбнулась она. — Твои советы мне очень пригодятся, маг. Но разве ты уже уходишь?

— Да... Ухожу.

— Можешь пожить у меня, если хочешь, — предложила Марика, и Арьель уставился на нее в крайнем удивлении. Сколько он знал ее, предложением погостить она делала огромную честь почти незнакомому ей человеку. Нэль не мог бы чувствовать себя более польщенным, получи он приглашение пожить в королевском дворце.

Но маг покачал головой.

— Спасибо тебе и за это, Марика. Но мне нужно идти.

— Куда же?

— Куда-нибудь, — сказал Нэль. — Не все ли равно? И я подумаю над тем, что ты сказала.

— В таком случае, удачи тебе, маг, — она неспешно подошла к нему и по-матерински поцеловала в лоб. — И пусть будет с тобой милость Гесинды.

Нэль вымученно улыбнулся, и на этот раз в глазах его промелькнула настоящая, неприкрытая боль; Арьель не мог ошибиться.

— Милости Гесинды нет со мной вот уже шесть лет, Марика.

Арьель выскочил из избушки следом за магом, на ходу поправляя на плече чехол с лютней. Нэль коротко взглянул на него, но ничего не сказал и не спросил.

Тропинка выходила на дорогу футах в трехстах от перекрестка, где стоял деревянный столб с указателями. Вместе молодые люди дошли до него и остановились.

— Давай прощаться, музыкант, — сказал Нэль. — Здесь наши пути расходятся. Спасибо тебе за все.

— Тебя уже утомило мое общество?

Нэль улыбнулся и положил руку ему на плечо.

— Нет, что ты. Боюсь однако, что мое общество тебе изрядно надоело. Кроме того, я ведь даже не знаю, куда пойду.

— Ну и что? Я никогда этого не знаю, — возразил Арьель. — Да и какая разница, куда идти? Марика не зря говорит, что я неприкаянный, и что у меня бродячая душа.

— И ты пятнадцать лет шастаешь по свету, — с усмешкой добавил Нэль. — Кажется, вы давно знаете друг друга?

— О, очень давно. Марика меня с младенчества нянчила. Что? — он с улыбкой встретил удивленный взгляд мага. — Трудно представить, что я вырос в лесу? Обещаю, что как-нибудь расскажу о себе... если, конечно, раньше не утомлю другими историями.

— Что ж... я буду рад твоей компании. И, право, я был бы сущим безумцем, если бы стал гнать человека, который пожелал путешествовать со мной вместе. Раньше я думал, что одиночество мне никогда не прискутит, — задумчиво добавил Нэль. — Но за последние годы досыта его нахлебался...

— Одиночество — скверная штука, — подтвердил Арьель и поднял голову к указателям. — Ну так куда пойдём? Смотри, вот указатель на Карнелин. Хороший город, богатый. И музыку тамошние горожане ценят. Приходилось тебе бывать в Карнелине?

— Нет, никогда. Да я и в Медею только-только вернулся.

— Карнелин в Наи, — поправил Арьель. — Правда, на самой южной границе... А ты на юге долго жил, да? Поэтому и глаза... — он пальцем мазнул себя по нижнему веку.

— Да, привык за пять лет. Там мужчинам без этого нельзя, неприлично... Хм... — он обошел вокруг столба, вчитываясь в надписи. — Здесь и указатель на Аркару тоже есть.

— Не ходил бы ты туда... — тихо сказал Арьель.

— К сожалению, я родился не с бродячей душой, — грустно улыбнулся Нэль.

Он ничего больше не добавил, но Арьель и так понял все, что он хотел сказать. И про то, что Аркара — его дом, по которому он тоскует; и про то, что так или иначе в Аркаре все закончится. Вероятно, он и в Медею вернулся, имея в виду как-нибудь покончить с бродяжничеством. Да и дышится в родных краях всегда легче, это Арьель по себе знал.

Возвращение в Аркару, правда, могло обернуться для мага бедой. Но Арьель решил, что не станет пока его отговаривать. Путь до Аркары неблизкий, случиться может все, что угодно.

И, конечно, Арьель не мог не думать о том, что не иначе как Двенадцать

послали ему чудесную возможность завершить балладу о Лионеле из Аркары, Лионеле Проклятом. Кто еще мог бы похвастать, что сопровождал в странствиях человека, о котором ходят легенды?

Глава 3

На старшую дочку трактирщика Арьель обратил внимание сразу. Очень уж хороша была девица — высокая, статная, с узкой талией и широкими бедрами. Да еще длинная соломенная коса, яркие сочные губы и томные синие глаза.

— Смотри-ка, вот так красотка, — он локтем толкнул в бок Нэля, который задумчиво отламывал от ржаного ломтя кусочки и отправлял их в рот. — Вон та, синеглазка. Настоящая сдобная булочка!

Нэль усмехнулся.

— И смотришь ты на нее, как на булочку, будто хочешь съесть.

— А я и хочу, — подтвердил Арьель.

— А признайся-ка, частенько тебе прилетало от сердитых папаш и мужей?

Арьель фыркнул.

— Я быстро бегаю. На что спорим, что сегодня ночью я откушу от этой булочки?

— Даже и спорить не стану...

— Правильно, все равно проиграешь.

Арьель прекрасно знал, что женщины находят его привлекательным, и потому несколько не сомневался в успехе задуманной операции. К тому же он умел сладко и убедительно льстить, и при нем была лютня!

С Нэлем насчет женского пола у них существовало молчаливое соглашение. Маг женщинами, кажется, вовсе не интересовался, и они платили ему взаимностью — то есть не обращали ровно никакого внимания. Однако же приятелю он не мешал развлекаться, и никогда не комментировал его приключения — то ли из соображений такта, то ли ему просто было все равно. Арьеля такой подход вполне устраивал.

Покончив с ужином, он развернул боевые действия. Синеглазка, едва ли выдавшая в жизни хоть кого-то интереснее и привлекательнее деревенских увальней, от которых вечно пахло навозом, ломалась и изображала недотрогу недолго. Несколько значительных и жарких взглядов, пара-тройка чувствительных баллад на радость собравшейся публике (заодно и монет в кошельке прибавилось) — и красавица согласилась встретиться с ним на задней лестнице, когда народ из зала разоидется. Нэль, наблюдая тактические ходы приятеля, усмехался и молчал.

Ждать пришлось долго. Арьеля начинало тянуть в сон, и он то и дело выходил во двор, чтобы освежиться и потереть лицо снегом. Уже и Нэль,

назвав его ненормальным, ушел в комнату спать. Но наконец, желанная минута наступила.

На лестнице было темно, а воздух казался густым и жирным от наполнявших его не слишком изысканных запахов с кухни. Не самое подходящее место для романтического свидания, но Арьель не стал придирааться. Он только надеялся, что в ближайший час никому не вздумается воспользоваться черным ходом. Особенно — отцу девушки. Арьель хоть и сказал магу, что быстро бегают — и ничуть не погрешил против истины, — но иногда все же возникали накладки. Случалось, что и поколачивали.

Четверть часа шептания в розовое ушко сентиментальной чуши — и синеглазка сдалась окончательно. До чего же все-таки легко окрутить женщину, думал Арьель, пока его руки потихоньку подбирались к заветной цели. Особенно такую вот деревенскую дурочку. Самое главное, что это ничего не стоит, кроме ожерелья искусно нанизанных слов! Городские красавицы, конечно, привередливее, с ними так просто не сладишь, но и на них находился подход.

— Ай, господин! — пискнула синеглазка, когда он на пробу легонько ухватил ее за грудь. Он тут же закрыл ей рот поцелуем. Губы были сладкие, словно медовые. Свободной рукой Арьель потянул кверху юбку... И тут на лестнице послышались быстрые шаги. Синеглазка взвизгнула уже не шутя, а на Арьеля кто-то грубо налетел, толкнув плечом.

Музыкант уже ожидал воплей и ругани, и готовился сигануть через перила и раствориться в темноте, но вдруг услышал, как молодой голос проговорил:

— Простите. Я не хотел так грубо прерывать вас, но мне совершенно необходимо задать один вопрос.

Арьель, который понял, что его настиг не разгневанный отец девицы, и что скандала не будет, слегка воспрянул духом. В нем даже начало закипать возмущение.

— Вы с ума сошли? — вскричал он — впрочем, приглушенно, чтобы не привлечь внимания прислуги. — Что вам надо?

— Повторяю, мне нужно задать вам вопрос.

— Ночью?

— Иначе никак не получалось застать вас одного.

— Но я не один! — задохнулся от возмущения Арьель. — Что вы себе позволяете?!

— Я хотел сказать — не получалось застать вас без вашего спутника.

Арьель насторожился. Незнакомец, судя по дыханию, стоял совсем близко, и музыкант на всякий случай осторожно отодвинулся. Дурацкая ситуация! Он почти желал, чтобы на лестнице появился кто-нибудь из прислуги, и желательно — с лампой в одной руке и крепкой скалкой — в другой.

— Послушайте, что вам надо? мы с вами знакомы?

— Нет, и знакомиться нам необязательно. Скажите только, вашего спутника зовут Лионель из Аркары?

— Ка...кого спутника?

— Того, с которым вы сегодня вечером пришли в деревню. У него рябое лицо, темные волосы и черные глаза. И он носит храмовый балахон. Его имя — Лионель из Аркары? Отвечайте!

Невидимый собеседник подступил ближе, и в его голосе прорезались нетерпеливые нотки. И еще от него повеяло опасностью. Арьель судорожно переглотнул.

— Кто вы вообще такой?

— Его старый знакомый. Я только хочу знать, что не ошибся. Да или нет?

Вероятно, «старый знакомый» задумал что-то дурное, иначе не стал бы дожидаться ночи и пугать людей на узкой темной лестнице, а вышел бы к Нэлю и поговорил. Рассудив так, Арьель потихоньку начал нашаривать ногой следующую ступеньку. Если повезет, и он сумеет бесшумно подняться по лестнице... Его схватили за плечо, и он ахнул.

— Судя по вашему молчанию, я не ошибся. Спасибо и на том. Еще раз простите, что потревожил.

Рука с плеча исчезла, по лестнице вниз простучали быстрые легкие шаги. Арьель перевел дыхание и через ступеньку помчался вверх, напроць забыв про синеглазку. Впрочем, ее уже и след простыл.

* * *

— Нэль, проснись!

Арьель уже отлично знал, что спросонья маг бывает раздраженным, а иногда и откровенно злым, но все-таки решил рискнуть и разбудить его. «Старый знакомый» здорово его напугал.

— Ты чего? — Нэль с трудом оторвал взлохмаченную голову от подушки. — Случилось что-нибудь?

— Еще нет. Но может.

— Не понимаю... Тебя что, папаша с красоткой прихватил?

Арьель мотнул головой и на одном дыхании поведал о столкновении на лестнице. Сев на кровати, Нэль слушал, хмурился и медленно просыпался.

— Ты лицо его рассмотрел?

— Да я вообще его не видел! Темно же было, как у Борона в за... хм.

Нэль потер щеку, на которой еще оставались рубчики от подушки.

— Даже не знаю, кто бы это мог быть. В этих местах я впервые...

— Он сказал, что старый знакомый, — напомнил Арьель. — И он знает твое полное имя.

- Да, правда. А что, если... — задумчиво протянул Нэль, и тряхнул головой.
- Нет, таких совпадений не бывает...
- Ты о чем?
- Неважно.
- Он опасен?

Нэль улыбнулся.

- Может быть. Но не для меня.
- Нэль... — встревожено сказал Арьель. Он уже не в первый раз задавал себе вопрос, почему так прикипел сердцем к этому человеку, которого знал меньше месяца, и почему его так тревожит судьба мага.
- Я сумею защитить себя. Если будет нужно, прибегну к магии.
- Хрен редьки не слаще... — вздохнул музыкант. — Может быть, лучше нам все же уйти?
- Прямо сейчас? Нет уж. Не собираюсь я среди ночи никуда идти. Если этому человеку я нужен, пусть приходит, поговорим.

И Нэль, как ни в чем не бывало, вернулся в постель. Завалился ничком и лицо отвернул к стене. Но Арьелю почему-то казалось, что он не спит, а смотрит в темноту. И думает. Несколько раз музыкант его окликал, но он не пошевелился. Может, все-таки спал?

* * *

Нэль просыпался не только трудно, но еще и поздно. Ранний подъем был для него пыткой. Правда, он и ложился далеко за полночь. Если останавливались в трактире, и если в снятой комнате оказывался стол или сундук, то Нэль немедленно раскладывал на нем какие-то густо исписанные бумаги, которые таскал в тубе в своей сумке, и погружался в чтение. Иногда он что-то помечал в них, иногда дописывал несколько строк. Засыпая, Арьель видел его освещенный свечой острый мальчишеский профиль и слышал поскрипывание пера. Наутро пальцы мага были все в чернильных пятнах. Арьелю очень хотелось хоть одним глазком заглянуть в его записи, но он подозревал, что не разберет ни слова, очень уж почерк у Нэля был дерганный и путанный.

Если же ночевали в крестьянском доме, и писать не было возможности, маг просто мог просиживать часы напролет, обхватив руками колени, и думать о чем-то. Впрочем, может быть, он в такой неудобной позе спал. Во всяком случае, глаза у него были закрыты, и на оклики Арьеля он никак не реагировал.

Остаток ночи после неудавшегося свидания прошел беспокойно. Арьель так перевознолся, что не смог уснуть; он сидел у окна, считал звезды и только с завистью поглядывал на Нэля, который не пошевелился до самого утра. Проснувшись же, маг с обычным своим спокойствием умылся, выбрился,

оделся и даже не забыл про маленькую баночку, где хранилась черная краска для глаз.

— Ты уже не на юге, — заметил Арьель, наблюдая, как он пальцем накладывает краску на веки.

— Ну и что?.. — безмятежно откликнулся маг, и возразить на это было совершенно нечего.

Арьель помолчал.

— Хочешь, я пойду вперед и узнаю у хозяина, не спрашивал ли кто о тебе?

— Не стоит, — Нэль тщательно приладил крышку на место. — Пойдем вместе.

Навстречу проскочила, вперив глаза в пол, синеглазая дочка трактирщика. При виде Арьеля она покраснела, прижалась к стене. Музыкант подмигнул ей и послал воздушный поцелуй. Став совершенно пунцовой, девушка пискнула и убежала.

Общая зала пустовала. Только у очага, далеко протянув длинные ноги, в деревянном кресле дремал какой-то человек. Арьель покосился на него с опаской. Он или не он? Не понять. Скажи он хоть слово, и Арьель тут же сориентировался бы. Память на голоса у него была идеальная. На лица тоже неплохая, но что толку, если все равно лица собеседника он не видел?

Нэль подошел к хозяину, чтобы расплатиться. Арьель попеременно поглядывал то на него, то на дремлющего парня, и медленно подвигался к очагу. Вскоре он смог разглядеть лицо мужчины. Выглядел он чуть постарше Нэля, был при оружии, но без доспеха, и на солдата не походил. Русые волосы, стриженные необычно коротко, не закрывали даже ушей, и музыкант недоуменно нахмурился: даже если ты не нобиль и не храмовник, нужна очень веская причина, чтобы так себя оскандалить. Нэль как-то обмолвился, что при отлучении от братства ему остригли волосы; позор был страшный.

Стоило только подумать о Нэле, как тот возник за плечом и шепнул музыканту в ухо:

— Это он.

— Кто? — вздрогнул Арьель.

Молча и напористо маг повлек его из залы во двор, и только там ответил:

— Ты с ним говорил ночью.

— Откуда ты знаешь?

— Узнал его. Он ведь правду сказал, что мы давние знакомцы... — Нэль то ли улыбнулся, то ли скривился. — Да и ты про него слышан.

— Я?

— Чудовищное совпадение, друг музыкант, — задумчиво продолжал Нэль. — Там, за стеной, сидит еще один герой твой баллады.

– Что? – встрепенулся Арьель. – Я говорил с женихом Лионетты?

– Строго говоря, женихом он ей не был. Увы. А зовут его Ивон. Странно, что в твоей балладе не звучит его имя. Исправь это упущение.

– Кхм! – музыкант даже поперхнулся. – Я... подумаю над этим. Но что ты собираешься делать теперь?

– Вернуться и поговорить.

– С ума сошел? Он же тебя ищет, чтобы убить!

Нэль качнул головой.

– Наверное мы этого не знаем. Видишь ли, шесть лет назад он вряд ли был способен кого-то убить. Он... он даже ударить меня не смог. И, насколько мне известно, никогда не держал в руках оружия, кроме тех арбалетов, которые помогал мастерить отцу Лионетты.

– Однако теперь у него при себе меч, – напомнил Арьель.

– Да, я видел. И поэтому прошу тебя: что бы между нами не вышло, не вмешивайся. Даже если покажется, что мне угрожает опасность.

Его тон показался музыканту обидным.

– Боишься, что буду путаться у тебя под руками и мешать? – запальчиво спросил он. – Так, да?

– Нет, не так. Боюсь, что угодишь под мой удар. Поэтому лучше подожди здесь, пока мы будем... беседовать.

– Ну уж нет...

– Тогда держись от меня как можно дальше. Я серьезно говорю, Арьель. Вовсе не обязательно, что между мной и Ивоном выйдет ссора. Но я не хочу, чтобы ты... пострадал из-за меня.

Для виду Арьель согласился. Но про себя решил, что если начнется драка, в стороне он не останется, и Нэля в трудном положении не бросит.

Он сел у дальней от очага стены и наблюдал, как маг пересек залу и встал перед Ивоном, загородив огонь. Ивон тут же выпрямился и подтянул ноги. Довольно долго они молча смотрели друг на друга, и Арьель дорого бы дал, чтобы увидеть в тот миг их глаза.

– Ну, здравствуй, Ивон, – произнес Нэль после вечности молчания. – Рад видеть тебя живым и невредимым.

– Я тебя «здравствуй» не скажу, Поджигатель, – резко ответил Ивон, и Арьель вздрогнул, узнав голос. Только сейчас в нем сквозила холодная ярость. – Потому что здравия тебе не желаю. Но видеть тебя тоже рад.

– Ночью ты напугал моего друга, – продолжал Нэль. – Зачем? Мог бы сразу ко мне подойти.

– Я не был до конца уверен, что это ты.

– Да неужто?

– Не ожидал, что ты станешь размалевывать глаза, как гулящая девка.

Нэль спокойно смотрел на него, никак не отреагировав на оскорбление.

– Зачем ты меня искал, Ивон?

– А ты не догадываешься?

– Догадываюсь, вообще-то. Но, хочу сказать, из твоей затеи ничего не выйдет. Допустим даже, что ты в совершенстве освоил науку фехтования – а ведь еще шесть лет назад ты не знал, с какой стороны держаться за меч, – уж не думаешь ли ты, что я позволю себя убить?

Зашипев сквозь зубы, Ивон вскочил – и оказался на полголовы выше Нэля.

– Как я обращаюсь с мечом – ты увидишь! И очень скоро! Что до позволения убить – думаешь, оно мне нужно?

– Наверное, нет. Если ты готов убить безоружного.

И Нэль развел в сторону руки. На поясе у него не было даже кинжала.

– Вот не надо прикидываться беззащитным, колдун! Мы оба знаем, чего ты стоишь на самом деле.

– Так ты и вправду сможешь меня ударить, Ивон?

– Смогу, не сомневайся. Очень жалею, что не ударил тебя раньше... когда Стрекоза была жива.

– Да, помню, тебе очень хотелось, – согласился Нэль. – Если бы ты тогда решился, все могло пойти по-другому.

– Не пытайся свалить на меня вину, – мрачно сказал Ивон. – Ты и только ты виноват в ее смерти... между прочим, откуда тебе об этом известно?

– Добрые люди рассказали, – ответил Нэль.

Повисло молчание. Арьель сидел, боясь пошевелиться. У противоположной стены за стойкой замер трактирщик. Он напряженно вглядывался в молодых людей; как видно, он очень боялся драки и беспокоился за сохранность мебели.

– Ах ты сукин сын, – наконец, тяжело, сквозь зубы, проговорил Ивон. – Тебе всегда было наплевать на нее. Ведь так?

– Ты ошибаешься, – мягко сказал Нэль. – Лионетта была для меня как сестра.

– Так почему же ты без колебаний пожертвовал ею ради своей проклятой магии?!

– Не нужно громких слов, Ивон, – попросил маг. – Поверь, я горько сожалею, что все так обернулось.

– Сожалеешь?! Ты – сожалеешь?! – тяжело дыша, Ивон надвигался на него – такого спокойного, такого бесстрастного. Трактирщик за стойкой встрепенулся.

— Господа, господа! — вскричал он, заискивающе сложив на груди маленькие пухлые ручки. — Умоляю вас, не нужно беспорядков! Только не здесь!

Нэль бросил в его сторону короткий взгляд.

— В самом деле, Ивон, не хотелось бы доставлять этому доброму человеку неудобства. Давай закончим разговор во дворе.

Второго приглашения Ивону не потребовалось. Широкими шагами он направился к двери, Нэль пошел следом. Поравнявшись с Арьелем, он ободряюще улыбнулся и подмигнул, как будто музыканту, а не ему самому, требовалась поддержка.

Чтобы не беспокоить хозяина и его дочерей, вышли со двора на дорогу. Арьель тащился шагах в десяти за соперниками и чувствовал себя ужасно глупо. Больше всего ему хотелось догнать Нэля, схватить его за руку и... что делать дальше, он не знал. Но уже почти не сомневался, что с миром старые знакомцы не разойдутся. Нэль, конечно, первым не нападет, а защищаясь, постарается причинить противнику как можно меньше вреда. Но что, если он снова не справится с заклинанием?

— Учти, — сквозь зубы сказал Ивон, — на этот раз я тебя ударю, даже если ты не станешь защищаться. Даю пять секунд, чтобы обнажить оружие.

— Бей, Ивон, — Нэль остановился перед ним, опустив руки. — Оружия у меня все равно нет. Бей, чего же ты ждешь? Только...

Ивон все-таки ударил — с подшагом, закрутив удар хитрым финтом. Нэль бормотнул что-то и быстро вскинул над головой скрещенные руки. Клинок летел прямо на них, и Арьель ахнул, ожидая крови и крика боли. Но меч спружинил и отскочил от тонких запястий мага, как от стального прута. Посыпались синие искры, на мгновение наполнив воздух голубоватым мерцанием. Ивон хрипло вскрикнул и отскочил назад, замер в стойке, занеся меч для нового удара.

— Только скажи, зачем тебе моя смерть? — продолжил Нэль спокойно. Руки он по-прежнему держал скрещенными над головой. — Тебе станет легче, если я умру? Или ты хочешь сделать одолжение мне?

— Почему ты должен жить, колдун, если она — мертва? — Ивон, оскалившись, снова пошел на него.

— «Почему» — сложный вопрос, — скрещенные руки Нэля, словно играя, в последнюю секунду успевали перехватить удар, и он стоял, весь осыпанный синеватыми искрами. — Я очень виноват, Ивон. И перед тобой в том числе. Я бы просил прощения, если бы мог.

— Прощения ты не получишь!

— Знаю.

— Не понимаю, колдун! Не понимаю! К чему ты ведешь?

Нэль глубоко вздохнул, словно собрался отвечать... и вдруг быстрым движением развел в стороны руки. Меч падал прямо на него, и Арьель вскрикнул в ужасе, когда клинок обрушился на левое плечо мага. Он стоял поодаль, но ему послышался отвратительный хруст ломающихся костей и чавканье проступившей в ране крови. Нэль охнул, схватился за плечо и осел в снег; удар сшиб его на колени. Встав над ним, бледный и оскаленный Ивон снова заносил меч.

— Стой, не двигайся! — крикнул Нэль музыканту, который бросился было ему на помощь. Арьеля словно пригвоздило к месту его повелительным тоном.

Маг с усилием отнял от плеча руку, протянул ее к Ивону, странно сложив пальцы, и выкрикнул несколько коротких непонятных слов. И повалился вбок. Ивон заорал и, рухнув на колени, сунул руку в сугроб по самый локоть. Клинок, который он выронил, бесполезной железкой лежал рядом с Нэлем, и снег под ним таял с пугающей скоростью.

Не выдержав, Арьель бросился к упавшему магу. Он ожидал обнаружить пропитанный кровью снег, но не увидел и пятнышка.

— Нэль! Нэль, ты цел?

— Не совсем... — опираясь на правую руку, Нэль попытался подняться, но застонал и ткнулся лицом в снег. Арьель хотел обнять его, помочь встать, но маг угадал его намерения и отпрянул. — Нет, нет, не трогай меня... только хуже сделаешь... и за меч не хватайся — обожжешься.

С опаской покосившись сначала на оружие, а затем на его хозяина, который все еще сидел с рукой в сугробе и ругался сквозь зубы, Арьель отодвинулся. Маг, застонав, перекатился на спину. На белом, искаженном болью лице черные глаза казались огромными. Он встряхнул правой рукой с расставленными пальцами и приложил ладонь к левому плечу.

— Серьезная рана? — встревожено спросил Арьель.

— Не рана, — отозвался маг сквозь сжатые зубы и зажмурился. — Ключицу поломал. Повезло, клинок плашмя лег... А, проклятье! Себя лечить — последнее дело...

Арьеля так и подмывало спросить, зачем он вообще позволил себя ударить, но минута была неподходящая. Нужно было предпринять что-нибудь, пока железо горячо... в буквальном смысле. Поспешно обмотав ладонь полый плаща, Арьель поднял из лужицы меч. Предосторожность оказалась излишней: и металл, и вода успели остыть.

— Не смей трогать! — яростно вскинулся Ивон. — Отдай меч!

— Забери сам, если он тебе нужен, — предложил Арьель. Очень жаль было, что поблизости нет какого-нибудь водоема с незамерзшей водой, куда можно было бы забросить меч.

Ивон гибко вскочил на ноги, слегка отведя правую руку в сторону. Арьель

заметил, что его ладонь покраснела и местами даже почернела, как будто обуглилась. Вообразив, что на рукояти меча могут оставаться клочки припекшейся плоти, Арьель чуть было не выронил оружие. Огромным усилием он справился с тошнотой и заставил себя крепче сжать пальцы.

– Отдай, – грозно повторил Ивон.

Музыкант отступил от него. В его руках меч был бесполезной железкой; в крайнем случае он мог бы замахнуться им, как дубиной.

– Ивон, не подходи к нему, – Нэль с трудом поднялся на колени. – Меч ты все равно не удержишь. Только вторую руку обожжешь.

– У тебя уже не осталось сил, чтобы колдовать, – возразил Ивон – не слишком, впрочем, уверенно.

– Сил у меня достаточно, – сказал Нэль, кривясь от боли. – Я мог бы спалить тебя молнией, если бы захотел. А вот ты ничего не можешь мне сделать.

– Я тебя ранил, колдун.

– Только потому, что я сам позволил. Ивон, подумай, в каком положении мы оказались. Ты не можешь ранить меня, а я не хочу ранить тебя. Я мог бы заставить тебя уйти, но предлагаю: давай разойдемся по доброй воле.

– Разойтись? Будь ты проклят, колдун!

– Я уже проклят, – заметил Нэль. – Не огорчайся, Ивон, наши пути еще пересекутся. Но на сегодня – будем считать, что мы квиты.

Они встретились взглядами и довольно долго оставались в таком положении. Черные глаза Нэля были полны... не жалости, нет, но – сожаления. Это было самое живое чувство, которое Арьелю приходилось в них видеть. Ивон вдруг побледнел.

– Вели своему другу отдать меч, – выдавил он. – Тогда я уйду. Но только на этот раз. Я тебя еще достану, колдун.

– Проси моего друга сам, – отозвался Нэль.

Скрипнув зубами, Ивон обернулся к музыканту.

– Верни меч, – сказал он отнюдь не любезно. – Даю слово не обнажать его сегодня ни против тебя, ни против... мага.

Арьель заколебался, не зная, верить ли его слову. Обернулся к Нэлю за советом. Тот кивнул.

– Можешь ему верить.

Арьель перехватил клинок и рукоятью вперед протянул Ивону.

– Мы еще встретимся, – мрачно сказал тот, левой рукой неловко вкладывая меч в ножны. – Попомни мое слово – встретимся обязательно. И тогда ты от меня не уйдешь.

Они вернулись в трактир. Нэль мог идти сам, хотя кривился от боли при каждом шаге. Хозяин не очень им обрадовался, но ничего не сказал.

— Придется задержаться на пару дней, — озабоченно сообщил Нэль, поднявшись в комнату. — Кость я срастил магией, но одного сеанса недостаточно. Нужно повторить раза два-три, потребуется время...

Арьель закусил губу.

— Разве мы можем здесь остаться?

— Нужно же наконец проверить предположение Марики... — маг подхватил его мысль на лету. — Посмотрим, одолею ли я проклятие, или оно одолеет меня.

— Да я не только об этом...

— Что еще тебя беспокоит?

— Ивон... — выдохнул музыкант. — Что если он тоже останется, улучит минуту и убьет тебя?

Нэль помолчал, опустив глаза.

— Делать нечего, придется рискнуть.

— А зачем ты вообще подставился под удар? Ведь ты же нарочно, да?

— Сглупил, — признался Нэль. — Честно говоря, я рассчитывал, что Ивон отведет удар. В Аркаре я знал его как весьма мягкосердечного человека... Лионетта помыкала им, как хотела, а он молча терпел насмешки. Мне он мог бы задать хорошую трепку — и поводы к тому имелись, и возможность подходящая не раз выпадала, — но он все спускал на самотек.

— Значит, он изменился.

— Да... я в нем ошибся. Однако... последний удар пришелся плашмя, и я не уверен, что это была случайность. Поверни Ивон клинок чуть иначе — и он разрубил бы меня наискосок.

— Но он хотел ударить еще раз...

— Хотел... но ударил бы? — Нэль задумчиво покачал головой. — Я не знаю. Он в самом деле очень сильно любил Лионетту... и знал, что она любит меня. Он боялся через меня причинить боль ей. Теперь она мертва, но... я не знаю, — повторил он почти печально.

* * *

Сломанная ключица заживала с невероятной быстротой. Уже на следующий день Нэль мог двигать левой рукой — правда, при каждом движении гримасничая от боли. Чтобы не тревожить рану, он старался ходить как можно меньше. Сидел в комнате в обнимку с чернильницей и стопкой бумаги, а вниз спускался только к вечеру, поужинать. Трактирщик, который относился к нему с настороженностью и опаской — хотя и сам не мог бы сказать — почему, — был этому только рад.

Зато Арьель изнывал от скуки. Сидеть в комнате вместе с магом было все равно что проводить время с каменной статуей — удовольствие от общения такое же. В течение двух-трех часов он мог не произнести ни слова; только скрипело перо и шуршали листы. Несколько раз Арьель пытался разузнать, над чем же Нэль так упорно трудится, но тот на все расспросы только недовольно поводил бровями. С каждым часом он становился все раздражительнее. Сначала музыкант думал, что его изводит боль от раны, но Нэль то и дело прикладывался к травяным отварам собственного приготовления, которые как раз призваны были утишить боль. Потом Арьеля осенило, что дело не в ране — это проклятие обретало над магом все большую власть! Он окончательно в этом убедился, когда Нэль попросил его не обращать внимания и не обижаться на вспышки раздражения. «Постарайся как-нибудь перетерпеть, — сказал маг. — Я буду сдерживаться, насколько возможно; но если станет неважно, приму меры». Какие именно меры он собирался принимать, осталось без пояснения. Арьель решил пока не спрашивать.

Чтобы не нарываться на грубость, да и чтобы скуку развеять, Арьель по целым дням просиживал в общей зале. Ему доставляло сплошное удовольствие заводить разговоры с проезжими, которые заворачивали в трактир поесть и обогреться. Люди видели лютню и просили спеть, он не отказывался, только балладу о Лионеле и Лионетте выбросил временно из репертуара. Трактирщик так и таял, слушая его пение, и согласился бы кормить и поить его бесплатно, лишь бы он подольше не уезжал. Он готов был даже простить Арьелю его странного и молчаливого спутника.

Впрочем, неизвестно, как заговорил бы бедняга, если бы узнал, что господин музыкант всю крутит шашни с его старшей дочкой, и не раз и не два «откусил» уже от сдобной булочки...

Глава 4

Вдруг грянувшая оттепель за одну ночь превратила дороги где в ручьи, а где и в болота. Путники, которые заглядывали в трактир, все как один проклинали переменчивую погоду, решившую в феврале поиграть в весну. Лошади оскальзывались в грязи и ломали ноги, сани вязли, а сапоги и башмаки черпали через край.

Потом так же резко ударил мороз. Стеглянистое месиво застыло льдом, который вздыбливался острыми кромками, словно взбесившиеся замороженные волны. Ходить по такому коварному ледку следовало с величайшей осторожностью, в этом Арьель убедился на собственном опыте, когда при свете звезд выскочил во двор по нужде.

В тот вечер Нэль сидел в зале у огня, что было странно — обычно он старался держаться в тени. Он даже спросил у хозяина горячего вина, хотя редко пил что-то крепче светлого пива. Кажется, его знобило. Он сидел ссутулившись, зажав в ладонях горячую кружку, и походил на черную

нахохлившуюся птицу. Арьель даже не пытался с ним заговаривать. Видел, что в этот вечер мысли его бродят где-то особенно далеко. Музыкант молча сидел рядом. Его зазывали за разные столы, но сегодня ему петь не хотелось.

В зале стоял разноголосый гул, и поэтому Арьель не услышал, как хлопнула дверь. Обернулся только, когда по спине потянуло холодом. В глубине души он все еще ожидал возвращения Ивона (хотя ни разу больше не видел его), и потому всегда внимательно разглядывал всех новоприбывших.

У двери стоял высокий светловолосый мужчина лет сорока, в богатых мехах. На руках у него лежал большой продолговатый сверток, очертаниями похожий на закутанного в попону человека.

— Доброго вам вечера, господа, — разнесся по зале негромкий, но ясный голос, в котором ясно чувствовалась привычка повелевать. Все притихли, заоборачивались. — Нет ли здесь лекаря? Мой сын серьезно поранился на дороге.

Нэль тут же обернулся и встал, отодвинув кружку.

— Я лекарь. Подойдите к огню, я посмотрю вашего сына.

Мужчина подошел быстрым и решительным шагом. На руках он действительно нес человека — это был мальчик лет четырнадцати. Его целиком закрывал плащ, виднелось только запрокинутое бледное лицо; прямые острые ресницы касались щек, над верхней губой едва заметно золотился пушок.

— Он сломал ногу, — сказал мужчина. — Лошадь оступилась на льду, упала, придавила Кая... он не успел освободиться от стремян.

Нэль молча откинул плащ. Правая нога мальчика была страшно и неестественно вывернута, штанина пропиталась кровью; Арьелю показалось, что в прорехи в ткани проглядывают осколки костей. Его затошнило. Нэль же разглядывал покалеченного мальчика с бесстрастным видом, словно перед ним было всего-навсего чучело животного. В какой-то миг Арьелю показалось, что он развернет мужчину восвояси.

— Пойдемте наверх, — сказал Нэль и повысил голос: — Хозяин! Пусть в мою комнату принесут воду — холодную и кипяток, — и чистые полотенца. И побольше.

Впервые он так решительно командовал, но у Арьеля не возникло ни малейшего сомнений, что все его указания будут точно и быстро выполнены.

— Арьель, не поднимешься с нами? Возможно, мне потребуется помощь. Ты как, крови не боишься?

Музыкант переглотнул.

— Н-нет...

— Ну и хорошо. Давно это случилось? — Нэль уже повернулся к отцу мальчика.

— Около двух часов назад.

— Пытались вы что-нибудь сделать?

— Нет... я хотел остановить кровь, но не знал... — он запнулся. — Я увидел кости...

— То есть, перелом вы не трогали. Хорошо... А как довели сюда мальчика?

— В седле...

Нэль с шумом втянул воздух сквозь зубы.

— Двенадцать и Безымянный... Впрочем, понимаю, у вас не было выхода. Ваш сын приходил в себя?

— Да, иногда.

Распахнув дверь в комнату, Нэль пропустил мужчину вперед.

— Кладите его сюда. Да, прямо на постель. Теперь отойдите... Почему они так копаются? Неужели так долго приготовить кипяток?

В комнату проскользнули хозяйские дочки, одна несла полотенца и большой кувшин с водой, у второй был чайник. Они с любопытством зыркали по сторонам и тянули шеи, чтобы получше рассмотреть бесчувственного мальчика. Нэль локтем смахнул со стола на пол стопки исписанной бумаги (светловолосый мужчина внимательно посмотрел сначала на рассыпавшиеся листы, потом — на мага), и велел девушкам оставить там все принесенное. После чего бесцеремонно и почти грубо вытолкнул их в коридор. Быстро закатал выше локтя и перетянул шнурками широкие рукава балахона, размял пальцы и подступил к кровати.

— Что вы делаете? — вдруг спросил мужчина. — Вы сказали, что вы — лекарь.

— Я — маг.

— Маг?!

— Все вопросы — потом. Прошу вас. Арьель, помоги мне.

Крайне осторожно Нэль освободил ногу раненого от сапога и штанины. Крови было очень много, и она успела засохнуть. Впервые в жизни Арьель выступал помощником лекаря, и надеялся, что в последний. Зрелище было не для слабых духом. Мутило его страшно, очень хотелось выскочить на улицу, глотнуть свежего воздуха. Он бросал взгляды на бесстрастное лицо Нэля и держался из последних сил, подбадривал себя мыслью, что маг видел в своей жизни еще и не такое.

Потом Нэль сполоснул руки и сказал, что дальше справится сам.

— Идите вниз, выпейте вина. И не волнуйтесь, — обратился он к отцу мальчика. — С вашим сыном не случится ничего плохого.

— С вашего позволения, я бы лучше остался.

Нэль внимательно оглядел его. Он был бледен, но смотрел твердо, и панику

устраивать не собирался.

— Хорошо, оставайтесь. Арьель?

— Я, пожалуй, тоже побуду здесь.

Музыкант уже справился с дурнотой, и теперь хотел посмотреть на лечебную магию в действии. Предлагая свои услуги по деревням, Нэль пользовался почти исключительно травами, а к магии только «прикасался» (по его выражению). Здесь же, кажется, без серьезных чар было не обойтись.

Опустившись на колени, Нэль протянул ладони над раной и затянул вполголоса монотонную то ли песню, то ли заклинание. Слова были сплошь незнакомые, но в них угадывался четкий ритм. Интересно, что это за язык? подумал Арьель, жадно прислушиваясь. Не тот ли, на котором Нэль ведет свои записи? Говорят ли на этом языке живые люди, или он специально придуман магами для своих нужд?

Он ожидал, что с рук Нэля будет стекать в рану некая светящая субстанция (вроде той, которая защищала его от меча), но был разочарован. Маг медленно, с напряжением, водил над раной ладонями, иногда делал кистями рук сложные быстрые жесты — как бы движения причудливого танца. И под его руками происходили невероятные изменения. Арьель смотрел и глазам своим не верил. Что же это за сила, если она заставляет сломанные, расщепленные, прорвавшие плоть кости возвращаться на природой положенные места, складываться вместе, срастаться? Разорванные волокна мышц заживлялись, смещенные хрящи, поврежденные сухожилия — все принимало первоначальный вид.

Голос Нэля затихал, и вскоре приходилось уже напрягать слух, чтобы слышать хоть слово. Его глаза были широко раскрыты, а на лбу выступил пот. Наконец, он умолк. Единственным напоминанием о ране оставались бурые пятна крови на одежде и покрывале. Опершись обеими руками о кровать, Нэль тяжело поднялся. Его шатнуло. Отец мальчика поспешно подвинул ему стул, Нэль благодарно кивнул и сел.

— Ваш сын будет здоров, — едва слышно проговорил он. — Теперь он спит, проснется часов через десять с сильной слабостью, но это пройдет. Главное, пусть три-четыре дня побудет в покое, не встает и тем более не ездит верхом. Если все-таки придется встать, советую наложить лубки — магически сращенные кости хрупки.

Мужчина кивнул и подошел к кровати, склонился над мальчиком. На гладкие щеки уже возвращался румянец; мальчик дышал тихо и ровно. Мужчина быстро обернулся к Нэлю.

— Я очень обязан вам, господин маг, — тихо и твердо сказал он. — Понимаю, ваш труд не измерить золотом, но все же... сколько я вам должен?

Ссутулившийся на стуле Нэль устало улыбнулся.

— Обычно я беру столько, сколько предлагают. И ни грошом больше.

— Прошу, примите вот это, господин маг.

Мужчина отстегнул с пояса увесистый кошель и опустил его на колени мага. Затем без колебаний стянул с безымянного пальца золотой перстень с аметистом. Арьель так и ахнул про себя.

— Этого слишком много, благородный господин, — возразил Нэль, не шевельнувшись. — Уверяю вас, чересчур много.

— Этого слишком мало! Вы спасли моего сына. Прошу, не отказывайтесь.

— Благодарю вас...

— Вы благодарите меня! — вскричал было мужчина, но тут же понизил голос, виновато оглянувшись на спящего сына. — Вы... не сочтите меня неблагодарным наглецом, но нельзя ли попросить вас еще об одном одолжении? Позвольте оставить мальчика на время здесь. А я договорюсь с хозяином о другой комнате и перенесу туда Кая, когда он проснется.

— Не беспокойтесь. Вы с сыном можете оставаться здесь, я сам поговорю с хозяином и возьму другую комнату.

— Вы очень добры, господин маг... — вдруг светловолосый встрепенулся. — Позвольте представиться. Я тан Альбрехт Аль из Тальеры. А могу я узнать ваше имя, господин маг, и имя вашего любезного друга?

— Моего друга зовут Арьелем. А я — Нэль.

Тан галантно поклонился.

— Счастлив познакомиться. Не думайте, господин Нэль, это не пустые слова. Я действительно счастлив, что встретил вас. Если бы не вы... — он закусил губы и снова поглядел на сына. — Если бы не вы, случилась бы беда.

— Не случилась бы, — возразил Нэль. — Если я верно помню местность, в полулиге отсюда есть деревня. Там, скорее всего, вы нашли бы знахаря.

— Никакой знахарь не сделал бы того, что сделали вы, — тан постепенно успокаивался, его взгляд с любопытством бегал по комнате. Особенно интересовали его листы, сброшенные Нэлем со стола. Заметив это, маг взглядом указал на них Арьелю. Тот понял сразу и принялся поспешно собирать листы в стопки. Тан кашлянул и пригладил аккуратно подстриженные светлые усы. — Никогда еще не встречал странствующего мага.

— А много ли магов вы вообще встречали?

— О да. Я повидал магов медейских, магов наинских, касотских, бергонтских и лигийских, даже парочка истрийских попадалась. В общей сложности, около сотни наберется.

Нэль удивленно приподнял брови.

— У вас какие-то дела с братством? Простите, что любопытствую...

— Да, с братством я в некотором роде сотрудничаю... Но что же это! — спохватился вдруг тан. — Вы ведь совсем измучены. Не отрицайте, я вижу.

Вам нужно подкрепиться и выпить вина — нет, нет, не отказывайтесь. Сейчас я распоряжусь.

Тан вышел на лестницу, за дверью послышался его сильный звучный голос.

— Сейчас начнется, — вздохнул Нэль.

— Что начнется? — Аръель пытался сложить листы в аккуратные стопки, но они то и дело рассыпались.

Нэль совсем сторбился на стуле, упершись локтями в колени, а лбом — в сжатые кулаки, и что-то промычал.

— Ты что? — испугавшись, Аръель бросился к нему; бумажная стопка немедленно развалилась, и листы ровным слоем разлетелись по всем столу.

— Плохо?

— Нет... ничего... — проговорил Нэль уже отчетливее. — Голова... сейчас пройдет. Это отдача, такое бывает после лечебных чар... Ничто... не дается даром, — он медленно распрямился. Вокруг глаз у него залегли черные тени.

— Давай соберем бумаги. Нечего им тут валяться.

По скованным движениям мага Аръель заключил, что болит у него не только голова, — недавно сломанная ключица снова дала о себе знать.

— Слушай, — озабоченно сказал он, — может, ну его, этого тана, к Безымянному? Ведь не до него сейчас.

— Нет, я хочу с ним поговорить.

— Нэль...

— Друг мой, я не ребенок. Не нужно со мной нянчиться.

Они едва управились с бумагами, как вернулся тан. С ним явилась младшая хозяйская дочка, с подносом, нагруженным всякой всячиной. Быстро составив блюда на освободившийся стол, она исчезла — не преминув, впрочем, на прощание стрельнуть взглядом в спящего мальчика.

Тан жестом пригласил всех к столу, по-хозяйски разлил по кружкам вино. При этом он, не отрываясь, смотрел на Нэля.

— Никак не пойму, кто вы такой, господин Нэль. Сначала вы представились лекарем, и я решил, что вы служитель Перайны. Но лечите вы магией, а значит, вам покровительствует Гесинда. Вы — маг и на вас храмовые одежды, но вы не носите ни медальона, ни браслетов. Кроме того, маги никогда не посылают своих братьев служить в мир, в отличие от братьев Перайны. Маг никогда сам не придет к тому, кто испытывает в нем нужду — напротив, нуждающийся будет смиренно просить мага о помощи. Вы же сами вызвались помочь. В каких же отношениях вы состоите с братством? Будьте столь любезны, разрешите мое недоумение.

На протяжении всей тирады Нэль крошил хлеб, не поднимая головы. Его снова заметно знобило. Аръель подвинул ему кружку с подогретым вином. Благодарно кивнув, Нэль посмотрел на тана.

— Не буду ходить вокруг да около, господин тан. Я действительно маг, но я... отлучен от гильдии.

— Так не бывает, — быстро возразил тан. — Маги не допускают подобных скандалов.

— Бывает и допускают...

— Подождите... — тан нахмурился, словно что-то припоминая. — Подождите... вы... вы раньше жили в Аркаре?

— Точно так.

— Вы... вы... вы — мэтр Лионель из Аркары?!

— Давно уже не мэтр, — спокойно сказал Нэль. — Но это мое имя, да.

— А ведь я о вас слышал! — взволнованно воскликнул тан. — Да, слышал... Но думал, что вы старше. Должно быть, вы были совсем мальчиком, когда порвали с братством?

— Мне было двадцать. А где вы обо мне слышали, тан?

— В медейских храмах о вас еще помнят.

— И едва ли отзываются по-доброму...

— По-разному отзываются. Впрочем, я ведь только так, краем уха... Отнюдь не во все храмовые дела меня посвящают. Маги — весьма скрытный народ.

— О да.

В дверь деликатно поскреблись. Тан сказал: «Войдите», — негромко, но его услышали. Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась краснощекая физиономия хозяина. Умильно улыбаясь, он сообщил, что комната для «господина Арьеля и его друга готова, как вы просили, господин тан». Тан бросил ему монетку, и голова исчезла.

Тан посмотрел сначала на Нэля, который едва пригубил свое вино (а голова его от усталости так и клонилась книзу), затем перевел взгляд на Арьеля.

— А вы, кажется, пользуетесь здесь почетом! — сказал он весело и со значением. — Впрочем, простите, я вас совсем утомил своей болтовней и вопросами. Господин Нэль, я вижу, вы так ничего и не скушали... Но не смею больше надоедать вам своим обществом. Надеюсь, мы сможем продолжить разговор завтра. Ведь мы еще увидимся?

— Я загляну посмотреть, как себя чувствует ваш сын, — Нэль поднялся из-за стола; музыкант вскочил следом за ним. — Доброй ночи, господин тан.

В приготовленной по распоряжению тана комнате Нэль сразу повалился на кровать, закрыл глаза и принялся тереть ладонями виски.

— Ему от меня что-то надо... — пробормотал он.

— Ты уже вылечил его сына, — удивился Арьель. — Чего же ему еще?

— Не знаю, что именно. Но ты заметил, как он смотрел на мои записи? У человека, который водится с магами, должны быть особенные интересы...

– Ты ждешь от него неприятностей? – озабоченно спросил Аръель.

– Нет, почему же неприятностей? Весьма интересно, что он скажет... – Нэль с трудом перебарывал подступающую сонливость, и музыкант не стал продолжать разговор. Через минуту Нэль уже спал.

* * *

Наутро Аръель столкнулся с таном в общей зале. Тан завтракал, с аппетитом поглощая яичницу с колбасой и луком. Завидев Арльеля, он приветственно замахал рукой. Музыканту ничего не оставалось, кроме как подойти и ответить на приветствие; хотя, по правде говоря, беседовать с таном наедине, без Нэля, желания у него не было.

– Присаживайтесь, господин Аръель. Будете завтракать?

– Да, пожалуй, – ему и хотелось бы отказаться, но он подумал: странно будет выглядеть, если он, не приняв предложение тана, сядет завтракать за другой стол.

Вокруг них тут же замельтешили хозяйские дочки. Старшая все прятала глаза и краснела. Тан наблюдал за ней с усмешкой.

– Статная девка, а? – обратился он к Аръелю, когда сестры убежали. – Ей бы бархат носить, а не в трактире пиво подавать.

Аръель промычал что-то неопределенное и уткнулся в тарелку.

– А что, вашему другу сегодня получше? – снова заговорил тан. – Ночью он выглядел весьма утомленным. И, кажется, ему нездоровилось?

Музыкант неопределенно пожал плечами.

– Нэль еще спит.

– Что ж, запасусь терпением. Кай, когда проснулся, спрашивал, что с ним случилось. Я ему все рассказал, и он теперь желает лично поблагодарить своего спасителя. Да и мне нужно с ним поговорить. Так что передайте, пожалуйста, вашему другу, что я буду ждать его здесь.

– Хорошо, господин тан, – пробормотал Аръель с набитым ртом. – Я передам ему.

Когда он вернулся в комнату, Нэль, уже одетый, скреб бритвой свои впалые щеки. Борода у него росла не сказать, чтоб густо – иной шестнадцатилетний мальчишка мог бы похвастать куда более богатой растительностью на лице, – но он с маниакальным упорством начисто сбрасывал ее каждое утро.

– Господин тан уже на ногах и рвется о чем-то поговорить с тобой, – вместо пожелания доброго утра сообщил Аръель. – Сказал, что будет ждать внизу.

Нэль кивнул, будто именно это и ожидал услышать.

– Мы обязательно побеседуем. Но сначала я бы взглянул на мальчику.

– Для начала ты бы лучше позавтракал...

Не прекращая своего занятия, Нэль скопил на него смеющиеся глаза.

— О, мой практичный друг. Благодарю тебя за заботу. Но мне не хотелось бы приступать к завтраку и затевать отвлеченные беседы с господином таном прежде, чем я покончу со своим долгом как лекаря. Раз уж я за это взялся...

— Все равно придется позвать его, если ты собираешься идти к его сыну, — заметил Арьель.

— Да, но у постели больного, я надеюсь, господин тан придержит свое красноречие.

— Так я за ним схожу, — повернулся к двери музыкант.

— Будь любезен...

Кай полусидел в постели, опираясь спиной на подушку. Он выглядел вполне здоровым, даже щеки розовели юношеским румянцем; и только приглядевшись, можно было заметить под глазами легкие тени, которые напоминали о перенесенных страданиях. На Нэле бессонная ночь и душевное напряжение сказались заметнее.

— Господин маг! — мальчик подался вперед, навстречу вошедшему Нэлю, глаза его — серые, как у отца, — засветились. — Отец все рассказал... я знаю, что вы для меня сделали! Я у вас в долгу...

Нэль улыбнулся, присел на край кровати и откинул с ног мальчика одеяло.

— Как вы себя чувствуете? Голова немного кружится? Ничего, это пройдет... Скажите, если будет больно.

Он осторожно ощупал и обмял пострадавшую ногу от бедра и до щиколотки, внимательно глядя при этом на пациента. Кай отвечал ему ясным взглядом, и во время процедуры и ни разу не вскрикнул и даже не изменился в лице. Нэль удовлетворенно кивнул.

— Хорошо. Теперь лежите спокойно...

— Когда мне можно встать? — спросил Кай.

— Придется потерпеть два-три дня. Держите вот этот мешочек с травами; вечером отмерьте три щепотки и залейте кипятком, оставьте настояться, процедите и дайте мальчику выпить, — это Нэль уже проговорил, повернувшись к тану.

— Я все сделаю, благодарю вас.

Нэль внимательно посмотрел на него.

— Мой друг сказал, что вы желали поговорить со мной...

— Да, это так. Спустимся вниз, сейчас там пусто, нам никто не помешает. Кай, я скоро вернусь.

— Попробуйте уснуть, — обратился к мальчику Нэль. — Вам нужно восстановить силы — тогда выздоровление пойдет быстрее. И пришлите за

мною, если вдруг возникнет нужда. Мы здесь пробудем еще несколько дней.

— Можно ли узнать, куда вы направляетесь? — спросил тан, выйдя в коридор.

— Иду, куда глаза глядят, — уклончиво ответил Нэль. — У меня нет определенной цели.

— А ваш друг? Ему тоже все равно, куда идти? И он с охотой следует за вами?

— С чего вы взяли, господин тан, что он за мной следует?..

Они спустились в залу, где их поджидал Арьель. От скуки он перебирал струны лютни. За стойкой, опершись на нее локтями, стояла старшая хозяйская дочка и смотрела на него сладкими глазами.

— Вы, оказывается, музыкант? — весело спросил тан, подходя. — Надеюсь, сегодня вечером я смогу послушать вашу игру?

Арьель посмотрел на него поверх лютни.

— Если вам будет угодно.

Нэль подозвал служанку, попросил ее принести какой-нибудь еды и сел, сцепив перед собой на столе руки в замок.

— Я весь внимание, господин тан.

Арьель наострил уши. Его к разговору не приглашали, но и не гнали, а послушать было любопытно. Тан Аль хоть и говорил о сотрудничестве с братьями Гесинды, но при этом с виду производил впечатление обычного нобиля, далекого от тайн и загадок Богини Мудрой и вообще от дел Двенадцати. О чем мог такой человек говорить с Нэлем?

Тан свободно откинулся на спинку скамьи. Его руки, красивые, но отнюдь не изнеженные, привыкшие и к поводам, и к оружию, так же свободно лежали на столешнице. Пальцы украшали несколько драгоценных камней с бирюзовыми и яшмовыми вставками.

— Для начала хочу еще раз повторить, господин Нэль, что я перед вами в неоплатном долгу...

— Оставьте, господин тан. То же самое сделал бы для вас любой лекарь, если бы оказался поблизости.

— Любого здесь не было, а были вы. И вы помогли мне. А теперь я хочу помочь вам. По крайней мере, попытаться помочь.

Нэль, удивленно приподняв брови, прикусил хлеб.

— С чего вы взяли, что мне нужна помощь?

— А разве вы не хотели бы вернуться в гильдию?

— А разве вы могли бы такое устроить?

— Видите ли, я имею некоторое влияние на гильдмастеров крупных медейских храмов. Не уверен, что получится, но я мог бы попытаться

убедить их, — а с их помощью и всю гильдию, — принять изгнанника обратно.

— Но вы даже не знаете, за что меня изгнали, — тихо сказал Нэль. — Вы можете оказаться в опасном положении, ходатайствуя за человека, который вам совершенно незнаком. Зачем вам принимать на себя такие неприятные хлопоты?

— Во-первых, этот совершенно незнакомый человек помог моему сыну, который, кстати, был ему совершенно незнаком. И даже не потребовал платы вперед и не поинтересовался, есть ли мне вообще чем заплатить за его услуги. Во-вторых, я могу догадаться, что изгнаннику-магу живется несладко. Вы ведь занимаетесь какими-то исследованиями, я верно понял?

— Насколько это возможно в моем положении, — кивнул Нэль.

— И, очевидно, испытываете недостаток в материалах...

Нэль быстро опустил глаза.

— Да, иногда я оказываюсь в затруднительном положении. Как вы понимаете, у меня нет доступа ни к библиотекам, ни к лабораторному оборудованию...

— О том и речь. Поверьте, мне известно, что такое исследовательский зуд... И, наконец, в-третьих, мне трудно представить, что же такого ужасного натворил юный маг, если с ним обошлись столь жестоко.

— А вы не знаете?

— Нет. В подробности вашего дела я не входил... Вернее, меня в них не посвятили.

— Тогда не говорите о жестокости, — усмехнулся Нэль. — Судьи были весьма снисходительны ко мне и назначили мягкое наказание. По своим понятиям, разумеется. Но повторяю, господин тан: влезая в это дело, вы можете оказаться в неприятной ситуации. Окажутся затронутыми интересы не только аркарского храма, но всей гильдии.

— Я сумею за себя постоять, — слегка надменно сказал тан.

— Не сомневаюсь. Но ваше сотрудничество с гильдией может быть... нарушено. Даже если вы ничего не добьетесь. Маги, если разрывают с кем-то отношения, уже редко... идут на попятный.

Тан побарабанил пальцами по столу.

— Понимать ли это так, что вы отказываетесь от возможности вернуться в храм?

— Даже получи я такую возможность, я бы десять раз все обдумал. Вы, господин тан, сами должны знать, насколько сильна у братьев Гесинды (и вообще у храмовников) круговая порука. Чтобы получить отлучение, нужно очень сильно провиниться. На мне действительно лежит огромная вина. Я о ней помню, и братья о ней помнят. Если я вернусь, каждый будет иметь

полное право бросить в меня грязью, попрекнуть, напомнить о прошлом. И мне нечего будет возразить. Гильдия — это братство. А о каком братстве тут может идти речь?

— Хорошо, — сказал тан после короткого молчания. — Спрошу немного иначе: вы хотели бы вернуться?

Нэль аккуратно отделил ложкой кусок яичницы.

— Этот вопрос не имеет смысла, господин тан. Я же вам объяснил...

— Хорошо... — повторил тан. — Понимаю, в вас говорит гордость. Юный возраст, амбиции...

— Нет, господин тан, не понимаете. Гордость и юный возраст совершенно ни при чем.

— Разве? Ну... допустим. Но ведь вам хотелось бы получить, по крайней мере, большую свободу в своих исследованиях? Ну, давайте оставим в стороне вопрос храмов. А что, если я смогу предоставить вам маленькую магическую лабораторию, в которой вы сможете работать? Независимо от храмовых магов, конечно. В вашем распоряжении будут любые материалы и книги, какие только потребуются. Что вы скажете на это?

Нэль положил на стол хлеб и ложку, снова сцепил пальцы в замок и устремил взгляд на тана.

— По-королевски щедрое предложение! Поправьте меня, если я ошибаюсь, господин тан. Вы даруете магу свое покровительство, то есть возможность заниматься любыми магическими изысканиями, укрывшись, образно выражаясь, под вашим крылом, а в плату желаете получить... что? Полагаю, некоторые магические услуги для себя лично и для своей семьи. Личный маг — таким могут похвастаться только короли, да и к тем служители Гесинды идут неохотно...

— Разве в этом есть что-то дурное? — быстро перебил его тан. — Простите, но это даже не услуга за услугу, а сотрудничество. В случае вашего согласия, господин Нэль, мы оба окажемся в выигрыше. Я знаю жажду магов до знаний, и помогу утолить ее, почти ничего не требуя взамен. Да и как я могу требовать чего-то от человека, управлять которым невозможно?

— Но дело не только в этом, — не дал себя сбить с мысли Нэль. — Если вы ведете дела с магами, вы должны знать, что магические опыты временами таят в себе немалую угрозу. Приютив мага, вы рискуете оказаться в сердце пожара, наводнения или иного опасного для жизни проявления магических стихий. Все это вы можете получить вместо ожидаемых небольших услуг...

— А! — тан подался вперед. — Так вот в чем дело. Похоже, господин Нэль, вам приходилось уже испытывать на себе буйство магической стихии. Может быть, даже вами и вызванное.

Нэль промолчал.

— В таком случае меня удивляет, как господа маги отправили бродить

на свободе человека, который может стать сосредоточием магического стихийного бедствия...

— Если они до сих пор не спохватились, значит, их это не особенно волнует...

— Так чего же нам волноваться? Господин Нэль, лично я готов рискнуть.

— Я вижу, вы, господин тан, человек стремительных решений, — покачал головой Нэль. — Недаром же вы так быстро поняли, какую выгоду можете извлечь из ситуации... Я имею в виду, из встречи с магом-изгнанником. Но я не могу так быстро принимать решения, важные для меня. Мне нужно подумать.

Несмотря на уклончивый ответ мага, тан улыбнулся победной улыбкой. Как будто согласие Нэля было лишь вопросом времени.

— Разумеется! Я не требую немедленного ответа. Мое поместье находится в окрестностях Тальеры, спросите любого в тех краях, и вам укажут дорогу. Я рассчитываю вернуться домой, как только покончу с делами. Буду ждать вас там.

Нэль согласно наклонил голову.

* * *

Нэль нервно расхаживал по комнате. Забравшись с ногами на кровать, Арьель сидел в обнимку с лютней и наблюдал за его хождениями.

— Проклятье! Такая удача выпадает раз в жизни, а я не могу этим воспользоваться... Я мог бы заняться исследованиями независимо от храма! Никто не стоял бы у меня над душой! Если бы только было возможно прожить на одном месте хотя бы неделю... О, Безымянный меня побери!

— Так ты все-таки готов рискнуть? — с сомнением спросил Арьель. — А Марика говорила...

— Марика сама не понимала, чего хочет! — перебил Нэль. — Не понимала, какой опасный опыт затеяла. Я готов рисковать, так же как и господин тан, но только — своей головой. Довольно с меня смертей и увечий.

— Однако ты грозился господину тану наводнениями и пожарами... Значит, его головой ты готов рискнуть?

Нэль быстро посмотрел на него и поджал губы.

— Это совсем не то. Господин тан, может, и водится с магами, но магическим даром не обладает. Значит, рядом со мной ему делать нечего, в опыты он вмешиваться не станет. А вот любезно предоставленная им лаборатория может пострадать, и сильно. На этот случай ему следует подумать, как устроить ее возможно дальше от жилых помещений. Об этом я и предупредил. Ему следует десять раз все взвесить, прежде чем заводить со мной дела. Если в братстве прознают, что господин тан покровительствует человеку, отлученному от гильдии, у него и впрямь могут начаться

неприятности.

— Мне показалось, он к этому готов, — возразил Арьель. — Но с какой стати гильдии лезть в твои дела? Раз тебя изгнали, значит, должны перестать тобой интересоваться.

Нэль покачал головой.

— Все не так просто... Шесть лет меня не трогали, это верно. Но я ведь был далеко от здешних мест. Теперь, если станет известно, что я вернулся... не знаю, чем это может грозить. Может быть, ничего и не случится. А может быть, господа маги, наконец, спохватятся, что отпустили бродить на воле сгусток неуправляемой магической силы... Так или этак, скоро мы все узнаем. Не думаю, что мое появление в Аркаре останется незамеченным.

— Так ты все-таки хочешь вернуться в Аркару? — Арьель встревожено приподнялся.

— А больше мне все равно ничего не остается.

До сих пор Арьель не очень-то задумывался о том, что они очень медленно, но все же приближаются к Аркаре. Разговоров о цели их совместного путешествия не возникало; спутники как бы заключили негласное соглашение «идти, куда глаза глядят». Глаза Нэля, как выяснилось, смотрели все-таки в сторону Аркары. Шесть лет бродяжничества не смирили его с судьбой изгнанника. И осторожности, кажется, не прибавили.

— Вот как я думаю, друг Арьель... — он остановился перед музыкантом, сложив на груди руки и вперив себе под ноги задумчивый взгляд. — В Аркаре у меня два пути: или получить прощение у госпожи Аманды, или отдаться в руки служителей Прайоса. В последнем случае меня, конечно, поместят под стражу, и я смогу попытаться совладать с проклятием своими силами. Это хороший случай испробовать совет Марики. Руки мне, вероятно, свяжут, и открыть замок заклинанием будет невозможно...

— О, Двенадцать! А как ты, собственно, собираешься потом выбираться из города? Если суд утвердит смертный приговор...

Нэль слегка улыбнулся.

— Об этом не беспокойся.

Ничего себе, «не беспокойся». По мнению Арьеля, об этом следовало беспокоиться в первую очередь.

— Или ты надеешься, что за давностью лет приговор потерял силу и будет пересмотрен?

— Не исключено, что казнь заменят повторным изгнанием. Говорю же, я готов рискнуть! Но тебя с собой не зову. Не хочу, чтобы ты оказался замешан в неприятности, чтобы твое имя связывали с именем Поджигателя.

— Ну уж нет, — сумрачно сказал Арьель. — Я от тебя не отстану, даже не думай.

Нэль не стал его отговаривать. Иногда он и впрямь не настаивал. Помолчав немного, он поднял голову, неожиданно серьезно посмотрел на музыканта и сказал непонятно:

— Знаешь, иногда мне начинает казаться, что никакого проклятия на самом деле не было... и что дело только во мне самом...

Глава 5

Стражники у ворот Аркары не обратили на двух путешественников никакого внимания, хотя Арьель ждал, что их схватят, не успеют они еще войти в город. Почему он решил, что все поголовно аркарцы должны знать мага в лицо, он и сам не мог бы объяснить.

Нэль неспешно шел по улице. Он не крутил головой по сторонам, с жадностью отыскивая знакомые приметы (чего Арьель от него втайне ждал), а смотрел себе под ноги — как всегда. На его лицо снова была натянута привычная бесстрастная маска, и только по едва заметному дрожанию ноздрей можно было судить, насколько он взволнован. Но это видел только Арьель.

— Куда мы идем?

— На постоянный двор. Не могу же я так сразу явиться к госпоже Аманде... да и жива ли она еще? нужно сначала разузнать...

— Пока ты будешь разузнавать, кто-нибудь донесет на тебя в храм Прайоса!

Стоит нам только наткнуться на мага...

— Значит, такая судьба, — спокойно ответил Нэль.

— Судьба? Нэль, ты сумасшедший.

— Знаю. Будь иначе, я бы до сих пор учил детишек в храме.

Арьель каждую минуту ждал, что кто-нибудь окликнет мага и немедленно позовет стражу. Но никто их не останавливал. Они вышли на рыночную площадь, уже почти опустевшую в это время дня. Здесь впервые Нэль поднял голову и огляделся вокруг. В глазах его промелькнуло какое-то жадное и нетерпеливое выражение. Арьель проследил выражение его взгляда и мысленно выругался: справа над площадью, на фоне розовеющего неба, возвышался мощный фронтон, украшенный барельефом в виде змеи. Теперь Нэлю оставалось только остановиться и устроить магический фейерверк, чтобы наверняка привлечь внимание магов.

Нэль, однако, останавливаться не собирался, из чего музыкант заключил, что малую толику благоразумия он еще сохранил. Он прошел через площадь и свернул в боковую улицу. Почти сразу показалась вывеска с игривым названием «Незабудка». Нэль толкнул дверь и вошел. Нахальство его не имела пределов: вместо того, чтобы прятаться и привлекать к себе как меньше внимания, он явился в гостиницу в самом центре города. Наверняка из некоторых комнат виден купол храма Гесинды... Арьель уже готов был голову заложить, что Нэль нарочно ведет себя так вызывающе, чтобы уж наверное избежать встречи с госпожой Амандой. Повторный суд и заключение в подвалах Прайоса ему было бы, пожалуй, не в пример легче снести.

— Хозяин! — крикнул Нэль. — Нам с другом нужна комната.

Хозяин, худой, средних лет мужчина с бородой и усами, поднял голову от расходных книг, над которыми прикорнул на краю стойки.

— Комната у меня есть, — проговорил он неторопливо, пристально разглядывая Нэля. — Последняя осталась, остальные заняты. Только дорогая она, по карману ли?

— Все равно, — сказал Нэль. — Я заплачу. Вот деньги. И сообразите нам ужин, будьте добры.

Из окна, как и предполагал Арьель, можно было любоваться на белоснежный полусферический купол храма. Нэль только глянул в окно и сразу отвернулся. С явным облегчением снял бурнус, бросил его на стул, а сам повалился на кровать.

— Он, кажется, узнал меня, — задумчиво сообщил он.

— Он и еще с десятков человек на улице? — Арьель оседлал стул задом наперед, скрестил на спинке руки и упер в них подбородок.

— Не исключено.

– Послушай, Нэль... Ты уверен в том, что делаешь? Не лучше было бы поселиться где-нибудь в неприметном месте? Я бы разузнал для тебя насчет госпожи Аманды... Зачем было так выставляться? Ведь непременно кто-нибудь пошлет за стражей!

– Может, ты и прав... – вздохнул Нэль. – Но я, кажется, не могу заставить себя пойти к госпоже Аманде. Мне... страшно. Как я покажусь перед ней? В детстве она жалела меня, называла «сынок», встречала, как родного. А на суде, когда мы виделись в последний раз, назвала убийцей, а ведь тогда Лионетта была еще жива. Что она скажет теперь? Нет, лучше уж стража, друг Арьель...

– Нэль... – неуверенно проговорил музыкант. – Ну а что, если легенда врет? Что, если ты не виноват в ее смерти?

– Ивон считает, что виноват... Между прочим, интересно, куда он пропал? – перебил себя Нэль. – Давно его не видно. Я думал, он идет по моему следу...

Действительно, Ивона они не встречали с того дня, когда он пытался убить мага – хотя он и обещал, что вскоре снова их найдет.

– Я по нему не скучаю, – заметил Арьель. На душе у него с каждой минутой становилось все пасмурнее.

– Если меня возьмут под стражу, – снова заговорил о другом Нэль, – сразу уходи из Аркары. Иначе у местных властей могут появиться к тебе вопросы. Вряд ли тебе предъявят какие-нибудь обвинения, но допросами замучают. Поэтому уходи и не пытайся ничего обо мне разузнать. И не тревожься. А если захочешь со мной еще встретиться... иди к Марике. Увидимся у нее. И, пожалуйста, отнеси к ней мои записи. Очень не хотелось бы их потерять.

Арьель подавленно молчал. Приподнявшись на локте, Нэль внимательно заглянул ему в лицо.

– Что молчишь? Не согласен? Поверь же, лучше тебе поступить именно так. Если все обернется к худу, мне ты не поможешь, а себе навредишь. А теперь давай поедим. Кажется, нам несут ужин.

Он не ошибся. Постучавшись, в комнату вошла девушка с подносом; из-под повязанного на голове платка на плечи ей спускались две темные косы. Она молча поклонилась и принялась переставлять с подноса на стол посуду, при этом то и дело косилась на Нэля. Когда она ушла, маг проводил ее задумчивым взглядом.

– Узнала, – сказал он. – Я врачевал когда-то ее отца.

Он вдруг встряхнулся, соскочил с кровати и подсел к столу; с видимым удовольствием принялся за еду. Арьелю же кусок в горло не лез. Ужин прошел в молчании. Нэль был задумчив, но ел с аппетитом. Арьель, настроенный, как того требовало его ремесло, романтично, все ждал, что после ужина он попросит отвести его к могиле Лионетты. Но маг просто вернулся обратно в постель, всем своим видом показывая, что намеревается

теперь как следует выспаться.

— Нэль, ты просто невозможен! — вырвалось у музыканта.

— Ложись-ка ты тоже спать, — последовал ответ.

Посреди ночи на лестнице послышался дробный торопливый топот, а следом — громкий и бесцеремонный стук в дверь. Арьеля подбросило на кровати, сон слетел с него в одно мгновение.

— Нэль! — позвал он испуганным шепотом.

— Я слышу, — отозвался ровным голосом маг, добавил что-то непонятное, и тут же сама собой зажглась свеча на столе.

— Именем Прайоса, откройте!

— Минуту, — громко сказал Нэль. Он поспешно запахнул на груди и перетянул поясом балахон, затем отодвинул задвижку на двери (ее, ложась спать, сам не зная зачем задвинул Арьель).

В комнату ввалились человек пять в форме городской стражи, за их спинами маячил бледный, с поджатыми губами, хозяин гостиницы. Сразу стало очень тесно.

— Вы — Лионель из Аркары? — громко спросил человек с нашивками десятника на форменной куртке.

— Да, я, — ответил Нэль.

— В такой случае, сообщаю вам, что с этой минуты вы под арестом. И не вздумайте колдовать — с нами маг.

Вперед тихо выступил человек в длинном плаще из черной шерсти. Под ним синевой проблескивал шелк. Нэль наклонил голову.

— Мэтр Андрес... приветствую.

— Не ожидал увидеть тебя еще когда-нибудь, Лионель, — сказал маг. — Ты поступил весьма опрометчиво, вернувшись.

— Вам, полагаю, известны причины ареста? — вмешался десятник.

— Да, — ответил Нэль.

— В таком случае, будьте добры... ваши руки. Мы должны сковать вас.

Нэль молча протянул руки вперед. Один из стражников поспешно замкнул на запястьях кандалы. Арьель, ни жив ни мертв, сидел на кровати, вцепившись пальцами в матрац. Спокойствие, с которым держался маг, было для него совершенно не постижимо. Его самого так и колотила дрожь.

— Для присутствующих здесь свидетелей считаю своим долгом сообщить, — официальным голосом объявил десятник, — что маг из Аркары, Лионель сын Германа, известный так же как Поджигатель, шесть лет назад решением высшего городского суда Прайоса был изгнан из города за совершенные им преступления против жителей, и предупрежден, что возвращение его в Аркару будет караться смертью. Посему, Лионель сын Германа будет

препровожден сейчас в городскую тюрьму, где останется до подтверждения приговора. К его спутнику, — легкий поклон в сторону Арьеля, — у города претензий не имеется. Однако, господин бургомистр и господин высокий судья были бы весьма обязаны вам, если бы с наступлением утра вы согласились зайти в магистрат и ответить на некоторые вопросы. Прошу прощения за беспокойство.

Десятник еще раз поклонился Арьелю. По его знаку двое солдат встали по бокам от Нэля, один из них подтолкнул его к двери. Маг вышел, не обернувшись. Следом вышли все остальные.

Оставшись один, Арьель перевел дух и запустил обе пятерни в волосы. Ну и что теперь делать? Сбирать вещи и бежать из города? Ждать у Марики? Но чего ждать? А если в это время произойдет непоправимое? Нэль рассчитывает выбраться из Аркары живым, но что именно он собирается предпринять? Если бы он хоть словом намекнул, было бы спокойнее. Но все, что он сказал, сводилось к «жди и не тревожься». А как же не тревожиться?

Возможно, Нэль и отыщет способ выпутаться самостоятельно. Только Арьель, поразмыслив, решил, что к Марике не пойдет, тем более что это весьма не близко. Для начала он положил предпринять кое-что в Аркаре, самое меньшее — поговорить с одним своим хорошим знакомым, от которого, кстати, в свое время и узнал большинство подробностей из истории Лионеля и Лионетты.

* * *

Городская тюрьма располагалась в нижних помещениях храма Прайоса. Идти было недалеко. Но солдаты очевидно нервничали в обществе двух магов и торопились избавиться от них, то и дело подталкивали Нэля в спину — не грубо, но настойчиво, — вынуждая идти быстрее. Под ногами был лед и грязный истоптанный мартовский снег, Нэль оскальзывался и спотыкался.

— Зачем ты вернулся? — вполголоса спросил мэтр Андрес. До сих пор он шел впереди, рядом с десятником, а теперь замедлил шаг и поравнялся с Нэлем. — Неужели рассчитываешь на снисхождение?

— Нет, не рассчитываю, — ответил Нэль.

— Второй раз ты так же легко не отделаешься. Старшие уже горько пожалели, что отпустили тебя из города...

— О чем им сожалеть? Это решали не они.

— Да, но они сложили с себя всю ответственность за твои дела и позволили городу вынести приговор. В этот раз старшие будут настаивать на смертной казни или, самое меньшее, пожизненном заключении.

— Гильдия намерена вмешаться в дела города? — удивился Нэль.

— Господин маг, — помявшись, кашлянул десятник. — С арестованным разговаривать запрещено.

– Простите, офицер, – кротко отозвался мэтр Андрес и, ускорив шаг, ушел вперед.

Нэль закусил губы и задумался.

И заключенные, и посетители сопровождались в тюремные помещения с завязанными глазами. Исключения не делались даже для королей. Нэлю завязали глаза с особенной тщательностью. Как маг, он мог открыть портал откуда и куда угодно. Правда, исходная точка значения не имела, важно было только отчетливо представить себе место назначения, но солдаты в таких тонкостях не разбирались, а Нэль не стал их просвещать. Да и все равно, с завязанными глазами или нет, сделать он ничего не мог, пока на руках оставались кандалы. Маг – только наполовину маг, если у него не свободны руки.

Стертые ступеньки под ногами были неровными и скользкими, двое солдат поддерживали Нэля под локти. Спускались долго, лестница оказалась длинной. Нэль ничего не видел, но чувствовал, как меняется температура и влажность воздуха.

Повязку с глаз в камере сняли, а кандалы на руках – оставили. Лязгнула, закрываясь, решетка, и Нэль остался один. На стене в коридоре, чуть поодаль, дымно горел факел, и при его свете маг рассмотрел свою новую обитель. В каморке пять на пять шагов помещалась одна только лежанка, сколоченная из досок. На нее был брошен ветхий тюфяк, из прорех тут и там торчала серая солома. Там же, на лежанке, стояла кружка с водой. Каменные стены и пол были холодными но, как ни удивительно, сухими. Зато запах... Нэль глубоко вдохнул несколько раз, привыкая, и поморщился. Вонь стояла, как в выгребной яме. Похоже, братья Перайны неважно продумали систему подземной канализации. Если только их вообще когда-нибудь беспокоил этот вопрос.

Нэль переставил кружку на пол и, подобрав полы балахона, забрался на лежанку. Уселся, скрестив ноги, пристроил на коленях скованные руки и закрыл глаза. Времени, чтобы побыть наедине со своим проклятием, у него было, хоть отбавляй.

– Эй, господин маг, очнитесь-ка!

Громкий и грубый голос стражника далеко не сразу пробился к сознанию Нэля. Слои за слоем, он поднимался на поверхность из глубин магического транса, и наконец почувствовал, что его сильно трясут за плечи. Он клацнул зубами и открыл глаза. Мужчина, который стоял перед ним, испуганно шарахнулся назад и сделал знак против нечисти.

– Фу, Безымянный меня побери!

Нэль с трудом разлепил пересохшие губы. Тусклый свет факела в руке у второго стражника, ждущего в коридоре за решеткой, резал глаза. Сколько же времени прошло?

– Не... бойтесь. Разве вы не знаете, что маг опасен, только если у него свободны руки?.. – Нэль слегка развел ладони, чтобы натянулась цепь.

– Я уж думал, что вы того-с, господин маг, померли, – пробормотал солдат.

– А что... случилось?

– Пришли к вам... дама... повидаться желают-с.

– Дама? – хрипло переспросил Нэль.

– Ждут вас в коридоре-с. Так вы подойдете?

– Да... сейчас.

Ноги затекли. Нэль выпрямил их, почти не чувствуя, и неловко сполз с лежанки. Сделал шаг к решетке, его шатнуло.

– Эх вас проняло-то... – пробормотал стражник сочувственно, но не сделал никакой попытки помочь. – Не подходите пока близко, господин маг, – сам он резво подскочил к двери и в мгновение ока выскользнул в коридор. Загремел засов. – Теперь можно. И вы, госпожа, пожалуйста-с сюда.

Нэль кое-как дотащился до решетки и встал, схватившись обеими руками за толстые частые прутья. После продолжительного магического транса он, как это всегда бывало, еще не совсем отчетливо воспринимал окружающие предметы, и не совсем хорошо владел физическим телом.

– Кто хотел меня видеть?

Стоявшая рядом со стражником фигура, закутанная в покрывало, приблизилась. Солдаты, напротив, почтительно отошли подальше – но так, чтобы при необходимости быстро подоспеть на помощь посетительнице.

Женщина отбросила с головы накидку, и Нэль, выдохнув сквозь зубы, резко подался вперед и прижался лицом к решетке.

– Госпожа Аманда!

Она смотрела на него в упор большими, черными, сухими глазами, глубоко запавшими в глазницах. Серые волосы беспорядочными прядями спадали вдоль щек. Нэль не мог оторваться от ее лица. Как она изменилась! За шесть лет из красивой, полной сил женщины превратилась в старуху...

– Не смотри на меня так, колдун, – голосом сухим и ломким прошелестела госпожа Аманда. – Заворожить меня все равно не сумеешь, я не такая глупышка, как бедная Лионетта... О, как жаль, что они не ослепили тебя тогда же! не выжгли твои проклятые глаза, которыми ты околдовал мою девочку...

Нэль попробовал расслабить пальцы, намертво сомкнувшиеся на прутьях решетки – тщетно. Тело не повиновалось, да и мысли неслись вразброд. Он облизнул губы, попытался сосредоточиться.

– Что ты молчишь, колдун? Сам хотел меня видеть, а теперь язык проглотил?

— Откуда вы знаете? — выдохнул Нэль.

Госпожа Аманда хрипло, отрывисто засмеялась — словно ворона закаркала. От этого безумного, мертвого смеха Нэля с ног до головы накрыло холодной волной.

— А друг твой ко мне приходил, от него и знаю. Болтал о каком-то проклятии, уверял, что тебе жизни из-за него нет. И правда, кое-какие слова я сказала, когда девочку мою хоронили. Только не знала, услышали меня боги или нет. Выходит, услышали... А что, крепко жгут тебя мои слова? уж наверное, крепко, если прибежал сюда и смерти не побоялся, — сама себе раздумчиво ответила госпожа Аманда. — Друг твой просил забрать те слова обратно, просил простить тебя. Тьфу! Как только язык повернулся?.. Ну, я его и прогнала. Не хочу, чтобы ты жил спокойно, когда моя девочка лежит в земле. И не хочу, чтобы ты умер быстро. Может, если проклятие сожрет тебя заживо, станет мне немного полегче, — она помолчала. Нэль тоже не говорил ни слова и не шевелился, только ноздри у него вздрагивали — как накануне, когда они с Арьелем шли по аркарским улицам.

— Ну? Что же ты все молчишь? Не хочешь разве сам за себя попросить? а ну как разжалобишь, и облегчение тебе выйдет?

— Зачем... вы пришли? — выдавил Нэль.

— А посмотреть на тебя захотела, — тут же отозвалась госпожа Аманда. — В глаза твои бесстыжие заглянуть и понять, как у тебя совести-то хватило вернуться. Ну, да ты и раньше был со змеиной душой, и теперь, как вижу, такой же остался.

С этими словами она отвернулась от решетки и собралась уходить. Но Нэль, вдруг упав на колени, быстро схватил скованными руками край ее платья и прижал к губам. И, прежде, чем она успела понять, что происходит, так же стремительно встал и отошел вглубь камеры. Он стоял, не оборачиваясь, пока не затихли вдали шаги госпожи Аманды и железное бряцанье ее сопровождающего. Потом с тихим стоном опустился на пол и скорчился, как будто получил стрелой в живот.

Впрочем, в таком положении он оставался недолго. Когда стражник вернулся, чтобы проверить, как предписывалось правилами, не натворил ли чего заключенный, Нэль с безучастным видом сидел на краю лежанки.

И думал он вовсе не о визите госпожи Аманды, который всколыхнул в нем давнюю боль и воспоминания, к которым он не хотел никогда возвращаться. Думал он об Арьеле, который вот пошел к чужому человеку просить за него. А кто Нэль для него? Да просто случайный знакомый...

* * *

Аркарский приятель Арьеля, ювелир с Горбатой улицы, мало чем мог ему помочь в этой непростой ситуации. Ювелир состоял в числе городских судей, но крупными процессами не занимался. И о деле служителя Гесинды,

мага Лионеля, он знал только понаслышке, поскольку оно прошло мимо него. Новость же о возвращении Нэля в Аркару стала для него сюрпризом.

— Очень, очень опрометчиво с его стороны, — заявил ювелир, покачивая головой. Собеседники уютно устроились перед камином в гостиной его дома. — Не может же он не понимать, чем ему грозит этот поступок?

— Не знаю, понимает он или нет, но его нужно спасти от костра. Ты мог бы предложить какой-нибудь план действий?

— А ты-то, мой друг, каким боком замешан в эту историю? — удивился ювелир. — Ты связался с магом? Зачем?

— Так получилось... — вздохнул Арьель.

— Плохо получилось. Тебе следовало бы держаться от него подальше. Ведь я же рассказывал тебе, что он натворил.

— Да, но... Ты не знаешь, что он за человек! И ему нужна помощь.

— А ты с готовностью бросился его спасать? Друг мой, ты чересчур мягкосердечен. Или он навел на тебя какие-то чары? — с усмешкой добавил ювелир.

Арьель нетерпеливо отмахнулся.

— Ох, да будет тебе! Ведь не обо мне теперь речь! Скажи лучше, можно что-нибудь сделать, чтобы казнь заменили повторным изгнанием?

— Даже не знаю... если бы удалось надавить на судей... Но кто за это возьмется? — ювелир задумчиво теребил золотую цепь, лежавшую на его круглом брюшке. — Почти все уважаемые граждане Аркары имеют на мага зуб после того великого пожара. Пострадал ведь самый центр города... И отношение к нему только ухудшилось после смерти той несчастной девушки. Ее мать постаралась, чтобы придать делу широкую огласку и выставить мага в самом черном свете. Теперь никто про него и доброго слова не скажет.

— И ты?

— А что — я? Высоким судьям я не указ.

— А кто указ?

— Говорю же, в Аркаре ты такого человека не найдешь... Если только кто-то из нобилей, но станут ли они связываться с судом Прайоса?

— Вряд ли... — пробормотал Арьель, но вдруг в голове у него что-то щелкнуло: тан Альбрехт Аль! Вот кто производил впечатление человека, готового ввязаться в заваруху — не ради личного интереса, но ради справедливости. И он — нобиль, а значит, имеет в королевстве влияние. Правда, он нобиль не аркарский... И все-таки Арьель решил, что этот вариант нужно обязательно рассмотреть. Тем более что тан явно был настроен любой ценой помочь магу.

— Ты можешь хотя бы разузнать для меня, когда состоится слушанье?

— Конечно, узнаю. Но, заклинаю тебя Двенадцатью, не лезь ты в это дело! Надежда на благоприятный исход очень слаба. А утащить за собой в пропасть маг легко может любого, кто окажется с ним связанным.

— Могу только пообещать, что буду осторожен, — развел руками Арьель.

— Ну, дело твое. Поступай, как знаешь.

Арьель заглянул еще к паре знакомых, но и они не смогли посоветовать ему ничего толкового. Постепенно в нем крепло убеждение, что нужно мчаться за помощью к тану Алю. Если он, конечно, успеет... Ювелир сообщил, что слушанье назначено через неделю. Времени оставалось в обрез. Придется скакать верхом, с тоской понял Арьель.

Заходить ли перед отъездом из Аркары к госпоже Аманде, он думал долго. И решил, что нужно обязательно зайти, раз уж появилась возможность освободить Нэля хотя бы от проклятия.

По лицу госпожи Аманды с Тополиной улицы еще можно было угадать, что несколько времени назад она была замечательной красавицей. Но это если только уметь смотреть и замечать. А вот сила снедавших ее горя и ненависти становилась понятна любому с первого взгляда. Раньше Арьель думал, что такое бывает только в балладах и никогда не встречается в настоящей жизни. Но, едва встретившись с ней глазами, он подумал, что на месте Нэля ни за какие блага мира не приблизился бы к этой страшной женщине. Но на своем месте Арьелю ничего не оставалось делать, кроме как приступить к делу. Для начала он назвал и объяснил, от чьего имени пришел говорить. И в течение последующих десяти минут ощущал себя как человек, нагишом угодивший под град величиной с куриное яйцо. Только вместо градин падали на него слова — тяжелые, злобные, жестокие, пропитанные застарелой ненавистью. Арьель держался стойко, пытался как-то пробиться через глухую стену, которой окружила себя госпожа Аманда, хотел разжалобить женщину, но добился только того, что на него едва не накиннулись с колотушками. На шум откуда-то из глубины дома вышел рослый сумрачный мужчина с черной бородой-лопатой. Госпожа Аманда бросилась к нему, указывая на ошарашенного Арьеля исхудавшим пальцем:

— Этот человек... он... он... он пришел от Поджигателя!

Бородач зловещей глыбой надвинулся на музыканта.

— Убирайтесь подобру-поздорову, сударь... — прогудел он. — Мы здесь ничего не хотим слушать о колдуне. И если вы с ним приятели, то тем для вас хуже...

Пришлось уходить, несолоно хлебавши, и радоваться, что легко отделался. Если бы он знал, что своим появлением на Тополиной улице подвигнул госпожу Аманду навестить Нэля в его узилище, то, пожалуй, так не радовался бы.

Сумку с вещами мага Арьель оставил на хранение у ювелира.

В конских статях он решительно не разбирался, а потому попросил одного из своих знакомцев подобрать ему послушную, не слишком резвую лошадку. Хоть время и поджимало, свалиться посреди дороги, не удержавшись в седле горячего скакуна, и повредить себе что-нибудь он не хотел. Наездником он был неважным.

Ему нашли серую кобылку, умную и смирную. В седло, впрочем, он забирался не без внутреннего содрогания, заранее представляя, каково будет его самочувствие к концу путешествия.

Уже к вечеру он чувствовал себя скорее мертвым, чем живым, мечтая поскорее выбраться из седла и растянуться на чем-нибудь мягком. К тому же он всю дорогу вспоминал разговор с госпожой Амандой, и это ничуть не улучшало его настроения. Бедная женщина! Конечно, ее можно понять, она потеряла самое дорогое, что имела, и эта потеря застила ей весь мир. И у нее есть причины ненавидеть Нэля. Но ведь и Нэлю с его непреходящим чувством вины тоже нелегко! Ведь не нарочно же он устроил пожар. И смерти Лионетты он не хотел... Каково ему было узнать, что через него погибла девушка, которую он называл сестрой? Он не показывал виду, но Арьель был уверен, что известие о смерти Лионетты стало для него жестоким потрясением.

Не доезжая до Тальеры, музыкант нагнал какого-то мужичонку, который размеренно шагал рядом с запряженной в розвальни ледащей кобылой, и спросил его, как попасть в имение тана Альбрехта Аля. Мужичонка почесал пятерней в космах, задумался и довольно уверенно рассказал дорогу.

— Долго ли ехать? — спросил Арьель.

— Да с четверть часа, пожалуй.

Солнце клонилось к закату, и надо было поспешать. Музыкант подстегнул свою серую кобылку. Минут через тридцать впереди на фоне розово-фиолетового неба черным обрисовались острые конусные крыши четырех угловых башен. Мост через ров, по мирному времени, оказался опущен, решетка — поднята. Арьель въехал прямо в мощный брусчаткой двор и мешком выпал из седла. Именно так, подумалось ему, чувствуют себя освободившиеся от земных мучений души, когда входят в покои Борона. От хозяйственных построек к нему спешил слуга.

— Что вам угодно, господин? — крикнул он на ходу.

— Мне угодно видеть тана Альбрехта Аля, — ответил Арьель не без внутреннего содрогания.

Слуга принял у него лошадь, другой слуга провел внутрь. Тан встретил его в своем рабочем кабинете, где ярко полыхало пламя в камине, а стены были отделаны зеленым и ореховым бархатом. Вдоль одной стены стоял длинный книжный шкаф, напротив висели многочисленные охотничьи трофеи, среди

них — раскидистые оленьи рога. Арьель, впрочем, не оценил всего этого великолепия. Среди мертвых звериных голов со стеклянными глазами он чувствовал себя, как в склепе.

Тан казался столь же удивленным, сколько обрадованным. На нем был запахнутый бархатный дублет, из-под которого пенились кружева тонкой рубашки. Рядом с ним Арьель почувствовал себя грязным и ничтожным оборванцем.

— Приветствую вас, господин музыкант! — радушно воскликнул тан, словно не замечая (или же успешно притворялся, что не замечает) его истрепанного вида. — Присаживайтесь, выпейте вина. Отличное вино, бергонтское... А где же ваш друг?

— Ох, — сказал Арьель, держась за поясницу. — Из-за него-то я сюда и приехал.

Улыбка на лице тана погасла, взгляд стал серьезным.

— Надеюсь, с ним не случилось никакой беды?

— Увы! Нэль в беде, и в серьезной.

— Рассказывайте! — приказал тан.

В пути Арьель потратил немало времени на обдумывание предстоящего разговора с таном, чтобы, добравшись до места, не потерять ни минуты. Он составил подробный, но не отягощенный ненужными деталями рассказ, который и выдал теперь на одном дыхании, словно хорошо знакомую балладу. Ничего хорошего в том, чтобы сообщать малознакомому человеку весьма неприятные факты из жизни Нэля (который вовсе не просил об этом), он не видел, но другого выхода не было. Тан должен был осознать серьезность ситуации.

И судя по всему, он ее осознал. Его светлые брови сошлись на переносице, губы плотно сжались, и он то дело принимался поглаживать усы. Лицо так помрачнело, а глаза так похожи стали на два кусочка льда, что Арьель вдруг твердо понял: сейчас его выкинут за порог, наказав слугам не подпускать его к воротам ближе, чем на расстояние лиги. Похоже, что у тана уже пропала охота ссориться с гильдией и городом из-за какого-то бродяги. Но делать было нечего, пришлось договаривать до конца.

— Это какое-то безумие, — хмуро сказал тан, когда Арьель замолк. — Ну хорошо, Нэль, хоть и маг, все-таки он еще очень молодой человек. Ему простительно. Но вы-то! неужели вы тоже верите в эту чушь?

— В какую? — растерялся Арьель.

— В эту историю с проклятием.

— А вы разве... нет?

— Нет, — отрезал тан. — Все это глупые выдумки, суеверия, не более того. Если верить всему, что бормочут деревенские колдуньи... Почему вы не помешали Нэлю вернуться в Аркару? Вы ведь знали, чем ему это грозит!

— Удерживать его все равно, что пытаться остановить реку, — возразил Арьель. — Так же действительно и так же небезопасно.

— Смотря как стараться! Впрочем, ладно. Чего теперь рассуждать. Я полагаю, вы приехали просить у меня помощи. Так?

— Да.

— Хм, вы считаете, что я настолько влиятелен, чтобы повлиять на решение судей? Если бы речь шла о Тальере, никаких затруднений не возникло бы. Но Аркара...

Сердце у Арьеля упало.

— Так вы не сможете помочь?

Тан поморщился.

— Мое слово кое-что значило бы, если бы судьбу вашего друга решала магическая гильдия. Но храмовники устранились от этого дела еще шесть лет назад, а давить на аркарских судей... я не знаю. Не знаю, господин музыкант, смогу ли я что-нибудь сделать. Кроме того, ведь приговор уже вынесен?

— Суд должен подтвердить его повторно. Так мне сказали...

— Непонятно... Целая неделя на то, чтобы подтвердить однажды вынесенный приговор? Кто-то уже давит на них? Неужели гильдия снова решила вмешаться? — тан помолчал, задумавшись. — Ладно. Все вопросы будем выяснять на месте. Вы будете в состоянии выехать завтра поутру?

Значит, от него все же не ускользнули болезненные гримасы, которые появлялись на лице Арьеля при каждом неловком движении.

— Конечно, я смогу, — храбро ответил музыкант, хотя при одной мысли о том, чтобы снова залезть в седло, ему стало нехорошо, а все его тело буквально вопило, требуя продолжительного отдыха.

Тан пронзил его внимательным взглядом.

— Вы уверены? Не хотелось бы привезти в Аркару труп или что-то близкое к этому. Ручаюсь, если вы доедете, потом очень долго не сможете ходить.

— Что же делать? Времени у нас в обрез...

Тан немного подумал.

— Вот как мы поступим, — решительно сказал он. — Я поскачу вперед как можно быстрее, а вы поедете следом в экипаже. Никаких возражений! Ваше присутствие все равно не понадобится. Приедете днем позже, только и всего. К тому времени ситуация так или иначе разрешится. Если все пройдет благополучно, мы с господином Нэлем отправимся вам навстречу. Если нет... дождусь вас в Аркаре. В любом случае, лишние жертвы нам не нужны. Согласны?

Таким образом, у Арьеля появилась возможность на три дня ощутить себя нобилем, который неспешно путешествует по королевству в свое

удовольствие. Дороги еще не развезло, кони у тана Аля были резвые и гладкие, санный экипаж летел легко и быстро, как птица. Увы, Арьель не мог насладиться нежданно свалившейся на него роскошью в полной мере. Слишком он устал, да и душевное напряжение давало о себе знать. Что, если тан не успеет? Или не сумеет ничего сделать? Верно же говорят, думал Арьель, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

* * *

Почти все время Нэль проводил, войдя в состояние легкого магического транса. Так было легче — не тревожили ненужные мысли, не так сильно донимал тот зуд, который годами гнал его с места на место.

В этом состоянии он слышал все, что происходило в коридоре за пределами его камеры. Он знал, что стражников тревожит его долгая неподвижность и почти полный отказ от пищи. Кажется, они решили, что он вздумал уморить себя до суда. Нэлю было лень их разубеждать.

Он уже узнавал всех солдат по голосам, и очень удивился, когда однажды услышал в коридоре новый голос. Говорил мужчина — ровно, тихо, очень мягко, и что-то очень знакомое было в его интонациях. Нэль прислушался внимательнее.

— Позвольте мне войти в камеру. Даю слово, я не причиню пленнику зла, и не буду пытаться устроить ему побег.

— Простите, господин, но это никак нельзя. Не положено-с... — с неловкостью отозвался стражник.

Гость не стал настаивать. Нэль услышал шелест ткани (слух его обострился до крайности) и легкие шаги, которые замерли у самой решетки.

— Лионель! — позвал смутно знакомый мягкий голос. — Лионель, ты можешь поговорить со мной? Это я, Лекад.

Нэль судорожно вздохнул и резко сел на лежанке.

— Лекад? Мне не послышалось?

— Не послышалось. Это я.

Нэль быстро подошел к решетке. В коридоре стоял человек, который единственный (кроме Лионетты) поддерживал его в те страшные дни после пожара.

— На тебе белая мантия! Ты теперь один из старших?

Лекад улыбнулся — прежней, сдержанной улыбкой.

— И это все, что ты хочешь у меня спросить? — он протянул через решетку ладонь, и Нэль сжал ее обеими руками. — Ну, Лионель, здравствуй. Не скажу, что рад тебя видеть. То есть ты понимаешь — при таких обстоятельствах...

— Понимаю.

- Зачем ты вернулся?
- Ты уже второй, кто спрашивает об этом.
- А кто был первый?
- Мэтр Андрес. Он тоже хотел знать, зачем меня занесло в Аркару.
- И что ты ему ответил?
- Ничего. Его это не касается. Послушай, Лекад... – Нэль запнулся и тут же продолжил: – Это очень хорошо, что ты пришел. Я хочу спросить кое-что.

Лекад кивнул.

- Конечно, спрашивай.
- Ты... видел Лионетту после того, как я ушел?
- Да, – ровно ответил Лекад. – Она пришла в храм Перайны и попросилась ко мне в помощницы. Я согласился. К сожалению, я слишком поздно понял, что именно скрывалось за ее просьбой.
- Что с ней случилось?

Лекад безмятежно и ясно посмотрел ему в лицо, и Нэль вдруг подумал, что никогда и не видел у него другого взгляда. И душа у служителя Перайны была такая же, как его взгляд: чистая, ясная и твердая, как алмаз. Ничто не могло замутировать ее.

- Лионетта выпила яд – один из тех, которые ты не захотел забирать с собой, когда уходил.
- Это точно не был несчастный случай? – закусив губы, спросил Нэль.
- Думаю, нет. Она приняла решение вполне сознательно. Мне жаль, что я не смог предугадать ее замысел и остановить. Прости.
- За что ты просишь прощения? Ты не виноват. Вся вина на мне.
- Ты по-прежнему думаешь так? – спокойно спросил Лекад.
- А ты – нет?
- Я думаю, это испытание. Боги испытывают тебя.
- Для чего?

– Этого нам не дано знать. Но то, что происходит сейчас, тоже может быть частью замысла Двенадцати. Мне так кажется. Подумай, Лионель, чего бы они могли ожидать от тебя? Наверняка это как-то связано с твоей силой. Прошу тебя, подумай хорошенько. Времени осталось немного. Суд состоится через два дня, и я более чем уверен, что тебя отправят на костер.

Нэль глубоко вздохнул. К этому он был готов, но все же внутри что-то екнуло. Лекад смотрел на него со своим обычным выражением спокойного участия, и Нэль неожиданно ему позавидовал: вот человек, который во всем полагается на волю богов. Если бы только он, Нэль, обладал такой же верой, насколько было бы легче принять все случившееся. Но в последнее время он

слишком много сомневался. И в себе, и в Двенадцати.

Глава 6

Теперь ступеньки вели вверх, и идти по ним было гораздо приятнее, чем вниз. Нэль поднимался медленно, зная, что никто не станет его торопить. Возможность никуда не спешить — одна из привилегий приговоренного к смерти.

Он ни разу не запнулся, только на минуту остановился, когда вместе со своими сопровождающими вошел в главный зал храма Прайоса. Здесь у него с глаз сняли повязку. Щурясь от яркого света, Нэль запрокинул голову к высокому прозрачному куполу. День выдался ясным и солнечным, и Нэль подставил лицо солнечным лучам. Словно сам Бог-Солнце своим перстом коснулся его щек. Служители Прайоса, темные и молчаливые, возвышались по бокам от него, как обсидиановые столбы.

— Какой прекрасный день, — проговорил вполголоса Нэль, жмурясь на солнце. — Жаль было бы умереть сегодня.

* * *

Улицы Аркары были запружены народом, и все человеческая масса двигалась в одну сторону. Этим мощным потоком, зажав со всех сторон, несло вперед и благородного тана Альбрехта Аля. Он уже не раз поздравил себя с тем, что оставил лошадь в гостинице. Соваться в эту кашу верхом было бы сущим безумием.

Впрочем, соваться туда в любом случае было безумием, особенно теперь, когда ясно как день, что дело Лионеля проиграно. Аркарские храмовники из гильдии Гесинды вежливо объяснили тану, что смертный приговор для Лионеля сына Германа их более чем устраивает: однажды они уже совершили ошибку, выпустив его из города, второй раз такое не повторится, увольте. Молодой маг несет в себе угрозу для сотен жизней, силу его контролировать невозможно; еще сто лет назад подобных ему отправляли на костер вовсе без всякого суда, по одному подозрению. Тан погрозился обратиться с жалобой к медейскому гильдмастеру, ему ответили: пожалуйста, как вам угодно. Медейский гильдмастер нас поддержит, а мы в действия городского суда вмешиваться не будем, нас все устраивает, повторяем еще раз.

Бургомистр сказал тану Алю примерно то же самое. Разве что еще извинения присовокупил: мол, ему очень жаль, что так получилось, очень талантливый молодой человек, говорят, но ничего нельзя сделать.

До храма Прайоса тан добраться не успел, и только сейчас, увлекаемый толпой к площади, увидел впереди сверкающий на солнце хрустальный купол.

А чуть в стороне от этого купола над головами поднимался помост с

торчащим вверх, как указующий перст, черным столбом.

Тан тихонько выругался и полез вперед, через толпу, не стесняясь раздавать тычки и наступать на ноги. Вслед ему неслась ругань, он не оставался в долгу. Кроме ругательств, урывками он услышал много чего интересного. И про невинно убиенных младенцев, из которых варили чудодейственные эликсиры; и про поднятие трупов из могил (что вообще было чушью несусветной, даже жрецы Борона отрицали возможность некромантии), и прочие пакости в том же духе. И всего несколько сочувственных слов, потонувших в потоке поношений... Славную же память оставил по себе Нэль, ничего не скажешь.

Внезапно тан выскочил на оцепление, которое состояло из солдат городской стражи.

— Назад! — пробасил один из солдат, направляя в его грудь тупой конец пики.

Тан подался назад, преодолевая сопротивление толпы, привстал на цыпочки и осмотрелся. Вокруг помоста уже был аккуратно уложен хворост, чуть поодаль стояли кучкой храмовники в черных и белых балахонах. Солнце празднично играло на их нагрудных медальонах. Рядом с помостом имелось возвышение поменьше, где помещался длинный стол для судей. Они уже присутствовали в полном составе, пустовало только место бургомистра. Осужденного еще не выводили.

— Проклятье! — сказал тан. — Представление вот-вот начнется...

Подумав, он полез через толпу к возвышению, где расположились судьи. Путь ему тут же преградил солдат.

— Нельзя, — мрачно сообщил он. — Стойте, где стоите, благородный господин. Дальше ходу нет-с.

— Мне нужно срочно поговорить с верховным судьей, — наобум сказал тан.

— Срочно не получится-с. Не видите, что ли — казнь готовится. Поговорите после-с.

— А я как раз по поводу казни! То есть по поводу осужденного.

— Бумага есть?

— Какая еще бумага?

— По поводу осужденного. Приказ, значит-с. Распоряжения какие.

— Нет у меня никаких бумаг, — резко сказал тан. — Я — тан Альбрехт Аль из Тальеры. Понятно?

— Да хоть сам король Уиллард, — безразлично ответил стражник. — Раз бумаги нет, придется вам подождать. Не волнуйтесь, благородный господин, закончится все быстрехонько.

Тан сплюнул и отступил. Ну, не бросаться же напролом? Пока докажешь, пока объяснишься... Нет, видно остается только досмотреть представление

до конца. Лишь бы только смерть несчастного была быстрой...

Вдруг толпа взревела. С одной стороны из здания ратуши показался бургомистр; с другой стороны, из храма Прайоса вывели Нэля.

— Ублюдок, — сказал кто-то с ненавистью справа от тана. Он повернулся и увидел молодого парня, высокого, русоволосого, который прищуренными глазами смотрел прямо на мага.

— Что он тебе сделал? — не выдержал тан.

Парень посмотрел на него слепыми от ярости глазами и процедил:

— Он убил мою невесту.

После чего отвернулся и стал смотреть только на помост, куда как раз вводили мага.

Нэль выглядел так же, как в ночь знакомства с господином таном, то есть казался очень бледным и уставшим. Глаза он держал опущенными и ни разу не взглянул в сторону площади. На руках у него были кандалы с очень короткой цепью. Ему помогли подняться на помост: храмовники все норовили поддержать его под локти, хотя он ступал твердо и ни разу не запнулся. Затем его поставили к столбу и притянули цепями. Тан не переставал удивляться его невозможному спокойствию. Или это всего лишь безразличие? Или он, просто-напросто, сломлен? Пока служители Прайоса возились с цепями, один из судей поднялся, чтобы зачитать приговор. Тан не слушал, его не интересовало, что написано в глупых бумагах. Все равно это не имеет никакого значения. Все его внимание было устремлено на Нэля.

Молодой маг стоял, чуть откинув голову назад. И тоже, кажется, не слушал судью. Но, когда тот обратился к нему с вопросом, не желает ли он что-нибудь сказать напоследок, Нэль тихо покачал головой. Глаза его теперь были обращены к небу. Тан невольно тоже взглянул вверх, но ничего не увидел. Синее небо, редкие облака, солнце и птицы. Что там мог высматривать маг? Прощался ли он с жизнью? Или молился? Тану казалось, что вовсе нет. В нем нарастало предчувствие какого-то необыкновенного события.

Судья махнул рукой, и храмовники забегали у помоста, поджигая с разных сторон хворост. Взметнулись языки пламени — жадно и высоко. Благодарение Борону, костер будет жарким, смерть придет быстро...

Сначала показалось, что маг сразу потерял сознание — тем лучше для него. Но вскоре, сквозь огонь и дым, тан заметил у столба движение. Этого быть не могло, ведь мага прикрутили так, что он и пальцем едва ли мог пошевелить! И вдруг от помоста ударило волной нагретого воздуха, раскидало по сторонам горящий хворост. Тан едва успел прикрыть лицо руками и пригнуться. Вокруг кричали, визжали, охали. Кому-то, видимо, здорово досталось. Кто-то пытался бежать, что в такой плотной толпе было сродни самоубийству. Началась полнейшая паника, хотя никто толком так и не понял, что произошло.

Прилагая массу усилий, чтобы его не снесло обезумевшей толпой, тан попробовал пробиться вперед, к помосту. У него получилось добраться туда только потому, что он стоял в первых рядах, иначе его затоптали бы. Тан влез на возвышение, где недавно сидели судьи и бургомистр (теперь оно пустовало), и взглянул на помост.

У столба никого не было.

Костра тоже больше не было — неведомая сила разметала его по площади.

— Ну и ну, — сказал тан, отирая вспотевший лоб. — Это же был телепорт, клянусь Гесиндой!

* * *

Сани замедлили ход, затем вовсе остановились. Обеспокоенный Арьель осторожно отодвинул шторку и выглянул наружу, в сгущавшиеся сумерки. Он и без того был весь на нервах, а теперь еще неожиданная остановка... неужели разбойники? Только их и не хватало.

У самой дверцы на сером жеребце гарцевал благородный тан Альбрехт Аль. Вид у него был весьма возбужденный, лицо покраснелось — то ли от быстрой скачки, то ли от волнения. Арьель посмотрел направо, налево, и никого не увидел. Тан был один.

— Нэль... — с трудом сглотнул Арьель. — Он... мертв?..

— Если бы кто рассказ мне, ни за что не поверил бы! — конь так и танцевал под таном, да и сам он с явным трудом удерживался в седле. — Ваш друг упорхнул прямо с костра!

— Как... упорхнул?

Тан вместо ответа хохотнул и крикнул вознице:

— Разворачивай! Нечего в Аркаре делать. Там сейчас творится Безымянный знает что.

— Да расскажите же толком, что случилось! — взмолился Арьель.

— Расскажу, дайте время.

Серого жеребца привязали к задку саней, а тан уселся рядом с музыкантом.

— Трогай! — крикнул он вознице и весело глянул на Арьеля. — Видите ли, что получилось... Сделать ничего было нельзя, храмовники очень вежливо дали понять, что живым им господин Нэль не нужен, а до судей я не успел добраться. Попал к храму Прайоса перед самым началом казни. Уже костер развели... Ну, думаю, конец пришел бедняге. А он, представьте себе, как начало припекать, взял да и открыл портал. И скрылся в неизвестном направлении.

— Портал? — не поверил Арьель. — Разве ему освободили руки?

Как ни мало он смыслил в магии, но все же знал, что для управления серьезными силами необходимы вербальные формулы и специальные

жесты. Деревенские колдуны вроде Марики могли сделать кое-что по мелочи одним лишь напряжением мысли, но их возможности не шли ни в какое сравнение с возможностями храмовых магов, которые чародействовали «по науке».

— Нет! — возразил тан. — В том-то и дело. Руки у него были скованы, а когда дело дошло до костра, его и вовсе скрутили с головы до ног. Однако же, он телепортировался. Я не мог ошибиться, я знаю, как это выглядит.

— Невероятно... — Арьель глубоко вздохнул. Тоскливое беспокойство за Нэля отступило и почти сразу накатило с новой силой. Если Нэлю действительно удалось открыть телепорт... о боги, пусть ему взаправду удалось!.. неизвестно, где он теперь оказался.

— Не знаю, был ли портал направленным, — тан словно читал его мысли.

— Хотелось бы на это надеяться. Если нет, то только Двенадцать знают, куда закинуло вашего друга. Кроме того, он мог серьезно пострадать. Спонтанные телепорты — опасная штука. Бывали случаи, когда человека, рискнувшего влезть в подобную дверцу, никто и никогда после не видел. Но если господин Нэль все-таки знал, что делал... что очень, очень маловероятно, учитывая обстоятельства... тогда нам нужно подумать, куда бы он мог перенестись. Ведь есть же место, где он мог бы чувствовать себя в безопасности? Как вы считаете, господин музыкант? Если мы, конечно, хотим разыскать вашего друга, а не собираемся предоставить его собственной судьбе.

— Я думаю, ему сейчас нужна помощь, — серьезно сказал Арьель.

Тан кивнул.

— Я тоже так думаю.

Они переглянулись, и каждый прочел во взгляде другого твердую решимость отыскать Нэля во что бы то ни стало. Но где его искать? Какое место он счел бы для себя безопасным? С ночи Самайна миновало уже четыре месяца, и за это время музыкант и Нэль где только ни побывали. Обошли почти всю Медею, забредали даже в Наи; ночевали под несчетным числом крыш, навесов, а то и просто в лесу. Куда Нэль мог стремиться? Причем так сильно, что сумел сотворить телепорт без помощи магических пассов, одним лишь движением души? Арьель крепко задумался. О прежних скитаниях Нэля он по-прежнему ничего не знал, кроме того, что пять лет маг провел в южных землях. И в голову ему приходило одно-единственное место. То самое, о котором они говорили накануне ареста. Возможно, предположение Арьеля было неверным... и тогда ничего не оставалось, кроме как отступить, отказаться от поисков. Поскольку разыскивать Нэля по всему миру казалось занятием безнадежным... если он вообще еще был жив.

— Я, кажется, знаю, куда он мог перенестись, — не очень уверенно сказал Арьель. — Если Нэля там и нет, возможно, нам подскажут, где его искать. Только придется оставить где-нибудь ваш замечательный экипаж. На нем

через лес не пробраться.

* * *

Уже начинало темнеть, когда Марику вдруг кто-то словно толкнул. Ощущение чужого присутствия было таким сильным, что она даже обернулась посмотреть, не стоит ли кто за спиной. Конечно, никого не увидела. Пытаясь избавиться от беспокойства, Марика помешала угли в очаге, потом принялась бесцельно переставлять запечатанные горшочки на полке. Неуютное чувство не проходило. Тогда Марика накинула на плечи меховой плащ и вышла из дома. Опушку обступал со всех сторон потемневший молчаливый лес, наверху слабо светился клочок вечернего неба, а на нем — бледные звезды. Марика, пожившись, огляделась — никого. Да никто и не пришел бы сюда в этот час без крайней нужды... Она собралась уже было вернуться в избушку, как вдруг заметила на снегу, у самой границы леса, темное пятно. Вероятнее всего, это был какой-то зверь; звериные следы Марика часто видела перед домом по утрам. Но что-то мешало ей отвернуться и уйти. Плотнее запахнув на груди накидку, она медленно приблизилась к темному пятну и в двух шагах остановилась, пораженная. Это был человек. Он лежал, раскинувшись, и черные волосы, спутанные и припорошенные снегом, закрывали его лицо. Но Марике его лицо было вовсе ни к чему видеть: она узнала гостя по просторной коричневой мантии. Рядом с ним валялись обрывки цепей, что только усилило ее недоумение. Она опустилась на колени и осторожно отвела с лица человека волосы. Поняла, что не ошиблась: это был Нэль, и его лицо цветом мало отличалось от снега, на котором он лежал. Глаза были закрыты, губы посинели, а кожа, когда Марика дотронулась до его щеки, была холодная, как лед. Кроме того, она заметила, что подол его мантии обуглен, а кое-где прожжен насквозь. Никаких следов рядом с ним не было, ничто не указывало, что он пришел из леса.

— Откуда же ты тут взялся? — пробормотала Марика и наклонилась к самым губам мага, чтобы услышать дыхание.

Нэль был жив.

Перенести его в дом оказалось несложно, при своем небольшом росте и худощавом сложении, маг весил едва ли больше подростка. Уложив его на шкуры у очага, Марика обнаружила еще одну странную деталь: на руках у мага были кандалы с короткой толстой цепью. Впрочем, ломать голову над всеми странностями было пока некогда, не мешало позаботиться о том, чтобы Нэль не умер от переохлаждения. Марика сняла с него башмаки (которые, как и одежда, изрядно пострадали от огня), раскрыла на груди мантию (при желании можно было бы легко на глаз пересчитать все ребра) и принялась яростно растирать его. Вскоре его губы порозовели, сердце забило сильнее. В сознание Нэль, однако, не приходил. Марика, приподняв по очереди веки, заглянула ему в глаза — зрачки на свет не реагировали. Нахмурившись, она отодвинулась от мага и задумалась. О

магическом трансе она кое-что слышала, и знала, что храмовые маги часто вводят себя в состояние, когда разум почти теряет связь с физическим телом, — но никогда не сталкивалась с этим явлением вживую. Однако по некоторым признакам она все-таки предположила, что Нэль сейчас находится именно в трансе. Как вывести его из этого состояния, Марика не знала. Да и стоило ли? Лучше всего, рассудила она, подождать, пока он сам придет в сознание. Она только разомкнула цепь его кандалов, с минуту пошептав над нею.

Всю ночь Марика просидела рядом с магом. Он лежал как мертвый, ни разу не пошевелился. Только по дыханию еще можно было понять, что он жив. Марика смотрела на бледное лицо, на упрямо сомкнутые мальчишеские губы, на черную кайму прямых ресниц, и думала о том, что же с ним случилось. Что за огонь опалил его одежду? Откуда он взялся на опушке? Не с неба же свалился?

Утром, когда первые лучи солнца заглянули в избушку, Марику сморил сон. Она прикорнула на шкурах рядом с магом и проснулась оттого, что услышала вдруг тихий стон. Сон с нее тут же слетел. Проклиная себя за слабость, Марика привстала и обнаружила, что Нэль открыл глаза и смотрит на нее.

— Слава Двенадцати, наконец-то, — проворчала она... и запнулась. В глазах Нэля не было узнавания. С минуту он смотрел на нее совершенно пустым взглядом, потом его глаза забежали по комнате, будто он пытался понять, где находится.

— Нэль, ты не узнаешь меня?

Он медленно сел, обхватил себя руками за голову и закрыл глаза. Его лицо странно исказилось, словно он мучительно пытался что-то припомнить. Губы беззвучно зашевелились. Потом он с коротким стоном упал обратно на шкуры, по телу прошла волна дрожи.

Марика осторожно потрясла его за плечо.

— Нэль, что с тобой случилось?

Он не отвечал.

За целый день он не сказал ни слова, как Марика его ни теребила. Сидел у очага, обхватив колени руками, и пустыми глазами смотрел в огонь. Марика видела, что какое-то сильное впечатление не отпускает его, маг переживает это воспоминание снова и снова, но что это было? Несколько раз она пыталась уговорить его поесть, но тщетно. Впрочем, кружку травяного отвара Нэль все-таки выпил.

И все же он понемногу приходил в себя. Время от времени взгляд его принимался блуждать по комнате, и в глазах промелькивала какая-то мысль. Марика, сочтя бесполезным сидеть с ним рядом, занялась своими делами. Иногда она поглядывала на мага — как он там. В очередной раз обернувшись к очагу, она вдруг встретила вполне осмысленный взгляд.

— Марика, — выговорил Нэль и, как мальчишка, облизнул губы. — Надеюсь, я не доставил тебе особых хлопот?

Марика с трудом подавила желание огреть его подвернувшейся под руку скалкой.

* * *

На лесной опушке время как будто остановилось, такая стародавняя тишь залегла здесь. Кони осторожно ступали по узкой тропинке, фыркали. Что-то им не нравилось — возможно, запах сушеных трав.

— Это здесь? — тан Аль с непроницаемым лицом разглядывал ветхую избушку. — Понимаю... не так-то просто сюда добраться.

Арьель первым спрыгнул с седла (и при этом едва не застонал от облегчения; его смиренная серая лошадка осталась в конюшнях у тана, а эта, пятнистая, бежала далеко не так ровно, и ему пришлось солоно). Не успел он сделать и двух шагов, как покосившаяся дверь отворилась, и на пороге показалась Марика.

— Явился-таки, — сказала она с заметной сердитой ноткой, как будто она ждала гостя уже много дней, а он бессовестно опаздывал. На тана она поглядела внимательно, но ничего не сказала — словно и его приезд подразумевался сам собой. Кутаясь в меховую накидку, она сошла на тропинку, а в двери показался некто в просторных темных одеждах.

— Нэль! — вскрикнул музыкант.

Маг улыбался, и такой улыбки, чтобы от нее сияли и смеялись глаза, Арьель у него еще не видел. За нею не сразу стали заметны и болезненная бледность, и запавшие глаза с темными кругами.

— Здравствуй, друг Арьель! Рад видеть тебя. Приветствую вас, господин тан, — Нэль поклонился. — По правде говоря, никак не ожидал вашего появления...

— Значит, буду неожиданным гостем, — отозвался тан, подходя. — Ох и заставили вы нас поволноваться, господин маг.

— Да, уж это он умеет, — хмуро подтвердила Марика. — Чуть в гроб меня не вогнал. То ли, думаю, помирает, то ли ума лишился...

— А что случилось? — опять заволновался Арьель.

Маг улыбнулся.

— Я все расскажу... если, конечно, Марика пригласит вас в дом.

— Заходите уж, — буркнула ведунья. — А лошадок вот тут оставьте. Сейчас овса им насыплю.

Марика поставила перед гостями по миске горячей ароматной похлебки. Уставшие путешественники не стали отказываться, хотя у Арьеля и

мелькнула мысль, не кинула ли хозяйка в суп чего-нибудь из своих подозрительным горшочков. Впрочем, эту мысль он тут же отогнал как особо вредную. Да и есть очень хотелось.

Марика села за стол вместе с ними, но есть не стала, заварила себе в кружке какой-то пахучий отвар. Такую же кружку дала и Нэлю. В избушке было жарко, и все освободились от верхней одежды, а Нэль закатал выше локтя рукава своей мантии. На его запястьях, рядом со старыми рубцами ожогов, виднелись незажившие еще следы от кандалов.

— Как вам удалось избавиться от оков? — с любопытством спросил тан.

— О, он целое представление устроил, — вместо мага ответила Марика. И рассказала, как Нэль, обнаружив на руках железные браслеты с обрывками цепей, заставил их увеличиться в размере раза в два, а затем просто стряхнул с запястий.

— Это было несложно, — заметил Нэль.

— Как же, несложно, — проворчала Марика. — Чуть снова в обморок не хлопнулся. Твоя же магия чуть тебя не выпила. Еще бы немного и...

— Пострадал бы только я, — быстро сказал маг. Марика вспыхнула и в сердцах ударила кулаком себя по бедру.

— Дурень! Думаешь, я за себя тряслась?

— Расскажите, как вы выбрались из Аркары, господин Нэль, — гася намечавшуюся ссору, вмешался тан. — Я был на площади, и видел, как вы телепортировались. Это было невероятно! Со скованными руками... Я думал, это в принципе невозможно.

— Невозможно? — тихо переспросил Нэль. — А вы слышали о метрессе Иллисии Истрийской?

Тан слегка нахмурился.

— Имя знакомое... Но причем тут...

— Легенды, прочитанные мной в храме, рассказывают о силе, которая была ей доступна. Еще будучи княжной Авнери, она управляла потоком немыслимой, чудовищной силы — с помощью одной только мысли! Она творила невозможные вещи, которые после нее не мог повторить никто. Остановка времени, смещение пространства — все это лишь силой желания. Я думал тогда, что все это легенды, понимаете? — Нэль посмотрел по очереди сначала на тана, потом на Арьеля. Его глаза загорелись, он даже задышал чаще. — Но тогда, на костре... Я ощутил поток невероятной силы, и понял, что могу управлять им, и для этого мне не нужны, ни формулы, ни жесты. Нужно лишь захотеть. Это было невероятно. То, что я почувствовал в ту секунду, не описать словами. Я был... я был как бог. На какой-то миг я понял, что в моей власти сотворить все, чего я только ни пожелаю. Правда, мое желание оказалось довольно скромным... — он усмехнулся и опустил глаза. — Я мог стать богом, наверное, но... не стал. Зато оказался здесь. Но я

должен, я обязан найти способ снова отыскать источник той силы, которая на миг открылась мне, и овладеть ею.

Его глаза горели, пальцы стискивали бока кружки, на бледных щеках выступил румянец. Арьель еще никогда не видел мага в таком волнении. Было очевидно, что мысль об окончательном подчинении магического потока полностью захватила Нэля. Но не с этого ли начались его беды шесть лет назад? Не с этой ли мечты?

Марика, хотя и не знала подробностей его аркарских злоключений (или уже знала? Арьель и понятия не имел, о чем говорили маг и ведунья в эти дни), видимо, думала о подобном. Успокаивающим, почти материнским жестом она положила ладонь на плечо мага.

— Ты должен быть очень осторожным, Нэль. Ты уже едва не потерял рассудок.

— Знаю. Я буду осторожным, не волнуйся.

Сколько раз он говорил то же своим наставникам?

Арьель подумал, что роли, похоже, поменялись. Теперь Марика предостерегала, а Нэль рвался в бой. Давно ли было иначе?

— Кстати, ведь я еще не поблагодарил тебя, друг Арьель, — маг повернулся к музыканту, и тот смущенно заерзал. — Я знаю, что ты пытался для меня сделать. Подозреваю, это потребовало от тебя немалого мужества...

— Что ты знаешь?

— Знаю, что ты ходил к госпоже Аманде, — тихо сказал Нэль. — Она... спускалась ко мне в темницу.

— Ох, Нэль... и что она сказала?

Нэль помолчал, покрутил в ладонях кружку.

— Сказала, что ей будет легче, если проклятие пожрет меня. И еще сказала, что у меня змеиная душа. Но... давайте больше не будем об этом. Господин тан! — он быстро вскинул голову. — Вы ведь тоже не сами по себе оказались в Аркаре и... здесь.

— Не сам по себе, — подтвердил тан. — Но и уговаривать меня не пришлось.

— За что я вам очень благодарен, — серьезно сказал Нэль. — Вам обоим. И тебе, Марика. Я обязательно отплачу вам когда-нибудь. Пока что я у всех вас в долгу.

Смущенный Арьель промолчал. Марика нахмурилась — ей не понравились слова насчет долга. Тан же широко и свободно улыбнулся.

— Бросьте, господин Нэль. Это я — ваш должник. Помните?

— Вы уже расплатились. Но я помню, что вы сделали мне некое предложение, господин тан...

— И оно остается в силе, — подхватил тан.

— То есть, я могу рассчитывать на ваше гостеприимство... и на вашу лабораторию?

— Если желаете, можем ехать прямо сейчас.

Нэль и Марика переглянулись, и ведунья едва заметно покачала головой.

— На два-три дня мне придется остаться здесь, — соглашаясь с нею, сказал Нэль. — Нам с Марикой нужно кое-что обговорить, да и... — он запнулся.

— Нэль еще до конца не поправился, — по-прежнему хмуро объяснила Марика. — Такие шутки, какую он учинил в Аркаре, не проходят без последствий. Магия не церемонится со своими проводниками, выпивает их досуха.

— А как же твое проклятие, Нэль? — не выдержал Арьель. — Неужели... ты освободился от него?

— Нет, оно остается при мне, — отозвался маг. — Не знаю, смогу ли освободиться от него вовсе... но бороться с ним какое-то время — сумею.

Марика не очень охотно, но все же предложила тану остаться у нее до той поры, пока Нэль не будет готов пуститься в путь. Тан сразу же согласился. По всему было видно, что ему очень интересно окружение, в котором он оказался; он с любопытством приглядывался и прислушивался ко всему. Арьель же заколебался. Он знал, что Марика, хоть и не приглашала его, все же не выставит его за дверь, если он заявит о своем желании пожить у нее денек-другой (хотя пригрозить для виду могла...) Но он не видел смысла оставаться — ни на день, ни на два, ни на неделю. Их с Нэлем дороги теперь расходились. Пусть не навсегда, но на какое-то время. У мага появился новый спутник... и место, где он мог поселиться до той поры, пока проклятие не сметет его, как волна смывает прибрежный песок, и не погонит в путь.

Арьель посмотрел на Марику, на тана, на Нэля и сказал:

— Я уйду утром.

Втайне он надеялся, что ведунья пригласит его погостить, а тан или маг предложат выехать вместе, но все трое согласно промолчали.

* * *

— Не прощаюсь с вами, господин музыкант, а говорю «до встречи», — такими словами напутствовал Арьеля тан с утра. — Поскольку предчувствую, что скоро мы свидимся. Жду вас у себя. Приезжайте, когда сочтете нужным, всегда буду рад вас видеть.

— Благодарю, господин тан, за приглашение, — Арьель поклонился и вышел из избышки. С Марикой он уже попрощался раньше и получил от нее небольшой сверток со снедью. Ведунья была настроена на удивление добродушно и с охотой играла роль старшей сестры.

Нэль, с которым музыкант еще не прощался, вышел на опушку вслед за ним.

— Ты разве не верхом едешь? — он обернулся на гнедую, которую вчера привязали у избушки, для тепла накрыв попоной.

— Ох, нет, — с чувством отозвался Арьель. — Я лучше на своих других, так привычнее...

— А ты ведь так и не рассказал мне, друг Арьель, что связывает вас с Марикой, — сказал вдруг Нэль.

От неожиданности музыкант даже рассмеялся.

— Почему ты вдруг заговорил об этом сейчас?

Нэль пожал плечами.

— Даже не знаю... Раньше все к слову не приходилось, а теперь вот ты уходишь. Но если тебе не хочется об этом, то и не будем...

— Нет, нет, почему же, — заторопился Арьель. — Здесь нет ничего такого. Марика — моя названная сестра. Матушка родила меня очень поздно, потом все болела, никак не могла оправиться. Марике было уже пятнадцать, когда я родился, она со мной и возилась. Потом, когда мне семь уже исполнилось, Марика отвезла меня в храм.

— Так ты тоже получил храмовое воспитание? — удивился Нэль.

— Ну, как сказать... — смущенно хмыкнул музыкант. — По правде, так я с уроков все норовил на улицу сбежать. Грамоте меня еще научили, а остальное... Очень уж много всего интересного было за стенами храма. Матушка моя жила вот в этой самой избушке, и я, пока не попал в город, ничего, кроме леса, не знал.

— А кто была твоя матушка? Тоже ведунья?

Арьель улыбнулся, поправил на плече лямку чехла, где лежала лютня.

— Нет, что ты. Обычная знахарка, никакой магии. Марику, совсем еще кроху, нашла однажды в лесу. Двенадцать знают, как она там оказалась, под деревом... Может, какая-нибудь деревенская баба, которой не прокормить было еще одного ребенка, оставила. Так они и жили вдвоем, матушка и Марика, пока я не родился. А кто мой отец был, я не знаю, — продолжал музыкант, предваряя возможные вопросы. — Ни матушка, ни Марика никогда не рассказывали о нем. Но Марика иногда ворчит, что свою страсть к бродяжничеству я от него унаследовал. Мне, и в самом деле, на месте подолгу не сидится.

Они помолчали. Нэль как будто задумался о чем-то, снова опустив глаза. Потом проговорил:

— Я пообещал вчера, что отплачу тебе за все добро, и сдержу слово, хоть мы и расстаемся теперь. Но, повторю вслед за господином таном, вскоре мы снова увидимся. Повторю от себя и его приглашение — приезжай. Приезжай обязательно, друг Арьель... Знаешь, когда? Сразу после наступления лета,

как минует Бельтайн. До этого времени я продержусь. А потом... посмотрим. Надеюсь, многое изменится. Во всяком случае, я приложу к этому все возможные усилия.

— Что именно ты собираешься изменить? — в сердце снова толкнулась тревога. После пережитого в Аркаре неугомный маг готов был, похоже, лететь навстречу опасности. Опять, как шесть лет назад...

— Увидишь. Если у меня получится... обещаю, что объясню, над чем я работаю и чего хочу достичь. Но только ты обязательно приезжай сразу после Бельтайна. Иначе можешь уже не застать меня... Ты знаешь, почему.

Арьель кивнул.

— Приеду.

— Обещаешь?

— Обещаю, — тихо сказал музыкант. До этой минуты он и не думал, что Нэль, оказывается, так нуждается в его обществе.

— Хорошо... — Нэль улыбнулся. — Теперь вот что. Хочу тебя предостеречь: не ходи в Аркару. Слишком многие видели нас вместе. Могут начаться расспросы... Видишь ли, теперь меня, скорее всего, будут искать.

— Кто? Аркарские законники?

— Нет. Этим я и даром не нужен. А вот маги очень даже захотят меня видеть.

— Зачем ты им вдруг понадобился?

— Не вдруг... Кое-кто уже пожалел о том давнем опрометчивом решении. Есть мнение, что мое дело не следовало передавать в ведение городского суда... Кроме того, маги тоже были на площади в день несостоявшейся казни и видели, что произошло. Разумеется, они все поняли, не я один читал легенды об Илиссии Истрийской. Братья Гесинды захотят разобраться в случившемся, и не только аркарская гильдия пожелает заполучить меня для экспериментов. А мне, понимаешь ли, очень не хочется, чтобы меня использовал в опытах кто-то, кроме меня самого.

Арьель хмуро кивнул. Возможные затруднения, обрисованные Нэлем, ему очень не понравились. Мало ему Ивона, горящего жаждой мести, так теперь еще медейские маги откроют на него охоту.

— Я понял. Буду нем, как рыба. Ничего не знаю, не видел, не слышал. И репертуар свой... урежу.

— Спасибо... — Нэль взъерошил пятерней и без того спутанные волосы. — Снова ты меня выручаешь.

— Да будет тебе... Ох, Нэль, а как же твои записи? — вдруг вспомнил музыкант. — Я ведь оставил их в Аркаре, у знакомого...

— Пусть пока у него и остаются. Попробую обойтись без них. Может быть, потом, позже, удастся их вернуть, — Нэль помолчал. — Ну, поезжай. Пусть будут с тобой Тса и Гесинда.

И он легким жестом коснулся лба Арьеля.

— Ты... что это? — удивился музыкант.

— Я же храмовник, — улыбаясь, пояснил Нэль. — Значит, могу раздавать благословления... — и добавил: — Не беспокойся, это всего лишь маленькое заклинание, оно поддержит тебя в дороге.

— Спасибо, Нэль.

Музыкант и в самом деле почувствовал себя лучше, даже боль в спине, которую немилосердно ломило после вчерашнего долгого путешествия в седле, отпустила. Он протянул магу ладонь и повторил:

— Спасибо.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда Арьель выбрался из леса на дорогу. Свою гнедую лошадку, одолженную таном, он оставил у Марики — пригодится магу в предстоящем путешествии. Правда, он не знал, ездит ли Нэль верхом... В любом случае, музыканту лошадь была уже не нужна. Сам он снова полез бы в седло разве что под страхом смерти.

По дороге Арьель размышлял о том, что так и не дописал балладу. Впрочем, какой толк дописывать ее, если все равно никогда не придется исполнять. Ведь дал обещание... Да и к чему на каждом углу сообщать о близком знакомстве с человеком, к которому и земляки, и бывшие собратья относятся столь недоброжелательно.

Еще Арьель думал о том, что путешествовать одному будет скучно. За три с небольшим месяца он успел привыкнуть к магу, даже привязаться. А может, и более того... Никогда его не тяготило одиночество. Да и мог ли он назвать себя одиноким? В странствиях он каждый день встречался с разными людьми, но то все были случайные встречи и случайные люди. Нэль же был... отнюдь не случайным. С ним не хотелось расставаться.

Как бы ни проявляло себя проклятие, продолжал размышлять Арьель, в одном оно, кажется, бессильно. Оно не может отвратить от мага всех людей. Что-что, а смерть в одиночестве и забвении ему не грозит. Люди к нему так и тянутся, даже те, кто почти его не знает. Суровая Марика, и та с охотой взяла его под свою опеку, смотрит на него едва ли не с материнской нежностью (а что? по летам он вполне годится ей в сыновья). Благородный нобиль примчался через полкоролевства, чтобы попытаться вытащить его с костра. Чего уж говорить о самом Арьеле, который мотался вместе с магом по зимним дорогам, тщаьсь понять, почему он так прикипел к такому необщительному и скрытному человеку.

У него было время об этом подумать. До Бельтайна, когда расцветет черемуха и покроются белой пеной яблони в садах, оставалось еще целых два месяца.

Часть 2. Спящий бог

Глава 1

Сразу после Бельтайна прошли ливневые дожди с грозами, и зелень бешено рванулась в рост. Зима долго не отступала, теперь же все разом зацвело. По обеим сторонам дороги пенились волны яблоневого, вишневого, черемухового цвета, от сладкого аромата кружилась голова. Арьель никогда еще не видел столько черемухи, сколько росло во владениях тана Альбрехта Аля.

Едва приметная тропинка убегала вправо и терялась в зарослях орешника, Арьель чуть было не пропустил ее. Тот, кто здесь ходил до него, старался как можно тщательнее скрыть следы своего присутствия.

Лес был молодой, весенний, хлесткий. Упругие ветки знать не знали ни про какие тропки, тянулись во всех направлениях и норовили щелкнуть Арьеля по носу или по лбу. Пробираясь вперед, он осторожно отводил ветки в стороны и все равно то и дело цеплялся одеждой, тубой и зачехленным грифом лютни. Он уже горячо жалел, что не оставил инструмент в замке Аля, хотя тан предлагал не единожды.

Идти пришлось долго. Несколько раз Арьель терял тропу и принимался выговаривать себе за то, что не взял сопровождающего. Кто-нибудь из

братьев, Кай или Эрред, охотно пошел бы с ним; мальчишки частенько навещали лесное убежище мага.

Арьель и не заметил, как тропинка вывела его в овраг. Пологие склоны густо поросли молодыми деревцами и казались непроходимыми. Постепенно они становились все более крутыми и отвесными. По дну оврага тек неглубокий ручей. Он то уходил под землю, то снова выбегал наружу; его прозрачные ледяные пальцы гладили нежно-зеленую траву и желтые первоцветы. Чтобы не вымокнуть, Арьелю пришлось попрыгать с кочки на кочку, и вскоре он запыхался. Да еще лютня ударила его по спине с одной стороны, а туба — с другой.

Наконец, склоны расступились, стало суше, и Арьель вышел на относительно свободный участок. Позади стеной поднимались душистые черемуховые заросли, впереди переплетался ветвями орешник. Арьель в растерянности остановился. Неужели заблудился? Ничто не указывало на то, что здесь кто-то живет. Птицы, испуганные было музыкантом, и на минуту примолкшие, снова принялись безмятежно распевать. Арьель постоял, подумал, потом пожал плечами и пошел вперед, нарочито шумно раздвигая ветки орешника. Если возвращаться, дороги в этих зарослях теперь все равно не найти.

Почти сразу он выбрался на небольшую прогалину. И остановился, удивленный картиной, которая ему неожиданно открылась. Посреди прогалины виднелся крошечный домик (едва ли больше, чем избушка Марики), перед ним цвела дикая яблоня, а в ее тени притулился сколоченный на скорую руку стол, заваленный толстыми фолиантами. У стола, видимо только что поднявшись с чурбачка, стоял черноволосый молодой человек в темных храмовых одеждах. В глазах его были ожидание и надежда, которые при виде Арьеля сменились неприкрытой радостью.

— Арьель, здравствуй!

Музыкант даже засмеялся, так ему было приятно воочию убедиться, что его здесь ждали. Сколько раз по дороге сюда в душу закрадывалось опасение: а вдруг его встретят холодно, с плохо скрытой досадой?

— Я уж боялся, что ты передумал, — сказал обитатель домика, протягивая руку для приветствия.

Арьель сжал его холодные пальцы и почувствовал ответное пожатие, удивительно крепкое для таких тонких и на вид слабых рук.

— Ведь я же обещал, Нэль. Только вот из-за дождей пришлось задержаться, дороги размыло... Понимаешь, завяз, словно в болоте, три дня просидел в одной деревушке. А хорошо у тебя тут...

— Да, очень хорошо, — Нэль отступил и присел на край стола, кивнул гостю на чурбачок. — Садись. Или пойдем в дом, если хочешь...

— От такой-то красоты, да прятаться в четырех стенах? Ни за что... А почему именно здесь, Нэль? Я думал, тан поселит тебя в замке.

— Он и хотел... Но ты помнишь, что я говорил об опасностях, сопряженных с магическими опытами? Господина тана довольно скоро удалось убедить, что если я обоснуюсь в замковой лаборатории — а есть у него и такое, — то он не сможет чувствовать себя в безопасности. А главное, его семья не сможет... Выбрали для моих занятий это место: и укромное, и не слишком далеко от замка. Все необходимое: книги и оборудование, — сюда доставили. А вскоре господин тан и сам согласился, что поселиться вне замка было здоровой мыслью. К нему ведь частенько навещают маги... Если гильдия прознает, что он спрятал меня в своих владениях, ему жизни не будет.

Арьель кивнул, соглашаясь. За два месяца он убедился, что Нэля ищут по всей Медее. Его самого изрядно потрепали, когда он сунулся в Аркару, чтобы забрать тубу с записями.

— Забавно получается, — продолжал маг, иронично задрав и без того приподнятую бровь. — Шесть лет меня и знать не хотели. Как же — несмыаемый позор для гильдии! Заявись я в какой-нибудь храм Гесинды, вытолкали бы взашей, не стали бы и разговаривать. А теперь, если верить господину тану, устроили настоящую облаву. Хорошо еще, что и он, и его мальчишки умеют держать язык за зубами, иначе братья уже отыскали бы меня. Впрочем, думаю, рано или поздно это случится... Ох, что это я все о себе? — перебил себя Нэль. — Ты, наверное, с дороги устал и голоден?

Арьель не без смущения признался, что с удовольствием съел бы что-нибудь. Маг ушел в дом и тут же вернулся с кувшином, половиной каравая и куском сыра, завернутым в тряпицу.

— Вот... прости, ничего более изысканного предложить не могу.

— Разносолы мне ни к чему, — повеселев, отмахнулся Арьель. Снял с плеча лютню, бережно положил рядом с книгами. Взялся за тубу. — Нэль... вот, возьми, это твои записи. Здесь все в сохранности.

Нэль жадно схватил тубу. Секунду казалось, что он прижмет ее к груди, как мать прижимает ребенка. Но нет — он только снял крышку, трепетно провел пальцами по скрученным листам. Взглянул на Арьеля в упор.

— Ты все-таки возвращался в Аркару? За этими бумагами? Ты рисковал. Зачем?..

— Не пропадать же им было...

— Тебя кто-нибудь спрашивал... обо мне?

Арьель замялся. В Аркаре случилась неприятность: прямо на улице его перехватили маги. Как они узнали о его возвращении в город, Двенадцать знают... Начались расспросы. Хорошо, что Арьель умел врать убедительно и почти вдохновенно, а с братьями Гесинды не было ментального мага. Арьель поклялся, что не видел Нэля со дня ареста, и ему поверили, отпустили... Об этом случае музыкант предпочел бы умолчать, но Нэль смотрел так пристально, так требовательно и тревожно. Пришлось рассказывать.

— Знакомство со мной тебе только вредит, — печально сказал Нэль,

выслушав. — А дальше будет хуже...

Мысленно Арьель согласился, что, вероятно, он прав. Но как думать о плохом, когда вокруг цветут деревья и поют птицы? Кроме того, от каравая, лежащего на столе, шел поистине волшебный аромат, и голод снова напомнил о себе, затмив все тревоги. Арьель решил поскорее замять неприятный разговор и обеими руками ухватил тяжелый глиняный кувшин за запотевшие бока. Хотелось надеяться, что в кувшине будет молоко или пиво, но там оказалась обыкновенная вода. Правда, была она чистая и свежая, и музыкант с удовольствием сделал несколько больших глотков, после чего принялся за еду. Маг сел напротив, подперев ладонью голову, и только изредка отщипывал от сыра крохотные кусочки. Как всегда, он ел чрезвычайно мало. Туба лежал рядом на столе, и он время от времени притрагивался к ней, словно ему не терпелось вынуть рукописи и поскорее взяться за работу.

— А сам господин тан бывает здесь? — с набитым ртом спросил Арьель.

— Да, навещается. Он весьма интересуется магией, хотя дара у него нет.

— И сыновья его здесь бывают?

— Кай редко заходит, у него свои заботы. А Эрред прибегает почти каждый день. Про травы спрашивает, интересуется. Объясняю ему кое-что... Он смысленный мальчишка. Тан просил серьезно заняться его обучением, но пришлось отказать, — с явным сожалением проговорил Нэль. — Все равно через неделю-другую придется уходить.

Арьель поспешно проглотил хлеб и спросил шепотом:

— Проклятие, да?..

— Да... — пальцы мага сами собой потянулись к вороту мантии, скомкали его. Но Нэль тут же спохватился, опустил руку. — Худо мне, друг Арьель, и с каждым днем все хуже...

От его неожиданной откровенности у Арьеля даже в горле заскребло.

— Раз так, почему бы не уйти сейчас? — осторожно спросил он. — Чего ждать-то?

— Чего ждать? — повторил Нэль и невесело улыбнулся. — Да пока невоготу станет, вот чего. В конечном итоге проклятие меня одолеет, но все-таки не хотелось бы сдаваться, пока я хоть сколько-нибудь в силах сопротивляться ему.

Арьель недоуменно пожал плечами. Этого он никак не мог понять: к чему мучиться, если заранее известно, что все равно проиграешь? Не проще ли, не легче ли отступить сразу? Впрочем, он уже мог убедиться, и не раз, что Нэль не из тех людей, которые стремятся жить «как легче».

Они просидели под яблоней до сумерек. Нэль стряхнул с себя печальную задумчивость и стал необычайно словоохотлив. Таким музыкант его даже

и не помнил. Впервые за время знакомства Арьель больше слушал, нежели говорил.

Слушать, правда, пришлось о предметах не очень понятных. Внешний мир, как всегда, Нэль не занимал, если только какие-то события не касались его лично. Он был слишком увлечен своими опытами, дни и ночи просиживал над книгами или в лаборатории, составляя какие-то особенные магические декокты, и говорил в основном об этом. Причем говорил самозабвенно, не делая скидку на скромные познания собеседника в области магии. Арьель честно пытался понять, о чем толкует маг, но получалось не очень. Увлекаясь, Нэль принимался сыпать учеными словами, приходилось останавливать его и просить, чтобы он выбирал слова попроще. Нэль кивал, соглашаясь, и следующие несколько минут его речь можно было понять, но затем он снова сбивался. Однако кое-что из его объяснений Арьель все-таки уловил.

— Крайне необходимо понять, что случилось в Аркаре, — Нэль не говорил, а просто-таки вдохновенно вещал, и глаза его горели тем самым фанатичным огнем, который Арьеля начинал уже слегка пугать. — Ясно, что в той шоковой ситуации были задействованы такие механизмы человеческого организма, о которых мы ничего еще не знаем. Никто еще не занимался этим вопросом; в храмах нас учат как раз тому, чтобы ни в коем случае не допустить возникновения критической ситуации, не довести себя до крайнего напряжения сил. Считается, что вслед за мощным выбросом магической энергии наступает полное истощение — и это правда, я не раз испытывал это на себе. Но из священных книг мы знаем, что Двенадцать творили реальность вокруг себя одной лишь силой мысли и потом вовсе не падали на землю бездыханными...

— Нэль, Нэль! Но ты же говоришь о богах! — попытался осадить его Арьель, изрядно озадаченный подобным поворотом дела. — Разве могут смертные тягаться с ними?

— А откуда мы знаем, что Двенадцать сами когда-то не были смертными? — с горячностью спросил Нэль.

— Как — откуда?.. Из священных книг!

— ...Которые, однако, обходят молчанием приход Двенадцати в наш мир, или же отделяются туманными намеками, — возразил Нэль. — Но погоди, я ведь совсем не о том хотел рассказать... Один человек, которого я знал в Аркаре, уверен, будто Двенадцать посылают мне испытания. Ждут от меня чего-то. И вот, я подумал: а вдруг он прав? И то, что случилось недавно в Аркаре — это знак? Понимаешь, я не мог этого просто так оставить. И все это время я искал способ задействовать те скрытые механизмы, о которых уже говорил, причем так, чтобы не допустить самовольного прорыва магии и вместе с тем не исчерпать полностью запасы личной силы. Нужно как-то имитировать аркарскую ситуацию, когда возникла прямая угроза для жизни — я думаю, именно это и стало толчком. Но снова лезть в костер, как ты понимаешь, мне совсем не хочется... Я много экспериментировал с

вытяжками из трав, и уже почти добился нужного эффекта... но, кажется, не успею закончить работу. Ах, как жаль! — он взъерошил пятерней волосы и тут же снова пригладил их. Что, впрочем, отнюдь не придало его прическе аккуратного вида. — Будь у меня хотя бы еще месяц...

Он вдруг замолк, задумался и опустил потухший взгляд, и в ту же минуту где-то поблизости неуверенно, будто на пробу, защелкал соловей. Арьель глубоко вздохнул — диким вдруг показалось несоответствие честолюбивых замыслов мага и красоты и спокойствия этого места. Жить среди такого великолепия и думать только о том, как бы прыгнуть выше головы!..

— Нэль... — тихо позвал он. — А ведь в Аркаре ты занимался этим же?..

Вздрагнув, Нэль поднял глаза.

— Да, в Аркаре я пытался определить, где лежит предел моей личной силы... и есть ли он вообще, этот предел. Я понимаю, к чему ты клонишь, Арьель... Клянусь, на этот раз не пострадает ни одна живая душа. Если захочешь у меня погостить, я на время приостановлю работу. Здесь будет безопасно.

— За приглашение спасибо, но ведь ты сам говорил, что времени осталось мало... Не хотелось бы тебе мешать, — неуверенно проговорил Арьель.

— Нет, друг Арьель, ты не помешаешь, — улыбнулся маг. — Несколько дней уже ничего не решат... В самом деле, я буду рад, если ты останешься. Хотя бы переночуй, а утром, если захочешь уйти, я не стану настаивать.

Домик, в котором жил Нэль, внутри был разделен бревенчатой стеной на две половины. В одной из них стояла простая кровать, небольшой стол, сундук и две лавки, на стене висели полки с самой простой и необходимой посудой. Эта часть дома совмещала в себе, вероятно, спальню и гостиную; про себя Арьель отметил, что тан мог бы и не скупиться, обставить комнату лучше. Впрочем, он знал характер и привычки мага — тот мог бы особо настаивать, чтобы в доме не было никаких излишеств.

Во второй половине было устроено что-то вроде лаборатории. Арьель мельком заглянул туда и увидел в полутьме (окно было снаружи закрыто ставнями) алхимический тигель, множество книг, которые стопками лежали прямо на полу, невообразимое количество стеклянной посуды причудливых форм на столе и на полках, а так же странный аппарат, самой заметной частью которого была витая стеклянная трубка. Заинтригованный, Арьель шагнул через порог, но Нэль удержал его.

— Пожалуйста, не заходи сюда никогда... Обещаешь?

— Обещаю... — разочарованно вздохнул музыкант. И подумал, что нужно все-таки выбрать

минутку, когда маг отлучится, и хоть одним глазком посмотреть на странную стеклянную штуку, которая загадочно поблескивала в полутьме.

У Нэля был только один тюфяк и одно одеяло, но он быстро придумал, как устроить гостя (который был, впрочем, неприхотлив).

— Я постелю одеяло на лавке, там и лягу, — заявил Нэль. — А ты ложись на кровать, плащ же стодится за одеяло. Если будет холодно, зажжем жаровню.

— А ведь господин тан предлагал погостить у него... — шутливо заворчал Арьель. — Уж наверное, в замке нашлась бы и пуховая перина, и одеяло для гостя. И подушка, между прочим. Почему бы тебе все это не наколдовать? Нэль?

— Помнится, раньше ты не был таким придиричивым, — улыбнулся Нэль. Быстро расстелил на лавке одеяло и сел, поджав ноги. — Чем ворчать, лучше спой. Соскучился я по твоим песням.

Просьба Нэля поразила музыканта несказанно: во время их совместных странствий маг не раз слышал его игру и пение, но никогда не показывал своего отношения к ним. И Арьель давно решил, что к музыке он равнодушен, так же как к вину и женщинам. И вдруг — «соскучился»...

Не иначе как сегодня был день откровений.

Может, магу не так уж и хорошо наедине с собой, как полагал Арьель?

* * *

Наутро Арьель решил, что, пожалуй, задержится на несколько дней — ему вдруг подумалось, что хорошо бы уйти вместе с магом. Когда он намекнул об этом Нэлю, тот не стал возражать, наоборот, как будто даже обрадовался. Видно, не очень-то ему хотелось снова бродить одному.

Несколько дней миновали незаметно. От цветущих деревьев в воздухе разливалась такая благодать, что Арьелю казалось, будто он гуляет по садам Травии. Сады эти были наполнены звонкими птичьими голосами, гудением пчел и шелестом молодых листьев. Очарованный весной и красотой природы, Арьель часы напролет бродил по лесу, и в голове его одна за другой рождались легкие, радостные мелодии. По вечерам он наигрывал их на лютне — а ему подпевал соловей.

Нэлю же не было до весны никакого дела. Он хоть и обещал, что остановит работу, но вероятно, подразумевал только опасные для жизни музыканта опыты, потому что, пока Арьель наслаждался местными красотами, Нэль пропадал в лаборатории, и время от времени оттуда доносились подозрительные звуки, как будто что-то взрывалось и осыпалось осколками стекла. Арьелю каждый раз, когда он слышал в доме громкие хлопки и стеклянный звон, начинали мерещиться всякие ужасы. Он принимался взволнованно расспрашивать Нэля, но тот, по обыкновению спокойный и задумчивый, отвечал, что беспокоиться не нужно, ничего страшного не происходит. «Да? — возмутился Арьель. — А почему тогда у тебя на лице

сажа?» Нэль проводил ладонями по щекам (хотел стереть, но на деле только размазывал черные полосы), и улыбался: «Всего лишь безобидный побочный эффект». Музыканта обнадеживало только, что он все-таки улыбается: уж наверное, он был бы серьезен, угрожай ему в самом деле опасность.

Каждое утро на полянку прибегал Эрред, младший сын тана, светлоголовый мальчик лет десяти. Он притаскивал корзину со снедью (это поразило Арьеля, который никак не мог ожидать, что сын нобиля станет прислуживать магу) и задерживался на два-три часа. Они с Нэлем сидели под яблоней, обложившись книгами и свежесобранными травками, и маг что-то объяснял и показывал. Арьель к его словам не прислушивался, но отметил, каким ровным и мягким голосом он говорит с мальчиком, и какими глазами тот глядит на своего наставника.

Кай появился лишь однажды. Он уважительно раскланялся и обменялся несколькими общими фразами с Нэлем, а потом подошел к музыканту и заговорил с ним. Сначала мальчик показался Арьелю не по годам серьезным и степенным, но вскоре оказалось, что все это напускное. Видимо, Кай боялся уронить достоинство в глазах мага (к которому относился с непритворным почтением), а с Арьелем почувствовал себя свободнее, распознав родственную душу. В какой-то час разговора они сошлись совершенно, и уже хохотали взахлеб, распугивая птиц. Болтовню музыканта Кай слушал жадно, раскрыв рот: в мальчике явственно ощущалась жажда приключений, и было ясно, что когда-нибудь он ее утолит.

— Сказать бы господину тану, чтобы присматривал получше за своим старшеньким, — заметил Арьель, когда Кай ушел. — Удерет мальчишка, голову готов заложить.

— Не удерет, если не будешь его подзуживать, — возразил Нэль.

— Я не подзуживал!

— Да?.. а кто битый час расписывал прелести бергонтских русалок? Да еще так убедительно...

— Да ну, ерунда какая... — отмахнулся Арьель (несколько, впрочем, смущенный).

— Ерунда или нет, будешь рассказывать господину тану, когда он потребует объяснений, почему вдруг после беседы с тобой Кай исчез в неизвестном направлении...

Нэль, конечно, шутил. И все-таки музыкант слегка струхнул, когда день спустя на поляну, раздвинув ветки орешника, вышел сам благородный тан Альбрехт Аль собственной персоной.

— Ой-ей, — тихонько сказал себе Арьель, опасливо подтягивая ноги (он сидел в траве, на своем любимом месте — под яблоней, и почти бездумно перебирал струны лютни). — Не пора ли дать деру?..

Но тан только приветственно ему кивнул и, не приближаясь, крикнул:

— Нэль в доме?

— Да! — ответил Арьель. Тан снова кивнул и крылся в доме.

Можно было, казалось бы, и перевести дух. Но тревога, всколыхнувшая при появлении тана, не уходила, и Арьелю это не понравилось. Его нюх на неприятности, так же как и на приключения, совершенствовался годами, и музыкант привык ему доверять.

«Что-то случилось», — стучало в голове, и струны лютни отзывались звоном: «Что-то случилось!»

Спустя четверть часа тан показался на пороге. Постоял задумчиво и пошел к Арьелю, поддавая носками щегольских сапог головки мать-и-мачехи. В предчувствии неприятной беседы Арьель отложил лютню и поднялся, отряхнул штаны. Тан подошел и заговорил сразу:

— Нэль предупредил, что уйдет через день-два, — он пытливо глянул на музыканта серыми глазами, словно ждал подтверждения.

— Ну-у, значит, так и есть, — не совсем уверенно отозвался Арьель. — Только не просите, чтобы я его отговаривал.

— С чего вы взяли, что я хочу об этом просить? — вскинул брови тан. — Напротив, я шел нарочно, чтобы убедить его поскорее исчезнуть.

Вот тебе и предчувствие, тревожно подумал Арьель. Не обмануло...

— А... почему вдруг?

Тан снова посмотрел на него внимательно.

— Вы его друг, вам лучше бы знать... Понимаю, выглядит некрасиво: гоню прочь человека, которого сам же и пригласил. Но братья Гесинды, кажется, что-то прознали. Ходят по замку, по двору, чуть не принохиваются. Вопросы наводящие задают... И выставить я их не могу — сам с ними завязался.

— Если маги узнают, что вы прячете Нэля, они будут очень недовольны... — рискнул заметить Арьель.

— Недовольны — не то слово, — усмехнулся тан. — Они придут в ярость. Попытаются поквитаться со мной. Утешаюсь лишь тем, что над властью храмовой есть власть королевская. Королю Уилларду очень, очень не понравится, если у его верного подданного начнутся неприятности из-за храмовников. Король бывает крут, к тому же он может припомнить, как сто лет назад его прадед Тео Первый Тир без разбору сжигал магов на кострах и заточал в башнях. Времена теперь, конечно, изменились, но кто знает, какая мелочь может повернуть историю вспять. Король недолюбливает магов, и я мог бы, пожалуй, даже рискнуть попросить у него защиту для Нэля... но... маги не смолчат, может подняться смута. И Нэль это прекрасно понимает. Я посоветовал ему на время найти другое убежище. К сожалению, сам я ничем не могу ему помочь. Маги от меня не отступятся — они, как гончие, взяли след. Самое большее, что я могу сделать — это попробовать сбить их с этого следа. Но для этого нужно, чтобы Нэль ушел, и как можно быстрее.

Поторопите его, господин музыкант. Ради его безопасности.

Распроставшись с таном, Арьель вошел в дом. Он ожидал застать Нэля за сборами — но тот спокойно сидел и читал, подвесив над страницами книги ступок магического света.

— Ты разве не собираешься уходить? — взволнованно спросил музыкант.

— Собираюсь, — отозвался Нэль, поднимая безмятежные глаза. — Но не сегодня и не завтра. Мне нужно кое-что закончить. Ты перебрался бы пока в замок, а? Мало ли что может случиться...

Перебираться в замок Арьель отказался наотрез. Маг только пожал плечами и вернулся к чтению.

А в сумерках на поляне слышались чужие голоса.

— Кажется, мы опоздали, — спокойно заметил Нэль, приподняв голову и прислушавшись. Захлопнул книгу, встал. — Что ж, пойдём встречать гостей.

Арьелю очень хотелось забиться куда-нибудь в темный уголок, потому что он догадывался, какие это гости. Но бросить мага он не мог. Стуча от волнения зубами, он вышел вслед за Нэлем на поляну.

Под яблоней стояли трое. Высокого парня с коротко остриженными волосами Арьель узнал сразу, и зубы застучали чаще. Ивон стоял в напряженной позе, наполовину вынув из ножен меч, и явно рвался перевернуть с ног на голову весь дом и отыскать мага. Полный мужчина с отчетливым брюшком, одетый в короткий багряный плащ с меховой оторочкой, успокаивающе держал его за локоть и, по-видимому, убеждал не действовать сгоряча. Рядом стоял третий мужчина, на вид лет тридцати, в более скромном темно-синем плаще. Все трое, заметив Нэля, разом повернулись к нему.

— Я же говорил, что он здесь! — громко сказал Ивон.

— Вот видишь, мы снова встретились, — сказал Нэль и сделал несколько шагов к яблоне. — Но ты, кажется, уже потерял интерес к поединку один на один?

— Мэтр Лионель! — торжественно провозгласил человек в багряном плаще, и Нэль, услышав официальное храмовое обращение, кривовато усмехнулся.

— Мы здесь не для того, чтобы вступать с вами в поединок. Мы пришли поговорить.

— К чему такая официальность, разве меня восстановили в гильдии? — равнодушно спросил Нэль и повернулся к музыканту, который бледной тенью застыл за его плечом. — Позволь представить тебе наших гостей, раз уж они сами пренебрегают простыми правилами вежливости. Мэтр Натало из аркарских братьев Гесинды, — он указал кивком на полного мужчину в багряном плаще. — А это мэтр Арекис из Солоты. Тоже принадлежит к братству. Ну, а Ивона ты уже знаешь. Кстати, Ивон, как ты оказался в такой компании? Господа маги наняли тебя?

— Не твое дело, — процедил Ивон, и мэтр Натало послал ему укоризненный взгляд.

— Мэтр Лионель, — повторил он с нажимом и принял важную позу. — Я здесь, чтобы говорить от лица аркарского братства Гесинды. Братья поручили мне вернуть вас в храм. Мы не можем допустить, чтобы силы, продемонстрированные вами два месяца назад прилюдно, на аркарской площади, вырвались неуправляемо из-под вашей власти и причинили беды и разрушения, как то однажды уже случилось. Нам известно, что вы не способны управлять потоком подобной силы, как и никто из живущих ныне магов. Только когда вы окажетесь в стенах, освященных Гесиндой, мы будем уверены в безопасности жителей королевства. До сих пор вы, мэтр Лионель, представляете угрозу жизни и спокойствию мирных обывателей, и сами не можете этого не понимать. Посему мы требуем от вас подчиниться воле Богини и Старших братства. Вы должны последовать за нами в Аркару.

Пока он говорил, Нэль преспокойно разглядывал траву у себя под ногами, словно закрывшиеся на ночь венчики цветов интересовали его гораздо больше, чем слова мэтра Натало. Когда же храмовник замолк, Нэль поднял на него прищуренные глаза.

— Вы закончили? Больше ничего не добавите? Нет? ну, тогда я скажу. Убирайтесь к Борону со своей гильдией и своими Старшими. Я не имею к братству никакого отношения и не обязан вам подчиняться. Вы сами выступали за то, чтобы изгнать меня из гильдии, помните?

— Это была ошибка, — степенно возразил мэтр Натало. — Кто не ошибается?

— Поздно же вы спохватились, — ядовито заметил Нэль и мягкими шагами медленно двинулся вправо. Арьель качнулся было следом, но маг быстро посмотрел на него: не двигайся. И Арьель застыл на месте, немедленно все поняв. — Я уже не тот мальчик, для которого отлучение было хуже смерти. Оставьте меня в покое. Я не вернусь.

— Но вы опасны... вы не способны контролировать магию!.. из-за вас могут погибнуть мирные жители!

— Не болтайте чушь! — повысил голос Нэль. — Плевать вам на жизни «мирных жителей». Вам интересно распотрошить меня, вот что.

— Мы хотим помочь! Мы научим вас управлять своей силой!

— За десять лет, однако, не научили, — Нэль сделал еще несколько шагов, увеличивая расстояние между собой и Арьелем. — Я, в отличие от вас, прекрасно понимаю, с чем имею дело. Должен существовать способ обуздать поток, и я его найду. Без вас.

— В Аркаре ваши изыскания уже обернулись бедой, мэтр Лионель. Неужели вы желаете повторения трагедии? Вы можете погибнуть сами и погубить ни в чем неповинных людей — снова!

Нэль резко втянул воздух сквозь зубы.

- Убирайтесь к Борону! – процедил он. – Не желаю я с вами объясняться.
- Без вас мы не уйдем, – заявил мэтр Натало. Даже в сгустившихся сумерках стало заметно, как он побагровел – подстать своему плащу. – Если продолжите упрямыться, придется применить силу.
- Очень хорошо, давайте поскорее покончим с этим.
- Последний раз прошу: покоритесь воле Гесинды...
- Не вижу тут никакой Гесинды! И не слышу ее. Вижу и слышу только вас, а вы, мэтр, на Богиню нисколько не похожи.
- Что ж, вы сами напросились... – зловеще проговорил мэтр Натало.
- Арекис, подстрахуй меня. Ивон – проследи, чтобы этот молодчик не путался под руками.

Арьель далеко не сразу понял, кого аркарский храмовник имеет в виду. Только когда Нэль бросил: «Только попробуй хотя бы пальцем к Арьелю прикоснуться...», – до него дошло, что речь идет о нем.

Ивон плавным движением вынул из ножен меч и встал перед музыкантом. Арьель намек понял. Впрочем, вмешиваться он все равно пока не собирался, поскольку не знал, сумеет ли повлиять на ход поединка магов. Он ведь даже не представлял, на что это может быть похоже. Возможно, присмотревшись, он и поймет, какое преимущество даст Нэлю его вмешательство. Если же броситься сгоряча, можно только навредить. И Арьель, с бешено колотящимся сердцем, остался на месте, стискивая кулаки. Оставалось уповать на то, что Нэлю хватит умения и сил выстоять против двоих противников.

Нэль отрывисто проговорил несколько слов и, подняв руки, очертил над собой полукруг. Его силуэт вспыхнул голубоватым ореолом. Подобное Арьель уже видел во время первой встречи с Ивоном – он понял, что это защита. Секундой спустя маги-соперники проделали тоже самое, только ореол к мэтра Натало получился белый, а у мэтра Арекиса – алый.

Яростно жестикулируя, мэтр Натало быстро проговаривал одну за другой короткие рубленые фразы. Старался он, как видно, напрасно: никакого видимого эффекта его действия не произвели. Речь его все ускорялась и ускорялась, пока не превратилась в невнятное бормотание, руками же он размахивал так, что Арьелю невольно подумалось о взбесившейся мельнице. Вдруг мэтр Натало выкрикнул что-то в полный голос и толкнул развернутую ладонь в сторону Нэля. Тот небрежно отмахнулся, словно отгонял муху, и шагнул вперед.

- Придумайте что-нибудь похитрее, мэтр Натало, – холодно сказал он.
- Это штучки для новичков-первогодков. Если хотите таким образом прощупать меня, то начали не отсюда.
- У вас очень хорошая защита, – с некоторым напряжением произнес аркарский храмовник.

– Не жалуясь.

– Гораздо лучше, чем была раньше...

К бормотанию мэтра Натало присоединил свой голос и мэтр Арекис. Два голоса слились в один, и у Арьеля вдруг заломило в затылке и заложило уши. Ивон приглушенно охнул, его рука, сжимающая меч, мелко задрожала.

– Уже лучше, – одобрил Нэль.

Монотонное бормотание становилось громче, напряжение нарастало, и вдруг Нэль резко выдохнул, словно его ударили под ребра, и согнулся пополам. Его синяя защитная аура проявилась и пошла рябью. Мэтр Натало еще повысил голос, но Нэль уже выпрямлялся – тяжело, медленно, словно что-то придавливало его к земле. Лицо у него было серое и пористое, как творог. Защитный ореол мигал и переливался белым и голубым, но держался. Наконец, Нэль встал прямо, тяжело дыша. На поляне сгущалась вечерняя тьма, но магов было видно отлично: их разноцветные ореолы давали достаточно света.

До сих пор Нэль не сплел ни одного заклинания, кроме защитного, но теперь он протянул вперед руки и принялся четко выговаривать отрывистые, непривычные для слуха слова. Речитатив мэтра Натало стал громче, аркарский храмовник пытался перекричать соперника. По поляне пронесся ветер, взметнул черные волосы Нэля и подхватил полы его мантии. Арьель смотрел во все глаза: маг в эту минуту казался ему каким-то страшным, неземным существом. Он был очень бледен, губы его кривились, а глаза, подчеркнутые краской, ярко блестели. Во всей его фигуре ощущалось нечеловеческое напряжение; казалось, еще минута, и ноги его подкосятся. Но и его соперники выглядели не лучше. Лицо мэтра Натало налилось кровью, даже белки глаз покраснели, а мэтр Арекис, напротив, побледнел до синевы. Их магические щиты искрились и шли рябью. Воздух едва ощутимо звенел, у Арьеля покалывало переносицу, ладони и ступни, шевелились волоски на загривке. Некстати вспомнились слова Нэля, сказанные в самом начале знакомства: тогда он признался, что поток магии сокрушает его внутренние барьеры почти каждый раз, когда он плетет заклинание. Арьель закусил губы. Только бы маг удержал поток! Иначе не миновать беды...

– Только бы не подох!.. – почти беззвучно выдохнул Ивон. Он с не меньшим напряжением, чем музыкант, наблюдал за поединком. – Только не так, боги... только не так...

И в эту секунду мэтр Натало зашатался и уронил руки. Судя по цвету лица, ему вот-вот грозил сердечный приступ. Ивон глухо вскрикнул и, забыв про Арьеля, которого ему полагалось удерживать на месте, бросился к магам. Вернее – к Нэлю.

Арьель всегда сначала делал, а потом только думал. Вот и сейчас, не рассуждая, схватил Ивона за руку – и кувыркком полетел на землю, когда Ивон, развернувшись, со злостью вцепил кулак ему прямо под ребра.

Кашляя и задыхаясь, Арьель свернулся клубочком и пролежал так довольно долго.

И, как всегда, пропустил самое интересное.

Когда он смог, наконец, дышать и приподнялся, то увидел, что Ивон лежит навзничь с ним рядом. Жив Ивон или нет, понять было трудно: глаза полузакрыты, из носа стекают две тонкие струйки крови. Кровь выступила и меж сомкнутых губ. Арьель сглотнул и поднял голову. И замер, раскрыв рот.

Пришлые маги висели в воздухе. Они были без сознания, их тела обмякли. Казалось, кто-то подвесил их подмышки на невидимых веревках. Они медленно вращались вокруг себя и напоминали то ли мух, угодивших в паутину, то ли висельников. Их защитные ауры еще слабо светились.

— Ну, вот и все, — сказал позади Арьеля знакомый, обыденно спокойный, только чуть охрипший голос.

Арьель оглянулся. Бледный и встрепанный Нэль смотрел на Ивона черными, пустыми глазами.

— Вот и все, — повторил он. — А ведь я поклялся, что никого больше не убью.

— Он умер? — прошептал Арьель.

— Да. Но видят боги, я этого не хотел... — Нэль обеими руками взъерошил взмокшие от пота волосы. Руки дрожали.

— А... эти? — музыкант посмотрел на магов.

— Без сознания. Я их оглушил. К утру придут в себя. А ты как, не ранен? Можешь встать? Тогда помоги мне, перенесем Ивона в дом.

Арьель поднялся и, преодолев внутреннюю дрожь, взял мертвеца за ноги. Тело показалось страшно тяжелым. Нэль, стиснув зубы, схватил Ивона подмышки.

— Зря, ох зря господин тан со мной связался, — пробормотал он. — Будет ему теперь заботы объясняться с магами и законниками... И ему я свинью подложил.

В самом деле, подумал Арьель, на хозяина этих земель псами набросятся маги — за то, что укрывал изгоя, да и служители Прайоса вцепятся, станут выяснять, откуда в его владениях неопознанный труп. Если только Нэль не попытается избавиться от тела...

Но маг, оказывается, думал уже совсем о другом.

— А ведь я добился, чего хотел, — проговорил он вдруг медленно и раздумчиво. Арьель глянул непонимающе, и он пояснил: — Совладал с потоком одной лишь силой мысли. Убил Ивона, едва подумав об этом. Понимаешь? Не пожелав, лишь подумав... о боги, и зачем я это затеял... Вернулся бы в Аркару, пусть бы меня вскрыли, как лягушку... — он замолчал, стиснул зубы.

Ивона уложили на скамью, где раньше спал музыкант. Нэль постоял над ним, подумал и накрыл с головой своим плащом. Потом подумал еще и вдруг молча бросился прочь из дома. Выскочив следом, Арьель увидел, как он яростно, не щадя деревьев, ломает ветки отцветающей яблони и черемухи. Арьель принялся ему помогать. С полной охапкой они вернулись в дом, бросили истекающие ароматом ветки на грудь Ивону.

— Даже достойное погребение не могу тебе устроить... — пробормотал Нэль и повернулся к музыканту, сказал отрывисто: — Я уйду сейчас. Ты следом за мной не ходи: видишь, что творится... Неладно со мной. Останься, дождись утра и отправляйся к тану. Расскажи ему, что я натворил. Предупреди, чтоб готовился встречать гостей. Пусть все валит на меня, пусть отпирается: мол, Нэль самовольно в его владениях поселился, никто его не звал. Ясно? Арьель, чего ты молчишь?

— То молчу, что одного я тебя не отпущу, — тревожно зашептал музыкант, схватив его за руку. — Пойдем лучше к Марике, а? Она что-нибудь посоветует...

Нэль прерывисто вздохнул.

— К Марике... — повторил он печально. — Нет, к Марике я не пойду.

— Почему?

— Нельзя... А ты все-таки сделай, как я прошу. Так будет лучше.

Он мягко отнял от себя руку Арьеля и, не обращая больше на него внимания, зажег у себя над левым плечом магический огонек и заходил по дому. Он ненадолго останавливался то у стола, то у полок, бегло осматривая их. Арьель, как потерянный, стоял посреди комнаты. Он и не заметил, когда маг подобрал и перекинул через плечо свою дорожную сумку.

* * *

Нэль ломился через лес, не разбирая дороги. Машинально отводил в сторону ветки и даже не замечал, если какая-то хлестала его по лицу или рукам. Арьель, который едва поспевал, чтобы не выпустить мага из виду, то и дело ойкал и шипел — ему доставалось упругими ветками куда чаще и больнее. Наконец, запыхавшись, он догнал Нэля и поймал его за рукав. Маг резко обернулся, сверкнул страшными глазами.

— Нэль! Нэль, прошу тебя, остановись, — взмолился Арьель. — Ну, куда ты рвешься, очертя голову? Давай вернемся, подождем утра...

— И что? что изменится утром? — маг схватил его обеими руками за плечи, с неожиданно силой оттолкнул от себя. — Говорю тебе: оставь меня, возвращайся один. Пока еще можно...

— Нэль...

Маг быстро повел перед собой рукой с чудно сложенными пальцами. Темнота за его спиной ожила, пришла в движение.

— Ох, Нэль, нет! — выдохнул Арьель. Он хотя никогда и не видел телепорта, понял сразу, что означает эта ожившая тьма.

— Прости, — сказал маг и резко отпрянул, почти упал спиной вперед.

И исчез.

Арьеля обдало холодным ночным ветром. Замычав сквозь зубы, он обессилено опустился на колени и несколько раз ударил кулаками в землю. Ни малейшего облегчения это не принесло.

* * *

Нэль понятия не имел, куда его занесло, он просто вызвал в памяти лесную опушку, которая в какую-то из ночей — быть может, давным-давно, — его приютила.

Он вывалился из телепорта спиной вперед, ощутимо приложился лопатками о землю и остался лежать, вытянувшись на молодой траве. Старался дышать глубоко и размеренно. Последнее заклинание выпило его до дна, и в груди камнем застрял знакомый ледяной комок. Правда, теперь-то он знал, что это ненадолго. Вскоре силы к нему вернуться. А пока... Он открыл глаза. Сквозь ажурный покров листвы с любопытством смотрели звезды. Подмигивали, словно спрашивали: «Как дела?»

— Дела мои — хуже некуда, — одними губами выговорил Нэль и зябко передернулся. Воздух, за день прогретый майским солнцем, уже успел остыть. Хорошо бы развести огонь... Но без магии он беспомощен: огнива у него нет, а если бы и было, вряд ли он сумел бы собрать достаточно топлива для костра.

Огонь... наверное, он должен был сложить для Ивона хотя бы погребальный костер, раз уж не мог похоронить по правилам. А кто теперь о нем позаботится? Впрочем, так ли это важно, если его душа уже в царстве Бороны... Пусть он встретит там девушку, по которой тосковал долгие годы. Теперь-то никто у него Лионетту не отнимет. Если только она и в покоях Бога-Ворона не ждет своего любимого...

Совсем закоченев, Нэль сел и скорчился, обхватил руками колени. Ночной стылый холод пробирал до костей. Под утро, вероятно, на траву ляжет иней... Такое часто бывало в начале мая в Медее.

Если, конечно, он все еще в Медее.

* * *

В распахнутые настежь створки окна врвался теплый ароматный ветер. Он гулял по зале, шевелил яркие гобелены на стенах, перелистывал забытую на пюпитре книгу в ярко-красном кожаном переплете. Играл завитками волос Арьеля, не убравшимися в хвост. Музыкант стоял у окна, навалившись грудью на подоконник, и боялся оглянуться, потому что позади него за пальцами сидела самая красивая девушка в мире.

Арьель ругал себя: уж о чем, а о красивых девушках думать сегодня пристало менее всего. Но он ничего не мог с собой поделать. Элейна, шестнадцатилетняя дочка тана Аля, была чудо как свежа и хороша, вся бело-розовая, словно молодая яблоня в цвету. Глаза у нее были серые и ясные, как лесные озера, а волосы, как у обоих ее братьев, отливали спелой пшеницей — это Арьель заметил несмотря на то, что ее склоненную над работой головку покрывала легкая вуаль.

Здесь же, в зале расположился и Кай — на коленях у него лежал арбалет, в котором он что-то подтягивал и подкручивал. Судя по тому, что Элейна была допущена в общество мужчин, а не сидела в девичьей, нравы в замке Аль царили достаточно свободные, и все-таки оставить сестру наедине с гостем-мужчиной мальчик не мог.

В замок Арьель примчался, разумеется, не ради прекрасной Элейны. После того, как Нэль провалился в свой проклятый телепорт, бросив приятеля одного в лесу, Арьель пережил несколько весьма неприятных часов наедине с совами и мелкими ночными зверьками, которые так и сновали вокруг. По спине от шуршания их лапок так и бегали мурашки... Арьель побоялся, что в темноте не отыщет дорогу обратно; пришлось ждать, пока рассветет. Но даже при свете солнца он не сразу выбрался на поляну. Еще бы: ночью он слепо рванул за Нэлем, не заметив даже, в какую сторону идет.

К дому Арьель подходить не стал, чтобы не столкнуться с магами, которые, если верить Нэлю, должны были уже очнуться. Он тихонько обошел поляну по краю, а потом со всех ног помчался к замку.

Оказалось, увы, что не он один желал в то утро видеть тана Альбрехта Аля. Его опередили храмовники. О них предупредил музыканта Кай — пока отец был занят с гостями, мальчик принял на себя обязанности хозяина дома.

— Какие именно храмовники? Маги? — уточнил Арьель убитым голосом. Не иначе как примчались по поводу ночного происшествия... если, конечно, им все уже известно.

Кай кивнул.

— Точно, маги. Явились ни свет, ни заря. Вот нелегкая их принесла... — добавил он без всякой приязни. — А вы с новостями от господина Нэля, да? Лучше бы вам тогда с магами не встречаться...

Арьель и сам это знал. Но тан был ему нужен позарез — кроме него, посоветоваться было не с кем. А в совете Арьель ох как нуждался... Потому и торчал битый час в гобеленовой зале, изнывая от тревоги и нетерпения, и всем существом своим трепеща от близости молодой прелестной девушки. Причем раньше подобного трепета за ним не водилось...

Наконец, распахнулась дверь, и по комнате метнулся сквозняк, всколыхнув гобелены. Потом через порог ступил тан Альбрехт Аль. Музыкант быстро обернулся и встретился взглядом с хмурым хозяином замка. Тан явно был не в духе, и при виде гостя настроение у него отнюдь не улучшилось.

— Ах, это вы, — вместо приветствия бросил он. — Я как чувствовал, велел проводить господ магов другим путем. Было бы, пожалуй, нехорошо, если бы они вас увидели.

Он пересек комнату и встал боком у окна, подставив лицо ветру. Вопросительно взглянул на Арьеля, и у того немного отлегло от сердца: похоже, тан еще ничего не знал. Значит, разговор с магами шел не о Нэле.

— Ну, что у вас стряслось?

— Ох и стряслось, — вздохнул Арьель. — Такое дело, господин тан... вчера вечером к нам наведались маги...

Тан заметно вздрогнул.

— Что?! Маги? О, проклятье... — он нетерпеливо обернулся к отпрыскам. — Кай, Элейна, оставьте нас одних. Живо, живо!

Подхватив арбалет, Кай немедленно вскочил и исчез — как ветром сдуло. Следом за ним тихо вышла Элейна. Арьель, затаив дыхание, проводил ее взглядом: девушка ступала так ровно, так легко, что хотелось сравнить ее с плывущей лебедью. Плавные, мягкие изгибы ее тела под камизой завораживали.

— Господин музыкант, — проговорил тан тихо и сурово, — я вас слушаю...

* * *

Мокрая от росы трава на поляне была истоптана и еще не успела распрямиться. Тан некоторое время разглядывал ее, стоя в зарослях орешника, но ничего интересного не увидел. Наконец, ему надоело это занятие, он раздвинул ветки и вышел на поляну. И с шумом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Как ни был он зол — и на Нэля, и на храмовников, — а смех удалось сдержать не без труда. Вот это картина!.. Тан медленно пошел вдоль зарослей орешника, с любопытством разглядывая невиданное явление в середине поляны. Хотелось бы знать, нарочно Нэль сотворил такое, или случайно получилось. Если нарочно — что ж, оказывается, у мага недурное чувство юмора! Кто бы мог подумать... Хотя в ту минуту, вероятно, ему было не до шуток.

Двое, висающие в воздухе над поляной, еще не совсем пришли в себя. Тан внимательно присмотрелся к их лицам — они казались смутно знакомыми. Вероятно, виделись несколько раз, мельком. Маги уже начинали слабо шевелиться, но пока еще не понимали, что с ними произошло. Тан не стал пока окликать их. Обошел поляну по краю так, чтобы не попасться им на глаза, и направился в дом.

Он ожидал увидеть внутри беспорядок — следы поспешных сборов, — но все вещи лежали на своих местах. Вероятно, Нэль ушел, ничего с собой не взяв. Оставил все до единой книги, даже те фолианты, которые любой маг счел бы настоящим сокровищем: найти их списки можно было разве что в больших городах вроде Сквары, Карнелина или Эдеса. Тан поцокал языком. Книги

имели огромную ценность — и не только в денежном выражении, — но он не стал бы горевать, забори их Нэль с собой. Магу они были нужнее, а тан все равно не мог ими воспользоваться.

— Эх, Нэль, а вы мне казались более практичным человеком... — пробормотал тан.

Еще через минуту он окончательно убедился: Нэль оставил все. Даже ряды связанных в пучки сушеных трав, которые висели по стенам, словно в жилище какого-нибудь деревенского знахаря, не поредели. На месте остались и пузырьки с эликсирами и вытяжками, а так же маленький тигель и остывшая жаровня.

А самое удивительное, что на лавке тан увидел лютюю. Этот штрих придавал особенную убедительность картине поспешного, почти панического бегства. Если уж Арьель бросил инструмент, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. По-видимому, Нэлю, всегда такому спокойному, такому невозмутимому, вдруг изменило самообладание — и это обернулось катастрофой.

Еще бы не катастрофой, если убит человек. И кем убит!..

В доме сильно пахло черемухой. Уже в последнюю очередь тан заметил охапку слегка подвявших веток, брошенных на постель поверх плаща. Он подошел и понял, что под плащом лежит человек. Вернее, тело человека... того самого, которого Нэль убил силой своей ненависти. Тан отогнул угол плаща и взгляделся в мертвое лицо. Молодой, красивый парень... зачем он пришел сюда? Что ему понадобилось от мага? Арьель, рассказывая о столкновении Нэля с пришлецами, начал что-то темнить, когда речь зашла об убитом. Вроде бы у него имелся к магу какой-то счет... Тан не стал выяснять подробности. Это было, в конечном счете, неважно. Личная жизнь мага в предшествующие годы его не касалась. Хотя и было, конечно, интересно... Тан снова опустил край плаща на мертвое лицо.

Хотелось бы знать, зачем Нэль перетащил мертвеца в дом. Почему не избавился от тела, понятно — спешил... Но, если впрямь так уж спешил, чего бы не оставить мертвеца на поляне? Тан в задумчивости поскреб бороду. Может быть, таким образом маг пытался выразить уважение к смерти?

Тан постоял немного, подумал. Что-то нужно было решать с имуществом Нэля. Не исключено, что теперь к дому слетятся храмовники, как пчелы слетаются на мед; будут тут все ощупывать, обнюхивать. Тан понятия не имел, над чем работал Нэль — тот не посвящал его в подробности, — но был уверен, что его исследования весьма заинтересовали бы храмовников. Однако вряд ли молодой маг хотел, чтобы плоды его трудов достались гильдии.

Тан полагал, что за два месяца научился сколько-нибудь понимать непростой характер Нэля. Поразмыслив, он решил поступить так, как, вероятно, поступил бы сам Нэль, если бы располагал временем.

Все книги, какие отыскивались в доме, тан собрал в стопки и вынес наружу,

сложил поодаль под деревом. Жаль было бы потерять их так глупо и понапрасну. Что до остального... остальное уже не имело значения, раз Нэль ушел.

Тан выждал, пока языки пламени запляшут на покато́й крыше, и только тогда подошел к магам, которые по-прежнему беспомощно болтались между небом и землей. Можно было, конечно, уйти так, но тану очень хотелось посмотреть, как жертвы заклинаний Нэля будут выпутываться из унижительной ситуации.

— Эй, вы, там! — крикнул он, остановившись десятка за два шагов. — Вы как, в порядке?

Ответом ему было невнятно бормотание.

— Эй, вы вообще живы?

— Кто... кто вы? — закашлялся старший маг, беспорядочно ворочаясь в невидимых путах.

— Просто мимо проходил, — беспечно ответил тан. Он старался подражать говору местного простого люда. Возможно, маги его и узнают... но не сразу. А то до той поры он отлично поводит их за нос — в отместку за то, что они так грубо нарушили его планы. — Вам, господа, может, помощь нужна, а?

Маг заколебался.

— Вообще-то... А что это горит, добрый человек? — вдруг спросил он.

— Откуда мне знать, я же просто прохожий, — усмехнулся тан. — Но горит, клянусь Прайосом, отлично! Так что же, помочь вам спуститься?

— Не получится, — раздраженно ответил маг. — Так что иди, прохожий, своей дорогой. А впрочем, нет, постой! — он на минуту замолк, как видно, собираясь с мыслями. — Знаешь ты здешнего владетельного тана? Что он за человек?

Выходит, эти двое лично тана не знали. Тан усмехнулся в усы. Сделал вид, что размышляет.

— Ну-у... — протянул он. — Господин тан Альбрехт — хозяин суровый, но справедливый, чего уж. Ученый человек. Дружбу с магами да колдунами водит. А вам-то что за дело до него?

— А тебе что за дело до моих дел?

Тан только головой покачал. Ох и спеси у этих храмовников... куда там нобиям.

— Ну, раз так, бывайте, — он развернулся, чтобы уйти. Подумалось, не сшибить ли магов на землю палками, как поступают с яблоками, но мысль показалась не слишком удачной. Пусть себе висят, он их спускать на землю не нанимался. Тем более, что помощи они не просили.

— А скажи-ка, прохожий, — снова окликнул маг, и тан остановился, глянул

через плечо. — Не видел ты кого-нибудь поблизости? Например, двоих мужчин, молодых, один — светловолосый и смазливый, другой — черный и рябой.

— Нет, не видел таких, — с удовольствием ответил тан.

Он помедлил еще немного, понаблюдал, как маги пытаются принять подобающий их положению вид. После длительного беспамятства, да еще зависнув в воздухе, было нелегко выпрямиться с достоинством, и тан закусил губы, чтобы не засмеяться. Любопытно, когда развеется заклинание? Сколько еще несчастным болтаться в воздухе? Жаль, что Нэль не видит своих противников теперь, когда они уже пришли в себя, но все еще беспомощны.

Пожалуй, подумал тан, после этого случая маги еще сильнее на него обозлятся. И при следующей встрече (если она состоится) обязательно припомнят ему унижение собратьев. А ведь он был милосерден и оставил им жизнь, хотя мог, вполне мог убить их. Как убил того парня, от которого вскоре останется один только пепел.

Глава 2

— Господин тан, — официальным голосом сказал высокий и статный мужчина в темно-синей мантии мага. — Мы с вами всегда понимали друг друга, не так ли? Не хотелось бы утратить понимание теперь, в трудную для всех нас минуту. Давайте говорить откровенно.

Мэтр Корнелий стоял спиной к окну, и тан, глядя на него против света, никак не мог бы разобрать выражение его лица. Впрочем, тан демонстративно в его сторону не смотрел. Он сидел, вальяжно развалившись в широком кресле из темного дуба, и делал вид, что поглощен изучением стального кубка, пузатые бока которого украшала чеканка и желтые непрозрачные камни. Взгляды собеседников, — как мэтра Корнелия, так и мэтра Эжена, — скрещенные на его лице, тан ощущал почти физически.

Оба мага были еще довольно молоды: мэтр Корнелий, обладатель каштановых локонов и слегка раскосых серо-зеленых глаз, выглядел лет на сорок; мэтр Эжен, кареглазый, с прямыми пепельными волосами, казался лет на пять моложе собрата. И однако же тан хорошо знал, что нельзя обманываться их молодостью и смиренным видом. Маги стояли высоко в гильдии Тальеры, а влияния у них было едва ли не больше, чем у гильдмастера. Тан давно вел с ними дела и хорошо знал и деловую хватку мэтра Корнелия, и проницательность мэтра Эжена. Братство тщательно выбирало, кого присылать для дознания. Радовало одно: с ними не было ментального мага. Тан сомневался, что его защита устоит под напором мастера. Впрочем, мастеров ментальной магии в Медее можно было пересчитать по пальцам. В Тальере жил один из них, — и однако же гильдия его не прислала. Это можно было расценить как жест доверия. Пока еще доверия.

— Так что же, господин тан? — повторил мэтр Корнелий.

— Я всегда был с вами откровенен, вы же знаете, — отозвался тан, продолжая изучать кубок.

— Знаю. Потому и я буду говорить откровенно. Доверие за доверие... Обычно мы не посвящаем в дела гильдии посторонних, но вы, господин тан... — маг слегка поклонился в сторону хозяина замка. — Ситуация сложилась неприятная. И нас очень огорчает, что вы имеете к ней самое прямое отношение. Хотелось бы надеяться, что мы ошибаемся, но факты, господин тан, факты...

Тан изобразил удивление.

— Поясните свою мысль, мэтр Корнелий, я вас что-то не понимаю.

— Поясню. Вы не можете не знать, господин тан, что уже несколько месяцев наше братство разыскивает некоего человека. Вам сообщали об этом, на случай, если бы вдруг что-то про него узнали. Этот человек, по имени Лионель сын Германа, маг из Аркары, весьма опасен — так вам сказали. И растолковали, почему. Он — стихийный проводник мощнейшего потока магических сил извне, и он не в состоянии поток этот подчинить и направить. Однажды храм допустил ошибку, позволив изгнать его из города. Даже после страшной катастрофы в Аркаре братья недооценивали опасность — сочли, что случай был единичным, и он стал следствием невнимательности и безответственности упомянутого мага. Несколько месяцев назад стало ясно, что это не так, что дело вовсе не в безответственности... Впрочем, все эти подробности вам известны. Что я, собственно, хотел сказать? Недавно мы узнали, что Лионель из Аркары более двух месяцев скрывался в ваших владениях. Более того: вы лично предоставили ему убежище. Что вы на это ответите, господин тан?

— Что отвечу? — тан выпрямился в кресле, вскинул голову, прищурился надменно. Мягкий тон мэтра Корнелия, в котором к концу тирады явственно зазвучала угроза, взбесил его. — Я спрошу: какие у вас доказательства? Кто видел этого мага? Кто сказал, что я лично предоставил ему убежище? А?

— Не горячитесь, господин тан, — заговорил мэтр Эжен своим мягким и певучим голосом, который так страшно не сочетался с леденящим выражением неподвижных карих глаз. — Доказательства у нас есть. Имеются свидетели. Наши братья из Аркары и Солоты разыскали мага Лионеля и хотели сопроводить его в безопасное место в стенах храма. Но он воспротивился их намерениям, оглушил братьев заклинанием и сбежал. Его действия снова, как в Аркаре, вызвали пожар, и чуть было не повлекли за собой человеческие жертвы.

Чуть было!.. Неужели маги ничего не знают о погибшем парне? Ведь может быть такое, что Нэль выбил их из сражения прежде, чем взялся за беднягу... Или же они играют в какую-то свою игру?

— И все-таки не понимаю, при чем здесь я, — высокомерно бросил тан.
— В моих владениях скрывался беглый маг, который к тому же устроил

пожар — а значит, пострадало мое же имущество. С чего вы взяли, что я ему покровительствовал? Это первое. Дальше. Даже если — предположим на минуточку — я и впрямь приютил у себя вашего беглеца, с какой стати я должен отчитываться перед братством? Разве я вам чем-то обязан? А? мэтр Корнелий? Мэтр Эжен? Я не храмовник, я человек светский, служу не богам, но королю. Ваш гильдмастер сам многократно подчеркивал, что внутренние дела гильдии меня не касаются.

Мэтр Эжен сверкнул на него глазами, но смолчал. Мэтр Корнелий отошел от окна и приблизился к тану. Тот, в свою очередь, встал и распрямился, так что глаза их оказались на одном уровне.

— Господин тан, конечно, вы ничем не обязаны гильдии. Напротив, братство Гесинды многим обязано вам. Но вам следовало бы понимать, что поиски беглеца ведутся не ради блажи, а продиктованы необходимостью. Этот человек крайне опасен. Вы теперь знаете, что случилось в Аркаре — нечто подобное повторилось и на вашей земле. Добавлю еще кое-что. Хотя от лаборатории беглеца мало чего осталось — огонь сгубил почти все, — нам удалось найти достаточно свидетельств, чтобы установить: он занимался запрещенными опытами.

— Запрещенными кем?

— Гесиндой. Старшими.

— Ну, ну... — тан усмехнулся и сложил руки на груди. Он уже понял, что дальше маги давить на него не станут. Да, они знают, что Нэль прятался в его владениях, но они никогда не смогут доказать, что лабораторию ему предоставил лично тан. То есть не смогут без помощи ментального мага... — Вы бы еще рассказали про опыты с некромантией...

— Про некромантию нам ничего не известно. Но неужели вы считаете, будто некромантия — это худшее из зол? Уверяю, есть вещи и пострашнее, хотя они и не выглядят столь откровенным злом, не так отталкивают мерзостью. Подумайте над этим, господин тан, — мэтр Корнелий помолчал и многозначительно добавил: — Мы все-таки рассчитываем на наши добрые отношения. Король стоит над нами всеми, но и у Гесинды есть власть. Она щедро благодарит тех, кто ей служит.

Тан удивился тому, что маг заговорил о награде, но виду не подал. Не иначе, Нэль окончательно разозлил их. Не успел ли натворить еще что-нибудь, о чем тан пока не знает? Но не спрашивать же у этих самодовольных храмовников... Как жаль, что Нэль обрубил все нити, и нельзя узнать, где он и что с ним. А с другой стороны, это даже хорошо. Если храмовники отчаются и пришлют для дознания ментального мага, чтение мыслей ничего им не даст. Кто не знает, тот не выдаст.

— Хорошо, я приму все это к сведению, господи мага. Я на вас не в обиде, хотя у ваших обвинений, как я и предполагал, нет никаких оснований, все опирается на досужие домыслы. Понятно, что вы заботитесь о доброй репутации своего братства и о безопасности королевства. Это угодно

королю, а значит, и мне, ведь я — его верный слуга. Посему, разойдемся добрыми друзьями.

Маги одарили его взглядами, которые сделали бы честь и армии василисков. Однако пришлось им откланяться и отбыть ни с чем. Имя короля все еще неплохо действовало на храмовников. Память у них была крепкая, а костер, разведенный для Нэля — тоже, как ни крути, мага, — неплохо ее освежил.

Увы, тан верил, что когда-нибудь мир изменился, и придет время, когда маги будут диктовать королю условия, а не наоборот. И очень хорошо, что он этого не увидит — не доживет. Потому что все маги, — все, поголовно, — сумасшедшие, а оказаться во власти у горстки безумцев — к тому же наделенных нечеловеческими способностями, — это страшно.

* * *

В камине пылал огонь, хотя нужды в нем не было никакой. Дни стояли жаркие, ночи — теплые, но тан все равно приказал затопить в кабинете. Ему нравилось смотреть на живой огонь; за жадными непоседливыми языками пламени он мог наблюдать часами.

И вот вечером он заперся в кабинете и смотрел в зев камина, забыв о книге на пюпитре. В мирном пламени ему виделось иное: пожар, бушующий на укромной поляне среди черемухи и диких яблонь; пожар, горящий в черных глазах молодого мага.

Вот уже месяц от него — и о нем — не было вестей. Нэль как будто сквозь землю провалился. Никто из многочисленных осведомителей и верных людей тана не слышал ничего о нем. Где же он прячется? С его привычкой подводить на южный манер углем глаза он должен быть очень заметен.

Самое странное, что не было вестей и от его друга, красавчика и болтуна Арьеля. Уж этому-то зачем скрываться и прятаться? Последний раз тан видел музыканта в мае, когда тот, взмыленный, примчался в замок с известием о бегстве Нэля. Тан тогда прямо спросил, собирается ли он разыскивать мага. Музыкант отвечал уклончиво, и вовсе не потому, что хотел сохранить свои планы в тайне. Видно было, что он сам еще не знает, как поступит. Тан условился с музыкантом: если тот что-то услышит о маге, немедленно пошлет весточку в тальерский замок.

Тан силился понять, почему судьба Нэля так беспокоит Арьеля, почему музыкант так к нему привязан. Впрочем, Арьель, кажется, и сам этого не понимал. По мнению тана, Нэль был человеком, к которому трудно испытывать дружескую симпатию: симпатия подразумевает взаимность, а маг был слишком замкнут на самого себя и ни в ком, по большому счету, не нуждался. Правда, и Кай, и особенно Эрред, тоже тянулись к Нэлю, и этого тан уж никак не мог себе объяснить...

Нэль был еще более сумасшедшим, чем его собратья — от такого человека, по-хорошему, следовало бы держаться подальше, чтобы не опалило огнем безумия. Со всеми своими амбициями и неутоленным честолюбием, со

своей мечтой «подняться в небо» (как он однажды обмолвился при тане) Нэль был, без сомнения, страшным человеком. Но тану чудился в нем невероятный потенциал; маг казался куколкой, из которой со временем должна выйти бабочка невиданной еще красоты. И тан очень не хотел бы пропустить рождение этой бабочки — чем бы оно ни грозило, разрушением или множеством смертей. И он подгонял, подгонял своих осведомителей, деньгами и посулами, чтобы они искали, день и ночь искали след Нэля.

* * *

Летом наступала ягодная пора. Земляника, черника, малина, костяника, а по осени брусника и клюква — все эти ароматные дары лес преподносил щедро и охотно. И Виленка, сколько помнила себя, всегда с приходом лета отправлялась в лес то за одной, то за другой ягодой. Сначала — с матерью, позже — со старшей сестрой, а теперь с ними ходила и младшенькая. Бывали дни, когда сестры, вместе с деревенскими подружками, с утра до вечера пропадали в лесу и возвращались с наступлением темноты, отягощенные сладким и душистым грузом.

Лес Виленка знала, как свои пять пальцев, и часто забиралась дальше, чем осмеливались заходить другие девочки. У нее были «свои» ягодные места, которые она никому не показывала. Старшая сестра Тира вначале беспокоилась, даже пугалась, когда Виленка вдруг пропадала незнамо куда, но потом перестала, поняв, что в лесу с девочкой ничего плохого случиться не может. К тому же Виленка никогда не уходила так далеко, чтобы до нее нельзя было докричаться.

В этом году земляники было видимо-невидимо, и девушки таскали ее из лесу огромными корзинами. Виленка и рада была, что ягода все не сходит и не сходит. В лесу-то лучше, чем в поле работать, или по дому.

Было у нее одно заветное местечко, скрытое от чужих глаз густыми кустами крушины и можжевельника. Туда Виленка еще ни разу за все лето не наведывалась, а в один день решила — пора. Она отошла от сестер в сторонку, как всегда, никому ничего не сказав, и направилась в «свое» место. Ягода там росла щедро, и девочка рассчитывала набрать если не целую корзинку, то уж точно половину.

Она с осторожностью, чтобы не поцарапаться и не порвать платье, пробралась сквозь кусты — и застыла в изумлении. Кто-то уже нашел ее полянку. В траве, спиной к Виленке, стоял на коленях человек. На нем были истрепанные темные одежды — длинные и свободные, с широкими рукавами. На плечи падали чуть вьющиеся черные волосы. Заслышав шорох и шелест раздвигаемых ветвей, человек привстал на одно колено и медленно обернулся. Виленка глубоко вздохнула: убежать или звать на помощь? У мужчины было молодое лицо, чуть тронутое загаром. Короткая и редкая бородка не скрывала оспин на щеках. Черные глаза, густо подведенные углем по нижнему веку, взглянули прямо Виленку. Она ойкнула и попятилась, готовясь убежать.

— Не бойся, — сказал человек. Его голос звучал хрипло, как будто ему давно не приходилось разговаривать. Он развел в стороны руки, показывая раскрытые пустые ладони, и Виленка испуганно ахнула: его пальцы были все в крови.

— Что ты, девочка? — удивился он. Быстро взглянул на свои ладони и улыбнулся. — Ах вот что! Это всего лишь ягодный сок. Посмотри... — он повел вокруг себя рукой — всю крошечную полянку сплошным ковром покрывали резные листики земляники.

Улыбка, осветившая его худое и не очень-то красивое лицо, почему-то успокоила Виленку.

— Ты ведь тут не одна, правда? — продолжал он, глядя на девочку снизу вверх своими странными глазами. Виленка кивнула: на поляну долетали звонкие женские голоса, среди которых слышался и сестрицын. — Вы пришли из деревни? Вон оттуда? — он поднял руку, показывая направление, и широкий рукав соскользнул, открыл тонкое, почти женское запястье и узкую кисть. Виленка смотрела на незнакомца во все глаза. Таких тонких и изящных рук у мужчин она еще не видела. У ее отца и брата ладони были широкие, как лопаты, загрубевшие и темные от загара.

— Как твоя деревня называется? Рябинка?

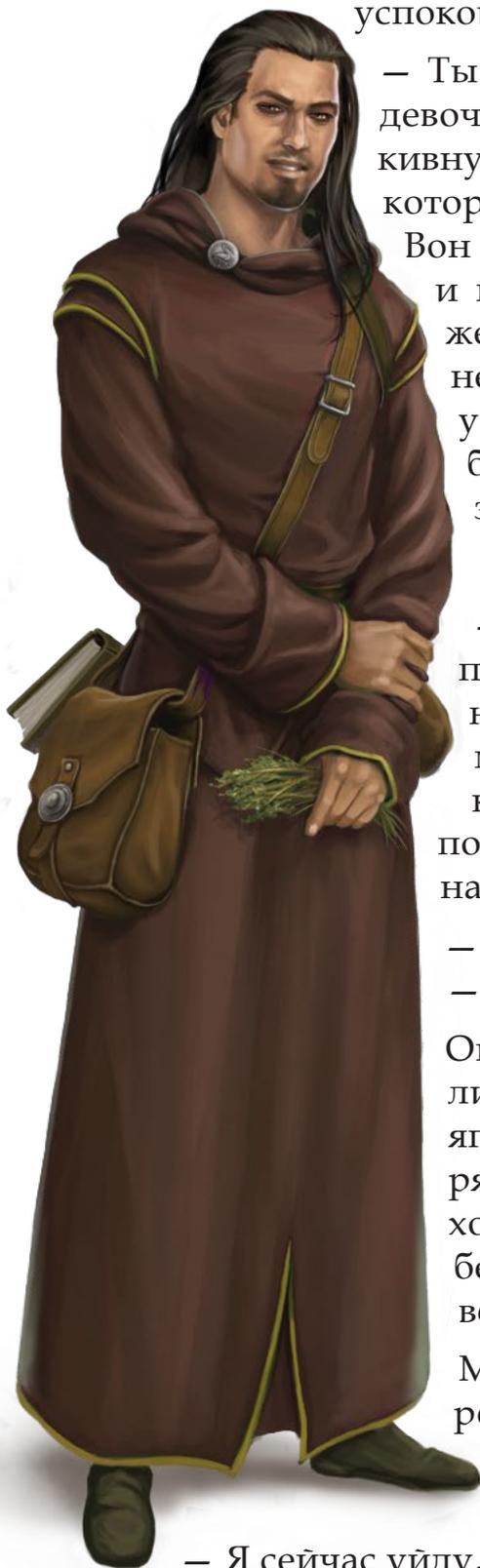
— Рябинники, — сказала Виленка, и вдруг ей пришло в голову, что набрать ягод уже не получится, незнакомец ее опередил. Придется искать другое место. А она-то мечтала поскорее наполнить корзину и посидеть немного в «своем» уголке, побездельничать, полюбоваться игрой солнечных пятен на траве.

— Не огорчайся, — мужчина словно прочитал ее мысли. — Здесь еще много осталось.

Он провел рукой по верхушкам трав и земляничных листьев. Виленка увидела тут и там красные капельки ягод — на корзинку, пожалуй, наберется. Но оставаться рядом с незнакомым человеком, пусть даже у него такая хорошая улыбка... Кто знает, зачем он в лесу. Виленка беспокойно оглянулась через плечо. Лучше, наверное, вернуться к сестре и подругам.

Мужчина медленно, — чтобы не напугать Виленку резким движением, — встал. Оказалось, он совсем небольшого роста. Может, на полголовы повыше Тиры.

— Я сейчас уйду, — сказал он. — Не буду тебе мешать.

Только сейчас Виленка заметила, что к его поясу подвешены пучки трав, а его просторная длинная одежда очень напоминает храмовый балахон. Человек, который собирает и засушивает травы, не мог быть плохим — так думала Виленка. Наверное, он был таким же, как умерший зимой дед Като. Тот делал из трав отвары, шептал над ними, а потом давал их больным, и они почти всегда поправлялись. Вокруг него всегда крутились дети, и он их от себя не гнал. Взрослые, правда, его побаивались и звали колдуном.

— Ты колдун? — спросила Виленка с любопытством.

Незнакомец пристально посмотрел на нее и ответил после короткого молчания:

— Да. А откуда ты узнала?

— У нас в деревне был колдун, — сказала Виленка, довольная тем, что ее догадка оказалась верной. — Дед Като тоже собирал травы и лечил больных. Только он умер, а до соседей полдня добираться надо.

— Вот как... а у соседей, значит, есть знахарь?

— Ага. Только он к нам редко приходит. А мама очень болеет, — неожиданно для себя добавила Виленка. — А бабушка говорит, что если бы дед Като был жив, он бы быстро поставил ее на ноги.

— Вот как, — повторил незнакомец и вдруг спросил: — Как тебя зовут?

— Виленка. А тебя?

— Нэль, — он улыбнулся и указал на ее корзину. — Давай-ка наберем тебе ягод, Виленка.

Сестрица Тира сначала очень испугалась, когда Виленка вышла из зарослей крушины вместе с незнакомым человеком. Она бросилась к девочке, как насадка к цыпленку, сгребла в охапку, и пришлось долго ей объяснять, что Нэль — хороший, и вовсе Виленку не обидел и не собирается, а напротив, обещал вылечить маму. Нэль все это время молча стоял в стороне, под перекрестным обстрелом любопытных девчоночьих взглядов. Когда Тира, все еще встревоженная и сердитая, повернулась к нему, он так же молча ей поклонился, прижав правую руку к сердцу. Тира вспыхнула и зарделась. Пробормотала: «Ну... пусть идет с нами».

Бабушка тоже встретила его неприветливо. Хмуро выслушала сбивчивые объяснения Виленки, настороженно оглядела колдуна с головы до ног. В дом, однако,пустила. Перед тем, как перешагнуть порог, Нэль низко ей поклонился, и суровая бабушка, кажется, чуть-чуть смягчилась.

В доме никого не было. Отец и брат с утра ушли на сенокос, Тира убежала во двор, за ней увязалась и младшая сестренка. Виленка, пока бабушка не прогнала и ее туда же, живенько уселась перебирать ягоды. Ей очень хотелось посмотреть, как колдун будет лечить маму.

— Какой из тебя знахарь, — проворчала бабушка, прошаркав впереди Нэля

к занавеске, за которой лежала больная. — Молоко на губах не обсохло! Сколь тебе годков-то, парень?

— Двадцать шесть, бабушка.

— Ну! Ишь, молодо-зелено. А звать тебя как? Внучка сказывала, да я запомнятовала.

— Нэль, бабушка.

Он не задернул занавеску, и Виленке было видно почти все, что происходило у маминой постели. Чтобы видеть еще лучше, она наклонилась вперед на своем низком топчанчике.

Нэль встал рядом с постелью на колени, подвернув длинные полы балахона. Бабушка грозным изваянием застыла у него за спиной, пристально следила за каждым его движением. Нэль протянул над мамой руки и принялся тихо что-то спрашивать. Мама отвечала ему едва слышным, измученным голосом; бабушка тоже изредка вставляла от себя словечко, но Виленка, к своему огорчению, как ни старалась, ничего не сумела разобрать. Закончив спрашивать, Нэль попросил кипятка. Он отцепил от пояса несколько травяных пучков, отделил от каждого по паре стебельков, растер их в ладонях и бросил в поднесенную бабушкой кружку. Накрыл ее тряпицей и отставил в сторону, а сам снова опустился на колени и принялся водить над мамой руками и тихо, монотонно бормотать. Виленка вслушивалась, приоткрыв от напряжения рот, и не заметила, как со спины подошла бабушка — и отвесила звонкий подзатыльник. Виленка пискнула.

— Хватит пялится, делом займись, — сурово сказала бабушка. — Десять годков уже, а все как дитё малое.

— Бабушка! — громким шепотом сказала Виленка, потирая затылок. — А он правда колдун? Как дед Като?

Бабушка поджала сморщенные губы.

— Колдун-то он колдун. Да не как дед. Чудной он какой-то.

* * *

— А мама теперь поправится? Ведь правда, поправится?

— Обязательно поправится, Виленка.

Нэль на ходу отщипывал куски от толстого ломтя хлеба с сыром; ждать, когда можно будет сесть и поесть с достоинством, было не вмоготу — от голода уже живот подводило. (Когда он сделал для больной все, что мог и собирался уже уходить, суровая старуха остановила его и сунула в руки увесистый сверток: «На-ка, поешь. Ишь, совсем отоцал, одни глазюки остались...»)

...Виленка семенила рядом, время от времени посылая ему снизу вверх любопытные взгляды. Забавная какая девчонка... Старуха велела ей оставить ягоды и проводить гостя до хижины деда Като. Видно было, что девчонка

удивилась, но спрашивать не посмела — побоялась, наверное, получить еще один подзатыльник. А Нэль понял, что на какое-то время с бесприютной жизнью покончено — на неделю или на месяц, но у него снова будет крыша над головой. И уходя, он низко поклонился суровой Виленковой бабушке. Та замахала на него сердито руками, только что «кыш отсюда!» не крикнула.

— Дом-то далеко, Виленка?

— Не! — девчонка махнула рукой вперед. — Вон там.

— А как получилось, что ваш Като никого за собой не оставил? — спросил Нэль. — Разве у него не было ученика?

— Да никто не захотел к нему пойти!

— Что, злой был человек?

Виленка удивилась.

— Почему злой? Добрый. Только кому охота колдовству учиться?

— Твоя правда, — Нэль закусил губу.

Вопреки заверениям девочки, до старого дома оказалось вовсе не близко. Жил деревенский колдун далеко за околицей, и его жилище было бы не просто отыскать постороннему человеку — так тесно обступали его старые ясени. Нэль быстрым взглядом окинул рощу и одобрительно кивнул. Хорошее место, укромное.

Девчонка не удержалась, сунула любопытный нос в дверь, следом за Нэлем. Он улыбнулся ей и оглядел горницу. Пахло пылью, плесенью и запустением. Повсюду паутина, пыль, грязь и какая-то труха, как будто дом пустовал не полгода, а лет десять. И убогость страшная, даже крошечные окна ничем не забраны, а наглухо закрываются ставнями. Неужели старик всю зиму сидел в темноте, при свете лучины?.. Нэль, впрочем, не рассчитывал задерживаться в Рябинниках до зимы. Кругом люди, а значит, пойдут разговоры...

Наконец, Виленка убежала. Нэль стащил с лавки стеганое одеяло, встряхнул — и зажмурился, такое облако пыли поднялось. Одеяло, как и все в доме, пахивало плесенью, но Нэль не стал придирааться. Аккуратно постелил его обратно, закрыл окна ставнями и повалился ничком на лавку. И сразу же уснул.

* * *

Весть про поселившегося в Рябинниках молодого колдуна разлетелась по округе со скоростью девчоночьего щебетания. Виленка хвастала направо и налево, что привела в деревню нового знахаря. Подружки охали и ахали, завидовали ее храбрости. Взрослые настороженно качали головами — кто его знает, этого колдуна, а вдруг порчу наведет?

Несколько дней Нэля никто не тревожил, но он знал, что долго это не продлится. И оказался прав. Когда мать Виленки, уже несколько месяцев не встававшая с постели, начала вдруг быстро поправляться, деревенские

зашевелились. Потянулись один за другим за околицу — сначала самые смелые, потом и остальные, — каждый со своими хворями и бедами. Нэль всех выслушивал, помогал, чем мог. Платы не просил, брал, что давали: хлеб, яйца, молоко.

Он видел, что люди, хотя за помощью идут, но, как обычно, сторонятся. Знал, что по деревне пошли слухи: мол, занимается колдун в своем домишке темными делами, недаром по ночам у него в окнах свет горит нездешний. Знал, что старики болтают, будто его навещает дух Като, наставляет в запретных науках. Старухи шептались: нечисто с этим колдуном, ох, нечисто! Нэль делал вид, что слухи его не касаются. Держался со всеми ровно и приветливо, хотя на душе кошки скребли. А ведь пора было, казалось бы, привыкнуть...

Нэль всегда оставлял дверь нараспашку, если только не занимался опытами, в которые посторонним нос совать не следовало. Деревенские знали, что если дверь на засове, лучше не стучать, все равно колдун не отопрет. Такого, правда, среди дня обычно не случалось; все дела, связанные с высшей магией, Нэль откладывал на ночь. И местные заходили к нему без стука и предупреждения, как к себе домой. Он не возражал.

И он очень удивился, когда однажды кто-то вдруг принялся стучать в открытую дверь. Нэль отвернулся от стола, на котором раскладывал для просушки собранные утром травы, и увидел на пороге человека. Это был мужчина лет сорока, длинноволосый, бородатый, в сером холщовом балахоне. К его поясу были подвешены разнообразные кошельки и мешочки, а в руках гость держал деревянный посох. Этим посохом и стучал — о косяк.

С самого первого дня в Рябинниках Нэль ждал, когда к нему наведается соседский ведун — тот обязательно должен был придти хотя бы из любопытства. И теперь понял, что дождался.

— Позволишь войти? — спросил гость.

— Входи.

Мужчина перешагнул порог и остановился, цепко оглядываясь. Потом перевел взгляд на Нэля, встретился с ним глазами.

— Хм, — сказал гость. — Из молодых, да ранний... — он вскользь осмотрел разложенные на столе стебельки. — Травы, значит, знаешь... Ведовство?

— Не совсем.

Врать не было никакого смысла: ведуны и храмовые маги работали с силой по-разному, и сферы их знаний пересекались только частично. Нэль знал кое-что из разговоров с Мариной и из собственных опытов с травами, но не стал бы утверждать, что ведовство ему хорошо знакомо. Гость быстро раскусил бы его.

С другой стороны, он, в отличие от Марики, не понял сразу, кто перед

ним, не распознал храмового мага... Если это и соперник, подумал Нэль, то несерьезный.

— Значит, не совсем... — повторил гость. Он прошелся по комнате, останавливаясь перед полками, на которых Нэль хранил посуду. — А люди говорят, что ты бесов призываешь. Колдун ты, говорят, — добавил он многозначительно.

— Люди вообще много чего говорят, — заметил Нэль.

— Это верно... Тебя, говорят, Нэлем кличут?

— А тебя — Ильмас?

Гость утвердительно промолчал. Неспешно обошел комнату по кругу, при этом внимательно осматривал все, что попадалось на глаза. Правда, руками ничего не трогал. Потом подошел к Нэлю.

— А все-таки, про колдовство зря болтать не будут, а? — он кивнул на полки с разнообразными плосками. — Ищешь ведь чего-то, пытаешь. Откуда ты, парень, тут взялся? Печенками чую, что-то в тебе есть... а что — не разобрать. Ты не ведун и не знахарь... Кто ты такой?

— Ты не беспокойся, Ильмас, — спокойно ответил Нэль. — Делить нам с тобой нечего. Хлеб я у тебя не отниму, да и надолго тут не задержусь.

— А я и не беспокоюсь, — усмехнулся Ильмас. — Чего мне беспокоиться? У меня свой хлеб, у тебя свой. С Като мы уживались, с тобой тоже как-нибудь уживемся, верно? Только ты в мои дела нос не суй, и я в твои не буду.

— Согласен.

— Только вот один совет тебе дам... Точнее, спрошу сначала. Не находил ты в доме дедовых книг?

— Книг? — удивился Нэль.

— Ну да, книг. У Като их было несколько. Не знаю уж, на кой они ему сдались, дед и грамоту не разумел. Но книги эти берег, как сокровище, никому их не показывал. Я как-то разок их видел, случайно. Что в них — не знаю. Но хотел бы узнать... потому тебя и спрашиваю.

— Ты их уже искал, — догадался Нэль.

— Ага, — безо всякого смущения кивнул Ильмас. — Когда Като помер, я всю его халупу перерыл, а не нашел ничегошеньки. Куда он девал, Безымянный знает. Поищи, может, ты и найдешь.

— Раз они тебе самому так нужны, зачем мне про них рассказываешь?

— Говорю же: не нашел я их. Может, у тебя чего и получится. Ведь ясно же, что дед их не просто под лавку спрятал. Ну, а если найдешь, тогда дашь мне в них заглянуть, — Ильмас внимательно взглянул на Нэля. — Услуга за услугу, парень.

Нэль молчал, приподняв бровь.

— А еще у тебя на лбу прописано, что ты из нашей братии, хоть не ведун и не знахарь, — продолжал гость. — И сдается мне, что книги эти могут тебе сильно пригодиться. Ну так что, договорились?

— Договорились, — кивнул Нэль.

В доме было не так уж много мест, которые годились бы для тайника. Нэль обыскал их все. Спустился даже в подпол, где хранить книги без защиты специального заклинания было бы просто глупостью. Конечно, он ничего не нашел. Если книги и в самом деле существовали, а не были придуманы Ильмасом (который показался Нэлю вполне здравомыслящим человеком), то старый Като наверняка укрыв их с помощью магии. Вот только какой? Какие заклинания были под силу неграмотному деревенскому деду?

Несколько простых чар, направленных на поиск пропавших предметов, ничего не дали. Нэль почти не удивился. Большинство ведунов знали эту магию, и Ильмас уж конечно прибегнул к ней в своих поисках. Заинтриговало Нэля другое: старик сумел защитить книги более сильным заклинанием, а это ставило его выше большинства деревенских колдунов.

Нэль плел заклинания, наращивая их мощь, и любопытство его сменялось недоумением. С кем же он имеет дело? Неужели — стихийный маг небывалой силы? Здесь, в этой глуши? Только бы дело не дошло до высшей магии! Нэлю очень не хотелось снова выкладываться полностью ради сомнительной цели. Неизвестно еще, стоят ли книги затраченных усилий...

Наконец, после нескольких часов напряженного труда, ему удалось найти и развеять довольно мощное заклинание отвода глаз. Налеплено оно было на участок пола рядом с северной стеной. Доски рассохлись и перекошились по всей комнате, так что Нэль даже и без защитных чар не заметил бы, что именно в этом месте они менее плотно прилегают друг к другу. Он поддел половицы большим ножом, который достался ему вместе с остальным хозяйством Като. Доски не поддавались. Нэль пообломал ногти, загнал под кожу несчетное число щеп и вспотел от усилий, как мыш. Через полчаса мучений ему, наконец, удалось снять половицу. В углублении под ней лежал увесистый сверток, замотанный в тряпки, а поверх них — в промасленную бумагу. Кроме того, Нэль ощутил слабый след еще одного заклинания, которое должно было защитить ухоронку от сырости и мышей — но оно давно уже «выветрилось» и потеряло силу.

Нэль уселся прямо на пол, развернул бумагу и тряпки. Из свертка показались две книги в простых окладах из бронзы и черной кожи. Никаких заголовков на них не стояло. Книги выглядели невероятно старыми, можно сказать — древними. Нэль закусил губы. Открыл титульный лист одной книги, затем — второй...

— Великая Гесинда, — пробормотал он. — Что же это такое?

Очень медленно он принялся перелистывать страницы, плотно испещренные мелкими, какими-то жучными буквами. Здесь были так же

четкие, лаконичные рисунки и диаграммы, начерченные чьей-то твердой рукой. Нэль вчитывался в бисерные строки, и ноздри его начинали подергиваться. Вдруг он втянул воздух сквозь зубы, резко захлопнул книги и вскочил. По его телу пробегали волны дрожи, и он зябко обхватил себя руками за плечи.

— Кажется, я брежу, — тихо сказал Нэль сквозь зубы. — Конечно, брежу. Этого просто не может быть. Нет, нет, не может... — он запрокинул голову к почерневшим бревнам потолка. — Гесинда! Я столько лет ни о чем тебя не просил... прошу теперь: скажи, верить ли мне своим глазам? Верить ли тому, о чем говорят эти книги? Или сжечь их, как ересь? Гесинда!.. — он помолчал с минуту, прислушиваясь. С горечью скривил губы. — Молчишь?.. ну, тогда я спрошу другого... Того, Который Спит... Того, которого вы, Двенадцать, лишили имени... может быть, он меня услышит? Ведь это его книги?

* * *

— Нэль? Не помешаю? Можно войти?

Не оборачиваясь, Нэль кивнул. По голосу и характерному постукиванию посоха он узнал Ильмаса.

— Вот этот отвар добавляйте в воду, — он наклонился к Виленке и вложил ей в ладони крошечный, запечатанный воском кувшинчик. — По пять-десять капель в кружку, не больше. Поняла? Скажи маме, что она должна выпить одну кружку утром и одну — вечером.

— Ладно! — девочка сжала кувшинчик в кулаке. Поставила на стол, рядом с чернильницей и стопкой исписанных бумаг маленькую корзинку. — Это бабушка велела передать.

— Кланяйся от меня бабушке, Виленка.

Девочка с любопытством взглянула на Ильмаса, кивнула Нэлю и выбежала за дверь. Нэль повернулся к ведуну, который пристально разглядывал верхний в стопке лист.

— Слушаю тебя, Ильмас.

— Можно взглянуть?

Нэль сложил руки на груди.

— Нет.

— Что-то скрываешь? Ну ладно, ладно, не мое дело. Уговор помню. Я только хотел узнать: искал ты книжки Като?

— Искал.

— И что?

— И ничего.

— Ничего? — Ильмас недоверчиво взгляделся в бесстрастное лицо мага. Нэль ответил ему пустым взглядом. Две ночи он без сна сидел над черными

книгами и нашел в них такое, чем не хотел ни с кем делиться. Во всяком случае, пока... — Как — ничего? Но ведь они были. Точно были! Гесиндой клянусь!

— К чему мне твои клятвы? Я верю, что ты их видел. Но я ничего не нашел. Ильмас помолчал, задумчиво постукивая по полу концом посоха.

— Жаль. Очень жаль. Но ты ведь дашь мне знать, если вдруг они тебе попадутся?

— Конечно.

Нэль вздохнул с облегчением, когда гость ушел. Черные книги захватили его, жаль было даже ненадолго отвлекаться на посторонние дела. Ему казалось, что в книгах старого Като он нашел ответ на вопрос, который занимал его уже больше десяти лет, а после удачной телепортации с аркарского эшафота и вовсе лишил покоя. Нэль охотно отказался бы от сна и от еды, только бы поскорее проникнуть в тайны книг, написанных несколько тысяч лет назад — но словно бы нарочно для него. Для него одного. Теперь он был почти уверен, что не случайно забрел на земляничную поляну, не случайно встретился с Виленкой и уж конечно не случайно оказался в Рябинниках. Но вела его не судьба. И уж конечно, не кто-то из Двенадцати.

Тринадцатый, Бог Спящий, Безымянный? Может быть.

До чего же быстро летит время, думал благородный тан Альбрехт Аль, глядя из распахнутого окна своего кабинета на маленький внутренний двор, где росли липы. Кажется, совсем недавно сады сияли нежной розовато-яблочной белизной, а теперь вот уже и липы отцвели, растаял в воздухе их густой медовый аромат. Не успеешь оглянуться, как сморщатся и пожелтеют, а там и облетят листья. Печально глядеть на это увядание, пусть даже и знаешь, что после таяния снегов повторятся и сады, и сирень, и липы.

Только вот когда-нибудь, в какой-то год, снег окажется последним.

Тан отогнал головой, отгоняя неуместные меланхолические мысли. Отвернулся от окна и наткнулся взглядом на слугу, который в эту самую секунду появился в дверях.

— Господин тан... К вам прибыл посетитель. Господин Никлас Велекки.

— Проводи его сюда, — распорядился тан. Отодвинул кресло от стола и сел. Никлас, один из самых верных людей, просто так никогда не появлялся в замке. Его приезд означал, что у него есть новости, да такие, которые он не смог доверить ни гонцу, ни бумаге.

Тан давно не получал приятных новостей. Вокруг одни интриги, склоки, личные неприятности, да еще маги потихоньку начинают усиливать давление — и на него, и на короля Уилларда. Как видно, очень им хочется поймать дерзкого беглеца, если пошли на такой риск — напомнили королю о своем существовании.

Жаль, если новость Никласа будет не из приятных.

— Господин тан! — Велекки, высокий желтоволосый мужчина, стремительно ворвался в кабинет. Он не слишком заострял внимание на правилах приличия: поклонился на ходу, небрежно, и без приглашения уселся в кресло напротив хозяина. На его сапогах еще лежала дорожная пыль. Вероятно, он только что соскочил с седла. — Господин тан! Кажется, мы нашли его. Того парня, которого вы...

— Я понял, — быстро перебил его тан. Он нетерпеливо выпрямился в кресле. Сердце забилось быстрее. — Где? Как? Рассказывай, Никлас.

— На рынке в Малоссе мужики за пивом трепались — про молодого колдуна, который незнамо откуда взялся. Вроде, из леса пришел. Точнее, девчонка его какая-то привела. Поселился в хижине старого колдуна — дед зимой умер...

— Ну? Ну? С чего ты решил, что это именно он? Мало ли таких деревенских колдунов? Ты сам-то его видел?

— Не. Не рискнул в деревню сунуться, решил сначала с вами поговорить. Но мужики говорили, что у него волос черный и глаз дурной.

— Ха! Тоже мне портрет. Таких молодчиков сколько угодно. И дурной глаз

— что это за примета? Что-нибудь еще ты слышал, Ник?

— Говорили, будто он темным колдовством занимается, — неспешно проговорил Веллеки, лениво, по-кошачьи, щуря горчичные глаза. — С бесами водится.

— Ну? Ну?

— И называли его Нэль, — удовлетворенно закончил Велекки.

Тан звучно хлопнул ладонями по подлокотникам.

— Ах, ты...! С этого начинать надо было! — рыкнул он. Перевел дыхание и откинулся на спинку кресла. — Значит, нашелся... — он прикрыл глаза, задумался. Главное теперь — не спешить. Действовать осмотрительно, чтобы не навести на Нэля храмовников... и его самого не спугнуть. С другой стороны, уж если пошли разговоры в городе, маги о беглеце скоро и сами узнают. Нужно их опередить. Послать ему весточку с человеком, который не попадет под подозрение магов. Эх, Нэль, Нэль, нужно же тебе было называться настоящим именем!.. Что же с тобой делать? Ты сам напрашивается на неприятности, просто-таки демонстративно подставляешься...

Тан вздохнул и посмотрел на Велекки. Тот молча и терпеливо ждал.

— Благодарю тебя, Никлас. Можешь пока идти. А завтра поедешь обратно в Малоссу, отыщешь нашего... колдуна и передашь ему кое-что.

— Понял, господин тан, — Велекки встал, глянул на тана исподлобья, кашлянул. — Только не ближний ведь свет... через все королевство, почитай, скакать...

— Ничего, не развалишься. За что я тебе деньги плачу? Ну, иди. Зайдешь ко мне с утра.

Велекки поклонился и вышел. Тан потянулся в кресле, навалился грудью на стол и сцепил в замок пальцы. Задумался. Что написать магу? Какие слова его убедят? Плохо, что придется действовать через посредников... самому ехать никак нельзя. Найти бы управу на магов!.. А впрочем, отчего бы и не найти? Отчего бы не указать деликатно королю, что власть храмов непомерно разрастается? Почему бы не испросить у короля защиты для человека, которого преследуют храмовники? Поднимется смута? Может быть... Но что делать, если маги совсем уже зарвались?

Тан выпрямился, придвинул к себе чистый лист бумаги и взял в руки перо.

Глава 3

С первого раза, как и следовало ожидать, ничего не вышло.

Еще юношей, в аркарском храме Нэль начал изучать влияние трав, минералов и эликсиров на организм человека, и продолжал эти исследования всю жизнь. Свои знания в этой области он применял

в лекарском деле, а так же частенько ставил опыты на себе. Сочетая несочетаемые по всем канонам магии и лекарского дела вещества, Нэль хотел добиться определенного эффекта. Он понимал, что играет в опасные игры. Искусственное стимулирование организма истощало жизненные силы, и никто не знал, когда наступит предел. Нэль только надеялся, что найдет искомое прежде, чем убьет себя.

Впрочем, другого выхода у него все равно не оставалось. Ему позарез нужно было растормошить себя, заставить сознание полностью распахнуться, впитать магию до последней капли, слиться с потоком и привести разум в состояние кристальной ясности. Только так, и не иначе, можно было обрести полную власть над магическими силами. Чтобы одной лишь волей разума управлять потоком, который изливался через проводника, необходимо было волю укрепить. И Нэль искал способ достичь этого состояния.

Однажды у него получилось впустить силу внутрь себя, стать единым целым с потоком. Самому стать потоком. К сожалению, он не сразу понял, что к чему, и из-за секундного его замешательства случилась беда. Маги, к счастью, уцелели, но Ивон... Каждый раз, вспоминая о последней встрече с ним, Нэль начинал скрипеть зубами. Воспоминания были мучительны, и он упорно гнал их от себя. Что толку терзаться угрызениями совести? Ничего уже не исправить. Лучше подумать о том, как не допустить повторения трагедии в будущем.

Нэль хорошо запомнил и ощущение пронзания силой, и предельное сосредоточение духа, которое ему предшествовало. Чтобы точнее воспроизвести свое тогдашнее состояние, он даже пытался сформулировать ощущения, облечь их в слова, проговорить для себя. Но нужные слова не находились. Нэль, как и раньше, воспринимал себя как наглухо запертую дверь в некий мир, где зарождалась вся магия; формулами и магическими пассажами он заставлял эту дверь приоткрыться и пропустить в его мир тонкую струйку силы. Используя ее, можно было совершать различные действия над материей — живой и неживой. Во время последнего столкновения с магами эта внутренняя дверь распахнулась настежь, и магический поток заполнил Нэля, затопил его, наполнил каждую пору его тела. В ту секунду Нэль ощутил, что его воле подвластны не только материя, но и время, и пространство; главное — совладать с лавиной силы, которая грозила погрести его под собой. Он должен был обуздать поток, а для этого требовалось выстроить ментальную преграду, что-то вроде плотины, которой перегораживают бурную реку. Но разум был или слишком слаб, или слишком ленив...

Неожиданная находка в доме деда Като дала Нэлю кое-какие подсказки. Странные это были книги, и повествовали о вещах необычных и удивительных. Во многое невозможно было поверить, хотя именно к этому невероятному Нэль и стремился всем своим существом. Откуда эти книги, которые храмовники несомненно назвали бы еретическими, взялись в доме деревенского колдуна? Как попали в затерянную средь лесов деревеньку?

Почему ни в одном классическом труде по магии о них не упоминалось? Впрочем, это как раз было ясно: потому что писал их, по всей видимости, Тот, чье имя запретили поминать всуе много тысяч лет назад...

Когда Нэль наконец-то нащупал верный путь, он был уже изрядно изнурен действием экспериментальных эликсиров. Чтобы восстановить силы, следовало на время прекратить опыты, отдохнуть, но Нэль уже не мог остановиться. Его глодало нетерпение. Цель, казалось, была уже так близко! И возможно, именно его телесная слабость и нетерпеливость духа были причиной тому, что очередная смесь трав подействовала на него вроде удара кузнечного молота по голове.

С восторгом, близким к экстазу, Нэль ощущал, как сила заполняет его, ручейками разбегаясь по телу, видоизменяется, становится послушной его воле... и вдруг что-то рвануло его изнутри, едва не проломив грудную клетку и не разорвав череп. Нэль повалился, где стоял, даже не успел схватиться за голову, где билась нестерпимая боль. Очнулся он только через несколько часов, на полу; на лице коркой засохла кровь, ее противный вкус стоял во рту.

Еще лежа на полу, Нэль понял, что произошло. Ментальный удар был настолько силен, что кровь пошла носом и горлом — к счастью, не слишком сильно. С трудом ему удалось подняться на ноги. Чувствовал он себя так, будто его пропустили через мельничные жернова.

Два дня он отлеживался, сползая с постели только в случае крайней нужды. Никто его не беспокоил. В Рябинниках, видно, обошлось без хворей и травм, а Ильмас занимался своими делами.

Мысли, которые посещали Нэля в эти дни вынужденного безделья, здорово отдавали бредом. Странные выводы напрашивались из прочитанного в черных книгах. В сознании, потрясенном ментальным ударом, рождались причудливые картины, и Нэль уже не знал, верить ли себе, собственным ощущениям и мыслям...

Едва оправившись, он снова подступил к травам.

Еще дважды поток пробивал его ментальную плотину, смывал ее и затоплял разум. Дважды Нэль приходил в себя на полу, задыхаясь, как рыба на берегу. Он то и дело говорил себе: возможно, следующая оплошность меня убьет.

И пробовал снова.

Наконец, он подобрал нужный состав, дозу и концентрацию.

* * *

Крошечная хижина встретила Никласа Велекки тишиной. Дверь, впрочем, была только прикрыта, а не заперта. Велекки огляделся: не видно ли где хозяина? Нет, никого. Поразмыслив, Велекки осторожно просунул голову в щель между дверью и косяком. Покашлял — никто не отозвался. Он быстро

оглядел горницу. Обстановка была небогатой, даже убогой: широкая лавка вместо постели, покосившийся стол посреди комнаты, небольшая печь в углу. И — пучки трав по стенам... В доме пахло, как на лугу в пору сенокоса. Велекки осторожно отступил, прошелся вокруг дома, придерживая правой рукой левую, замотанную тряпками, сквозь которые проступали бурые пятна. У стены стоял чурбачок, и Велекки без раздумий на него уселся.

Ждать пришлось долго. Велекки покусывал сорванную травинку, любовался пушистыми облаками и размышлял, пройдет с магом его маскарад или нет. Раненая рука была только предлогом для визита сюда...

Наконец, он краем глаза заметил движение — кто-то вышел из яseneвой рощи и направлялся к дому, — но не показал виду. Продолжал разглядывать небо и обернулся только тогда, когда рядом с ним остановилась темная фигура, и молодой, с легкой хрипотцой голос, произнес неприветливо:

— Ну? Кто вы такой?

Не вставая с места, Велекки пристально оглядел говорившего. Он увидел молодого человека, невысокого и узкоплечего, как подросток. С узкого, не совсем симметричного лица, которое казалось особенно бледным из-за темных волос и бородки, пристально смотрели черные, подведенные углем, глаза. И впрямь, подумал Велекки, глаз у него дурной, правы были местные.

На парне был истрепанный балахон — явно храмовый, но без всяких знаков, которые могли бы указать, кому из Двенадцати этот человек служит: ни медальона, ни браслетов. Через плечо висел плетеный из бересты короб. Если бы не глаза, парень больше смахивал бы на нищего, чем на колдуна.

— Я-то? Да вот, руку я поранил, — с нарочито заискивающей улыбкой ответил Велекки, протягивая колдуну замотанную руку. — Местные к вам советовали сходить. Говорят, вы лекарь?

Молодой человек быстро пробежался взглядом по всей его фигуре, и Велекки вдруг стало не по себе: как будто его голышом выставили на рыночную площадь, да еще и ощупали ледяными руками в самых срамных местах.

— Вы не ранены, — сухо сказал колдун. — Что вам нужно? К чему этот маскарад?

— Ни к чему, пожалуй, — согласился Велекки и встал. — Вас зовут Нэль, так? Колдун, сведя брови, быстро отступил на шаг. Велекки вдруг понял, что сейчас его огреют по голове каким-нибудь заклинанием, — и примирительно вскинул руки.

— Простите! Я должен был представиться первым. Мое имя Никлас Велекки. Я должен передать вам кое-что... вот, возьмите, — он извлек из-за пазухи запечатанное письмо и протянул его молодому человеку. — Конечно, если вы — Нэль.

Колдун молча взял письмо. Взглянул на печать, приподнял бровь — и снова

установился на гостя.

— Что это такое?

— Содержание письма мне неизвестно, я всего лишь посыльный, — пожал плечами Велекки. — Если позволите, я подожду здесь, пока вы будете читать.

— Вы должны привезти ответ?

— Да.

Нэль медленно и словно бы неохотно спустил с плеча короб, сломал печать и развернул письмо. Несколько раз пробежал его глазами и молча сложил вновь, сунул под крышку короба. Велекки внимательно следил за его лицом, но оно оставалось бесстрастным. Подняв с земли короб, Нэль молча обошел гостя и направился в дом.

— Эй! — крикнул вслед раздосадованный Велекки. — А что насчет ответа?

— Мне нужно подумать, — отозвался колдун, не оборачиваясь. — Возвращайтесь через три дня.

* * *

Умом Нэль понимал, что должен быть благодарен господину тану за его попытки помочь и поддержать: несмотря на все трудности, которые должны были неминуемо возникнуть, тан Аль снова предлагал свое покровительство и обещал даже не много не мало, защиту самого короля. Но вместо благодарности Нэль ощущал только жгучую досаду. Надо же было именно теперь! Теперь, когда он был как никогда близок к цели, и когда ему особенно необходимо было одиночество и сосредоточение — именно теперь упрямый тан разыскал его и пытается снова вмешаться в его дела. Вот уж, в самом деле, проклятие: если яд ненависти не жжет нутро, то гонят прочь обстоятельства.

Закусив губы, Нэль окинул взглядом хижину, которая служила ему прибежищем больше месяца. Придется уходить сегодня же, и кто знает, где он будет ночевать нынешней ночью? Сколько времени он будет скитаться в одиночестве, прежде чем решится снова выйти к людям?

Нет, лучше не думать об этом. Лучше вообще ни о чем не думать... просто запретить себе, и все.

Все шло одно к одному. В самый неподходящий момент, когда Нэль бережно заворачивал в ткань две черные книги, на пороге показалась высокая фигура Ильмаса. Остроглазый ведун сразу разобрал, что у Нэля в руках, и лицо его потемнело.

— А как же наш уговор? — спросил он глухо. — Выходит, ты мне врал все время?

— Тебе ни к чему эти книги, — не глядя на него, ответил Нэль, и убрал сверток в сумку.

— А тебе почем знать? — Ильмас раздраженно пристукнул посохом и

шагнул в дом — впервые без приглашения. Нэль резко вскинул голову. — Ты, я вижу, собрался уходить. И книги с собой уносишь. Так?

— Так. И не вздумай мне мешать. Ты против меня не выстоишь, Ильмас.

— А вот и поглядим, — сквозь зубы процедил ведун — и взмахнул посохом, бросая заклинание оков. Эти чары вызывали у жертвы нечто вроде временного паралича, но Нэль отмахнулся от них, как от мухи. Он легко мог бы отослать заклинание обратно в Ильмаса, но не стал. Следующие три заклинания, которые так же должны были оглушить и обездвижить его, Нэль ощутил как легкие щелчки.

— Ильмас, хватит, — сказал он и шагнул к ведуну, оставив на столе сумку с книгами. Ему совсем не хотелось атаковать противника магией — как бы опять чего не вышло. — Прошу тебя, уходи.

Нэль чувствовал легкое сопротивление воздуха — это Ильмас пытался создать магический барьер. Но его чары рвались так же легко, как паутина на ветках деревьев, от одного прикосновения мысли.

— Откуда у тебя такая сила? — выдохнул Ильмас, меняясь в лице.

Нэль продолжал наступать. Ильмас шарахнулся от него назад, ударился спиной о полку — тарелки и чашки посыпались на пол, разлетелись черепками, — потерял равновесие и чуть не упал. Нэль схватил его за локоть, поддержал — но Ильмас с таким ужасом вырвал у него руку, словно его коснулся Борон или сам Безымянный.

— Не трогай меня! не трогай! Мир! Я ухожу! — в панике запричитал он.

Нэль отступил и молча смотрел, как Ильмас, подобрав полы своего балахона, поспешно покидает его хижину, оглядываясь на каждом шагу. У дверей он даже сделал знак от дурного глаза. Когда он исчез из виду, Нэль кривовато усмехнулся и сел на скамью. Надо же, как испугался... а ведь он, Нэль, ровным счетом ничего не сделал, только порвал его чары. Вот бы и храмовников так же заставить удирать восвояси...

Но встречаться с магами он пока не хотел — рано еще. Зато они, как оказалось, были уже тут как тут.

Нэль вышел из ясеновой рощи и увидел, что навстречу ему со всех ног бежит Виленка. Она так торопилась, что едва не врезалась в него. Нэль поймал ее за плечи, наклонился и вгляделся в перепуганное детское личико.

— Что ты, девочка?

— В деревне чужие люди! — Виленка задыхалась от быстрого бега, и говорила отрывисто: слово — вдох, слово — вдох... Разволновавшись, она вцепилась ручонками в пояс Нэля, прижалась к нему. Нэль не ожидал такого — вздрогнул. Виленка, единственная в Рябинниках, его не боялась, но и не ласкалась никогда. Нэль уже вообще не помнил, когда к нему кто-то прикасался, а тем более — обнимал...

— Они ищут тебя! — продолжала Виленка взволнованно. — Бабушка велела

тебя предупредить, если вдруг ты не хочешь... — она шмыгнула носом. — Эти люди сказали, что они братья Гесинды, а ты сделал много плохих вещей, и мы не должны тебя прятать. Нэль, уходи поскорее, чтобы они тебя не нашли!

Нэль присел на корточки и порывисто обнял девочку.

— Спасибо, маленькая!

Придется быстро разворачиваться и уходить другой дорогой, подумал он. Иначе я выскочу прямо на них... Ох, как все некстати!

— Но они, эти люди, сказали правильно: вы не должны меня прятать. Если тебя станут обо мне спрашивать — рассказывай все, что знаешь. Ладно, Виленка? а то они могут сделать тебе больно.

— Но я не верю, не верю, что ты делал плохие вещи! Ты не мог! — всхлипнула девочка. Нэль быстро, почти украдкой, провел ладонью по ее волосам.

— Сколько их, этих людей? Можешь сказать?

Он рассчитывал избежать встречи, но все-таки лучше знать, со сколькими противниками придется иметь дело, если удача от него отвернется.

— Пять... или шесть...

Значит, господа маги сделали верные выводы из майской стычки. Поняли, что двое — не сила.

— Спасибо, Виленка. И кланяйся от меня бабушке.

— Ладно... А ты возвращайся, когда чужие уйдут. Вернешься? Я буду скучать, Нэль!

И Виленка, покраснев до корней волос, быстро поцеловала его в щеку. У Нэля комок подступил к горлу. Осторожно высвободившись из кольца детских рук, он встал и коснулся ладонью русых волос на макушке.

— Да защитят тебя Двенадцать, маленькая... Прощай.

Он развернулся и быстрым шагом двинулся по тропинке прочь, придерживая рукой бьющую по бедру сумку с книгами.

Нэль был уверен, что маги не угомонятся, обнаружив покинутый дом — бросятся прочесывать окрестности. А каков был суммарный потенциал их силы, он не знал, поэтому и над заклинанием для отвода глаз поработал на славу. От переизбытка магии у него только что волосы не искрились, но зато теперь никто не смог бы его увидеть. Для надежности можно было бы открыть телепорт, вот только Нэль не знал, где бы ему хотелось оказаться. Ему вообще не хотелось уходить из Рябинников.

Несколько минут Нэль боролся с искушением понаблюдать с безопасного расстояния, как разозленные маги станут переворачивать вверх дном опустевший дом. Раз уж все равно на нем висит заклинание, и они не

смогут его увидеть... Но благоразумие быстро победило любопытство. Чары чарами, но времени терять было нельзя. Чем дальше он успеет уйти, тем лучше для него.

* * *

Когда Нэль чувствовал, что вот-вот упадет от усталости, он сворачивал с дороги, находил место поукромнее и доставал из сумки черные книги. Они были его последним утешением. Шатаясь по дорогам, без крыши над головой, Нэль не мог закончить свои опыты, и это его бесило до крайности. В душе он честил всех на свете доброжелателей вместе с братьями Гесинды. Мало ему проклятия госпожи Аманды, которое день и ночь жжет нутро, гонит его вперед по дороге — к нему еще прибавился и зуд нетерпения. В некоторой мере его унимали черные книги, для постижения тайн которых нужно было только сосредоточение.

Бывало, Нэль сидел над ними день напролет, а иногда продолжал чтение и ночью, вычаровав шарик магического света. Он так увлекался, что забывал где и он и кто он. Его одержимость книгами граничила уже с безумием — Нэль это понимал. Но отказаться от них не мог. Много лет он искал способ освободиться от оков, которые налагала на его дух слабая плоть, а книги дразнили его намеками, что эти дерзкие замыслы осуществимы. Он хотел добиться от них прямых указаний.

С того дня, когда Нэль отыскал безымянные тома под половицами хижины старого Като, он не переставал думать о том, как они туда попали. Деревенскому колдуну они были ни к чему, да и не всякий храмовый маг сумел бы их правильно прочесть. Впрочем, в храмах Гесинды — да и в храмах других богов, — об этих книгах никогда даже не упоминалось. То ли об их существовании вовсе не знали, то ли Старшие просто хранили знания о них в тайне. И Нэль понимал, почему. Он был уже почти точно уверен, что к написанию книг приложил руку Безымянный.

Нэль прекрасно понимал: если это в самом деле так, он вступает на опасную, зыбкую почву. Но и это его не пугало. Что могут сделать с ним люди? Да ничего. Он изгой, побывал и в темнице, и на костре.

А вот что может сделать со своим знанием он?..

Нэль читал и перечитывал книги по много раз, с упорством отыскивал между строк тайный смысл. А однажды он попробовал ввести себя в состояние магического транса, используя черные тома как отправную точку. Увиденное его ошеломило. Картина, которая перед ним явилась, была настолько четкой и ясной, что он не мог сомневаться в ее реальности. Мало того, это виденье приходило к нему и после, каждый раз, когда Нэль отправлял свой дух в ментальный поиск. И он понял: ему подают знак.

Он видел себя в некоем месте посреди глухого леса. Со всех сторон подступали непроходимы заросли, и казалось, нога человека не ступала здесь много сотен лет. И все-таки следы присутствия человека здесь были

— настолько древние, что Нэль даже затруднялся определить их возраст. Он видел развалины какого-то здания. Косые лучи солнца ложились на выщербленные остовы колонн из серого камня, обрушенные своды, разбитые статуи со стертыми лицами. Камни заросли травой, вокруг них обвивались нежные побеги незнакомого Нэлю растения: тонкие стебли были сплошь усыпаны мелкими голубыми звездочками. Нэль оглядывался по сторонам и видел полное запустение, прислушивался к мирной лесной тишине и мог бы поклясться, что люди давным-давно оставили это место... если бы не одно «но». Он видел и еще кое-что. Коридоры, освещенные пламенем факелов, со стенами, которые сплошь были покрыты яркими и красочными фресками. Нэль все пытался рассмотреть, кого или что они изображают, но не мог. Еще он видел процессии людей в мантиях с капюшонами; люди длинными вереницами шли по коридорам, несли в руках факелы. Пели что-то негромко и монотонно, и Нэлю казалось, что он слышит язык магии — тот самый, на котором уже никто не разговаривал, но который до сих пор использовали в магических формулах. Нэль не знал, из прошедшего, настоящего или будущего приходят эти картины. Но он верил, что оно связано с тем, другим, о разрушенном... храме.

Нэль собирался отыскать это место, где бы оно ни было.

Глава 4

Почему-то Нэлю казалось, что древний храм нужно искать на юге. Он не спорил с внутренним чутьем, шел, куда несли его ноги. Шел напрямик, через лес, держась в стороне от дорог и людского жилья. К людям он выходил только когда у него кончался хлеб, и с каждым разом ему было все труднее заговаривать с ними — так он привык к молчанию.

И вдруг ноги сами собой вынесли его на дорогу, которая бежала точно с севера на юг. Дорога казалась заброшенной. Пользовались ею, во всяком случае, нечасто. Нэль остановился на обочине и прислушался к себе — что скажет внутренний голос. Внутренний голос молчал, между тем как в последние дни все настойчивее подгонял его, торопил и не позволял даже останавливаться, чтобы перевести дыхание. Размышляя, что бы могло означать это молчание, Нэль сел на землю у обочины, среди лопухов. Он должен здесь чего-то или кого-то ждать? Или он уже просто сходит с ума, и ему мерещится Борон знает что?

Он просидел с полчаса, прислушиваясь к гомону лесных птиц, и вдруг вскинул голову.

Приблизился всадник.

В первую секунду Нэль хотел было вскочить и скрыться в лесу — настолько он уже отвык от человеческого общества. Но все-таки он принудил себя остаться на месте, и вскоре увидел всадника, который летел во весь опор по дороге с севера на юг.

И тут проснулся внутренний голос. Повинуясь ему, Нэль встал и вышел на середину дороги. Теперь всаднику пришлось бы или остановиться, или сшибить его, чтобы освободить путь.

Всадник стремительно налетел на него, и Нэль не успел его разглядеть. Заметил только, что это светловолосый мужчина, щеголевато одетый. К его седлу приторочен был какой-то предмет... лютня?

Лютня?!

Конь, повинуясь руке всадника, с ржанием взвился на дыбы — передние копыта оказались чуть не над головой Нэля. Мужчина свесился с седла, крикнул зло и раздраженно:

— Ты что, рехнулся? Жить надоело? — и вдруг — совсем другим голосом: — Ты? Это ты?!.

Нэль с трудом перевел дыхание. Он был ошарашен ничуть не меньше всадника. Вот уж кого не чаял встретить в лесу...

— Трудно поверить в такую встречу, друг Арьель, — проговорил он медленно. — Как ты здесь оказался?

— Послушай, Нэль... — музыкант беспокойно повернулся в седле, закусил губу. — Я даже не знаю... Безымянный, будь оно все неладно! Понимаешь, за мной гонятся, и я...

— Поворачивай в лес, — задумавшись на минуту, велел Нэль. К нему вдруг пришло понимание того, что встреча эта — отнюдь неслучайна. А еще он понял, что должен сделать.

— Но... — заколебался Арьель.

— Поворачивай, я сказал! живо! Потом вопросы!

Музыкант направил коня в лес, затрещали сучья, минута — и ветви деревьев сомкнулись за ним. Нэль быстро проговорил заклинание сокрытия, чтобы преследователям и в голову не пришло искать беглеца в лесу. После чего он сошел с дороги и снова сел в траву.

Ждать пришлось недолго. Почти сразу из-за поворота вылетели трое на сытых, гладких конях. Завидев Нэля, они сбавили ход, подступили почти вплотную. Нэль неспешно встал. Всадники носили оружие, но были без доспехов и даже без нашивок — не королевские солдаты, а, скорее, наемники на службе у местного нобиля. Их кони напирали на Нэля, хрипя и фыркая. Мужчины с подозрением поглядывали на дорогу, где должен бы еще быть виден удирающий Арьель — и, однако же, она была пуста.

— Эй, парень, — сказал один из всадников. — Видел тут кого-нибудь?

— Да, проезжал тут один, — Нэль махнул рукой на юг. — Прямо перед вами, добрые господа.

— Прямо перед нами? — переспросил второй. — Где ж он тогда? Чего его не видно? Сквозь землю, что ли, провалился?

— Конь у него быстрый, да и поболтать со мной он не останавливался. Вот и не видно его уже, ускакал.

— Ах ты, бродяга вшивый! — первый всадник, с перекосившимся от ярости лицом, схватился за хлыст, занес для удара руку. — Я тебя научу не распускать свой наглый язык!

— Оставь его! — рявкнул второй. — Нашел время! Поедем скорее, пока этот сладкоголосый ублюдок не удрал далеко!

Двое развернули коней, а их товарищ задержался на секунду, чтобы дать волю бешенству. Нэль вскинул руку, защищая лицо от хлыста. Предплечье обожгло словно огнем, и Нэль глухо вскрикнул — но не от боли, а от напора нахлынувшей изнутри магической силы. Напрягши всю свою волю, он скрутил силу в тугой жгут, удержал ее внутри — иначе испепелил бы на месте всех троих разом.

Не воспользоваться магией — зачерпнутой ли сознательно, пришедшей ли самовольно, — было так же небезопасно, как исчерпать себя чарами до дна. Нэль победил в короткой борьбе, заставил поток отступить... но тут же повалился на колени в придорожную траву. Уперся ладонями в землю,

опустил голову и целую минуту вынуждал себя дышать ровно и размеренно, отсчитывая длительность вдохов и выдохов.

Наконец, он почувствовал себя в силах встать. Медленно поднялся и огляделся по сторонам. Дорога снова была пуста. Нэль оттер со лба пот и вошел в лес.

Арьель спешил и поджидал поодаль, обхватив руками морду своего коня. Тот стоял смирно, только время от времени прядал ушами и тихо пофыркивал. Когда Нэль подошел, он потянулся к нему, зашевелил бархатными губами. Арьель засмеялся.

— Гляди-ка! Признал своего спасителя!

Улыбнувшись, Нэль погладил жеребца по носу.

— А ты теперь заправский наездник, а?..

— Пришлось... — вздохнул Арьель, тут же став серьезным. — Они уехали?

— Уехали.

— Как это они... ты им глаза отвел?

— Вроде того. А что ты такого натворил, что за тобой отрядили погоню?

Музыкант легкомысленно махнул рукой.

— Да ничего особенного. Застукали меня с одной красоткой... Все бы ничего, да красотка эта была молодая жена одного эрла. Муженек, конечно, распалился. Выслал за мной этих... головорезов. Надо думать, он жаждет повесить меня на каком-нибудь суку покрепче.

— Жена эрла? Высоко же ты метишь!

— А то! — приосанился Арьель. Но надолго его важности не хватило. Он пытливым взглядом взглянул на Нэля в глаза, легонько встряхнул его за плечи. — Ну а ты, Нэль... как ты жил? Где пропадал? Вид у тебя какой-то одичалый. Бороду отпустил, надо же...

— Зато ты красавец хоть куда, взгляд не оторвать, — усмехнулся Нэль. На него вдруг накатило какое-то необычное теплое чувство. Так приятно было видеть искреннюю радость в серых глазах человека, которого он мог — единственного! — назвать другом. И который от души в его дружбу верил. — Вылитый нобиль.

— Ох, Нэль! — и Арьель, всегда щедрый на проявление чувств, сграбастал его в охапку.

Они обнялись. Нэль охнул, неловко двинув раненой рукой.

— Ты чего? — музыкант сразу забеспокоился и осторожно отстранил его от себя. — Ты ранен? Ох, да у тебя рукав в крови!

— В самом деле... — Нэль только теперь заметил, что левый рукав балахона насквозь пропитался кровью. Он осторожно отодвинул мокрую липкую ткань — на предплечье сочился кровью не рубец даже, а открытая рана;

под ударом кнута кожа разошлась, как кожура спелого плода. — Ну, это не смертельно. Сейчас... — он накрыл рану правой ладонью, призвал магию, постоял несколько секунд, опустив веки. Арьель благоговейно взирал на него. — Вот... все.

— Как — все? — потрясенно переспросил музыкант. — Уже? Совсем все?

— Я просто затворил кровь, — пояснил Нэль с улыбкой. — Остальное сделаю позже...

— Это они тебя так? из-за меня, да?

— Не бери в голову, друг Арьель. Я сам виноват, не сумел смолчать. А рана эта не страшная, скоро заживет...

— Нэль, а как это вообще могло случиться? — не унимался музыкант. — Как ты здесь оказался? Ты меня что, искал?

— Нет, не искал. А ты меня?

— Нет, — Арьель покачал головой. — Тан Аль предлагал помочь ему в поисках, но я подумал, что ты... не хочешь, наверное, никого видеть после всего, что... случилось.

— А ведь тан меня разыскал, — серьезно сказал Нэль. — И опять все испортил... то есть он-то думал, что помогает мне, а на самом деле... Впрочем, дело не только в нем. Маги меня тоже нашли.

— Так ты сейчас в бегах?

— Нет... не совсем. Я ищу одно место... на юге. Вероятно, это в Бергонте.

— А что за место? — живо спросил Арьель. — Может, я знаю?

— Нет... вряд ли. Это место... оно скрытое.

— Опять загадки? Ну... не буду тогда спрашивать. Только, может, возьмешь меня в компанию? Мне, понимаешь, надо убраться подальше от этих мест, — Арьель засмеялся, но глаза его смотрели на мага тревожно и вопрошающе. Так мог бы смотреть мальчик на отца, который собирался ехать в город на ярмарку и размышлял, брать его с собой или нет. — Честное слово, я ничем тебе не помешаю. Буду тише воды, ниже травы...

Нэль не мог сдержать улыбку. Иногда Арьель казался таким ребенком, что Нэль с трудом вспоминал, что на самом деле музыкант старше его на шесть лет.

— И тебе снова все равно, куда идти?

— Все равно!

— Ну что ж, — задумчиво сказал Нэль. — Встреча эта вряд ли была случайной... Только как быть нам двоим с одной лошадью?

...Лошадь пришлось распрячь и отпустить. По этому поводу Арьель не очень огорчился, наездник из него по-прежнему был никудышный, и только крайняя нужда заставила его так лихо скакать галопом. Седло и упряжь он с

легким сердцем оставил под деревом, хотя они стоили немалых денег. Нэль смотрел на музыканта и улыбался: до чего же легкий человек! сколько денег, сколько почестей мог бы он заработать своим талантом, но ничего ему не нужно... Ищет одних только приключений на свою задницу.

Первые несколько дней Арьель истово держал слово и был незаметнее тени. Все время молчал, хотя Нэль видел, что его распирает от вопросов, и то и дело ловил на себе его долгие изучающие взгляды.

— Что ты меня все разглядываешь? — не выдержал маг однажды. — Разве я так изменился?

— Очень изменился, — подтвердил Арьель. — Даже страшно становится... Чем ты все лето занимался?

Но Нэль только головой покачал. Пока он никак не мог утолить любопытство спутника: сначала нужно было привыкнуть, что он опять не один. Он так сроднился со своим одиночеством, что ему даже разговаривать было трудно.

Арьель скучал, если приходилось долго молчать. К счастью, его выручала лютня, за которую он брался при каждом удобном случае. Нэль же всем собеседникам на свете предпочитал черные книги. Он мог часами сидеть, вперив взгляд в одну строчку и даже не переворачивая страниц. И не видел, что музыкант в это время внимательно к нему приглядывается.

Они шли на юг, и Нэль все крепче убеждался, что выбрал верное направление. Теперь он не только в магическом трансе, но и во сне видел освещенные солнцем развалины. И это отнюдь не дневные мысли переносились в его сновидения, нет. Слишком отчетливыми и выпуклыми были видения, вплоть до того, что Нэль слышал нежный, едва уловимый аромат синих ползучих цветов, и чувствовал прикосновение нитей паутины к пальцам. Сны он видел редко и не запоминал их почти никогда, но этот сон... Он был слишком похож на явь.

Если бы еще знать наверняка, что это не признаки подступающего безумия!.. Бывали дни, когда Нэль начинал сомневаться, в своем ли он уме, не шутит ли с ним шутки воспаленный, растревоженный черными книгами рассудок... Однажды, готовясь лечь спать, он даже спросил у Арьеля, не слышал ли тот что-нибудь о древнем разрушенном храме далеко на юге. Могли же быть какие-то легенды, предания.

Но Арьель, который с озабоченным видом вынимал из сумки и раскладывал на плаще небогатые съестные припасы, только плечами пожал.

— Не знаю, что и сказать. Ни про какие разрушенные храмы я не слышал, но, думаю, такие непременно где-то должны быть. Не пустые же ходят разговоры про культ Безымянного.

— Ты думаешь, эти руины — остатки святилища Безымянного? — Нэль и сам так думал, но ему необходимо было обсудить это с кем-нибудь.

— Но ведь никакие другие храмы не рушили... А почему ты спрашиваешь?

Нэль, взяв маленькое краснобокое яблочко, подкинул его пару раз в воздух и задумчиво надкусил.

— Потому что, кажется, именно туда я иду.

— В храм Безымянного?

— Угу...

Арьель даже хлеб из рук выронил.

— Ты в своем уме? Собрался к Безымянному? Чего тебе у него понадобилось?

— Еще не знаю, — тихо ответил Нэль. Поднял хлеб и протянул его музыканту. — Но надеюсь узнать... А тебе ни к чему ходить со мной до конца, друг Арьель. Иначе тебя назовут отступником.

— Отступником назовут тебя!

— Меня — пусть. Какое мне дело?

— Что ты такое говоришь, Нэль... Ты хочешь отречься от Двенадцати и принять Безымянного?

— Да не хочу я ни от кого отречься... Просто я хочу понять...

— Что понять?

Нэль заворочался, усаживаясь удобнее. Кажется, пришла пора объясниться. Пусть Арьель и не поймет всего... да ведь это и необязательно.

— Видишь ли, мне еще в храме не давала покоя высшая магия творения. Считалось, что она подвластна только Двенадцати, что смертный не имеет силы творить живое. Но я был уверен, что ограниченность наших возможностей обусловлена слабостью нашего физического тела и ленью нашего духа. Если подняться над своей материальной сущностью, освободить и закалить дух, то мы встанем на одну ступеньку с богами. Это достижимо, друг Арьель. Есть тексты, которые свидетельствуют, что давным-давно Двенадцать были обычными смертными людьми. Смертными магами, которые сумели превзойти человеческую природу...

Арьель смотрел на него расширенными, испуганными глазами.

— Опять ты за свое? Ведь это ересь, Нэль! Ведь Двенадцать создали и этот мир, и людей, а Тринадцатый хотел уничтожить их творение, и после великой битвы его лишили имени и погрузили в сон.

— Да, так написано в священных книгах. Но это история победителей... А так ли все было на самом деле? Между людьми и богами, между богами и магией есть какая-то связь, в храмовых книгах о ней не написано, а я хочу нащупать ее.

— Конечно, связь есть. Магия — это дар Гесинды смертным, не так ли?

— Есть и другая связь...

Арьель помолчал, хмуря светлые брови.

— Я даже не спрашиваю, зачем тебе это нужно... Но почему — храм

Безымянного?

— Потому что я нашел его книги.

— Это... те книги, которые ты все время читаешь? — отшатнулся музыкант.

— Да. Аръель, ты не обязан идти со мной. Наша встреча была не случайна, но я не знаю, кто свел нас вместе. Может быть, это сам Безымянный...

— Зачем бы я ему понадобился?

— Вот и я хотел бы знать, зачем... Безымянный спит уже много веков и не может вмешиваться в дела людей — так твердят храмовники. Но я думаю, что это не так. Он привел меня в Рябинники и сделал так, чтобы я нашел книги Като. Он теперь посылает мне видения и гонит меня на юг. Он подстроил и нашу встречу...

— Нэль, ты бредишь... — со страданием в голосе сказал Аръель.

— Может быть... — Нэль потер лоб. — Много лет я только и делаю, что сомневаюсь в себе и в своем рассудке. Но... посмотри на это.

Он быстро вытянул руку и указательным пальцем коснулся перед собой невидимой точки. Воздух под его пальцем начал уплотняться, темнеть, обретать форму, и через секунду крохотный серый комочек обернулся птичкой-малиновкой. Расправив крылышки, она спорхнула на подставленную руку Нэля. Он улыбнулся ей, подкинул птаху в воздух, и она с радостным щебетом исчезла в листве.

— Видел? — Нэль повернулся к музыканту — тот сидел со странным выражением лица.

— Видел... — встряхнулся Аръель. — Хм... а что? Это какой-то фокус?

— Какой еще фокус... Ты слушал или нет, когда я рассказывал про магию творения?

Аръель виновато пожал плечами.

— Прости, я что-то не совсем понимаю...

— Ну, тогда попробую объяснить попроще... В искусстве магии, как и в любом другом, существует несколько ступеней, от низшей — к высшей. Хочу только сразу оговориться насчет магии ментальной, она стоит особняком, и немногим доступна, тут уж человек или способен, или нет, учение и старание ничего не даст. Потому ментальные маги и встречаются так редко... Что до магии обычной, то самая ее простая форма — это манипуляции объектами, например, перемещение. Такое умеет делать любой ученик при храме Гесинды после полугода обучения, умеет и почти любой деревенский ведун. Для этого и всего-то и нужно сосредоточение да толика силы. На той же ступени стоит и умение создавать иллюзии, которое, на самом деле, лишь немногим большее, чем обман зрения. Далее идет умение изменять свойства неживой материи. Маг, владеющий этим знанием, может без прикосновения заставить предмет нагреться или, наоборот, охладиться, изменить форму, цвет, и даже само его качество, например,

превратить камень в пыль или грязь, а железо — в дерево. Следующая ступень — магия исцеления, магия, направленная на взаимодействие с живой материей. Это требует уже большой силы и мало кому подвластно... Высшее же искусство — искусство созидания. Не управление материей, не изменение уже существующего, а создание нового, никогда не существовавшего. Для магии творения недостаточно заученных формул и пассов, да и не всякую вещь можно сотворить. Здесь важно чувствовать окружающий мир и поток извне. Только сильнейшие маги способны созидать. Но никому и никогда еще не удавалось сотворить живое существо. То есть, никому из людей...

— Нэль, ты меня совсем запутал, — выдохнул музыкант. — Люди не могут творить живое, но эта птаха, мне кажется, была вполне живой... Так чего все-таки ты хочешь: подняться к богам или стащить богов к себе?

— Ни то, ни другое, — нетерпеливо возразил Нэль. — Не хочу я никуда подниматься и никого стаскивать вниз... я только хочу понять, как Двенадцать стали тем, кем они стали. И чем им не угодил Безымянный...

Арьель долго молчал — по-видимому, обдумывал услышанное. Нэль не мешал ему. Он взял с импровизированной скатерти надкусанное яблоко и продолжил его грызть, полностью сосредоточившись на этом занятии. Минут через пять Арьель молча махнул рукой, как бы признавая собственную несостоятельность, потом положил толстый ломоть сыра на хлеб и приступил к ужину.

* * *

После истории с малиновкой Арьель перестал сдерживать свое любопытство. Он понял, что если не дознается толком, чего же все-таки хочет маг, ни за что не успокоится. Объяснения Нэля, как всегда, были слишком уж туманными. Арьель еще несколько раз спрашивал у него: «Чего же ты все-таки ищешь?», — и каждый раз получал другой ответ. Впрочем, Нэль, вероятно, говорил о чем-то одном, но музыкант по скудости своего разума не мог того понять.

С весны Нэль действительно сильно изменился. Во-первых, внешне. Он загорел, еще сильнее похудел и отпустил бороду, которая придавала ему диковатый вид, — но это были мелочи. В нем произошли какие-то внутренние, более глубокие перемены, суть которых Арьель затруднялся сформулировать. Но почувствовал их в первый же вечер, когда, выбрав место для ночлега, Нэль взялся врачевать свою рану. Маг просто подержал над ней ладонь две или три минуты, не проронив ни слова — и края рассеченной кожи сомкнулись, остался только розовый шрам. Арьель, который помнил, как полгода назад, зимой, после лечебного волшебства Нэль едва не падал на пол от усталости, смотрел и не верил глазам: похоже было, что теперь такое чародейство ему ничего не стоит. Потом был случай с малиновкой, из которого Арьель сделал пугающий вывод: сила, подвластная Нэлю, превосходит силу любого смертного настолько, что маг ставит себя на одну ступеньку с богами и готов бросить им вызов...

Зная честолюбие Нэля, можно было предположить, что он должен возгордиться своими успехами. Но было непохоже, чтобы он гордился собой. Он даже просто радостным-то не выглядел. Напротив, казалось, что новоприобретенная сила его как будто тяготит. Нэль очень мало говорил, неохотно отвечал на вопросы, и совершенно ушел в себя. Иногда Арьель начинал думать, что маг, занятый своими мыслями (и своими книгами), просто не слышит его.

Нэль молчал, и его молчание звоном отдавалось в ушах. Хотелось схватить его за воротник и потрясти — может, хоть это заставило бы его вернуться к реальности. Или же поступить еще проще: развернуться и пойти своей дорогой. Это было бы и разумнее, и, пожалуй, безопаснее, ведь мага по-прежнему искали по всей Медее. И пусть себе Нэль идет куда хочет, хоть к Безымянному — но один. Да ведь он и сам говорит: «Не нужно тебе идти со мной до конца...» И Арьель каждый день всерьез размышлял, не послушать ли его, не попроситься ли. Но день за днем он не находил в себе сил уйти. Он уже почти решался, но в самый последний момент начинало одолевать беспокойство: а ну как Нэль, оставшись один, попадет в беду?..

Изменились и отношения Нэля с магией. Прежде он избегал использовать свою силу, но это было как раз понятно: он боялся себя и боялся своих заклинаний. Нынче же, насколько уяснил Арьель, он обрел над магией полную власть, научился управлять ею, не оступаясь и не допуская ошибок. Казалось бы, чего проще — наколдовал телепорт и перенесся, куда угодно? Но нет, Нэль с молчаливым упорством перебирался через овраги, буреломы и лесные ручьи, нисколько не жалея своего и без того истрепанного платья. Временами Арьелю казалось даже, будто его тащит чья-то невидимая рука, тащит вперед с бездушной жестокостью. Тогда музыканту становилось страшно до дрожи; он и на себе начинал ощущать давление этой загадочной руки.

Или вот, когда вскоре на несколько дней зарядили дожди, Нэль даже не попробовал как-то укрыться от льющейся с неба воды, хотя и сам промок насквозь. Арьелю же совсем не хотелось мокнуть и мерзнуть, он боялся потерять голос, и потому принялся теревить спутника. Настойчивые просьбы сделать что-нибудь с дождем дошли до Нэля не сразу. Когда он вынырнул, наконец, из своих раздумий, и понял, чего от него хочет Арьель, то поглядел на небо с таким удивлением, как будто только сию минуту вообще дождь заметил. Потом усмехнулся чему-то и небрежно бросил два слова: повинуюсь первому, вокруг путников возникла невидимая преграда, по которой вода скатывалась, словно по стеклу; вторым же словом Нэль высушил одежду, свою и приятеля.

Так они и шли через лес, пробираясь на юг. Вело их только полуосознанное чутье Нэля. К людям они почти не выходили, а Арьель начал уже беспокоиться, что, как маг, отвыкнет от человеческого общения и разучится разговаривать. Для него это была бы настоящая трагедия... Надо кончать с

этим безумным маршем, думал Арьель. Но как? Как заставить Нэля свернуть с пути, в конце которого его ждет Безымянный?..

* * *

Дожди все не прекращались. Видно, небо чуяло приближение осени.

В лесу не осталось ни одного сухого куста, ни одной травинки. Стоило неосторожно задеть ветку, и откуда-то сверху немедленно обрушивался настоящий водопад. Нэль по-прежнему поддерживал волшебный полог, который защищал его с Арьелем от дождя, но сырость пропитала одежду, и башмаки постоянно промокали, от этого не спасало никакое заклинание. Да и ночевки превратились в сплошное мучение. Арьель то и дело поглядывал на небо, едва видное сквозь переплетение ветвей, и гадал про себя, сколько ли разойдутся тучи и проглянет солнце. Ему уже надоело зябко стучать зубами, да и за свой инструмент он беспокоился — как бы не отсырел.

— Скоро будем в Бергонте, — заметил Нэль однажды днем, когда они ненадолго остановились передохнуть. — Выйдем к дороге, поищем убежище от дождя. Когда-нибудь он должен же кончиться, тогда и пойдем дальше.

— Чего бы не поискать какую-нибудь крышу сейчас? — спросил Арьель и сразу же обругал себя: вот осел! — Прости, глупый вопрос, — быстро сказал он. — В Медее тебе лучше не привлекать к себе внимания...

— Да и тебе тоже, — улыбнулся Нэль. Он сидел на поваленном стволе, нахохлившись и обхватив себя руками за плечи, и напоминал так большую черную взъерошенную птицу.

— Да, но в Бергонте, думаешь, тебя не станут искать?

— Не знаю. Может, и не станут. Придется рискнуть: сам видишь, что творится, а удерживать «полог» становится все тяжелее. Устал я, друг музыкант. Не знаю, на сколько дней еще меня хватит.

Арьель помолчал, зябко ежась. И спросил осторожно:

— Нэль, а почему бы тебе не открыть портал прямо в то место, которое ты ищешь?

— Я думал об этом, — кивнул маг. — Но, понимаешь, есть все-таки некоторое сомнение... А вдруг этого места не существует? Вдруг я его выдумал? Тогда портал станет смертельной ловушкой...

— То есть, можно погибнуть, если открыть портал в несуществующее место?

— Не знаю... тех, кто уходил в ненаправленные порталы, можно перечесать по пальцам одной руки — и все эти смельчаки пропали без вести. На такое решаются только с отчаяния. А я еще не отчаялся.

Арьель снова помолчал. Хотя ему не приходилось прыгать через порталы, и он, откровенно говоря, побаивался этой магии, он бы как-нибудь поборол свой страх ради того, чтобы не тащиться больше по волглому лесу.

Несколько холодных капель упали ему на лицо. Арьель смахнул их и

озабоченно поглядел вверх.

— Слушай, Нэль, кажется, полог больше воду не держит. Совсем не порвется?

— Надеюсь, что нет, — Нэль тоже задрал голову, как будто мог над собой что-то увидеть. — А впрочем...

Не прошло и часа, как магический полог превратился в настоящее решето. Дождь, между тем, тише не становился. Арьель, промокший и замерзший, припоминал про себя все знакомые ругательства — вслух, правда, своего недовольства не выражал, поскольку видел, что и Нэлю приходится несладко.

Но удача их не совсем оставила, и вскоре они набрали на шалаш, устроенный, видимо, каким-то охотником. На вид шалаш выглядел не слишком надежным, но внутри было сухо. Укрывшись в нем, молодые люди сняли мокрую верхнюю одежду и расстелили ее в уголке, надеясь хоть немного ее просушить. Впрочем, Арьель полагал, что надежда эта тщетная.

Нэль тут же уселся на пол — точнее, на землю, прикрытую травой и ветками, — и глубоко вздохнул. Арьель заметил, что его сложенные на коленях руки дрожат.

— Легче было бы, пожалуй, всю дорогу тащить над собой настоящую крышу, — слабо усмехнулся Нэль. — Страсть, до чего спать охота... Все-таки я еще слишком слаб для таких чар.

— Ну так ложись спать, — отозвался Арьель. Он озабоченно осматривал лютню — не покоробилась ли. — Вряд ли этот потоп скоро закончится.

— Лучше бы уж поскорее, — маг растянулся на земле, разом заняв половину пола. — Иначе нам очень кстати пришлось бы умение оборачиваться рыбами. Ты плавать умеешь?

— Умею, но нехорошо.

— А я так вообще никак.

Нэль прижался щекой к земле, как будто прислушивался к чему-то, закрыл глаза и уже через минут спал. Он дышал тихо и ровно, его лицо, сосредоточенное и напряженное в последние дни, разгладилось. Арьель некоторое время посидел молча, ни о чем особенно не думая, только поглядывал на спящего мага. Потом очень медленно, стараясь не шуметь, отложил в сторону лютню, встал на колени и потянулся к сумке, в которой Нэль носил свои пожитки. Он сознавал, что намерения его честными не назовешь, но любопытство пересиливало угрызения совести. Неудержимо хотелось хоть одним глазком заглянуть в черные книги.

Арьель положил сумку к себе на колени и распустил шнур. С опаской покосился на Нэля — не проснулся ли? Ему совсем не хотелось, чтобы гнев мага обрушился на его голову. Но Нэль мирно и тихо спал, только черные ресницы чуть подрагивали. Арьель достал из сумки одну из книг — ту, что поменьше, — и раскрыл наугад. Вгляделся.

Страницу испещряли мелкие буквы-жучки, сплошная абракадабра, ни слова не разобрать. Рисунки и диаграммы ничего не говорили Арьелю, но пугали четкостью линий и скрытой в этой четкости тайной. Его прямо мороз по коже продрал. Он быстро пролистнул несколько страниц, надеясь отыскать хоть одно слово, которое было бы написано на человеческом языке. Тщетно. Тогда он вытащил вторую книгу, заглянул в нее. Почерк другой, хотя такой же убористый и мелкий. И здесь тоже ничего не понять... Раздосадованный и несколько не успокоившийся, Арьель убрал книги обратно в сумку и положил ее на место.

В лесу начинало темнеть. Дождь затих. Арьель подумал, что лучше ему тоже лечь спать, раз уж все равно нечем заняться. Он устроился на полу рядом с магом. Шалаш был тесный, и лежать приходилось буквально голова к голове, спутанные волосы Нэля щекотали ему лоб. Но Арьель так устал, что не стал обращать внимания на мелкие неудобства.

Он вмиг провалился в сон, который вдруг обернулся кошмаром. Всю ночь Арьеля преследовал пронзительный, жуткий взгляд нечеловеческих глаз. Их радужка отливала жидким золотом, а зрачок был как у кошки — вертикальный и узкий.

Наутро Нэль долго вглядывался в лицо спутника. Впервые за много дней утро выдалось ясным и солнечным, радовало глаз свежестью красок и голубизной неба; Арьель же был мрачен и хмур. Его не отпускало воспоминание о золотых глазах.

— Что-то бледноват ты сегодня, — заметил Нэль.

— Дурной сон привиделся, — буркнул Арьель.

— Что за сон?

— Да ерунда какая-то... — замялся музыкант. — Взгляд...

— Что за взгляд? — с неожиданным напряжением в голосе спросил Нэль и даже вперед подался.

— Не знаю... Золотые глаза, вытянутый зрачок... Больше ничего не помню.

Нэль шумно выдохнул воздух, пятерней взъерошил влажные, и оттого слегка вьющиеся волосы.

— Боги на тебя смотрят, друг Арьель, — непонятно сказал он.

— Ты что-то знаешь? — заволновался музыкант. — Чьи это глаза? Кто он такой?

Но Нэль только головой покачал.

— Позволь пока не говорить об этом... сначала я должен увериться...

— В чем увериться, Нэль?

Но маг решительно отказался продолжать разговор. И весь день был особенно задумчив, только время от времени Арьель ловил на себе его пристальный взгляд.

* * *

В Бергонт добрались благополучно, счастливо избежав нежелательных встреч. Арьель немного воспрянул духом. В Медее он постоянно ожидал неприятностей, связанных с прелестной супругой старого эрла Бескойла — той самой дамой, которой он был обязан встречей с Нэлем. В Бергонте же, как музыкант надеялся, искать его не станут.

Но Нэль, кажется, считал иначе. О том, чтобы выйти к дороге, он больше не заговаривал. Зато обмолвился однажды, что потаенное место, мол, ближе, чем им кажется — такое у него предчувствие.

— Ты узнал, куда идти? — обрадовался было Арьель, но маг покачал головой.

— Пока нет... Но осталось недолго.

Погода, наконец, наладилась, на смену дождям выглянуло солнце. Было оно, правда, уже не жаркое, осеннее. Лес сверкал бриллиантовыми и жемчужными нитями, сплетенными неутомимыми пауками, и напоминал малахитовую шкатулку с драгоценностями. Арьель сидел у подножья старой ивы, ветви которой склонялись к неглубокому ручейку у ее корней; в голову ему приходили сравнения и образы один поэтичнее другого. Рядом с музыкантом, легко касаясь его плечом, устроился Нэль. Они присели у воды отдохнуть и перекусить остатками хлеба, купленного два дня назад в лесном хуторе. Арьель грыз зачерствевший ржаной ломоть, любовался сверканием водяных капель на паутине, и так и этак складывал в голове стихотворные строфы. Впрочем, вскоре его мысли перетекли в иное, более прозаическое, русло.

— Эх, я бы сейчас с удовольствием отведал мясного пирога, — вздохнул он мечтательно, отгрызая кусочек от сухой корки. — Сдобного, с сыром и луком. И запил бы кружкой доброго эля. Или красного вина, тоже неплохо.

Нэль засмеялся и склонился к ручью, зачерпнул ладонью воды. Напился, плеснул себе в лицо и, распрямившись, взглянул на Арьеля из-под упавших на лицо мокрых волос. Музыканта поразило выражение его глаз: в них прыгали солнечные смешинки, чего давно уже не случалось. Видимо, сверкающая красота леса подействовала и на него тоже.

— Заморил я тебя голодом, друг Арьель!

— Есть немного, — согласился музыкант. — Я ведь не птичка, чтобы питаться крошками и ягодами. Да и вода — слишком уж пресное питье. Душа иного требует!

Нэль улыбнулся.

— Понимаю... Вино, конечно, слаще, а уж если подносят его пригожие девицы...

— Точно! девичья красота ласкает взор, созерцание ее улучшает пищеварение. Впрочем, чего зря рассуждать, — вздохнул Арьель, быстро погрузнев. — Ни пирогов, ни вина, ни даже девиц в лесу мы не найдем.

— А завернем-ка в трактир, — вдруг сказал маг. — Выйдем на дорогу, и будут тебе пироги...

Арьель удивился, но смолчал. Допытываться у Нэля, почему он вдруг решил изменить свои планы, было бесполезно: он все равно отделался бы маловразумительным объяснением. Может быть, он просто сжалился над изголодавшимся по горячей еде и людям товарищу; и может, его снова вел внутренний голос, подстроивший их встречу на пустынной дороге, или та самая невидимая жестокая рука, которая временами мерещилась Арьелю.

Глава 5

В деревенском шинке наверняка водились мясные пироги с сыром, но Арьель вдруг засомневался, стоит ли туда идти. Уж очень большая и людная была деревня, а трактир стоял прямо на перекрестке двух дорог. Но Нэль уперся, как осел: идем сюда, и точка. Арьель даже не стал его отговаривать, прекрасно зная его упрямство. Только посоветовал — а вернее, попросил, — смыть с глаз краску. Но и на это Нэль ответил решительным: «Нет!»

— Нэль, тебя же в два счета узнают по глазам! — взмолился Арьель.

— Меня и так узнают, если будет кому, — возразил маг. — В храме-то меня запомнили без этой краски...

День клонился к вечеру, и трактирная зала была полна народу. Но глазастый Арьель все-таки усмотрел уголок, где можно было сесть так, чтобы не слишком привлекать к себе внимание. Хозяин принял их любезно, и в этом по большей части была заслуга музыканта, который прекрасно умел разыграть из себя благородного господина и к тому же (что немаловажно) ухитрился сохранить свое щегольское платье чистым и почти новым после скитаний по лесу. Нэль же все молчал и старался не привлекать к себе

внимания.

В шинке действительно подавали мясные пироги (правда, без сыра) и свежий эль, так что серебро, которое позванивало в кошеле у Арьеля, пришлось очень кстати. Он даже помянул добрым словом старого эрла Бескойла, платившего за музыку и песенное искусство щедро — до тех пор, пока не прогневался. У Нэля тоже водились кое-какие деньжата, но совсем немного. В основном это были медяки.

Они сделали заказ и в ожидании принялись осматривать зал. Арьеля больше интересовали служанки. Их было три, и он улыбался вовсю, если какая-нибудь смотрела в его сторону. Правда, две девушки были скорее дурнушками; третью он счел довольно миленькой, хотя и она не шла ни в какое сравнение с ослепительной супругой старого эрла... и уж подавно — с прелестной Элейной, дочкой тана Альбрехта Аля.

Нэль на девушек не смотрел вовсе, зато внимательно приглядывался к посетителям. В зале было несколько местных — крестьяне, заглянувшие пропустить кружку-другую после тяжелого дня; но по большей части публика была проезжая. Нэль все смотрел и смотрел на них, и лицо его становилось все мрачнее и строже. Музыкант отметил это, а так же вертикальную морщинку между бровями, когда на минуту отвлекся от служанок.

— Что-то случилось? ты... у тебя такой вид, как будто...

Ему пришлось замолчать, когда к их столу подошла служанка с подносом. Он дождался, пока она уйдет, и спросил:

— Тебя что-то беспокоит, Нэль?

— Нет... ничего... — маг, обойдя вниманием исходящие паром пироги, взял ломоть хлеба и принялся его ломать. — Просто... не могу понять, зачем мы здесь. Если ли причина...

— О чем ты говоришь? Мы ведь пришли сюда поесть, — удивился Арьель.

Ах, простая ты душа, подумал Нэль, подавив улыбку. Если бы все было так... Музыкант, уже позабыв о своих тревогах, с увлечением уплетал пироги. Нэлю же совсем не хотелось есть, но он, чтобы не вызвать новых вопросов, тоже принялся за еду.

Кто же все-таки привел меня сюда? — не унимались тревожные мысли. Ведь ясно же, что кто-то меня подталкивает. Но кто? Тот, кому принадлежат золотые глаза с вертикальными кошачьими зрачками? Знать бы, кто такой этот золотоглазый. Бог? Но который из Двенадцати? И зачем богу вести меня в храм Безымянного? Или все-таки эти руины никак не связаны со Спящим, и я неверно истолковал видение? Или же золотоглазый и есть Безымянный, Спящий, Тринадцатый? От этих сомнений и вопросов рассудка лишиться недолго... устал я сомневаться, сколько можно... да и вообще, просто устал...

Поверх зажатой в ладонях кружки с подогретым элем Нэль еще раз оглядел залу. И вздрогнул, зацепившись взглядом за одного из посетителей. Он не стал даже пытаться понять, почему этот человек привлек его внимание. Просто стал всматриваться и вслушиваться, отрешившись от слитного гула множества голосов, заполнявшего помещение.

Этого человека Нэль никогда раньше не видел. На вид лет тридцати, с лица — чистый уголь: смуглая кожа, иссиня-черные волосы, черные слегка раскосые глаза, подведенные углем. Таких лиц, гладких, плоских и подчеркнуто бесстрастных, Нэль в свое время повидал множество. Южанин... Черты лица жесткие, но правильные. Одежда неприметная, но над правым плечом выступает рукоять меча. Воин, да еще и левша... Южанин сидел, чуть подавшись вперед, и слушал собеседника, потертого пожилого человечка неопределенной наружности.

— Кто это? — сунулся музыкант.

Значит, и Арьель его заметил. Нэль ответил, не поворачивая головы.

— Еще не знаю...

— Не знаешь? Тогда чего же ты...

— Тише. Пожалуйста, помолчи. Вопросы потом.

Арьель замолчал — как показалось магу, обиженно. Жаль, если в самом деле обиделся, ну, ничего... он человек отходчивый. Нэль продолжал прислушиваться к разговору южанина с потертым человечком, и едва заметил, как Арьель встал и тронул его за плечо:

— Я вернусь попозже.

Ну, ясно, побежал соблазнять очередную девчонку... Нэль молча кивнул, на секунду встретившись с ним глазами.

Когда музыкант ушел, он украдкой вздохнул: Арьель был хорошим человеком, но иногда его присутствие... мешало. Отвлекало, как попавшая в глаз пылинка.

Нэль понимал, что привлекает к себе внимание, так беззастенчиво разглядывая незнакомца, но ничего не мог поделать. Он уже знал, зачем ему нужен этот воин — сумел разобраться, о чем шла речь между ним и потертым собеседником. Не зря, ох, не зря он пришел в этот трактир! Ведь здесь ему предстояло встретить проводника, который укажет верный путь к храму... Именно о загадочных развалинах рассказывал собеседнику южанин. Судя по его словам, он так и не понял, что обнаружил в лесу, а Нэль понял сразу! Его так и затрясло от возбуждения. Огромным напряжением воли он сумел унять дрожь в руках и придать лицу безразличное выражение.

Но вскоре произошло то, что и должно было произойти. Южанин, которого Нэль вот уже минут десять сверлил взглядом, потерял терпение и принялся озираться. Он искал того, кто так навязчиво донимал его своим вниманием. И нашел, конечно. Встретился глазами с Нэлем. Маг не стал отворачиваться

и прятать взгляд, и южанин некоторое время недоуменно глядел на него, потом медленно отвернулся, сказал что-то собеседнику. Тот начал быстро лопотать, но Нэль продолжал смотреть, и южанин опять не выдержал. Обернулся, на этот раз с раздражением, быстро поднялся и подошел к Нэлю. Наклонился, опершись ладонями об стол. Росту он был весьма высокого.

— Чего тебе нужно, парень? — спросил он на своем наречии. Вероятно, из-за подведенных глаз он принял мага за земляка. — Если какое дело, то говори быстро. А если нет... — он угрожающе шевельнул густыми бровями.

— У меня дело, — спокойно ответил Нэль на том же языке (кто бы знал, чего ему стоило это спокойствие!). — Садись, поговорим...

Скучная и неуступчивая служаночка разочаровала Арьеля, и он вернулся к приятелю раздосадованный неудачей и хмурый. И с удивлением обнаружил, что на его месте сидит тот самый чернявый парень, к которому Нэль проявлял столь пристальный интерес. Незнакомец и маг о чем-то негромко беседовали, и никакой напряженности между ними Арьель не ощутил, хотя они то и дело прощупывали друг друга взглядами.

Завидев музыканта, Нэль жестом попросил собеседника подождать, и сказал:

— Познакомься с Китаро, друг Арьель. Он проведет нас к руинам...

Арьель так и не понял, чем маг взял южанина, почему тот так охотно согласился быть их проводником. И о чем шел между ними разговор в его отсутствие, музыкант не узнал, и с чего вообще Нэль решил, что Китаро известно про разрушенный храм — тоже. Фраза, оброненная когда-то давным-давно, в день (вернее, ночь) знакомства, — о неведомых путях магов, — оправдывала себя полностью. Арьель в сотый и тысячный раз признавался себе, что ничего, совсем ничего не знает о том, что происходит в голове и сердце мага.

С людьми Арьель всегда уживался легко, но вдруг с удивлением обнаружил, что Китаро его бесит. Точнее, не сам Китаро, а его поведение с Нэлем. Южанин казался сдержанным и бесстрастным, и чувства на его лице прочитать было не проще, чем на куске дерева. Но когда он смотрел на Нэля... С таким выражением пес мог бы смотреть на своего хозяина. В черных глазах Китаро ясно читались молчаливая преданность и... понимание. Что он мог понимать в душе и мыслях мага, Арьель не умел взять в толк. Неужели этот незнакомый почти человек, грубый наемник, чужак, сумел проникнуть в душу Нэля глубже, чем он, Арьель, который был рядом долгие дни и месяцы? Вот эта самая мысль и бесила музыканта, просто-таки выводила из себя. Что же, что такое Китаро разглядел в маге, почему он смотрит на Нэля, как на хозяина... или на бога? Ведь Нэль, кажется, с ним и двух слов не сказал после встречи в трактире. Неужели они обговорили все еще тогда? Но когда же они успели?

Арьель не мог просто подойти к Китаро и заговорить с ним о том, что его так мучило. Во-первых, Китаро довольно плохо, с сильным акцентом, говорил на всеобщем, и Арьель понимал его через слово. Во-вторых, он даже представить не мог, что сам, первый, начнет разговор с этим южным варваром. Китаро, помимо сильнейшей неприязни, вызывал у Арьеля еще и страх, наполовину подсознательный, но от того ничуть не менее острый. Арьель вообще опасался всякой грубой силы, а Китаро был ее живым олицетворением. И тем сильнее удивляло то почтение, которое он испытывал к Нэлю.

Арьель пытался поговорить с магом, но Китаро ходил за ним, как приклеенный. При нем разговаривать не хотелось, пусть даже и на медейском, которого южанин наверняка не знал. И все же музыкант сумел улучшить минутку. Вечером, на привале, Нэль ушел к роднику, который приметил ранее. Арьель пошел за ним и застал мага стоящим на коленях около воды, с ладонями, подставленными ледяной струе.

— Ты много денег ему пообещал? — музыкант сразу пошел в наступление, понимая, что времени у него мало.

— Что? — Нэль медленно поднял голову. — О чем ты говоришь?

— О ком. О нашем новом приятеле, Китаро. Я подумал, что у него должны быть веские причины, если он так охотно согласился проводить нас до храма.

— Причины у него есть, — устало сказал Нэль. — Но не те, о которых ты думаешь.

— То есть, дело не в золоте? А что же тогда?

— Спроси у самого Китаро. Я не могу обсуждать с тобой его причины и мотивы его поступков.

— Да что ты вообще можешь обсуждать! — в сердцах бросил Арьель. — Ты ни на один вопрос нормально не ответишь.

— Значит, ты просто задаешь не те вопросы.

Арьель очень захотелось плюнуть и уйти. Вероятно, маг заметил, как переменялось его лицо, потому что он сказал мягко:

— Прости, но я и впрямь не могу говорить с тобой об этом. Вот если бы Китаро сам пожелал рассказать....

— Ладно, — сдерживаясь, сказал музыкант. — Оставим его. Спрошу о другом. Откуда ты вообще узнал, что он именно тот человек, который тебе нужен?

Нэль помолчал.

— Я слышал, как он рассказывал о странном месте, на которое набрел в лесу. Местные жители ничего не знали ни о руинах, ни о храме. Они смотрели на Китаро, как на помешанного, когда он их спрашивал.

— Так как же это... — Арьель озадаченно почесал в затылке. — Если даже люди, которые всю жизнь прожили рядом, ничего не знают... Как же случайный человек нашел этот храм? Откуда они появились, эти развалины?

— Не знаю. Но думаю, что Китаро — отнюдь не случайный человек. Этот храм, наверное, показывается не каждому. Понимаю, звучит как бред, но...

— он замолк, тревожно глядя перед собой.

— Почему же храм показался Китаро? — не мог успокоиться Арьель. Разговор ему действительно казался бредовым. — Признал его достойным, что ли? С чего бы? а если и так, то как знать, покажется ли храм тебе, Нэль?

— Не знаю, — повторил Нэль и уткнулся лицом в мокрые холодные ладони.

— Я только надеюсь, что так будет. Иначе... зачем тогда все?

Арьель не нашелся, что ответить.

В ту ночь ему не спалось. Хрупкий сон, даже скорее дремота, рассыпался сотней осколков. Арьель открывал глаза и каждый раз видел одну и ту же картину: спящий по-детски крепким сном Китаро, и Нэль, который стоял на коленях вполоборота к костру. Может быть, он молился, а может, унесся разумом в странствия столь далекие, что Арьель не мог себе и представить. Впрочем, скорее все же, Нэль оставался этом мире, поскольку костер не гаснул всю ночь — кто-то же должен был подкладывать в него хворост. Лишь уже когда занимался поздний рассвет, музыкант увидел, что Нэль оставил свое бдение и лежит ничком в траве, раскинув в стороны руки, словно пытается обнять землю. Лицо его было повернуто к догорающему костру, но его закрывали черные спутанные пряди волос, так что Арьель не мог разобрать, спит он или бодрствует.

А наутро Китаро заявил, поглядев на небо:

— Мы уже совсем рядом. Сегодня к вечеру будем на месте.

Но к вечеру они никаких руин не нашли. И на следующий день — тоже. Они бродили по лесу, и Арьель все более отчетливо ощущал, что они запутываются. Идут не туда, не так. Как будто их кто-то специально водит, то ли испытывая терпение, то ли просто не желая допускать их в потаенное место. Китаро молчал, но то и дело поглядывал на Нэля. Маг тоже не разжимал губ. Он не задал ни одного вопроса, но глаза его совсем потемнели, а лицо застыло алебастровой маской. Арьелю так и слышался его тихий, заглушенный ладонями голос: «...Зачем тогда все?..»

На третий день на их пути неожиданно вырос бурелом. В нем путники и завязли, изорвав одежду и едва не переломав ноги. А главное, никто не мог понять, зачем они вообще туда полезли... К темноте так и не удалось выбраться на ровное место, и Нэль зажег магический свет, чтобы не покалечиться вслепую. Вид у него был мрачный, казалось даже, будто на лицо легла черная тень.

— Не понимаю... — сквозь зубы пробормотал Китаро. — Не было здесь такого! Голову в заклад даю. Не было!

– Верю, – мрачно отозвался Нэль. – Раньше не было, теперь есть. Нас не пускают, вот и все. Китаро... я благодарю тебя за помощь, но... не вижу больше в этом смысла. Попрощаемся завтра. И с тобой тоже, друг музыкант.

– Нет! – решительно перебил его Китаро. – Я обещал привести тебя к храму, и я приведу, клянусь Рондрой.

– Вот еще! – в один голос с ним вскинулся Арьель. – Позволь уж мне самому решать!.. Нам, значит, «до свидания», а ты сам – куда?

– Дальше, конечно, – ответил Нэль. – Поймите же, я не могу ни отказаться, ни остановиться. Это – мой путь. Но я даже не знаю, куда он меня заведет, а потому не могу звать вас за собой.

– И не зови, – невозмутимо отозвался Китаро. – Мы сами пойдем. И не за тобой, а впереди тебя.

Нэль посмотрел сначала на него, потом на Арьеля. И сказал тихо:

– Хотел бы я знать, чего ждут боги от вас...

В ту ночь никто не спал, хотя все устали страшно. Но из бурелома выбраться так и не удалось, и места для ночевки не нашли. Расположились кое-как на поваленных стволах. Арьель чувствовал себя больным от усталости, и знал, что магу ничуть не легче. Китаро же был сильнее физически, и утомительный марш казался на нем не так заметно. Поутру он был бодр и полон готовности немедленно продолжить путь – чего никак нельзя было сказать о двух его спутниках.

Китаро вскочил с места, едва забрезжил рассвет. Он выглядел необычайно возбужденным. Казалось, он вот-вот схватит мага за рукав и потащит за собой.

– Пойдемте, пойдемте же! – заторопился он вдруг.

Нэль поднял на него измученные, покрасневшие глаза.

– Куда?

– Туда, – Китаро махнул рукой. – Туда, верно туда. Не спрашивай, почему знаю. Идем.

Нэль молча подчинился, словно он разочаровался и устал настолько, что ему уже все равно было, куда идти.

Шли недолго. Бурелом постепенно сошел на нет, деревья расступились, и молодые люди ступили на небольшую круглую поляну. Арьель глянул перед собой и глубоко вздохнул. На поляне, освещенные косыми лучами восходящего солнца, возвышались древние статуи, чьи очертания сгладило время. Между ними в траве, усыпанной синими звездочками крохотных цветов, тут и там виднелись округлые обломки колонн.

– Да, – тихо сказал Нэль. – Это здесь.

Забыв о спутниках, он медленно пошел среди руин, запрокидывая голову, чтобы разглядеть изваяния. То и дело он касался пальцами шершавых

каменной — и больше ничто на свете его не интересовало. Безглазые статуи смотрели на него, а он смотрел на них.

— Нэль! — окликнул его музыкант. — Что теперь, Нэль? Здесь нет храма, только руины. Что ты ожидал найти? Здесь нет живых, да и мертвых, кажется, тоже. Даже кости, если они здесь и были когда-то, давно истлели. Слишком много лет прошло...

— Столетий, — поправил Нэль странным голосом. — Столетий, а не лет. И ты не прав... здесь не только руины. Есть и еще... что-то.

— Что? — тревожно спросил Арьель, озираясь. — Я ничего не вижу.

Нэль улыбнулся и повел вокруг себя рукой.

— Разве это — «ничего»? — он помолчал и добавил: — Ты слишком торопишься, друг Арьель. Не все сразу. Подождем немного.

Он сел в траву, скрестив ноги, и склонил голову, так что волосы закрыли лицо. Интересно знать, подумал Арьель, чего он собирается ждать. Спрашивать его, пожалуй, бесполезно — не ответит. Да и не услышит... Арьель вздохнул и тоже сел. Против длительного отдыха он не возражал, но хотелось бы знать, чего Нэль намерен высидеть. Да и что мы вообще тут делаем? размышлял он. С Нэлем все ясно, у него «путь». Он, кажется, знает, что делает. И знает, чего ищет. С Китаро тоже более или менее понятно: он обещал проводить мага к храму и выполнил обещание. А теперь ждет, чтобы отвести его обратно. Но я-то? Я чего ищу? Поиски запрещенного бога, которые так занимают Нэля, мне даром не нужны. Однако притащился в лес, как теленок на привязи, чудом шею не свернул... И ведь даже не желание дописать балладу меня ведет, решил уже, что никакой баллады не будет. И не желание избавить мага от проклятия — Нэль, похоже, уже сжился с ним. Так что же? неужели простая привязанность к этому странному, уставшему, молчаливому, а временами так и вовсе страшному человеку? Человеку, который иногда кажется безумцем... Если так, то это очень глупо...

Тихо пригревало неяркое осеннее солнце. Шелестела листва, посвистывали птицы. Арьель прислонился спиной к валуну, когда-то бывшему частью огромной колонны, и тревожные мысли бледнели и растворялись в сладостной неге. Усталость брала свое, и удивительное умиротворение этого древнего места навевало дрему. Арьель и сам не заметил, как глаза его закрылись. Вскоре он уснул, окутанный сиянием солнечного дня ранней осени.

* * *

Едва проснувшись, Арьель сразу понял, что день клонится к вечеру. Косые лучи солнца ложились на поляну, но уже с другой стороны, и свет их был красноватый. Арьель тряхнул головой, прогоняя сон, и поморщился. Шея и спина затекли так, что он их почти не чувствовал. Он с трудом выпрямился и сразу встретился взглядом с черными глазами Нэля.

— Выспался?

— Угу... вот уж поспал, так поспал, — с кряхтением Арьель поднялся, прошелся взад и вперед, потягиваясь. — Все так же тихо?

— Да, — спокойно ответил маг.

— Мм-м-м... — чего-то в окружающем пейзаже не доставало. Арьель беспокойно огляделся по сторонам, и вдруг понял, в чем дело. — А где Китаро?

— Где-то недалеко. Пошел побродить, ноги размять.

— А ты все сидишь?

— Все сижу.

Арьель вздохнул. Прошелся по поляне, разглядывая статуи (их вид вызывал озноб), потом вернулся туда, где оставил свою сумку, и вытащил два яблока. От одного откусил сам, второе кинул Нэлю. Тот ловко его поймал, осмотрел задумчиво, как невиданную диковинку, и положил себе на колени.

— Есть хочешь? — спросил Арьель. Его собственный желудок настойчиво требовал ужина.

Нэль тихо покачал головой.

Быстро темнело, и он, по просьбе музыканта, наколдовал светящийся шарик. Костер разводить никому не хотелось.

Китаро все не возвращался.

От нечего делать Арьель принялся расхаживать по поляне. Подолгу сидеть на месте было выше его сил, и он удивлялся, как это Нэль может часами не двигаться.

Это место очень не нравилось музыканту. Одновременно оно пугало и привлекало к себе. Хотелось и бежать отсюда сломя голову, и остаться здесь подольше. Арьель спрашивал себя с недоумением, разглядывая замшелые руины: в чем же сила этого места? Не в миленьких же синих цветочках...

Сумерки путали зрение, скрадывали расстояния. Арьелю было неуютно. Предметы казались серыми и плоскими, весь мир превратился в дешевые декорации бродячего театра. Музыкант чувствовал себя наполовину ослепшим.

Он едва не лишился дара речи, когда перед его носом из ниоткуда выросла высокая темная фигура. В первую секунду он подумал, что это вернулся Китаро — южанин умел двигаться совершенно бесшумно, не шевельнув ни единого листа, не побеспокоив самой малой птички (которые, впрочем, в этот час уже спали в своих гнездах). Но очень быстро Арьель понял свою ошибку. Китаро был выше, к тому же темная фигура одета была во что-то длинное, вроде балахона или накидки. Арьель отступил, судорожно соображая, что делать дальше. Света от магического шара Нэля было недостаточно, чтобы рассмотреть незнакомца. И где уж было понять, с

враждебными или дружескими намерениями он появился на поляне!

— Зачем ты сюда пришел? — спросила вдруг фигура на всеобщем, звучным и мрачным голосом. — Тебя никто не звал.

— Э... — Арбель попробовал собраться с мыслями, чтобы ответить что-нибудь соответствующее моменту. Но Нэль его опередил.

Не вставая с места, он сказал тихо, но так, что его слова разнеслись по всей поляне:

— Он пришел со мной. Со мной и говори. Кто бы ты ни был...

Незнакомец медленно развернулся к нему. Поинтересовался сухо:

— А ты кто таков будешь?

— Мое имя Лионель из Аркары. Еще меня зовут Поджигателем.

— Лионель из Аркары... — повторил незнакомец отдельно, словно пробовал имя на вкус. — Вот как. Ты, кажется, слишком дерзок, Поджигатель. Зачем ты пришел?

— Я ищу ответы на вопросы.

— Какие вопросы? — в голосе незнакомца проскользнула насмешка.

— На это я отвечу, когда буду знать, с кем говорю, — сказал Нэль.

— Ты и впрямь слишком дерзок. А надо бы тебе проявить побольше уважения. Ты здесь гость, к тому же незванный, тебе и ответ держать.

На несколько минут повисло молчание, обретшее в темноте почти физическую плотность. Арбель не мог разглядеть лица мага, но ему показалось, что Нэль колеблется.

— Незванный гость? — сказал Нэль, наконец, едва слышно. — Нет, это не так... Впрочем, будь по-твоему. Взгляни сюда.

Он неторопливо достал из сумки черную книгу, раскрыл ее наугад и положил перед собой. Следом извлек и вторую. Незнакомец подошел к нему ближе и чуть наклонился вперед. Плечи у него дрогнули.

— Откуда у тебя... они? — Нэль молчал, и незнакомец продолжал совсем другим голосом — голосом, в котором слышалась почтительная дрожь. — Не отвечай. Если они у тебя, значит, у тебя есть право обладать ими, иначе они не дались бы тебе в руки... Иди за мной, Лионель из Аркары. Ты получишь ответы на свои вопросы, но не от меня.

Так же неторопливо Нэль убрал книги обратно в сумку. Неторопливо встал и взглянул под капюшон незнакомца.

— Я пойду с тобой, хоть и не знаю до сих пор, кто ты такой. Но со мной двое спутников, и я хотел бы знать, вольны ли они уйти отсюда, и найдут ли дорогу до...

— Не торопись, — прервал его незнакомец. — Лучше спроси сначала своих спутников, хотят ли они уйти. Пусть они решают за себя сами.

Эти слова бальзамом пролились на сердце Арьеля.

— Нэль, я пойду с тобой! — торопливо сказал он.

Маг прошипел что-то под нос. Арьелю почудилось, будто он расслышал слово: «Проклятье!..»

— Лучше останься здесь и дождись Китаро, — тут же добавил Нэль громко.
— Вы с ним...

— Не нужно меня ждать, — раздался из темноты голос Китаро. Никто и заметил, когда он появился на поляне. — Я здесь. И я тоже пойду с тобой.

— Что ж, хорошо, — сказал незнакомец. — Только предупреждаю: придется завязать вам глаза.

Арьелю очень не хотелось доверяться незнакомому человеку. Кто знает, куда он заведет их? Может, он что-то дурное задумал? Но Нэль, а следом за ним и Китаро, беспрекословно позволили наложить себе на глаза повязки. Пришлось подчиниться и музыканту.

— Дай мне руку, Лионель из Аркары, — скомандовал незнакомец. — И твои спутники пусть тоже возьмутся за руки.

* * *

Прикосновение плотной ткани к лицу пробудило недавние воспоминания: стертые ступени в аркарском храме Прайоса, ведущие вниз, вниз... В самую бездну. И обратный путь, наверх, но — к смерти...

Нэль отогнал ненужные мысли и сосредоточился на сиеминутном. Он сознавал, что позволил втянуть себя — а главное, своих спутников! — в опасную авантюру. Незнакомец мог быть служителем Безямынного... а мог и не быть. В любом случае доверяться ему было опасно. Но что оставалось делать? Да еще внутренний голос, как назло, молчал...

У себя на плече Нэль чувствовал руку музыканта, и по ее дрожанию понимал, когда Арьель оступался. Случалось это почти на каждом шагу. И что ему во мне? — подумал Нэль с мимолетным сожалением. Зачем он пошел со мной? Для чего боги предназначили его? неужели и его тоже затронуло мое проклятие, и теперь мы намертво связаны? Или же проклятие здесь ни при чем?

Под ногами стелилась лесная трава — и вдруг начался камень. Нэлю захотелось наклониться и дотронуться до плит ладонью, но он не решился. Да и проводник как будто слышал его мысли и крепче сжал ладонь.

— Теперь осторожнее.

Нэль обнаружил под ногой пустоту и понял, что стоит на верхней ступеньке лестницы. И откуда он здесь взялась? Ни он, ни Арьель не видели на поляне ничего подобного. Разве только лестница скрывалась под каменными плитами?

Ступени вели вниз (и снова нахлынули воспоминания). По ногам пахло

земляным холодом, и Нэль передернулся. Он не хотел себе признаваться, но заточение в подвалах храма Прайоса оставило в его душе свой след... Впрочем, сейчас беспокоиться было не о чем. При желании он легко мог сбежать через телепорт хоть на край света... правда, в одиночку. Он не был уверен, что успеет протащить в портал спутников так, чтобы вслед за ними не пролезло что-нибудь нежелательное. Или кто-нибудь нежелательный.

Воздух ощутимо теплел, как будто под землей было налажено отопление. Вскоре стало почти жарко, и на лбу Нэля выступил пот. Он считал про себя ступеньки — число их перевалило уже за вторую сотню. Ступеньки были ровные и гладкие, как будто их положили только вчера. Ни тебе мха, ни стертых краев...

Нэль насчитал двести шестьдесят три ступеньки, когда проводник, державший его за руку, остановился.

— Теперь, Лионель из Аркары, жди. Твоим спутникам оставаться здесь нельзя. Я отведу их туда, где они смогут отдохнуть. Не тревожься, зла им не сделают. Вы еще увидите. Обещаю.

Нэль ощутил на своем плече нервное пожатие пальцев Арьеля, и накрыл его ладонь своей. Сказал как можно спокойнее:

— Идите за ним. Увидимся позже.

Рука музыканта исчезла. Нэль остался один в тишине и темноте.

Подождав немного, он стянул с глаз повязку. Глухая тьма без единого проблеска света и без малейшего шороха обрушилась на него. Нэль вздохнул и начаровал бледно светящийся шарик магического света. И, вздрогнув, отшатнулся назад и уперся лопатками в холодную стену. Вжался в нее и замер под взглядом огромных золотых глаз, которые в упор глядели на него из темноты.

— Не бойтесь, — донесся справа мягкий голос. — Это всего лишь фреска.

Нэль уже понял свою ошибку. Он перевел дыхание и повернулся на голос. Красноватый всплеск факельного пламени выхватил из темноты человеческую фигуру. Это был высокий мужчина с худым аскетичным лицом и глубоко посаженными глазами, в которых плясали огненные отблески. Он приблизился и остановился шагах в десяти. С интересом посмотрел на зависший в воздухе бледный сгусток света.

— Ваших рук дело? Каким же ветром в нашу скромную обитель занесло мага?

В его голосе не звучало угрозы, и Нэль немного успокоился. Не отвечая на вопрос, указал на фреску:

— Кто это?

— Это? — мужчина хмыкнул и поднес факел к самой стене. Проступила часть картины, где был изображен некто в длинном струящемся одеянии темно-синего цвета. Пепельные волосы существа (язык не поворачивался

назвать его человеком) спускались ниже пояса, с треугольного лица смотрели тревожные золотые глаза. Тонкие руки скрещены на груди, на узких губах — загадочная улыбка. Нэль заворожено глядел на рисунок и не мог оторваться.

— А вы не догадываетесь?

Нэль не отвечал.

— Это тот, кто ныне известен как Безымянный.

— Безымянный? — Нэль первый раз в жизни видел изображение бодрствующего Бога Спящего, и был поражен до глубины души. Храмы если и допускали рисовать Безымянного, то исключительно в виде спящего человека со смазанными чертами лица. — Но как же...

— Не всегда же он спал, — пожал плечами мужчина. — Были времена, когда... Впрочем, погодите. Мне передали, что ваше имя — Лионель из Аркары.

— Да.

— Как вы нашли это место?

— Думаю, меня вела рука Безымянного, — после запинки ответил Нэль.

Собеседник пристально взглянул на него.

— Считаете, что Спящий еще может вмешиваться в дела этого мира? Да к тому же вести мага, служителя одного из Двенадцати?

Нэль покачал головой.

— Я уже не служу Гесинде.

— Но вы же пользуетесь милостью Гесинды в плетении чар, — удивился незнакомец. — Как это вас еще не поразило божественным гневом? Впрочем, вы, должно быть, знаете, что говорите. К Безымянному просто так не приходят. Что ж, пойдете за мной, Лионель, маг из Аркары. Поговорим. Кстати, меня зовут Терций. А находитесь вы в храме Безымянного... да вы и сами это знаете, — он покосился на магический светящийся шар. — Погасите свет, не тратьте напрасно силы.

Нэль молча развеял заклинание.

Коридоры в храме Безымянного почему-то не освещались. То есть совсем. Вероятно, здешние храмовники помнили все повороты и проходы наизусть. Коридор был очень узкий, стены подступали с двух сторон вплотную; два человека с трудом могли бы разминуться. И всю площадь стен занимали росписи. Нэль едва успевал схватывать взглядом сцены, мелькающие в свете факела. Повсюду ему попадалась на глаза знакомая уже фигура в синем облачении. Распознать Безымянного было нетрудно по длинным пепельным локонам и нечеловеческим золотым глазам. Его изображали стоя и сидя, в окружении людей, животных, цветов и птиц, на фоне фантастических пейзажей, но непременно — в фас, так что его пристальный взгляд преследовал Нэля. Фигуры, которые окружали его, могли быть богами, хотя

в них не было ничего общего с образами, знакомыми по храмовым росписям. Нэль не видел ни бледного лика — впалые щеки, круги под глазами, черная туча волос, — мрачного Борона; ни цветочного венка на золотых локонах Тса; ни полуобнаженной, непристойно чувственной Рахьи; ни суровой не улыбочивой Гесинды; ни рыжеволосого, хитроглазого Лиса-Фекса... Ему очень хотелось остановиться и рассмотреть росписи подробнее, но Терций и не замедлял шаг. Нэлю оставалось только крутить головой по сторонам, жадно схватывая взглядом мимолетные сцены. Мотивы изображений были ему незнакомы, он не успевал уловить их суть, но они будоражили и тревожили воображение. От обилия неясных впечатлений начинала кружиться голова.

— Кто здесь нарисован? — наконец, не выдержал он.

— Безымянный и те, кого принято называть богами.

— Принято называть?.. Но они совсем не похожи на... Что они все делают?

Терций вдруг остановился и поднес факел к стене, осветив одну из росписей.

— Вот здесь рассказывается, как Эфферд обрел власть над морской стихией и, уверовав в свою силу, бросил вызов Безымянному. Он проиграл бы поединок, но к нему на помощь пришли Прайос и... Да разве вы не знаете этой истории?

— В храмах ее рассказывают иначе...

— Да-да. Будто бы Безымянный позавидовал мощи Эфферда и вызвал его на бой. И потерпел поражение, не выстояв против Повелителя Морей... Что же удивительного, если победители перевернули историю по-своему. Такое происходит повсюду, во все времена. И не только среди богов... Многие в сознании людей искажаются, особенно, когда их мысли направляют... свыше.

— Вы хотите сказать, боги намеренно...

— А вы как думаете? Послушайте, Лионель. Полагаю, вы сомневаетесь в истинности храмовых постулатов, иначе не пришли бы к нам. Зачем же вы задаете вопросы, ответы на которые очевидны?

— Чтобы увериться, что я сделал верные выводы... вот из этого, — Нэль, поколебавшись, вынул из сумки книгу, открыл ее на титульном листе и показал Терцию. Тот с жадностью подался вперед:

— Да, мне сказали, что они у вас... Как они к вам попали?

— Так эта книга — отсюда?

— Пойдемте скорее, — нетерпеливо сказал Терций. — Здесь не подходящее место для разговоров.

Он привел Нэля в келью, живо напомнившую магу его прежнее жилище в храме Гесинды. Серая штукатурка на стенах, низкий сводчатый потолок, простая узкая кровать, стол и стул. На столе лежала книга, название которой Нэль не смог прочесть: ее обложка оказалась «слепой», так же как и оклады двух его книг. Рядом он увидел чернильницу, стопку бумаги и кружку с

водой.

— Садитесь, Лионель. Сюда.

Нэль сел на стул и положил сумку на колени. Ему очень хотелось опереться локтем о стол, но он сдержался и выпрямился. Пока не ясно, что за человек этот Терций, лучше не выказывать перед ним слабости.

Терций сел напротив него, на кровать.

— Если хотите, можем отложить разговор ненадолго, — предложил он. — Вы, наверное, устали. Можете располагаться в этой комнате, поговорим утром.

— Благодарю, но скажите сначала, где мои спутники. Почему им нельзя было пойти со мной?

— Потому что лишние знания им ни к чему. Они пришли за вами, но сознают ли они последствия своего поступка? Культ Безымянного запрещен повсеместно, вас предадут анафеме только за то, что вы побывали в его святилище... А ведь один из ваших спутников почитает, вероятно, Рондру и Борона, как и все люди меча. Другой же... каких бы богов он ни выбрал себе в покровители, едва ли он сомневается в их божественной природе. Оба они, уверен, никогда и не задумывались об этом. В отличие от вас, Лионель. Вас обуревают сомнения, в вас кипят амбиции, вы желаете знать, может ли человек сравняться с богом...

— С чего вы взяли?

— Прочел по вашим глазам, — невозмутимо сказал Терций и продолжил: — Подумайте еще вот о чем. Вы, вероятно, понимаете, что можете никогда отсюда не выйти или же выйти другим человеком. А ваши спутники едва ли захотят оставаться здесь. Зачем же им отягощать свой разум запретным знанием? Пусть посещение храма запомнится им как не слишком приятный сон...

— Так вы не собираетесь их удерживать силой?

— Нет, зачем? Если бы даже они захотели привести в храм наших врагов, у них ничего не вышло бы. Без вас им в другой раз дорогу сюда не отыскать.

— Но Китаро был здесь и раньше, один!

— Возможно, он просто готовил путь для вас, Лионель, — улыбнулся Терций. Нэль помолчал.

— Я хочу увидаться с ними прежде, чем они уйдут.

— Разумеется. А пока я посоветовал бы вам отдохнуть. Нам есть о чем поговорить, но такие разговоры лучше вести на свежую голову.

Не дожидаясь, пока Нэль выразит согласие, Терций поднялся и подошел к двери.

— Оставить вам свет?

— Благодарю, я обойдусь.

— Ах да, — улыбнулся Терций. — Вы же маг. Ну, до утра.

* * *

В тесной комнатухе с трудом помещались две узкие кровати. Арьель уселся на одну из них, подтянув колени к груди, и в сомнении поглядывал на вторую, где ворочался Китаро. Убогое ложе было не приспособлено для столь могучего тела, и грозило вот-вот развалиться. Китаро, видимо, тоже это чувствовал, и потому ворочался очень осторожно.

Арьеля снедала подлая тревога. Во-первых, теперь он уже не сомневался, что Китаро привел их в храм Безымянного, а пребывание в святилище запрещенного бога едва ли сулило что-то доброе. Во-вторых, им не разрешили снять с глаз повязки до тех пор, пока они не пришли в эту самую комнату, и Арьель ни за что сам не нашел бы дорогу обратно, к выходу. В-третьих, ему жутковато было оставаться наедине с Китаро. И, наконец, он страшно беспокоился за Нэля. Где он, и почему им не разрешили остаться с ним?

Молчать было выше сил Арьеля, и хотя Китаро вызывал у него неприязнь, поговорить все равно было больше не с кем.

— Китаро, ты знаешь, где мы?

— Догадываюсь, — бесстрастно ответил южанин.

— Тебя это не тревожит?

— Нет.

— Ты с самого начала знал, куда мы идем?

— Догадывался.

Да, подумал Арьель, много из него не вытянешь.

— А почему ты не отказался? Зачем тебе связываться с... сам знаешь кем? Что тебе сказал Нэль там, в трактире?

— Ты слишком много стрекочешь, — отозвался Китаро. — И задаешь много вопросов, до которых тебе нет дела. Нэль не задает вопросов, о нет. Он знает. Он видел.

— Что видел?

Китаро, наконец, поглядел на него — с неожиданным презрением. И проговорил, едва разжимая губы:

— Он видел бога с золотыми глазами.

Глава 6

Когда Нэль проснулся, в голове было ясно, на душе — легко, хотя накануне он боялся, что вовсе не сможет заснуть из-за сумбура в мыслях. Но все

тревоги вчерашнего дня ушли, казалось, безвозвратно. Не поднимая голову от подушки, он возблагодарил богов за ниспосланный покой... впрочем, нет, не богов. Он и сам не знал толком, кому посылал благодарность.

Разбудило же его тихое постукивание в дверь, а спустя минуту послышался голос:

— Проснулся? Я подожду за дверью; когда будешь готов, провожу тебя в трапезную.

По голосу Нэль узнал вчерашнего проводника, имени которого он до сих пор не слышал. Он сел на постели и ответил:

— Хорошо. Сейчас я выйду.

Книги — его единственное имущество, — лежали в сумке на столе. Рядом он с удивлением увидел маленький таз, кувшин с холодной водой и полотенце. Но еще сильнее он удивился, когда увидел на стуле чистую одежду. Это был простой храмовый балахон из серого сукна, но выглядел он намного приличнее, чем изодранное и изношенное платье Нэля.

Он переоделся, умылся и пригладил волосы. Вышел из кельи, не забыв прихватить сумку с книгами. Коридор тонул в непроглядном мраке. У двери комнаты, с факелом в руках стоял вчерашний знакомец. На вид он казался ненамного старше мага, зато выше на полторы головы. Одет он был в такой же балахон, который надел и Нэль.

— Готов? Ну, пойдём. Терций велел отвести тебя в трапезную, а потом — прямо к нему. Кстати, я вчера так и не назвался, прости уж, Лионель. Меня зовут Карлос.

— А я — Нэль. Лионелем меня не зовут уже... давно.

— Ага. Ты вроде медеец, да? А чего у тебя глаза тогда... — он, не поворачиваясь, покрутил рукой около лица. — В Медее разве так принято?

— Нет, но так принято на юге. Я там жил.

— Поня-атно... — протянул Карлос. Его сегодняшняя развязная манера совсем не вязалась с вчерашним торжественным и почти выпрененным тоном.

— А ты вчера уже говорил с Терцием? Он разрешил тебе остаться?

Да этот парень, подумал Нэль, задает столько вопросов, что даже говорливому Арьелю за ним не угнаться!

— Спроси у самого Терция, — сказал он.

Карлос без всякой обиды хохотнул.

— Хочешь сказать — не лезь не в свое дело? Ладно...

Большая трапезная была ярко освещена факелами. За длинными столами сидели человек сорок храмовников, все в серых, черных или темно-синих балахонах. Нэль даже удивился: он не мог и подумать, что у Безымянного осталось так много служителей.

На Нэля никто не обращал внимания благодаря балахону, делавшему его

неотличимым от остальных храмовников. Зато Арьель и Китаро, которые сидели за отдельным столом у дальней стены, привлекали к себе множество взглядов. Впрочем, всеобщий интерес нисколько не мешал им с аппетитом вкушать скромную утреннюю трапезу. Нэль подошел к ним и молча уселся за стол.

— Нэль! — радостно сказал музыкант. — Ты здесь!

— Конечно, здесь, где же мне еще быть, — ответил маг, провожая взглядом Карлоса, который отошел к другому столу. — Здесь и останусь, пока не разберусь, что к чему.

— Да ты и в балахон их вырядился, — заметил Арьель уже далеко не столь радостно. — Ты что же... теперь с ними?..

— Я сам по себе. Честно говоря, не знаю, на каком я тут положении. Но вроде бы, силой ни меня, ни вас никто удерживать не намеревается. Так что если вы захотите уйти...

— Нэль, ну хватит уже за меня решать, уходить или оставаться! — вспыхнул вдруг музыкант. — Да, я пришел сюда за тобой, но это не значит, что я уйду по первому твоему слову! Тебе не приходило в голову, что я тоже хочу знать? Я ведь тоже видел эти золотые глаза! Они принадлежат не человеку! Нэль! Что ты молчишь?

Нэль только головой тряхнул. Он никак не мог предположить, что горячий, но мягкий и уступчивый Арьель способен вот так взорваться. Китаро смотрел на них по очереди, и странно было наблюдать, как меняется выражение его глаз в зависимости от того, на кого они обращены.

— Прости, друг Арьель, — наконец, проговорил Нэль, пораженный и взглядами Китаро, и вспышкой музыканта. — Конечно, ты должен решать сам. Вы оба должны решать сами.

— Меня бесит моя слепота, — продолжил Арьель уже спокойнее. — Бесит и пугает. Я иду наугад и никак не могу ничего вокруг рассмотреть, понимаешь? А тут еще ты со своими указаниями...

— Понимаю. Тогда повтори то же, что сказал сейчас мне, тому из братьев, кто придет с тобой говорить.

Арьель с подозрением взглянул на него.

— Лучше быть с ними откровенными, — пояснил Нэль. — Ведь мы пришли сюда по своей воле. А они помогут нам понять, зачем мы пришли.

— Откровенными? — Арьель перешел на шепот. — Но ведь они... они... поклоняются Безымянному, разве нет? они приносят своему богу кровавые жертвы и занимаются черным колдовством!

— Какие еще жертвы? Какое еще «черное» колдовство? Где ты наслушался этого бреда? Некромантов ты, скорее, найдешь среди слугителей Борона, да и то — едва ли...

— Что-то ты их очень уж защищаешь...

– Просто не люблю, когда поют с чужих слов, – сказал Нэль. – Может быть, ты не знаешь, но меня когда-то обвиняли в том, что я убиваю младенцев и приготавливаю из них зелья. И это в городе, где меня знал каждый третий... Удивлен? Не слышал никогда такого? Вот то-то же. Так что не говори о том, чего не знаешь.

– Но как же... – начал обескураженный Арьель, но маг быстро прижал палец к губам. К их столу подошел Карлос. В одной руке он держал миску, в другой – кружку. И то, и другое он поставил перед Нэлем.

– Вот, поешь. А я сяду вон там, чтобы не мешать. Скажи, когда будешь готов идти к Терцию.

– А что насчет моих спутников? – спросил Нэль.

– Насчет них мне никаких указаний не давали, – ответил Карлос и добавил с видимым удовольствием. – Спроси об этом у Терция.

– Ладно.

Карлос ушел. Нэль взял ложку, помешал не слишком аппетитное на вид варево в миске.

– И все-таки я хочу, чтобы вы знали: вы вольны уйти, – проговорил он вполголоса, но настойчиво. – Терций пообещал, что не станет вас удерживать, если не начнете задавать вопросы.

– То есть, если начнем, нас отсюда не отпустят? – спросил Арьель. – Так, что ли? Получается, тебе придется остаться здесь навсегда, Нэль?

Нэль осторожно попробовал рыжеватое варево. Оказалось неожиданно вкусно, что-то вроде гороховой похлебки.

– Может быть, они и захотят задержать меня, раз уж я такой любознательный, – задумчиво сказал он. – Только у них ничего не выйдет. Они знают, что я маг, но не знают моей силы, а это важно. Но думаю, у них все-таки хватит ума не удерживать мага против его воли. Кроме того, я собираюсь кое-что рассказать им. И показать. Это должно произвести на них впечатление.

– А что именно?

– Ну, например... – Нэль улыбнулся и кивнул на кружку. – Что там такое?

– Вода, – нетерпеливо ответил Арьель. – Так что же ты хочешь им показать?

– Неважно. Потом объясню. Сейчас мне надо идти.

Нэль быстро, пока Арьель ничего еще не понял, поднялся и ушел к столу, за которым сидел Карлос. Тот недоуменно смотрел в свою кружку, где вместо прозрачной воды плескалась рубиново-алая жидкость. Нэль, сдерживая улыбку, тронул его за плечо. Карлос вскинул на него дикие глаза.

– А?..

– Я готов идти. Терций, наверное, уже ждет.

— А... да... пойдём, — и он поспешно и даже как будто с облегчением поставил кружку на стол, как будто она могла укусить его за пальцы.

Получилось, однако, так, что Нэлю пришлось ждать Терция, а не наоборот. С полчаса он провёл в сумрачной жаркой комнате, обставленной как кабинет, наедине с шариком магического света. Чтобы не терять понапрасну времени, Нэль достал одну из книг и погрузился в чтение.

Терций, появившись, заговорил от самого порога:

— Мне сообщили о происшествии в трапезной. Это ваших рук дело, Лионель?

Нэль поднял голову от книги и спокойно посмотрел на храмовника.

— Разумеется, ваших, — кивнул Терций. — Среди нас давно уже нет магов — пожалуй, с тех самых пор, как гонения на них прекратились, и не нужно стало скрываться от властей. Попрошу больше подобных шуток не проделывать, Лионель, — строго сказал он. — И дело не только в том, что храмовый устав запрещает нам пить вино. Вы... испугали и смутили некоторых братьев.

— Я этого не хотел, — сказал Нэль.

— Верю... Но расскажите, как вы это проделали?

— Обычная трансформационная магия.

— Такая уж обычная? — Терций прошёл в комнату и сел в кресло, вырезанное, кажется, из цельного куска дуба. — Я здесь один из немногих, кто смыслит кое-что в магии — в теории, конечно. Большинство же в жизни не видели ни одного мага, и то, что вы сделали — настоящее чудо для них. Но и я, со всеми своими теоретическими познаниями, обескуражен. Известно, что для манипуляции объектами используются специальные формулы и пассы; говоря по-научному, должна присутствовать вербальная и соматическая компоненты. Вы же обошли без них и даже не прикоснулись к объекту, который изменили. Как вам это удалось? Вы нашли какой-то новый способ использовать магию?

— Не новый. Способ этот давно известен, только никто его не применял. Он... весьма сложен. Мне пришлось много потрудиться, чтобы его освоить. Этот способ не подразумевает ни вербальной, ни соматической компоненты, важен только чистый разум. Требуется предельное сосредоточение... — и Нэль поведал о своих опытах с травами, и о том, как черные книги подсказали ему верное направление исследований, и как в конце концов он научился обходиться без помощи трав и достигать нужного состояния сосредоточения одним лишь усилием воли. Упомянул он и о предполагаемых побочных эффектах эликсиров. Впрочем, у него еще не было возможности проверить, верны ли его предположения.

— Вы и впрямь думаете, что такое возможно? — не на шутку заинтересовался

Терций.

— Теоретически. Если с помощью правильно подобранных трав можно усилить уже проявившиеся магические способности, то почему бы не попробовать пробудить эти способности у человека, который никогда и не прикасался к магии? Я, правда, не уверен, и не могу утверждать наверняка... но почему бы не предположить, что любой человек может использовать магию, только у одних способности к этому проявляются сами, а другим нужен внешний толчок...

— То есть, любой человек может стать магом?

— А любой маг — богом... именно об этом говорят книги.

Терций помолчал, потирая указательным пальцем переносицу.

— Можно мне взглянуть на них, Лионель? Я и не думал, что когда-нибудь буду держать их в руках. Пожалуйста. Клянусь пробуждением Спящего, я верну их вам через несколько минут.

Заслышав о «пробуждении Спящего», Нэль вздрогнул от непонятной тоски. Сердце его вдруг сжала ледяная рука. Он вытащил из сумки книги и отдал их Терцию. Тот взял их нежно, бережно, словно младенцев. Благоговейно пробежал пальцами по окладам, погладил корешки. Открыл наугад и шумно вздохнул.

— Эти книги — из здешней библиотеки? — спросил Нэль.

— Да... Долгое время они хранились здесь. Но уже больше ста лет они считаются потерянными. Книги унес один из братьев, самовольно оставивший храм. Он был магом, как и вы... Он искал способ пробудить Спящего. Уже никто не помнит, почему он не искал помощи у братьев. И никто не знает, что с ним случилось. Нетрудно, однако, догадаться, что его высокий замысел не удался. Безымянный спит, а книги попали к вам в руки... Это о чем-то говорит, не правда ли? Возьмите, — Терций с заметным сожалением вернул книги Нэлю. — Знаете, что мне пришло в голову? Ваша цель, Лионель, казалось бы, не имеет ничего общего с пробуждением Спящего. Но только на первый взгляд. Никакой сон не вечен. Некогда у Безымянного было имя, и когда-нибудь он снова его обретет, очнувшись от сна. Но для этого, возможно, нужен какой-то толчок. Двенадцать никогда не сделают ничего, что могло бы привести к пробуждению Тринадцатого, они слишком хорошо умеют просчитывать последствия своих поступков. Но судьбы смертных отнюдь не в полной их власти... И однажды человек, сравнившись с ними, мог бы бросить им вызов и совершить...

— Нет! — прервал Нэль. — Вы не за того меня приняли. Если есть какое-то пророчество насчет пробуждения Спящего, ко мне оно отношения не имеет...

— Откуда вам это знать? — улыбнулся Терций. — Впрочем, никакого пророчества о том, что однажды придет некто и разбудит Спящего бога, нет. Но и без всяких предсказаний ясно, что однажды сон прервется...

Выслушайте меня, Лионель. Вы уже зашли так далеко, и, конечно, понимаете, что Двенадцать — никакие не боги. Они — люди; вернее, были людьми когда-то, очень давно — так давно, что никто этого уже не помнить. Много тысячелетий назад. Вы идете их дорогой, Лионель. Они были магами необычайной силы. Ваша Илессия Истрийская, на которую едва ли не молятся братья Гесинды, всего лишь бледное подобие тех магов. Не скажу, что они были всемогущи, но все же Двенадцать обладали достаточной силой, чтобы повергнуть настоящего демиурга.

— Вы говорите о Безымянном?

— Да, о нем. Он сотворил наш мир, и это было задолго до того, как пришли Двенадцать.

— Если это случилось в незапамятные времена, откуда вам знать, что именно Безымянный был творцом?

— Так говорят наши предания. Но весьма возможно, что Безымянный тоже занял чье-то место. Только поступил с предшественником более жестко, чем с ним самим поступили Двенадцать.

— Уничтожил физически? — тихо спросил Нэль.

— Именно. А поскольку история циклична, то рано или поздно кто-то должен занять место Двенадцати.

Повисло молчание. Нэль чувствовал, что под пристальным взглядом Терция кровь бросилась ему в лицо.

— Что? — спросил он. — Что вы так на меня смотрите? Хотите, чтобы я бросил вызов Двенадцати и освободил Безымянного? Зачем мне это нужно?

— Зачем? Затем, что вы можете стать новым богом, Лионель... — вкрадчиво сказал Терций. — Вас такая возможность не привлекает?

— Не очень. К тому же я не понимаю, зачем миру новый бог, если вернется старый.

— Возможно, Безымянный вовсе не собирается, проснувшись, возвращаться в этот мир... Лионель, он привел вас сюда — значит, вы ему зачем-то нужны. И вы не сопротивлялись его воле — значит, согласны делать то, что он от вас хочет...

— Но я еще могу уйти.

— Можете... — согласился Терций. — Но как же ваши исследования? Подумайте, мы здесь, в храме, готовы оказать вам помощь и поддержку. У нас, как и у братьев Гесинды, есть библиотека и лаборатория — и они будут в полном вашем распоряжении. Вы можете задавать любые вопросы — и мы вам ответим, если только это будет в наших силах.

Нэль закусил губы. Такой соблазн... Ни один храм Двенадцати не даст ему то, что предлагают служители Безымянного. Но ведь в конечном итоге и они не бескорыстны. Они служат своему богу... и все, что они делают — делают во имя и во славу его.

Они долго молчали, и Нэль слово за словом прокручивал в голове весь разговор. Терций терпеливо ждал.

Наконец, Нэль поднял на него глаза.

— Ответьте, а что ваши братья сделают с человеком, который захочет уничтожить Безымянного?

Терций покачал головой.

— Не отвечу, — с сожалением сказал он. — И не потому, что не хочу, а потому, что просто не знаю. Не было еще человека, который объявил бы, что желает убить бога... Так вы останетесь?

— Да, — помедлив, ответил Нэль.

...Разговор затянулся надолго. По расчетам Нэля, время дневной трапезы уже давно миновало, хотя никто не предложил ему ни еды, ни воды. Видно, так здесь было принято.

Терция очень интересовало прошлое гостя. Он прекрасно понимал, что маг, даже такой молодой, не станет просто так бродить по дорогам, да и поисками запретного знания не увлечется — бдительные старшие братья не допустят, направят его разум в верное русло. Да и Карлос, вероятно, передал ему, что Нэль, представляясь, присовокупил к своему имени прозвище Поджигатель. Поэтому Терций попросил его рассказать о себе все, с самого начала. Нэль не любил вспоминать прошлое, но решил, что отмалчиваться теперь глупо, раз уж сам вылез с прозвищем. Правда, нужные слова подбирались с трудом; он еще никому не рассказывал о себе настолько откровенно. Обычно он только слушал, как другие люди пересказывают

друг другу байки, которые не имели почти ничего общего с настоящей его жизнью. Он старался быть как можно более кратким и точным. Терций слушал его внимательно, но смотрел спокойно — без сочувствия и без осуждения.

— Вам многое пришлось пережить, — заметил он, когда Нэль замолк. — Вы еще так молоды, но повидали многое. А скажите, Лионель, каково было в горящем храме? Что вы чувствовали?

— Страшно было, — ответил Нэль.

— И однако, вы без колебаний встали на костер. Снова пошли в огонь... Вы упрямый человек, и готовы на многое пойти, только чтобы добиться своего... А ваше проклятие, вы от него избавились?

— Нет. Но я учусь с ним жить.

— И, как я понимаю, успешно. Наверное, вам пришлось многому научиться с тех пор, как вы остались без родителей?

— Давайте закончим этот разговор, — попросил Нэль. — Не вижу никакого смысла ворошить прошлое.

— Хорошо, — согласился Терций и поглядел на него с интересом. — В таком случае, не буду вас больше задерживать. Только вот еще... Вы уже виделись со своими друзьями? Они решили что-нибудь?

— Они собираются остаться здесь.

— Хм, это их право. Только хотел бы я знать, для чего им оставаться...

— Я бы тоже хотел, — вздохнул Нэль.

— Ну, надеюсь, со временем мы это узнаем. Безымянный укажет им путь, так же, как указывает вам. А пока вы можете видеться когда вам угодно. И еще. Я прекрасно понимаю, Лионель, что вы можете уйти отсюда, когда захотите — мага нелегко удержать в четырех стенах. Тем более, мага, обладающего вашей силой. Вы можете забрать с собой и своих спутников. Здесь нет никаких охранных чар, которые могли бы задержать того, кто захотел бы уйти — видите, я с вами откровенен. Однако же прошу вас: если пожелаете уйти, предупредите меня. Обещайте мне это, Нэль.

Нэль заколебался. Он предпочел бы, чтобы ничто его не связывало. Как знать, вдруг возникнут особые обстоятельства, и ему нужно будет немедленно — и именно без предупреждения — исчезнуть? Такое уже бывало не раз. Ведь его до сих пор ищут... Конечно, место это тайное, но вдруг маги проникнут и сюда?

— Нет, — тихо, но твердо сказал Нэль. — Я не стану ничего обещать. Возможно, мне придется нарушить слово.

— Хм, по крайней мере, вы честны. Ценю откровенность. Что ж, обойдемся без обещаний... Куда вы собрались, Нэль? Один вы не найдете дорогу. Подождите, я позову Карлоса, он покажет вам храм и расскажет, что к чему.

Итак, сказал себе Терций, оставшись один, — кажется, мы дождались таки человека, который способен бросить вызов Двенадцати и пробудить истинного бога, вернуть в мир древнюю справедливость... Ему подвластны магические силы, он упрям, уверен в себе, а главное — готов отринуть земные страсти ради достижения цели. У мальчика, кажется, не осталось привязанностей — и это хорошо. Значит, ничто ему не мешает. Родителей он лишился слишком давно, чтобы по-прежнему горевать по ним. Девушку, которая была для него названной сестрой, он все равно что убил своими руками. Женщина, которая могла бы стать ему приемной матерью, возненавидела его и прокляла. Его связи с гильдией магов давным-давно порваны, и восстанавливать их он не желает. Что же остается? Да ничего. В скитаниях этот мальчик едва ли приобрел что-то, скорее — растерял последнее, что оставалось в нем человеческого. Страшно подумать, на что способен честолюбивый человек, почти ничем не связанный с миром людей и обуреваемый такими амбициями! От удовольствия Терций даже руки потер.

Впрочем, со счетов не стоит сбрасывать спутников юноши. Терций еще не видел их троих вместе, но хотел бы посмотреть. Южанина и музыканта, несомненно, тянет к молодому магу, иначе они не пришли бы за ним. Что до Лионеля... как знать, может быть, он тоже испытывает к ним теплые чувства. Хотелось бы знать наверняка.

Терций хотел все знать наверняка. Не мог он упустить такой волшебной возможности. Лионель явился как ответ на молитвы многих поколений служителей Безымянного — в этом он после разговора с молодым человеком уверился окончательно.

— Постарайся запомнить все повороты сразу, — предупредил Карлос. — Я не собираюсь все время водить тебя за ручку, у меня и свои дела есть.

Нэль прекрасно понимал, что и впрямь очень важно научиться находить дорогу вслепую, чтобы не заблудиться в залитых темнотой коридорах, но то и дело отвлекался на росписи. То одно, то другое лицо проступало из тьмы, и не смотреть на них Нэль не мог.

Храм был велик, и весь помещался под землей. В нем были жилые помещения (братья жили по двое-трое в маленькой спальне) и помещения хозяйственные, а также общая молельная зала, трапезная, библиотека и несколько небольших лабораторий. Осмотрев их (здесь, к счастью, предусматривалось освещение), Нэль понял, что магией здесь даже не пахнет. Служители Безымянного занимались исключительно исследованиями свойств трав и минералов, то есть почти тем же, чем братья Перайны.

— Вот здесь вы будете жить, все трое, — сказал Карлос, остановившись перед

дверью, которая ничем не отличалась от остальных дверей в жилой части храма. — Так распорядился Терций.

Нэль заглянул внутрь. Комната почти не отличалась от той, в которой он провел ночь. Только вместо одной кровати в крохотную спальню умудрились впихнуть три. Нэль невольно усмехнулся, вспомнив подземную тюрьму в храме Прайоса. Тамошний каменный мешок казался роскошной бальной залой по сравнению с этой аскетической спальней.

День закончился так же, как и начался — в трапезной, за ужином, Нэль встретился с Арьелем и Китаро. На этот раз ему пришлось искать дорогу самому, и он немного поплутал по безлюдным коридорам. Использовать заклинание телепорта ему не хотелось. С утра он уже удивил братьев, и сваливаться на их головы из воздуха было еще, пожалуй... преждевременным. Он решил, что пока не будет обращать на себя внимание.

Перед тем, как войти в трапезную, Нэль развеял сгусток магического света. Так, в сером балахоне, его невозможно было отличить от остальных храмовников. Чтобы стать еще незаметнее, он накинул на голову капюшон.

Уловка удалась — когда он присел за стол напротив товарищей, его не узнал даже Арьель.

— Простите, но мы ждем друга, не могли бы вы... — внешне вежливо, но с плохо скрытым нетерпением заговорил он, и тогда Нэль засмеялся и открыл лицо. — Безымянный тебя побери, Нэль! — вскричал сердито музыкант и тут же осекся. — То есть, я хотел сказать...

— Поосторожнее тут с Безымянным... Не забывай, где находишься, — предупредил Нэль, сразу став серьезным. — У меня хорошие новости. Мы сможем видаться, кроме того, мы будем жить вместе. Но все же прошу вас как следует подумать: что вы будете здесь делать?

— А тебе разве не нужна будет наша помощь? — спросил Арьель, пристально на него глядя.

Нэль вздохнул и опустил взгляд.

— Очень надеюсь, что нет, — сказал он тихо.

Глава 7

Дни летели, как опадающие с веток листья. Арьель сначала считал их, а потом бросил. Понял, что никакого смысла в этом нет: жизнь в храме текла размеренно, от утреннего богослужения к трапезе, через множество однообразных каждодневных дел, к вечернему богослужению и трапезе. На богослужения Арьель не ходил. Когда ему случалось слышать обрывки молитвенных песнопений, его всего передергивало, и он долго еще не мог избавиться от неприятного, холодящего кровь ощущения. У него в голове не

укладывалось, как можно молиться Безымянному.

А вот Нэль богослужения иногда посещал. Чего он от них ожидал, что хотел услышать — боги знают. Арьель как-то спросил, зачем он туда ходит. Нэль посмотрел на него обычным своим задумчивым взглядом и ничего не ответил. Он вообще редко теперь снисходил до ответов. И не потому, что пренебрегал собеседником. Вовсе нет. Просто его мысли гуляли где-то совсем далеко, и он не всегда слышал или понимал вопрос. Арьелю тяжело было видеть отдаление мага, и он старался почаще бывать с ним рядом.

Раз в несколько дней Нэль выходил на поверхность — не только ради того, чтобы утолить тоску по свежему воздуху, солнцу и небу, которая донимала его, как и любого нормального живого человека; но и чтобы поискать какие-то особенные травы. Он спешил заготовить «сырьем» для своих опытов, пока не настала зима. Здесь, в Бергонте, холода приходили позднее, чем в Медее или Наи, и травы стояли такие же высокие и свежие, как в разгар лета.

Арьелю травы были ни к чему, но он бродил вслед за магом по лесу, переходя от одной поляны к другой. В такие часы Нэль как будто светлел, и мыслями возвращался на землю. Арьелю под открытым небом тоже становилось спокойнее и веселее, он даже брался иногда за лютию (о чем в подземном храме не мог и подумать). Тогда Нэль отвлекался от своих трав, присаживался на поваленный ствол или на землю и, улыбаясь, слушал его игру.

Где и как проводил время Китаро, музыкант не знал. Да и ничуть этим не интересовался. Наверное, южанин тоже бродил по лесам, только в одиночестве.

* * *

— Скажи-ка, друг Арьель, а не хотелось бы тебе научиться управлять магическими силами?

Нэль, погрузившись в книги, молчал вот уже два часа подряд, и его вопрос прозвучал так неожиданно, что Арьель даже вздрогнул.

— Да я никогда не думал об этом, — ответил он удивленно. — У меня же нет дара.

— А если бы был? — нетерпеливо спросил Нэль.

Арьель сел на постели, где до того празднично валялся. Растерянно пожал плечами. Вопрос показался ему странным. Марика не раз говорила, что он вечно витает в облаках и мечтает, но при этом он почему-то никогда не мечтал о несбыточном. А магический дар как раз относился к категории несбыточного, к тому же магия оставалась за пределами его понимания, а потому — пугала.

— К чему ты клонишь, Нэль?

— Хочешь мне помочь?

Похоже, маг загорелся какой-то новой идеей. Арьель внимательно взгляделся ему в лицо. Нэль ответил горячим, почти лихорадочным взглядом. От выражения его глаз музыканту стало не по себе, но он ответил храбро:

— Я бы с удовольствием помог тебе, но чем?

— Пойдем! — Нэль вскочил и схватил его за руку. — Пойдем со мной!

Спустя минуту они уже быстро шли по бесконечным запутанным коридорам. Дорогу им освещал магический свет. Арьель до сих пор не разобрался в хитросплетении затопленных тьмой подземных переходов, и поражался, как маг сумел так быстро запомнить планировку храма. Кажется, Нэль смог бы найти дорогу и с закрытыми глазами, а свет начаровал только ради спутника. Впрочем, Арьелью и свет не очень-то помогал. На каждом шагу он спотыкался, и то и дело останавливался, чтобы получше рассмотреть какую-нибудь настенную роспись. Ни в одном храме Арьель не видел такого количества фресок, да еще столь искусно исполненных. Нэль как-то сказал, будто этим росписям много сотен лет, но выглядели они яркими и свежими.

Маг молча и терпеливо ждал, пока Арьель вдоволь налюбуется рисунками, и только тогда продолжал путь. Так было всегда, когда им случалось вдвоем ходить по храму.

Наконец, Арьель решил, что молчание затянулось.

— Куда мы идем? — спросил он.

— В лабораторию, — ответил Нэль.

— Что ты задумал?

— Это ничуть не опасно, уверяю тебя. Я тысячу раз проверил рецепт, и точно знаю, что эликсир не несет угрозы для жизни.

— Ка... кой эликсир?

Нэль остановился и пристально взглянул на него.

— Я дам тебе власть над магией. Хочешь? Хочешь, научу открывать направленные порталы? Тогда ты сможешь в любой момент уйти отсюда и вернуться.

— Да ну тебя, — с опаской отозвался Арьель. — О чем ты вообще говоришь? Кто, кроме Гесинды, может дать человеку власть над магией?

— Я — могу, — усмехнулся Нэль. — А Гесинда как раз — нет. Не веришь?

Арьель переглотнул. Он помнил, каким был Нэль в прошлую зиму, когда они только познакомились. Как он сомневался в каждом своем слове, с оглядкой плел заклинания: не натворит ли каких бед? И как он с тех пор изменился! Он больше не боялся впускать в себя силу. Он верил, что у него получится все без исключения задуманное.

Он заражал своей верой других.

И все-таки Арьелью стало не по себе.

— Я... не знаю... — выдохнул он.

— Если ты мне не веришь, — серьезно сказал Нэль, — то лучше вернись. Ты не сможешь никак помочь, если не будешь доверять.

— Доверять и верить — это разные вещи, Нэль... Я тебе доверяю, но...

— Не вижу никакой разницы между верой и доверием, — упрямо сказал маг. Арьель беспомощно развел руками.

— Ну, тогда... пойдём.

На столах в лаборатории стояло множество свечей — десятки, сотни. Нэль повел по ним взглядом, и все они разом загорелись.

— Ого, — только и сказал Арьель.

Нэль указал ему на кресло — единственное во всем помещении.

— Садись.

Кресло оказалось неожиданно удобным. Арьель попытался расслабиться — опустил руки на подлокотники и откинулся на высокую, особенным образом изогнутую спинку. Но сумрачная, непривычная обстановка держала его в напряжении, вызывала тревогу. Огоньки свечей отражались и дробились в стеклянных поверхностях незнакомых на вид предметов. Нэль взял чашку и налил в нее какую-то приятно пахнущую жидкость. Развел ее водой и протянул Арьелю.

— Выпей. Здесь нет никакой магии, только травы. Это снадобье поможет тебе успокоиться.

Арьель принял у него чашку, пристально глядя в непроницаемые черные глаза. И вдруг ему стало спокойнее, хотя он не отпил еще ни глотка. Взгляд Нэля призывал расслабиться, окутывал разум теплыми волнами, убеждал: «Нечего бояться. Доверься мне». Такому говорящему взгляду сложно было не поверить... и Арьель поверил. В конце концов, Нэль никогда не делал ему никакого зла...

У снадобья был приятный, пряный, незнакомый вкус. Арьель хотел было спросить, из каких трав оно приготовлено, но передумал. Все равно их названия ничего ему не скажут.

— Теперь лучше? — Нэль стоял у низкого столика и, наклонившись, что-то делал. То ли переставлял склянки, то ли смешивал в них что-то, то и дело обращаясь к крошечным, почти ювелирным весам.

Арьель кивнул, хотя маг стоял спиной и не мог этого видеть. Но Нэль каким-то образом угадал его ответ.

— Постарайся несколько минут не двигаться. Закрой глаза и подумай о чем-нибудь хорошем. Ты почувствуешь, как твое тело расслабляется, а мысли текут спокойно и мерно. Не препятствуй им.

Арьель послушно закрыл глаза. По его телу пробежала теплая волна, размягчая и согревая мышцы; мысли заструились веселыми лесными ручьями. Он не смог бы выразить словами, как хорошо и покойно ему стало. Он даже не мог припомнить, испытывал ли он в жизни что-нибудь подобное. Может быть, в далеком-далеком детстве, да и то...

— Эй! Ты еще тут? — услышал он вдруг голос Нэля и открыл глаза. Маг, прищурившись, стоял перед ним с новой наполненной чашкой наготове. — Кажется, тебя унесло слишком далеко. Чудно! Снадобье довольно слабое, я и не ожидал, что оно так на тебя подействует... Впрочем, так даже лучше. Вот, выпей еще это. И помни, бояться не нужно. Сосредоточься на своих внутренних ощущениях. Попробуй запомнить свое теперешнее состояние. Скоро может стать немного... неприятно, но это ничего. Ты только помни, что я рядом, и поддержу тебя, если понадобится.

Нэль говорил мягким, тихим голосом, словно успокаивал испуганного ребенка. Музыканту даже смешно стало на несколько секунд. Подумалось, что первое зелье было очень кстати, иначе он давно трясся бы от нервной дрожи.

— Выпей все до капли и говори вслух обо всем, что почувствуешь, — продолжал Нэль, передавая ему чашку. — Это очень важно. Я не знаю ментальной магии и не смогу услышать тебя, когда будет нужно — если ты будешь молчать. Но, думаю, нужды в моей поддержке не возникнет, все пройдет гладко.

Арьель сделал первый глоток. Интересно, что пережил сам Нэль, когда еще только подбирал состав снадобья? Наверняка он испытывал новые рецепты на себе. Он сказал, что теперь точно уверен в безопасности эликсира. Значит, раньше уверен не был? И все равно выпивал его, рискуя жизнью? Каким же надо быть безумцем... невероятно удачливым безумцем. Ему повезло, что он еще не убил себя.

Накатила новая волна, шире и горячее первой, омыла Арьеля изнутри, унесла все лишнее, всю грязь посторонних мыслей. В голове стало звонко и ясно, словно все пространство под черепным сводом заполнилось чистейшим хрусталем. Арьель откинулся на спинку кресла, неотрывно глядя широко раскрытыми глазами на мага.

— Говори, — велел тот нетерпеливо.

Арьель открыл рот... и понял, что бессилён передать словами свои ощущения. Нужные слова просто не приходили на ум! А ведь он годами осваивал искусство передавать свои и чужие мысли и чувства через звучные ритмичные строки.

— Жарко... и звонко... как расплавленное стекло... цветное... — он понимал, что бормочет бессвязно, в лепетании младенца больше смысла, чем в его словах. Но что было делать? Ощущения и образы сменяли друг друга так быстро, что он не успевал их не то что озвучить — осознать. — Стеклодув выдувает...

В груди набухал, переливаясь миллионном красок, шар яркого стекла. Стенки его истончились — вот-вот лопнет! Разлетится осколками, тонкими стеклянными иглами, острыми и злыми, вопьется в живую плоть, изрежет до крови...

— Спокойнее! — холодные тонкие пальцы Нэля сжали его руку. — Дыши глубже. Стелянный шар, который ты видишь — это магическая сила. Она нашла тебя, хочет через твое сознание выйти в наш мир. Не выпускай ее. Попридержи. Представь, что внутри тебя запертая дверь, и приоткрой ее немного. Совсем чуть-чуть. На крохотную щелочку...

— Не... удержу... — выдохнул Арьель. С ужасом он вспомнил, что не знает ни одной формулы, ни одного жеста. Неужели Нэль об этом не подумал? Что бывает с необученным человеком, через которого идет поток магии? Впрочем, ведуны как-то обходятся без формул... или нет? Знает ли Марика формулы? Все смешалось в бедной голове Арьеля, где тягуче и неумолимо нарастал болезненный звон. От него закладывало уши и ломило затылок.

— Нэль, я не удержу!

— Удержишь! — по-прежнему очень спокойно сказал Нэль. — Я сейчас помогу. Посмотри сюда. Видишь свечу? Направь поток на нее. Сосредоточься. Зажги ее. И не бойся, я тебя экранирую.

Легко сказать «зажги»! но как это сделать? Арьель не знал, как можно заставить свечу гореть. Но он послушно сосредоточил на ней все внимание. Представил, как вспыхивает крошечный огонек на самом кончике фитиля, как стремительно разгорается, как гордо вытягивается к потолку яркий горячий язычок...

Его потрянуло в кресле от мгновенной пронзительной боли. Он закусил губы и только краем сознания уловил, что на месте, где секунду назад стояла свеча, разрастается и сразу же скукоживается ослепительный огненный шар. Миг — и нет ни свечи, ни шара. Только почерневшая от жара поверхность стола...

Голове сразу стало легче.

Арьель перевел дыхание и взглянул на мага. Тот стоял и улыбался, стирая что-то ладонью с лица. Арьель пригляделся и увидел стекающие из носа тонкие струйки крови. Он машинально провел пальцами по своему лицу — ничего.

— Нэль, что с тобой?

— Ничего страшного, — Нэль отвернулся, какой-то тряпицей стер кровь с ладони. Кровь из носа продолжала течь, и он прижал тряпицу к лицу. — Ты можешь стать очень сильным магом, знаешь ли.

— Так это я тебя?.. — обмер Арьель.

— А кто ж еще, — с непонятым удовольствием отозвался Нэль. Из-за прижатой к лицу тряпки он говорил слегка невнятно. — Точнее, это

срикошетил мой экран. Видел, что стало со свечой? А ведь мог бы и весь стол разнести... а то и всю комнату. Но ты не тревожься, со временем научишься управляться и с этим.

— А если я не хочу... учиться? — Арьель выбрался из кресла и, пошатываясь, прошел несколько шагов. Ноги отказывались его держать, и он, чтобы не упасть, оперся о стол и вперил взгляд в черное обугленное пятно на столешнице. — Скажи, Нэль, — выговорил он медленно, — а ты тоже чувствуешь себя после заклинаний... вот так?

— Со временем ты перестанешь замечать боль, — ответил маг. — Ты к ней привыкнешь.

— А я не хочу привыкать! — почти выкрикнул Арьель. — К этому — не хочу. Нэль немного помолчал, внимательно рассматривая отнятую от лица тряпицу.

— Это твой выбор, — сказал он тихо и мягко. — У других он тоже будет.

— У других? — музыкант поднял голову. — У каких это «других»? кому еще ты собираешься дать власть над магией?

— Каждому, кто пожелает.

— Ты с ума сошел! Ты подумал, чем может обернуться магия в руках случайного человека? Достоин ли будет человек этого дара?

— А я — достоин? А мои бывшие братья? Они — достойны?

— У вас не было выбора! Вам дар магии был послан свыше — не знаю уж, кем, — и вам ничего не оставалось, кроме как принять дар и учиться использовать его так, чтобы не наделать вреда. Люди же... Оглянись, Нэль, взгляни, кому ты хочешь вручить магию! Люди, в подавляющем большинстве своем — глупые, жестокие, жадные животные. Сравнявшись с богами, как ты думаешь, что они станут делать? Искать новые знания? Да ничего подобного! Они будут стараться хапнуть как можно больше, вытянуть из магии все, что только возможно, и, в конце концов, растащат мир на куски! Развалят его, уничтожат...

— Мир крепче, чем ты думаешь, друг Арьель. Его не разрушить так просто.

— Да, — резко сказал музыкант. — Если за дело берется один человек. А если — толпа?

Нэль ответил не сразу. Тщательно отер с лица подсохшую уже кровь, небрежно швырнул тряпку в угол. Потом вернулся к своему маленькому столику, взялся что-то переставлять на нем. Наверное, наводил порядок.

— Почему ты так плохо думаешь о людях, друг Арьель? — спросил он, не оборачиваясь.

— А с чего о них хорошо думать? Ты много добра от них видел?

— А они — от меня?

— Вот так-так! — удивленно сказал Арьель. — Уж не хочешь ли ты сказать,

что собираешься облагодетельствовать человечество?

— А если и так?

— Ох, Нэль, не затевался бы ты с этим... Никто не оценит. Да и как бы снова беды не случилось.

— Так значит, ты отказываешься? — напряженным голосом спросил Нэль. — Подумай хорошенько, Арьель. Я предлагаю тебе новую жизнь. Больше, чем жизнь!

Хороша же жизнь, чуть было не брякнул Арьель. Кто, глядя на тебя, захочет подобной жизни? Воистину, только такой же безумец.

— Лучше я пойду, — сказал он.

Нэль на секунду замер — по-видимому, пытался осознать, что кто-то может отказаться от его щедрого дара. Но он быстро справился с собой и сказал:

— Хорошо. Только ты один заплутаешь. Я сейчас не могу тебя проводить, прости... Открою для тебя портал.

Не успел его голос замолкнуть, как рядом с Арьелем бледно засветился прямоугольник портала — по ту сторону прохода смутно угадывались очертания спальни. Музыкант настороженно от него отодвинулся, решительно потянул на себя дверь и ступил во тьму коридора.

Впрочем, продемонстрировать свое отношение к магии было легко, но как найти обратную дорогу? Чтобы совсем не потеряться в темноте, Арьель правой рукой придерживался за стену — так и брел наугад по коридору. В конце концов, куда-нибудь он да выйдет, есть же у храмовых переходов конец. Арьель надеялся встретить кого-нибудь из братьев, кто согласился бы проводить его.

Темнота пугала, хотя он точно знал, что никакие чудовища в ней не прячутся. И когда сзади забрезжил неяркий огонек, Арьель обрадовался ему, как божественному явлению. Но спустя минуту он понял, что это не факельный огонь. Магический.

Нэль шел за ним следом.

Закусив губы, музыкант ускорил шаг. Но Нэль без труда нагнал его и схватил за плечо.

— Постой! Вот уж не думал, что ты можешь быть таким упрямым. Арьель! Да погоди же.

Арьель обернулся и хмуро посмотрел на него.

— Прости, — сказал Нэль. — Нужно было сначала предупредить, как это будет, но я слишком увлекся и забыл, что ты не привык... так, как я. Ты не понимал, что тебе придется испытать, и согласился, не осознавая всех последствий.

— Зато теперь я отказался, прекрасно их осознавая.

— И все-таки подумай...

— Даже и думать не хочу. Зачем ты настаиваешь?

Нэль помолчал, потом сказал:

— Ты идешь не в ту сторону...

Всю дорогу мысли Арьеля, как ни старался он думать о чем-нибудь другом, неизменно крутились вокруг его первой попытки сплести заклинание. Он был очень сердит на мага, но в конце концов не выдержал, заговорил первым.

— Нэль?

— Да? — с готовностью отозвался маг.

— А ты просил Китаро помочь тебе?

— Нет.

— А почему?

— Я был уверен, что с тобой все получится. А с Китаро пришлось бы повозиться... Он более закрытый человек. К тому же, я сомневался, что он вообще согласится.

— А во мне, значит, не сомневался...

— Нет, — серьезно сказал Нэль. — Тебя я, согласись, знаю дольше и лучше, чем Китаро. Кроме того, он — личность особого склада. В нем сильны инстинкты. Не знаю, может, это и к лучшему, но только я боялся, что у него может случиться слишком мощный прорыв с непредсказуемыми последствиями. Ты, как это ни странно звучит, контролируешь себя много лучше. Да и, в конце концов, тебя было проще найти. Когда ты в последний раз видел Китаро, а?

Арьель честно попытался вспомнить. Кажется, на днях южанин мелькал перед глазами... Ага, вот именно — кажется. Когда именно? Этого уже музыкант сказать не мог. Поэтому вместо ответа он только пожал плечами.

— Вот именно, — кивнул Нэль. — Я чувствую шкурой, что он где-то рядом, но почти никогда его не вижу. Раздражает страшно...

Об эксперименте Арьель ничего никому не сказал. Рассудил, что если Нэлю нужно, сам расскажет. Кроме того, в храме не было никого, с кем музыканту хотелось бы поделиться. Не перед Китаро же изливаться...

Дни потекли, как прежде, с той лишь разницей, что Нэль совсем уж пропал в своей лаборатории, даже в трапезной не каждый раз появлялся. То ли он занимался усовершенствованием своего снабдьа, то ли проводил опыты на более сговорчивом добровольце... Арьель не хотел дознаваться и ни о чем не спрашивал мага в те редкие минуты, когда его видел.

Он старался найти себе какое-нибудь занятие, чтобы не валяться целыми

днями кверху пузом в постели. Но никакого дела для него в подземном храме не было. Он умел петь и играть на лютне, но выступать перед сумрачными служителями Безымянного казалось диким. Ни в каких увеселениях они не нуждались. Оставалось только шататься по коридорам, разглядывать фрески на стенах и проникаться божественностью Бога Спящего. Сходиться с храмовниками Безымянного Арьель не хотел (говоря откровенно, он их просто-напросто боялся). День ото дня накатывала апатия, все сильнее клонило в сон, мысли становились ленивыми. У него было слишком много свободного времени, и он много думал, но все об одном и том же. Из головы никак не шел последний разговор с Нэлем. Музыкант прокручивал его и так, и этак, и начинал уже жалеть, что отказался продолжать опыты. Нэль все равно продолжит работу, с ним или без него, а в стороне оставаться... не хотелось. Ну не мог он оставаться равнодушным к судьбе и делам мага. Не мог, и все тут. Как не мог бы безразлично отвернуться от родного брата.

К тому же, участвуя в опытах Нэля, он нашел бы спасение от скуки. Он все яснее прекрасно понимал, что если ничего не изменится, в скором времени он превратится в одушевленное растение.

Как назло, стоило только Арьелю принять решение, которым ему теперь не терпелось поделиться, маг начал как будто прятаться от него. Два дня Нэль вовсе не появлялся ни в спальне, ни в трапезной. Неужели он вовсе ни ест, ни спит? недоумевал Арьель. Или все делает в своей лаборатории?

Зато объявился Китаро. Арьель тут же пристал к нему: не видел ли он где-нибудь мага?

— Нет, — мотнул своей черной гривой южанин. — А что?

— Два дня его нету. Не случилось ли чего...

— Не случилось, — отрезал Китаро. — Я бы почувял.

— Как это — почувял?.. — озадачился Арьель.

Но южанин, как и почти всегда, не снизошел до объяснений.

На третий день, наконец, пришел Нэль. Бесшумно, как призрак, он возник на пороге комнатки. Да и лицом он больше походил на призрака, чем на человека — такой был бледный и осунувшийся. Он молча подошел к своей кровати и упал на нее ничком.

— Э-э-э... — Арьель не сразу нашелся, что сказать. — Нэль, с тобой все хорошо?

— Да... — он уткнул нос в тощую подушку, и его голос звучал глухо. — Просто устал...

Несколько секунд Арьель колебался, стоит ли заговаривать о том, что так его волнует, или лучше погодить немного. Видно же, что человек полумертв от усталости. Но слишком уж силен зуд был нетерпения, и эгоизм взял верх над

человеколюбием.

— Я тут подумал... — начал Арьель.

— Да? — маг повернул голову, не отрывая ее от подушки, и взглянул на собеседника.

— Пожалуй, я погорячился немного с отказом...

— Серьезно? — Нэль улыбнулся (а веки его уже сонно смыкались). — Вот и хорошо. Тогда мы продолжим, друг Арьель... как только я...

Он уже спал.

Глава 8

— Самайн скоро. А снега все нет. Странно, да?

Вопрос был риторическим, и ответа на него Арьель не ждал. Он и заговорил-то потому лишь, что не мог уже больше молчать. Тишина грозила продавить своей тяжестью виски: с самого утра Нэль не сказал ни слова.

Арьель сидел за столом, а перед ним лежала книга, которую маг вручил ему с наказом прочесть. Но вместо того, чтобы читать, он сложил руки и опустил на них голову. Сегодня его тошнило от магии. С утра он поднимался на поверхность, и вид черных, голых стволов и пожухлой травы навел на него тоску. В Медее, наверное, уже первый снег припорошил землю, скрасил унылый осенний пейзаж...

— Не отлынивай, — сказал Нэль, не поднимая головы от своих трав. — Так ты никогда ничего не добьешься.

— Когда выпадет снег, — продолжил Арьель задумчиво, — мы окажемся запертыми здесь до самой весны. Весь лес занесет сугробами по уши...

— Не болтай чепухи, — незлобиво сказал Нэль. — На что, по-твоему, нужны порталы? Лично я весны дожидаться не собираюсь.

— Да? ты что-то задумал? — Арьель заинтересованно поднял голову. — Хочешь уйти отсюда?

— Не век же здесь сидеть... Нужно двигаться дальше, — Нэль потянулся и встряхнул головой. Черные волосы, отросшие с прошлой зимы, рассыпались по спине. — Но ты здесь один не останешься. Отправлю тебя к Марике, будешь ждать меня там. Вместе с Китаро. Если только он не пожелает продолжить свой путь.

— Как это — к Марике? — встревожился Арьель. — Почему не с тобой?

— Потому что мне нужны свободные руки, — ответил Нэль, и музыканта покорило от его прямоты. — В том, что я намерен предпринять, помочь ты не сможешь.

— А вдруг смогу? Ты ведь даже не говоришь, что задумал.

— Не хочу сглазить. Думаешь, суеверие? Может быть. Но очень важно, чтобы

моя задумка удалась. Правда, очень важно.

В тот же день Нэль переговорил с Китаро. В подробности этой беседы Арьеля не посвятили, но в общих чертах он узнал следующее. Южанин наотрез отказался встречаться с Марикой, и, тем более, жить в ее доме. Но и в спутники к Нэлю он напрашиваться не стал. Он согласился ждать мага в каком-то городе неподалеку от того места, куда собирался отправиться Нэль. Что это за место и зачем Китаро еще мог бы понадобиться Нэлю, осталось тайной.

Китаро покинул храм за три дня до Самайна, и Арьель немного повеселел. В отсутствие южанина ему как будто легче стало дышать.

— Ты готов уходить? — спросил у него Нэль, закрыв портал за южанином.

Арьель кивнул. Вся его немногочисленная поклажа уже неделю назад была уложена в сумку.

— Тогда отправишься завтра. Я открою телепорт на поляну рядом с домом Марики.

— А почему не прямо в дом?

— Тесновато, — пояснил Нэль, — как бы не случилось накладок.

— А что сказать Марике? Когда тебя ждать?

— Дня через два.

— А если ты не появишься?

— Такого не может быть, — отрезал Нэль.

Арьель впервые путешествовал через телепорт. Он пытался представить себе, как это: шаг — и ты еще здесь, второй — и ты уносишься за сотни лиг. Такое просто в голове не укладывалось. Он стоял перед бледно светящимся, подернутым рябью прямоугольником входа и зачарованно разглядывал размытые очертания деревьев по ту сторону.

— Ну, до встречи, — Нэль протянул ему руку. — Кланяйся от меня Марике. Впрочем... нет, не надо. Сам поклонюсь через пару дней. И довольно медлить, Арьель. Ни к чему долго держать проход открытым.

Арьель порывисто сжал холодные пальцы мага и с храбростью смертника ринулся в портал, стараясь не зажмуривать глаза. Он ожидал каких-то особенных ощущений, но не почувствовал почти ничего. Только в лицо ударил короткий порыв холодного ветра. И вот уже вместо полутемной келейки перед ним поляна в угрюмом октябрьском лесу. Голые черные деревья, тонкий снежный покров на черной земле. Арьель поискал взглядом избушку — оставалось у него подозрение, что Нэль ошибся местом, — и вдруг обнаружил, что падает с высоты примерно в полтора фута. Он свалился на мягкую, чуть подмороженную землю, и тут же вскочил, ошарашенный падением. Вот так Нэль, удружил, называется.

Потирая ушибленные коленки, Арьель встал и огляделся. Избушка стояла

на своем месте, со всех сторон к ней подступал черный, молчаливый и скукоженный лес. Арьель подошел к двери на пороге замялся ненадолго: постучать или нет? Решил все-таки постучать. Марика открыла дверь в ту же секунду, как будто нарочно его подкарауливала.

— Заходи, гость нежданный, — сказала она, как обычно, нелюбезно. — Надо же, и года не прошло, как явился. Да еще под самый Самайн. Тоже мне, подарочек.

— Так получилось, — Арьель развел руками.

— Ага, получилось. А чего ж ты один в этот раз? Где Нэль? Разбежались, наконец, ваши дорожки?

— Он через пару дней обещался быть.

— Жив еще, стало быть, — заключила Марика. — Не угробил себя. Ну что ж, и то — хлеб. А ты где пропадал? Расскажешь аль нет?

— Расскажу, — Арьель бочком, бочком протиснулся мимо ведуньи в комнату. Бросил на сундук сумку, рядом положил лютню в чехле. — А есть у тебя что-нибудь горяченькое? Все потроха себе отморозил, клянусь Рахьей.

— Ну так иди к огню.

Арьель присел у очага, протянул к пламени руки. С наслаждением пошевелил пальцами. В последние недели помещения в подземном храме Безымянного почему-то начали быстро выстывать, и дошло до того, что по ночам Арьель просто цепенел от холода.

— Тепло у тебя, хорошо... — размякшим голосом проговорил он.

— Тепло... — проворчала Марика, помешивая что-то в котле. — От двери сквозит, все тепло враз выдует. Чего дверь за собой не прикрыл сразу, трудно, что ль?

Арьель покосился в сторону двери, потом быстро глянул на Марику. Убедившись, что она не смотрит в его сторону, он протянул к двери руку с особым образом сложенными пальцами и скороговоркой бормотнул несколько слов. Дверь, помедлив, мягко затворилась. На лбу музыканту выступил пот, он часто задышал. Заклинание было простейшее, Арьель выучил его одним из первых, но магия давалась ему тяжело, он никак не мог привыкнуть к боли.

Марика вздрогнула и распрямилась. С недоверием взглянула на музыканта.

— Это еще что такое? Арьель? С каких это пор...

— С недавних. Я тебе как-нибудь все расскажу, ладно? Только попозже. Сперва отогреюсь, а то язык к зубам примерз.

— Кто тебя научил? — Марика ничуть не смягчилась.

— Нэль, кто же еще...

Кажется, ведунья испугалась не на шутку. Оставив варево в котле, она села рядом с Арьелем и заглянула ему в глаза.

— Ой, не нравится мне это! У тебя же никогда не было дара. Как можно научить такому? Кому это под силу, кроме Гесинды?

— Как видишь, кое-кому под силу.

— Ох и доиграетесь вы до беды, — мрачно проговорила Марика.

— Знаю, — вздохнул Арьель. — И я то же самое ему говорил. Да разве его убедишь? Он так изменился, если бы ты только видела...

— Вот и посмотрю, коли вправду явится.

* * *

Новый год благородный тан Альбрехт Аль старался по возможности встречать дома, хотя получалось не всегда. На этот Самайн, впрочем, никаких срочных дел вроде бы не намечалось.

К сожалению, главное дело в уходящем году так и осталось незаконченным. Маг, на поиски которого тан потратил уйму времени и золота, словно в воду канул. Иногда у тана мелькали даже мысли: а вдруг и впрямь канул? Если человек жив, должны же к нему вести хоть какие-то ниточки. Не такая же вот... пустота. С того дня, когда Нэль ускользнул из-под самого носа в Рябинниках, поиски его не дали ничего. То есть вообще — ничего. Может, и в живых его уже не было? Может, уже и кости его растащили дикие звери? Тану не хотелось так думать, но мысли сами лезли в голову...

По обыкновению, в вечер Самайна вся семья тана — два сына и дочь (супруга его почилла пять лет назад), — собралась в самой нарядной гостиной. Не за столом — отужинать успели ранее, — а для беседы. Тан любил поговорить со своими детьми, не делая исключения и для дочери Элейны, внешность которой могла кого угодно ввести в заблуждение. Девушка была так хороша, что любой, кто видел ее впервые, сразу решал, будто ни к чему, кроме как быть украшением общества, Элейна непригодна — разве могут в такой очаровательной златокудрой головке завестись мало-мальски серьезные мысли? И это была ошибка. С Элейной стоило поговорить, и случалось, что своими серьезными и вдумчивыми высказываниями она удивляла даже отца.

Потому он и не спешил выдавать ее замуж, не желая расставаться со своим сокровищем. К тому же, семнадцатилетняя Элейна несла на своих плечах нелегкое бремя хозяйки дома.

Вечер выдался спокойным — ни бури, ни метели наподобие той, что разыгралась в прошлый Самайн. Тан ощущал удивительное умиротворение, и дети его тоже притихли. Даже шаловливый и непоседливый Эрред приумолк, прилипнув носом к окну.

— Элейна, почитай нам, — просил тан. — Что-нибудь, что пристало бы к нынешнему вечеру.

Элейна поднялась и неспешно подошла к стойке с книгами. Пробежала по корешкам взглядом и вынула с полки увесистый фолиант с бронзовыми застежками. Это был сборник волшебных и таинственных историй сочинения мэтра Эмиля Касотского. Тан одобрительно кивнул: хороший выбор.

Элейна раскрыла книгу и начала читать. Братья придвинулись к ней ближе. Они очень любили свою сестру, и тан не уставал этому радоваться. Приятно знать, что твои дети живут между собой в согласии, и после твоей смерти будут поддерживать друг друга.

Нежный голосок Элейны журчал слаще, чем лесной ручей. Он повествовал о событиях древних и чудесных. Тан заслушался, и чем глубже он погружался в волшебный мир сказок, тем дальше отступали сиюминутные заботы.

— Господин тан! — послышался от двери робкий голос. Тан и не заметил, как в комнате появился слуга.

— Элейна, остановись на минутку, — сказал он и, выпрямившись в кресле, повернулся к дверям. — Что случилось?

— Господин тан, вас желает видеть какой-то человек, — запинаясь, проговорил слуга. Вид у него был виноватый. — Он ужасно настойчивый. Я не хотел его впускать, но он пригрозил, что сам войдет, без позволения.

Тан нахмурился.

— Что за человек?

— Не знаю, господин тан. Кто таков, не говорит, а с виду похож на нищего бродягу... Прикажете гнать от дверей, господин тан?

Тан задумался. Странный бродяга. Было бы понятно, если б он попросился переночевать — такое нередко случалось в Самайн, никто не хотел оставаться под открытым небом. Тогда тан распорядился бы провести бродягу на кухню, накормить и устроить спать со слугами. Но этот гость требовал личной встречи с хозяином замка...

— Может, это менестрель? — предположил тан.

— Не-е-е, — с сомнением протянул слуга. — Не похож.

— Ну, в любом случае, веди его сюда.

Слуга удивился, но промолчал. Поклонившись, он вышел. Эрред, Кай и Элейна смотрели на отца с одинаковым выражением недоумения на лицах.

— Отец, разумно ли... — начала было Элейна.

— Посмотрим, что ему нужно, — перебил тан. — Не со злом же он пришел.

Слуга быстро вернулся и привел гостя. Это был молодой мужчина, небольшого роста и худощавый. На нем был грубый храмовый балахон из серой материи. Его черные чуть волнистые волосы спутанными прядями падали на спину и плечи. С бледного узкого лица смотрели черные, глубоко сидящие, сумасшедшие глаза, подведенные по нижнему веку

углем. Мужчина остановился на пороге и, вместо того чтобы поклониться, внимательно осмотрел всех находившихся в комнате.

— Нэль... — тан медленно поднимался из кресла, пытаясь поверить своим глазам.

— Мир вам, благородная дама, и вам, благородные господа, — ответил маг и поклонился, прижав ладонь к сердцу. — Пусть Тса благословит этот дом.

— Нэль, вы откуда взялись? — тан кое-как справился с удивлением. Он быстро подошел к гостю и схватил его за локоть — может быть, слишком крепко и не слишком вежливо. Но к бесам вежливость! Он не намерен был упустить мага на этот раз.

Нэль мимолетно улыбнулся.

— Из телепорта. Прошу прощения, кажется, я не вовремя...

— Ни к чему разыгрывать угрызения совести, Нэль. Уверен, ничего подобного вы не испытываете. Даже готов спорить, что вы специально выбрали время... Ведь вам что-то нужно от меня, так?

— Вам от меня тоже.

— Да, и мне тоже. Хм... Нам нужно многое обсудить. Но сперва позвольте представить вам мою дочь Элейну. Элейна, это мэтр Лионель из Аркары. Маг.

Тан и сам не знал, зачем ему понадобилось знакомить Нэля и Элейну. Как будто что-то его подтолкнуло... Молодые люди, очевидно, не заинтересовали друг друга. Нэль поклонился молча и почтительно, не поднимая глаз. Элейна ответила сдержанным и равнодушным кивком: что ей за дело до какого-то оборванца?

— Элейна, мальчики, мы вас оставим. Пойдемте, Нэль, поговорим.

Сопровождая гостя в кабинет, тан то и дело косил на него глазами. С лета Нэль, кажется, похудел и стал выглядеть старше, а может, дело было в бородке, которую он отпустил.

— Я не отниму у вас много времени, господин тан, — сказал Нэль.

— Глупости. Вы же знаете, я всегда рад... побеседовать с вами. Между прочим, я вас искал.

— Знаю. И почти нашли.

— Не почти, а нашел-таки, но вы опять ускользнули... Почему вы не ответили на мое письмо? Неужели так трудно было написать хотя бы пару слов?

— Потому, господин тан, что на тот момент мне ни к чему было постороннее вмешательство.

Вот так. Вмешательство, значит, ему ни к чему было. А теперь, интересно, он зачем пришел? Тан понял вдруг, что изменилось в Нэле: в интонациях голоса, в выражении глаз появилась властность, которой раньше не было.

Теперь Нэль чувствовал себя в праве распоряжаться другими людьми.

Тан отпер дверь кабинета и пропустил гостя внутрь. Нэль первым делом устремился к книжным шкафам, запрокинул голову, разглядывая корешки.

— У вас отличная библиотека, господин тан. Любой храм может вам позавидовать.

— Они завидуют, — тан поставил трехрогий подсвечник на стол. — Может, вы расскажете, где пропадали столько времени?

— Может быть, позже. Сначала поговорим о деле.

— Хорошо, — скрепя сердце, согласился тан. Он начал понимать, что этот новый Нэль ему не очень-то нравится. — Давайте о деле. Чего вы хотите?

Нэль повернулся к нему и пристально взглянул в лицо.

— Устройте мне встречу с магами, господин тан. Вы ведь не разорвали с ними отношения?

— Нет, но... Вы разве от них не скрываетесь? — в замешательстве спросил тан.

— Скрываться больше ни к чему. Они ничего не могут со мной сделать, — с мрачным высокомерием проговорил Нэль. — На их месте я не рисковал бы со мной схлестываться... Кроме того, я хочу встретиться не с кем-нибудь, а с вполне определенными людьми. Я скажу, кто они.

— Зачем вам это нужно?

— Простите, я бы предпочел не давать сейчас никаких объяснений.

Тан молча смотрел на него. Нэль ставил условия, даже не интересуясь, согласен ли с ними собеседник. И где он набрался этого высокомерия, этой невероятной уверенности в себе? Где он провел последние два месяца? Когда он успел превратиться из юноши, который пытался как-то распутать клубок своей не слишком удачной жизни, в мужчину, который точно знает, чего хочет, и напрямую идет к цели?

— Почему вы сами не можете условиться с ними о встрече?

— Потому что не знаю наверное, где они, — ответил Нэль. — Пришлось бы их разыскивать, и в этом случае я привлек бы к себе лишнее внимание. А это мне пока ни к чему. А вы можете с ними встретиться, не возбуждая ничьих подозрений.

— Кто они? Как их зовут?

Нэль назвал имена троих магов — тану было знакомо только одно.

— Почему именно они?

— Потому что они относятся ко мне лучше, чем остальные, — ответил Нэль.

— Во всяком случае, я на это надеюсь. Кроме того, они имеют некоторый вес в гильдии.

— Понятно. Я разыщу их и попрошу встретиться с вами. Но мне трудно

сказать, сколько времени займут поиски. Может быть, вы согласитесь пока погостить у меня? — в глубине души тан надеялся, что Нэль примет приглашение — и тогда появится возможность вытянуть хоть какие-нибудь сведения об его делах и планах.

Но Нэль покачал головой.

— Нет. Благодарю за приглашение, но я не хотел бы утомлять вас своим обществом.

— Но Самайн...

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Нэль. — Я найду, где укрыться от непогоды и куролесащих бесов. Я рискую только тем, что меня самого примут за нечестивого духа.

— Это недалеко от истины, — вырвалось у тана. — Простите...

Нэль засмеялся.

— Ничего. Вы правы, пожалуй.

— Но вы хотя бы не откажетесь выпить стакан вина? Я не могу отпустить вас просто так.

— Благодарю, не откажусь. Стакан вина будет не лишним даже для такого нечестивого духа, как я.

* * *

Время было полночь, погода испортилась, и в окно стучал снег. Семейство Алей расходилось по своим спальням. Элейна задержалась в гостиной, чтобы расставить по местам книги и безделушки, и погасить свечи. Тан, перед тем как уйти в спальню, подошел к ней, чтобы по обыкновению поцеловать на ночь в лоб.

— Отец, кто этот человек? — спросила она вдруг вместо того, чтобы пожелать спокойной ночи.

— Это маг, который спас жизнь нашему Каю прошлой зимой, — поколебавшись, ответил тан. Вопрос дочери его удивил. — Помнишь, я рассказывал?

Элейна покачала головой.

— Он не похож на лекаря.

— Он не лекарь, он — маг. А в чем дело, Элейна? Что тебя встревожило?

— Не знаю, — девушка беспомощно пожалала плечами. — Он не похож на человека, который может лечить. Что-то в нем есть... недоброе.

— Он что-то сказал тебе? — насторожился тан.

Он, впрочем, знал, что Элейна ответит отрицательно. Нэль просидел в гостиной с семьей тана около получаса, и за это время не перебросился с девушкой ни единым словом. Он даже не смотрел на нее. Говорил только с

таном и Эрредом, который искренне ему обрадовался. С мальчиком Нэль держался просто и кротко, но видно было, что мысли его далеко.

— Нет, он со мной не говорил, — сказала Элейна. — Но разве дело в словах? Скажите, отец, он будет еще приходить? Мне не хотелось бы с ним встречаться. Он... напугал меня. Только не спрашивайте, чем. Я не умею объяснить.

— Конечно, тебе не нужно с ним встречаться, — помедлив, ответил тан. Он был озадачен. — Но я тебя не понимаю...

— Нет, понимаете, — возразила Элейна. — Вам бы тоже с ним лучше не встречаться, отец.

— А вот это — не твоего ума дело, Элейна! Не доросла еще указывать, с кем мне встречаться.

— Простите, отец, — тихо сказала девушка и наклонила голову. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Элейна. Оставь свечи. Я, пожалуй, еще посижу немного.

Спать уже не хотелось. Дожидаясь, пока Элейна выйдет из комнаты, тан подошел к окну и встал, привалившись плечом к раме. Он думал о словах дочери. Кажется, ничего пугающего в Нэле не было. Даже если — тан попытался себе это представить — взглянуть на него глазами молодой девушки. Пожалуй, подобная особа не сочтет его привлекательным. Он совсем не красив (хотя, надо признать, его лицо притягивает взгляд), одет как нищий оборванец, и не умеет любезно говорить. Но чем он мог напугать? Нет, Элейна все-таки преувеличила. Что, что такого она могла в нем увидеть? Он и посмотрел-то на нее всего однажды, когда только появился в комнате, — а уж после вовсе не поднимал глаз. Неужели Элейна настолько впечатлительна, что ей хватило одного взгляда? Нет, это совсем на нее непохоже...

* * *

— Арьель, спой мне что-нибудь.

Музыканта не нужно было просить спеть дважды. Особенно если просьба исходила от Марики. Он охотно взялся за лютню и сел напротив ведуньи. Покрутил колки, подтягивая струны. Марика оперлась локтем о стол и молча глядела на него.

— Что же тебе спеть? Балладу о прекрасной любви Териона и Одрионы? Нет, эта история не подходит для последней ночи года. Тогда, может быть, песнь о жестоком некроманте, который заманивал в свое логово юных девушек и убивал их, чтобы их кровью поднимать трупы?

— Где ты набрался подобной пошлости? — проворчала Марика. — Оставь своих влюбленных и некромантов для дворцов и замков. Спой лучше о Лионеле и Лионетте.

Арьель перестал улыбаться и взглянул на Марику исподлобья.

– Нет, эту балладу я не буду петь. Даже не проси.

– Почему? Кажется, ты ее сам сочинил? Что, она так плоха? Мне бы хотелось ее послушать.

Арьель помялся.

– Я дал слово, что больше никогда не буду ее петь. Последний раз я исполнял ее ровно год назад, и тогда...

– Брось! Никто, кроме меня, твоего пения сегодня не услышит. Так что не забивай себе голову и пой.

Повинуясь повелительному тону Марики, музыкант наклонил голову так низко, что не стало видно лица. Тронул струны. Тихо и нежно зазвучали вступительные аккорды. Арьель запел вполголоса, словно и сам себя не хотел слышать. Марика слушала молча, опустив глаза и как будто даже затаив дыхание. Арьеля всегда удивляло, как она, выросшая в лесу, умеет чувствовать музыку.

Едва закончив балладу, он отложил инструмент. Он знал, что больше сегодня ночью играть не будет.

– Я его как будто предал, – пробормотал он.

Марика сделала вид, что не слышит.

– Но это же не все, Арьель. История этим не заканчивается.

– Нет, заканчивается, – возразил музыкант.

– Почему ты не хочешь написать продолжение?

– Ты разве сама не понимаешь?

Глаза Марики сверкнули.

– Тебе обязательно нужно сочинить продолжение. Обязательно, слышишь?

– горячо заговорила она. – Расскажи, как он, так и не научившись жить как человек, задумал стать богом. И начал с того, что решил погубить жизнь своего единственного друга.

Арьель вздрогнул, поднял голову и удивленно посмотрел на Марику. А он-то думал, что она сочувствует Нэлю!

– Так вот как ты видишь то, что делает Нэль? Думаешь, он ломает и мою жизнь?

– Он заставил тебя открыться для магии. Не научив защищаться, не объяснив уйму важных и нужных вещей, которым в храмах учат годами. Тем самым он оставляет тебя один на один с магическим потоком. Так что же мне думать?

– Я же сам согласился!

— Ну, конечно. Но объяснил ли он, что тебя ждет?

— Но нужно же с чего-то начинать, Марика!

— Ты говоришь его словами, — ведунья покачала головой. — Так мог бы сказать он. Арбель, что с ним случилось? Раньше он не был таким... безжалостным.

Музыкант помолчал.

— Ты лучше поговори сначала с ним, ладно? Спроси у него, чего он хочет. А потом уже делай выводы...

* * *

Нэль не знал, где живет Ильмас, поэтому открыл телепорт в Рябинники и вышел у дома, где жила Виленка с сестрами, родителями и бабушкой.

От Тальеры до Рябинников было около сотни лиг, но непогода добралась и сюда, хотя полной силы метель еще не достигла. Нэль вышел из портала и первым делом взглянул на окна дома — они тускло светились. По колению в снегу, он подобрался к боковому окну и тихонько постучал в замерзшее стекло. Мелькнула расплывчатая тень, и мужской голос настороженно спросил:

— Кто здесь? Человек или дух?

— Я человек из плоти и крови, — ответил Нэль громко.

— Какого же беса ты стучишься в окно, а не в дверь? — любопытствовал голос. — Входить ты тоже собираешься через окно?

Нэль усмехнулся, но ответить не успел — тень исчезла. Вероятно, мужчина пошел открывать дверь. Нэль двинулся к крыльцу. На пороге его поджидал высокий и дюжий мужчина, Нэль прищурился, пригляделся и узнал отца Виленки. В руке он сжимал топор. Как видно, от человека из плоти и крови он не ждал ничего хорошего, так же как и от злобного духа.

— Ты кто такой и чего тебе нужно? — хмуро спросил хозяин. — Говори быстрее или уматывай. Милостыню мы не подаем.

Направляясь сюда, Нэль рассчитывал, что его пригласят войти в дом, и тогда он увидится с Виленкой и передаст ей кое-что для Ильмаса. Грубое обращение хозяина дома нарушило его планы. Он слегка нахмурился.

— Я знахарь...

— В твоих услугах тут никто не нуждается, — оборвал его мужчина. — Иди своей дорогой.

Нэль рассудил, что просить о встрече с Виленкой будет неразумно — его неправильно поймут.

— Мне бы с твоей матушкой поговорить, хозяин.

— Иди-иди отсюда, — угрожающе проговорил мужчина, покачивая в руке топор.

Вероятно, пришлось бы Нэлю убираться ни с чем, если бы в разговор не вмешалась властная Виленкина бабушка. Ее суровый голос и шаркающие шаги Нэль услышал раньше, чем увидел ее саму.

— Что тут такое, сынок? Слух мне не изменяет, ты гонишь прочь гостя, который постучался в дверь в ночь Самайна? Куда это годится? — наконец, в сенях показалась сама старуха. Она оттеснила в сторону сына и поднесла к лицу гостя горящую лучину. — Ах ты! Да это ж знахарь, что летом сгинул! Ты откель взялся, парень? Ты точно ли человек?

— Здравствуйте, бабушка, — поклонился Нэль. — Человек я, живой. Коли хотите, можете хоть железом проверить.

— Вот еще с тобой возиться, — проворчала старуха. Схватила его за руку и заставила войти в сени. Ее сын тут же ретировался в дом. — Вот и вся проверка. Без приглашения бес в дом не войдет, хоть на веревке его тащи.

— Смелая вы женщина, — серьезно сказал Нэль.

— Повидала на своем веку всякого, вот и вся смелость. Ну, пойдём в дом, чего в сенях-то прохлаждаться.

— Нет, бабушка, в дом не пойду. По делу я. Ненадолго...

— Так и подумала я, что по делу. Не просто так в гости решил заглянуть. Ну, чего тебе надобно, сказывай.

— Нужно передать Ильмасу кое-что, — Нэль показал скрученные в тугую трубу бумажные листы, от непогоды обернутые еще и плотным сукном.

— А я не знаю, как его найти. Не пошлете ли по утрам к нему внучку с поручением?

Вторая такая бумажная труба лежала в его сумке. Она предназначалась Лекаду, аркарскому лекарю. Решаясь на рискованный шаг, Нэль хотел обеспечить хотя бы сохранность своих записей. Было бы жаль, если бы его труды пропали впустую.

Старуха посмотрела на него с неодобрением.

— А подожди утра и попроси ее сам. Сейчас она уж спит. И тебя на ночлег устроим, а девка тебе обрадуется. Ты ведь про Виленку говоришь, не про Тиру?

— Про Виленку.

— Ну, вот. Очень она печалилась, когда ты сгинул. Прикипела к тебе.

Нэль опустил глаза. Вспомнился прощальный Виленкин поцелуй... Ему тоже хотелось повидаться с девочкой, но он понимал, что ее родителям не понравится, если в доме заночует колдун. Виленкина мать боялась его, хоть он ее и вылечил; Тира тоже косилась с опаской, как и все деревенские.

— Ну что, останешься?

— Нет, бабушка, не останусь.

— Куда собрался-то идти в ночь такую дурную, бесовскую? Да еще и в

метель?

— Ждут меня.

— Не иначе как сам Безымянный, — проворчала старуха, и Нэль вздрогнул, вскинул на нее глаза. Она и сама не поняла, какой смысл таится в ее словах...

— Ну, чего с тобой делать. Давай свою передачку. Что Ильмасу на словах сказать?

— Чтоб ждал меня. Навещу его через неделю-другую. И пусть обязательно прочитает то, что в этом свертке.

Старуха кивнула.

— Ладно. Только, парень, переждал бы ты все-таки эту ночь. Нехорошо сейчас на дороге.

Нэль улыбнулся, покачав головой.

— Никто мне зла не причинит. Спасибо вам за заботу, бабушка. Прощайте.

Он низко поклонился старухе и вышел за порог. Ветер рванул полы его балахона, залепил лицо снегом. Нэль усмехнулся, стряхнул снег и, подхватив полы одежды, пошел прочь от дома. Ему предстояло еще дважды перенестись на много лиг, и он надеялся, что третий за ночь телепорт не выпьет из него последние силы. Он уже изрядно замерз, а от выпитого в замке вина кружилась голова. Хватило двух глотков, чтобы его проняло — ведь он так редко пил что-то крепче пива. Не надо было соглашаться...

В аркарском храме Перайны было пустынно и тихо. Нэль вышел из телепорта в темную алтарную залу и постоял немного, прислушиваясь. Конечно, в эту ночь все братья сидят по своим кельям и молятся... или дежурят у постелей больных. Он бесшумно подошел к двери в боковой стене. Она была так искусно устроена, что тот, кто не знал о ней, ни за что ее не нашел бы. Но Нэль прожил в храме Перайны довольно долго, и знал пусть и не все, но многие из его тайн. Он надавил на дверь особым образом, и она отворилась. Нэль пошел по коридорам, наслаждаясь теплом. В своем суконном балахоне он промерз насквозь, и приходилось стискивать челюсти, чтобы зубы не стучали друг об друга.

Он ничем не рисковал, придя в храм Перайны. Если бы его попытались схватить, он легко сбежал бы через портал. Но он знал, что Лекад его не выдаст.

Впрочем, Лекада еще нужно было отыскать. Нэль помнил расположение его спальни, но прошло много лет, и в комнате мог жить другой человек. На этот случай Нэль набросил на себя заклинание отвода глаз и сделался невидимым.

Он осторожно отворил дверь и вошел в келью. Лекад, склонив голову, сидел за столом и читал при свете одинокой свечи. Нэль остановился за его плечом.

— Лекад! — позвал он.

Лекарь обернулся, глаза его расширились.

— Кто меня зовет?

— Это я, — Нэль развеял заклинание невидимости. — Я, Лионель. Помнишь меня?

— Откуда ты взялся? — Лекад машинально сделал знак против нечисти, и Нэль невесело улыбнулся.

— Этот вопрос я слышу уже третий раз за ночь, — сказал он. — И третий раз меня принимают за нечестивого духа.

— Неудивительно... Лионель, это вправду ты? — Лекад встал и взял его плечи, взгляделся в лицо. — Я слышал, будто тебе удалось избежать казни...

— Но не верил?

— Не знаю. С тобой ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. Но я рад, что ты невредим, и рад тебя видеть, клянусь Перайной.

— Ты не представляешь, до чего приятно это слышать, — искренне сказал Нэль. — Немногие в этом мире мне рады. Ну, да я ведь не жаловаться сюда пришел, — он осторожно освободился от рук Лекада и полез в сумку. — Вот, сохрани это. Прошу. Это важно.

— Что здесь такое? — Лекад повертел перед глазами завернутый в сукно бумажный цилиндр.

— Все, над чем я работал почти десять лет, — ответил Нэль. — Прочитай, если будет время. Потом, позже, мы это обсудим.

— Когда это потом?

— Не знаю. Через неделю... через две. Но постарайся прочесть, хорошо?

— Ладно, — медленно сказал Лекад. — А куда ты собрался? Где ты сейчас живешь? Чем занимаешься?

— Здесь все написано, — Нэль указал на сверток. — А собираюсь я далеко. Очень далеко. Лекад! Помнишь, ты говорил, что боги меня испытывают?

— Помню. И что же?

— Ты был прав. Только это не боги. То есть, не Двенадцать. Это...

— Нэль! — Лекад не дал ему договорить. В его светлых глазах, всегда таких спокойных, мелькнула тревога. — Что ты задумал? Ради Двенадцати, скажи мне, что ты задумал? Это опять какая-то безумная затея?

— Безумная? Пожалуй, да, — Нэль улыбнулся и отступил на шаг, чтобы Лекад не мог дотянуться до него. — Но никто не пострадает на этот раз. Обещаю, Лекад. Никто.

— Нэль, постой... Объяснись...

— Объяснюсь. Потом, когда вернусь. А пока прощай.

И он спиной вошел в телепорт — четвертый за ночь. Силы его были на исходе.

На лесной поляне, за сотни лиг от Аркары, Тальеры и Рябинников, царила тишь да гладь. Ни ветерка, ни облачка в ясном небе. Но Нэль чувствовал приближение бури. То же чувствовали и деревья — притихшие, настороженные, они подступили ближе к одинокой избушке, встали вокруг плотным кольцом. То ли хотели защитить ее от бури, то ли сами искали убежища.

Нэль стоял на краю поляны, прижавшись щекой к омертвелой, холодной коре клена. Дерево промерзло до самого нутра, движение соков в нем остановилось — Нэль отчетливо это слышал. Впрочем, это была не смерть, а всего лишь сон. В его же теле билась жизнь, струились горячие жизненные соки. Но и до него стремился добраться мертвящий холод — заползал под полы балахона, в рукава и в широкий ворот. Слишком легкая одежда для первой зимней ночи, но Нэль не спешил в тепло. Прижавшись к уснувшему дереву, он смотрел на полоски света, которые пробивались сквозь ставни и мазками ложились на слегка припорошенную снегом землю. Он ни перед кем не хотел показывать свою усталость. Пусть никто не увидит его с дрожащими руками и сбившимся дыханием. Лучше еще немного померзнуть.

* * *

— На поляне кто-то есть, — тихо проговорила Марика. — Или чутье меня обманывает. Кто-то стоит, смотрит, а в дом не идет.

Арьель приподнялся на локте и вопросительно на нее посмотрел. После размолвки, случившейся между ними из-за баллады, они долго не разговаривали. Музыкант выбрал из груды шкур несколько приглянувшихся и перетащил их к очагу. Там и лег. Но сон к нему не шел. Мысли о Нэле не давали покоя. Слова Марики глубоко возмутили музыканта, но заставили и задуматься. Впрочем, он ведь и раньше знал, что жизнь мага не мед и не сахар. Недоброжелательные слова Марики заставили его только по-новому взглянуть на собственное возможное будущее. Какой уж тут сон...

— Ты о ком говоришь, Марика? Кто там стоит?

— А я почему знаю?

— Призрак?

Марика презрительно фыркнула.

— В такую ночь у призраков дела поинтереснее найдутся, чем стоять и пялиться на мою хибару. Человек это.

Человек! Арьель выбрался из-под шкур и сел на полу. Но не усидел на месте, вскочил и прилип к окошку, совсем забыв, что снаружи его закрывают ставни.

— Пойду погляжу, — Марика накинула на плечи меховой плащ и взяла со стола лампу.

Арьель потянулся за ней. Мало ли, что там за человек. Может, разбойник

какой-нибудь. А Марика все-таки женщина.

Но она не пошла дальше порога. Подняла повыше лампу и крикнула во тьму:

– Эй, есть тут кто? Чего прячешься, подойди сюда. Не обижу, небось.

После молчания из темноты донесся ответ:

– Я и не боюсь.

Арьель так и ахнул, узнав этот хрипловатый голос. Через несколько секунд в круге света от лампы Марики возникла невысокая фигура в серых одеждах. Это был Нэль, и его так и колотило от холода. Губы его посинели, а снег на волосах и ресницах не таял.

– Чего в дом не идешь? Ждешь, пока бесы утащат?

– Зачем я им, бесам-то... — отозвался Нэль, силясь улыбнуться. Впору было сгребать его в охапку и тащить к очагу. — Так ты, значит, приглашаешь меня, Марика?

– Хватит дурака-то валять, — сердито сказала Марика. — Заходи.

Нэль вошел в избушку, успев мимолетно сжать плечо Арьеля.

– Спасибо, что впустила, — сказал он, стряхивая в волос снег.

– Дождаться надо было, что ли, пока окоченеешь? Долго ты там стоял?

Нэль не ответил. Только посмотрел на Марику, протягивая к огню заледеневшие руки.

– Неужели через лес ночью шел? — ахнула она вдруг и обессилено опустилась на скамейку.

– Да не пугайся ты так, — мягко сказал он. — Я сюда прямо из Аркары телепортом.

– Из Аркары? — опешил Арьель.

– Да. А до того побывал в Тальере, и еще в Рябинниках...

– Устал? — спросила Марика, подавая ему кружку с горячим травяным отваром.

Нэль благодарно ей улыбнулся.

– Не очень.

– А все-таки ложились бы вы оба спать. Время уж к утру, а никто еще глаз не смыкал. Поговорим утром.

Пока Нэль допивал травяной чай, Марика готовила себе постель, показывая тем самым, что все разговоры на сегодня закончены. Арьель этому порадовался. Ему очень хотелось знать, что за дела были у Нэля в ночь Самайна, и зачем он отправился в Тальеру, но еще больше ему хотелось отдохнуть. В последний месяц он страшно уставал, хотя не сознавал этого. Недавний же разговор с Марикой его доконал. Поэтому он не стал

дождаться Нэля и вернулся на шкуры и очага. Он еще не успел задремать, когда услышал, что маг устраивается рядом.

— Все хорошо? — шепотом спросил Нэль.

— Я думал спросить то же самое у тебя.

— Мне показалось, у вас с Марикой вышла какая-то размолвка. Так или нет? Арьель только подивился: откуда прознал, как понял?

— Так... но ничего серьезного.

— Правда?

— Правда.

Они помолчали. Потом Нэль вдруг спросил, запнувшись на секунду:

— Послушай... ты, когда бывал у тана, видел его дочку?

— Видел, — ответил Арьель, гадая, к чему он ведет. — А что?

— Говорят... она очень... красива? — очень медленно, как будто с трудом выдавливая слова, проговорил Нэль.

— Да. Очень! — с воодушевлением сказал Арьель и, приподнявшись на локте, взглянул в лицо приятеля. — Она прекрасна, как цветущая молодая яблонька! А ты... видел ее?

И тут — о чудо! — ему показалось, что Нэль густо покраснел. Или же просто жар от близкого огня окрасил ярким румянцем его бледные щеки? Но, как бы то ни было, он быстро опустил глаза, да еще и прикрыл их ладонью. И сказал как-то особенно хрипло и нарочито равнодушно:

— Я ее не разглядел.

* * *

Элейна сидела в своей спальне за туалетным столиком.левой рукой она придерживала скрученные в жгут и перекинутые через плечо волосы; правая рука, в которой был зажат гребень, неподвижно лежала на коленях. Элейна смотрела на свое отражение в зеркале, но видела не себя, а бледное мужское лицо с черными глазами, которые так ее напугали. Хватило одного взгляда, чтобы ее сердце сжалось от необъяснимой тоски и тревоги.

Элейна повидала множество магов. Они часто приходили по делам к отцу. Они все были совершенно разные: молодые и старые, красивые и не очень. Совсем как обычные люди. Но имелась у них одна общая черта. Глаза. Мага всегда можно было узнать по взгляду. Маги не просто смотрели, они видели.

Но таких глаз, как у того человека в сером храмовом балахоне, Элейна не видела ни у кого из магов. Взгляд ночного гостя был настолько сильным, что девушка физически ощутила его на себе. Как будто лица коснулась жесткая холодная ладонь. Черные глаза мага никак не отпускали Элейну. Они смотрели на нее и теперь, из зеркала. Но что самое страшное, ему не было до нее никакого дела — Элейна это знала, — и он смотрел на нее с таким же

равнодушием, как на стул или стол, или вазу, или любой другой предмет в комнате. Этого Элейна выдержать не могла. Она схватила со столика костяную баночку с кремом и, вскрикнув, запустила ее в зеркало.

* * *

За окнами занимался тусклый осенний рассвет, но в избушке было еще темно. Только в очаге тускло тлели угли, да над столом мерцал в воздухе небольшой сферический сгусток магического огня. У очага, закутавшись до подбородка в шкуры, спал Арьель. Его длинные светлые волосы в алом свете углей казались медными. Марика и Нэль, оба толком не спавшие в эту ночь, сидели друг напротив друга за столом.

— Ты напрасно волнуешься за Арьеля, — шепотом сказал Нэль. Он, против обыкновения, смотрел прямо на собеседницу и не отводил глаз. — С ним все будет хорошо, могу дать тебе в этом слово.

— Хорошо? чего же хорошего? Ты и свою-то силу в узде не можешь удержать, Нэль! Как же ручаешься за другого?

— Марика, все уже изменилось. Совершенно изменилось. Моя магия в полном у меня подчинении. Кроме того, собственная сила и сила ученика — это не одно и то же. Чужой силой проще управлять, если знаешь как. Я — знаю. Когда мы с Арьелем занимаемся, я беру на себя излишки его силы. Пока я рядом, с ним ничего худого случиться не может.

— Ничего? — Марика задумчиво подперла ладонью подбородок. — Ох, смотри, Нэль, самоуверенность еще хуже, чем постоянные сомнения...

— Думаешь, я слишком много на себя беру? Нет. Ты сама ведь знаешь, что магия, направленная вовне, дается в разы легче, чем обращенная вовнутрь. Чаровать на себя очень трудно. Лечить себя — хуже всего. Мне легко, когда мои заклинания направлены вовне, тут моя сила не имеет никаких границ. Я серьезно говорю.

— Твоя сила, говоришь, не имеет границ? Ой ли?

— Не веришь? Позволь, покажу тебе кое-что.

Нэль приподнялся и потянул из пучка подвешенных к потолку трав стебелек ромашки. Положил его на открытую ладонь. Протянул руку к Марике. Та взглянула: засушенный, сморщенный стебелек расправлялся, наливался соками. Вот уже зазеленели тонкие перистые листики, нежные краски вернулись в неброский венчик цветка. Через минуту на ладони мага лежала свежая, будто точно что сорванная, ромашка.

— Возьми, не бойся, — сказал Нэль.

— Это морок? — Марика не спешила прикасаться к цветку. — Какой-то фокус?

— Нет. Она настоящая, живая, — Нэль резким коротким движением толкнул

ладонь вверх, подбрасывая цветок. И ромашка осталась в воздухе, когда он убрал руку. — Все еще не веришь?

— А как же заклинания? Все эти твои формулы, пассы?

Нэль пожал плечами.

— Формулы и пассы — это костыли. Зачем они тому, кто научился ходить? Сила во мне, вот здесь и здесь, — он коснулся сначала груди напротив сердца, затем — лба. — Говорю же тебе, я достиг, чего желал, и теперь мне многое подвластно.

— Чему же еще ты научился?

— Дай мне руку, Марика.

Марика, недоверчиво улыбаясь, протянула ему ладонь, и Нэль сжал ее холодными пальцами. Он больше ничего не делал, только смотрел ей в лицо и молчал. Марика недоумевала все сильнее: что же он хочет показать?

Наконец, она догадалась посмотреть на свою руку.

В тот же миг вскрикнула и отдернула пальцы.

Она увидела, как загрубевшие пальцы становятся тонкими и ловкими, словно у юной девушки. Как обветренная кожа обретает мягкость и нежность шелка...

— Ты... ты... — Марика зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Она сама не могла понять, что же ее так напугало, но холодная дрожь пробрала ее от макушки до пяток. Она вскочила и отошла от стола, не сводя с Нэля расширенных глаз.

— Чего ты боишься? — мягко спросил он. — Ведь я не причинил тебе никакого зла. Наоборот. Разве ты не хотела бы вернуть себе молодость?

— Это невозможно!

— Почему? Ты сама видела, что возможно.

— Никому из людей не под силу такое! Кто ты? Кто ты такой?

— Не шуми, пожалуйста, разбудишь... — Нэль кивнул на музыканта. — Я просто человек, Марика. Обычный смертный. Что до моей власти... Придет время, и любой человек на земле сумеет сделать то же самое. И ты сумеешь. И Арьель. Кто угодно. Не будет старости, не будет смертей...

— Ты рехнулся! Что ты такое говоришь? Хочешь, чтобы боги покарали тебя за дерзость?

— Чтобы покарать меня, им придется спуститься на землю, — мрачно усмехнулся Нэль. — А мне того и нужно.

— Нэль! — ахнула Марика. — Нет, ты и впрямь обезумел. На что это ты замахнулся? Одумайся!

— Поздно. Назад я повернуть не могу. Да и что там такого, ради чего стоило бы возвращаться? У меня ничего нет, Марика. Ничего, кроме магии.

— Но ты еще молод, ты мог бы устроить свою жизнь. У тебя могут быть жена, дети, свой дом... Подумай, стоит ли отказываться от этого ради того, чтобы... чтобы погибнуть по воле одного из Двенадцати?

— Ты сама-то веришь в это? — серьезно спросил Нэль. — Знаешь, сколько среди посвященных магов женатых? Единицы. Можно пересчитать по пальцам. И дело не в запретах Гесинды, мы не даем обетов безбрачия. Просто мало кто решается связать с нами свою судьбу, справедливо полагая это безумием. Мы слишком заняты собой и своей магией, чтобы находить время для близких... Да что я тебе рассказываю, ты и сама все прекрасно знаешь. Ты ведь тоже не вышла замуж.

— Кто бы взял за себя колдунью? — фыркнула Марика.

— Вот видишь.

— Но была же ведь девушка, которая тебя любила, Нэль. И ты можешь встретить еще кого-нибудь, кто тебя полюбит.

— Да, но я никого не люблю, — возразил Нэль. — Я не могу любить.

Марика нахмурилась.

— Глупости, так не бывает.

— Хорошо, скажу иначе. Я не хочу любить. Никогда. Что толку? Никто не ответит мне взаимностью.

— Проклятие все еще не потеряло свою силу?

— Конечно, нет, с чего бы.

— А ты проверял?

— Ну хватит, Марика, — Нэль встал и посмотрел на нее тем самым пустым взглядом, который Марика ненавидела от души. — Это бессмысленный разговор. Я знал, что выбираю, когда проходил посвящение. В конце концов, Гесинда покровительствует магии и знаниям, а не любви.

Марика помолчала немного, потом подошла к нему и материнским жестом погладила по волосам — он не отстранился.

— Ох, Нэль, и несчастный же ты человек...

— Это неправда, Марика, — ровным голосом ответил Нэль. — Счастья мне отмерено не меньше, чем любому другому человеку на этой земле. Только мы по-разному его понимаем.

— Вот именно, — вздохнула ведунья.

У очага заворочался Аръель, забормотал что-то. Потом сел, разбросав вокруг себя шкуры, и принялся сонно тереть глаза.

— Сколько времени? — спросил он, зевая. — И чего вам все не спится?

— Уже рассвело, — нарочито веселым тоном ответил Нэль и отошел от Марики в сторону. — Поднимайся уже. Ты теперь мой ученик, пора и за дело приниматься, а ты все спишь и спишь.

Марика посмотрела на него печально, но ничего не сказала.

На второй день после Самайна Нэль показал ей книги, которые принес с собой. Книги ему дал Терций, а взамен них оставил у себя один из черных томов. «Так я буду уверен, что вы вернетесь», — сказал он Нэлю. Маг и без залога вернулся бы в храм Безымянного, закончив свои дела, но настаивать не стал.

— Мудрено уж очень, — проворчала Марика, пролистывая одну из книг.

— Конечно, мудрено, если начинать с конца, — усмехнулся Нэль. — Но все становится ясно, если посидеть и почитать другие книги, попроще. И времени-то нужно всего ничего — лет пять, не больше.

— Негоже над старой женщиной насмешничать-то... — рассердилась Марика и захлопнула обложку. Нэль тронул ее руку.

— Прости. Но эта книга и в самом деле не из легких. И храмовым магам не всем под силу ее одолеть.

— А тебе-то она зачем — теперь-то?

— Даже самый острый клинок придет в негодность, если повесить его на стену и оставить в бездействии, — Нэль перешел на серьезный тон. — То же — и наш разум. Никогда нельзя останавливаться на достигнутом.

На четвертый день после Самайна Арьель взбунтовался.

— Воля твоя, Нэль, но это невозможно запомнить! Сплошная тарабарщина!

— Я же запомнил, — посмеиваясь, возразил Нэль. — И потом, кто здесь жалуется на память? Разве умение схватывать все на лету — не главное качество менестрелей?

— Да, но...

— Не понимаю, — подала голос Марика, которая внимательно наблюдала за их занятиями, — зачем ты изводишь его магическими формулами? Ты же сам говоришь, что вполне можно обойтись и без них. Я ведь тоже не всегда ими пользуюсь. Для некоторых заклинаний хватает и жеста.

— Если он сперва не научится упорядочивать поток с помощью формул, то вряд ли чего-то добьется в будущем, — терпеливо объяснил Нэль.

— А как же свеча? — влез Арьель. — Помнишь свечу? Я ведь зажег ее без всяких формул!

— Ага, и чуть было не разнес всю лабораторию. Нет, друг Арьель, магия — это не шутки. Давай поаккуратнее. Не нужно повторять моих ошибок. Марика! Хочешь, я научу формулам и тебя? Тогда твои чары станут сильнее.

— Да ну тебя! — отмахнулась Марика. — Старого пса уж не научить новым трюкам. Мне и так хорошо.

На пятый день повалил снег.

Огромные хлопья лениво спускались с неба, укрывали лесную поляну мягким пуховым одеялом. Снег падал так густо, что, казалось, для воздуха не осталось места, и если выйти из дома, нечем будет дышать.

Арьель не усидел в избушке. Смотреть на такую красоту через мутное крошечное оконце он не мог. Выскочил за дверь, поспешно накинув на плечи старый плащ. Нэль и Марика видели в окно, как он застыл на поляне и запрокинул лицо навстречу холодным снежинкам. В глазах его сиял мальчишеский восторг.

— Иногда я ему завидую, — Нэль прижался лбом к стеклу. — Снег пошел, и он уже счастлив.

— А тебе для счастья нужно что-нибудь помасштабнее, — хмыкнула Марика. — Например, перевернуть мир с ног на голову?

— Вроде того.

Несколько минут они молча наблюдали за летящим с неба снегом, и за Арьелем, который, развлекаясь, взялся ловить снежинки ртом. Нэль улыбнулся и посмотрел на Марику. К его удивлению, ее лицо было мрачно и сосредоточено. И смотрела она не на своего названного брата, а на него.

— Что ты? — спросил он.

— Ты ведь чего-то ждешь, правда? Все эти дни чего-то ждешь... Что должно произойти, Нэль? Скажи мне.

Нэль перестал улыбаться, отвернулся от окна и обхватил себя руками за плечи.

— Ничего не случится. Во всяком случае, здесь. Я приложу все усилия, чтобы ничего не было. Мне нужно будет уйти на несколько дней, чтобы кое с кем встретиться. А потом... потом посмотрим.

— Думаешь, это меня успокоило? — с горечью спросила Марика.

— Прости. Больше я тебе ничего не могу сказать. Сейчас переломный момент. Мне хотелось бы заглянуть в будущее, чтобы увидеть, как все повернется, но это не в моих силах.

— Ох, боюсь я, Нэль, что ты начнешь смуту...

— Откуда такие мысли? — улыбнулся маг.

— Не знаю... — глухо сказала Марика, не отвечая на улыбку. — Сердце чует... Чует большую кровь.

Нэль перестал улыбаться и слегка побледнел.

— Кровь?..

— Не знаю, что ты задумал, — быстро заговорила Марика, взяв его за плечи.

— Но только не ходи никуда, Нэль. Не нужно ни с кем встречаться. Остайся у меня. Пусть все идет, как идет.

— Нет, — он отнял от себя ее руки. — Не могу. Не могу отказаться, я же говорил уже. Но ты не бойся. Не будет никакой крови. Вообще ничего плохого не будет. Вот увидишь. Все будет хорошо, когда я вернусь.

Если ты вернешься, — скорее угадал он по ее губам, чем услышал. И помертвел. Неужели правда? Марика ведунья, она может чувствовать... что-то.

Но ее смутных предчувствий было недостаточно, чтобы остановить его. Марика его не удержала, как не удержала бы в ладонях пламя. Огонь проскальзывает между пальцев, обжигая руки, пожирая плоть. Нэль стал тем самым неуправляемым пламенем, грозящим сжечь все, с чем бы он ни соприкоснулся.

Он исчез, даже не попрощавшись. Просто вышел за порог, сделал несколько шагов по тропинке, махнул рукой — и шагнул в прямоугольник портала. Марика смотрела на него, прислонившись плечом к дверному косяку. И только когда он исчез, вспомнила, что он оставил на столе все свои книги. Она обернулась в комнату — Арьель сидел у стола, печально склонившись над лютней, и наигрывал что-то негромкое и жалостливое.

— Ты хоть знаешь, куда он отправился?

— Нет, — не поднимая головы и не прекращая игры, ответил Арьель. — Он так ничего и не рассказал.

— Вы оба не больно-то много рассказываете, — сказала Марика и захлопнула дверь. — Не хочешь для начала поведать, где вы с ним просидели последние два месяца?

Арьель прижал струны рукой и беспомощно посмотрел на нее. Очень ему не хотелось говорить с Марикой о храме Безымянного, он и вспоминать-то об этом месте старался пореже. Марика чтит богов, в особенности — Гесинду, Перайну и Тса, а Безымянный для нее был олицетворением разрушительного и темного начала, противопоставленного созидательной силе Двенадцати. Если бы она узнала, что ее названный брат по своей воле два месяца прожил в святилище Бога Спящего, среди его служителей, то, несомненно, устроила бы ему трепку. Арьель боялся ее гнева. Чтобы успокоить ее, пришлось бы немало потрудиться. Арьель знал, что даже хорошо подвешенный язык его не спасет; ведь он и сам толком не понимал учение Безымянного, не говоря уже о том, что не хотел и не мог принять его. Так что же он мог объяснить Марике? Вот если бы Нэль за это взялся... Но Нэль исчез в неизвестном направлении, и, быть может, надолго, а отдуваться придется ему, Арьелю.

— Давай как-нибудь в другой раз, — неуверенно сказал он.

— Нет, сейчас, — Марика решительно сложила руки на груди. И Арьель понял, что она нарочно дожидалась этого момента. У Нэля никакими силами нельзя было ничего выведать, если он не хотел говорить. И Марика это знала, а потому решила взять измором более мягкого и уступчивого музыканта.

Сопротивлялся Арьель недолго.

Глава 9

Отыскать магов, с которыми Нэль пожелал увидаться, оказалось не так-то легко. Во-первых, нужно было соблюдать тайну. Не мог же тан, прося о помощи в поисках, объяснять всем и каждому, что маги понадобились некоему Лионелю из Аркары. Братья Гесинды просто не слезли бы с него живого... Тану пришлось проявить изобретательность, чтобы придумать предлоги для поисков людей, которые жили так далеко от Тальеры.

Да и от материка.

Двое из троих магов жили не где-нибудь, а на Истрийском архипелаге, и в этом заключалась вторая сложность. Чтобы поговорить с ними, пришлось прибегнуть к магической связи, а это стоило денег. И немалых. Гораздо дешевле было бы воспользоваться обычной почтой, но на это у тана совершенно не было времени. До Истрии на самом быстром корабле плыть три недели! Нэль же просил устроить ему встречу с братьями в течение недели. Тан пытался его убедить, что это срок недостаточный, но магу словно вожжа под хвост попала. «Недели вам хватит за глаза, — заявил он, — если попросите помощи у храма».

Вот так-то.

Истрийцы очень удивились, когда тан объяснил, по какому делу к ним обращается. В самом деле, когда-то давно, девять или десять лет назад они знали Лионеля из Аркары. Очень был талантливый мальчик, и очень смелый, но с тех пор столько воды утекло! И потом, кажется, его отлучили от гильдии. Так чего же он хочет? Ему, должно быть, запретили встречаться с братьями Гесинды. Ах, нет? совсем даже напротив, храмовники на материке его разыскивают? А зачем?.. Истрийцы спрашивали так много и колебались так долго, что тан начал терять терпение. Да и каждая минута магической беседы стоила золота!

Но Нэль был все-таки прав, утверждая, что эти люди неплохо к нему относятся. Или относились в прошлом. К тому же в них разгорелось любопытство. И истрийцы согласились на встречу с опальным магом. И согласились сохранить эту встречу в тайне. Тан, подавив вздох облегчения, пригласил их в свой замок: в полдень, по истечении четырех суток. На том и распрощались.

Третий маг — тот, имя которого было тану знакомо, был дряхлым старцем, древним настолько, что казалось удивительным, как он еще не рассыпался в прах. Жил он на юге Наи, в Карнелине. Звали его мэтр Эйбел.

Старик давно уже не покидал стен храма и уже год как прекратил всякое сообщение с внешним миром. Тану пришлось пустить в ход все свое обаяние и умение убеждать, чтобы добиться встречи со старым магом. В конце концов, он добился своего. Мэтр Эйбел, правда, поставил одно условие:

разговор должен быть полностью приватным, то есть тану следовало явиться в карнелинский храм лично. Чтобы не терять еще несколько дней, тан отвалил тальерскому храму немалую сумму золотом — и для него открыли телепорт в Карнелин.

Мэтр Эйбел был очень худым и очень высоким, на полголовы выше тана. Шелковое одеяние темно-багрового цвета висело на нем, как на палке. Передвигался он, впрочем, без чьей-либо помощи, и довольно резво.

— Ну-с, молодой человек, выкладывайте поживее, с чем явились. Не отнимайте у меня драгоценного времени, его и так осталось немного, — ворчливо велел мэтр, не снисходя даже до краткого приветствия.

У тана чуть язык не отнялся от подобного приема — никто еще не обращался с ним так бесцеремонно. Но он кое-как сдержался, чтобы не ответит дерзостью.

Едва старик услышал имя Лионеля, его выцветшие глаза вспыхнули ярким изумрудным пламенем. Похоже, на провалы в памяти он не жаловался.

— Разве он до сих пор жив? — спросил маг отрывисто. — Я слышал, его собирались сжечь.

— Он счастливо избежал костра, — сдержанно ответил тан.

— Странно, очень странно... Такие, как он, погибают быстро. Если не от чужой руки, так от своей собственной. Очень, очень много гордости, даже спеси, а еще тщеславия и безрассудства. Я сожалел об этом, еще когда учил его.

— Вы учили его? — изумился тан.

— Да. Он был самым лучшим мой ученик...

— И вы, учитель, не попытались отстоять своего ученика, когда встал вопрос об его отлучении от гильдии?

— Что толку? — брюзгливо сказал старик. — Мое вмешательство ничего не решило бы. К тому же он сам был во всем виноват. За свои ошибки нужно расплачиваться, а он допустил страшную ошибку, которая стоила жизни десяткам людей! Вот так-то. А чего он теперь хочет? Зачем вы приехали?

— Он просил вас о встрече.

— К чему нам встречаться? — мэтр Эйбел сдвинул косматые брови. — Что он хочет сказать?

Неужели эта живая мумия не слышала ничего о шумихе, поднявшейся вокруг его бывшего ученика? изумился тан. Он удалился от мира, ладно, но какие-то новости все же должны до него доходить?

— Впрочем, — продолжил старик, не дождавшись ответа, — если он просит о встрече, значит, у него есть какое-то важное дело. Не помню, чтобы Лионель был склонен к болтовне ради болтовни. Я с ним встречусь. Да и любопытно посмотреть, каким он стал. Я-то помню его мальчишкой — двадцать годков

ему было, когда его выставили из Аркары.

— Он уже больше не мальчик, — сказал тан. — Совсем нет.

* * *

Нэль мог бы открыть телепорт прямо в кабинет или гостиную тана, но это было бы, по меньшей мере, невежливо. Ему не хотелось вторгаться в чужой дом без приглашения и пугать людей, которые могли бы оказаться случайными свидетелями его появления из воздуха. Например, его могла увидеть дочка хозяина, госпожа Элейна. А он не был готов встретиться с ней еще раз, о нет, никак не готов.

Нэль вышел у замковых ворот. Его уже ждали — тан был предупредителен. Слуга провел гостя прямо в кабинет. Тан сидел у жарко пылающего камина, с кубком вина в руках. Нэль подошел к огню, с удовольствием ощущая его животворное тепло. В последние дни он почему-то все время мерз, даже в хорошо протопленной избушке Марики. Возможно, так сказывалось постоянное напряжение всех нервов.

— Здравствуйте, Нэль, — тан встал ему навстречу, чтобы пожать руку. Простота благородного нобиля в обращении с людьми низкого звания всегда удивляла мага. — У вас все хорошо?

— Да. А у вас?

— Я отыскал всех, с кем вы хотели увидеться.

— Они согласны?

— Да. Почему вы не сказали мне, Нэль, что один из них — ваш наставник?

Нэль пожал плечами.

— А что бы это изменило?

— Он не слишком хорошо о вас отзывался.

— Мэтр Эйбел всегда был со мной строг, — согласился Нэль. — Когда они придут?

— Завтра утром тальерские братья встретят их в храме, а затем переправят сюда. Не волнуйтесь, в Тальере никто ничего не знает о вас. Считается, что господа маги прибывают ко мне, по моему личному приглашению. Вашу тайну я сохранил.

— Благодарю. Надеюсь, никто из приглашенных не проболтается, иначе завтра к полудню вся гильдия будет знать, что я здесь. Что касается меня, то я никому не говорил, куда направляюсь. Если только это имеет для вас значение.

— Вы останетесь у меня до утра?

Нэль немного подумал. Пожалуй, у Марики было бы безопаснее. Но возвращаться сейчас — значит подвергаться расспросам, а после придется

еще раз прощаться. А ему и без того было нелегко уйти.

— С удовольствием приму ваше приглашение, господин тан.

— Тогда я распорядюсь, чтобы для вас приготовили комнату.

Нэль охотно заперся бы в спальне и не выходил из нее до прибытия магов, но он не мог позволить себе проявить такую позорную слабость. Однако, ему повезло. За весь вечер он ни разу не столкнулся с Элейной, хотя несколько часов просидел в гостиной вместе с Каем и Эрредом. Вероятно, Элейна так же хотела видеть его, как и он ее. Нэль только надеялся, что не очень испортил ей настроение своим появлением в замке.

В тот единственный раз, когда они виделись, между ними произошло что-то странное. Во всяком случае, с Нэлем — определенно. Женщины никогда не пробуждали в нем интереса, но от Элейны он целую минуту не мог отвести глаз. Целую минуту! Для него это было равнозначно вечности. Красота Элейны смутила его душу и ржавой иглой царапнула сердце. Глядя в ее васильковые глаза, он чувствовал, что гибнет. И едва сдержал стон облегчения, когда, наконец, смог опустить взгляд и спрятать собственные глаза в поклоне. И уже больше не поднимал их на девушку.

Он упрекал себя за минутную слабость. Напоминал себе о проклятии госпожи Аманды, мысленно повторял те же слова, которые сказал позже Марике: он не может, не должен любить, все равно добра из этого не выйдет. Да и к чему ему любовь женщины? Что бы он стал с ней делать? Погубил бы ее так же, как погубил когда-то любовь Лионетты?

Но нет-нет, а в памяти вставало прелестное нежное лицо. И сердце болезненно дергалось. Что с ним делать? Не вырвешь же его из груди. Оставалось только надеяться, что первая встреча с Элейной окажется и последней.

Ночью ему не спалось. Несколько часов он проворочался в постели, поднялся еще до рассвета, оделся и до самого прихода слуги расхаживал по спальне, пытаясь взять себя в руки. Маги должны видеть, что он спокоен и уверен в себе, иначе все пойдет насмарку. Часов в восемь слуга принес ему завтрак, и он кое-как заставил себя поесть. Затем снова потянулись часы ожидания. Наконец, в дверь снова постучал слуга.

— Господин тан и его гости ждут вас в кабинете, — почтительно сообщил он.

— Я вас провожу.

— Благодарю, я сам найду дорогу, — ответил Нэль, с удовлетворением отметив, что голос его звучит спокойно и ровно.

— Как вам будет угодно, господин маг.

Вышколенный слуга поклонился и исчез. Нэль постоял с минуту, чередуя глубокие вдохи и медленные выдохи. Почувствовав, что совершенно владеет собой, он вышел в коридор.

Мягкие башмаки скрадывали звук его шагов. В коридорах Нэль не видел ни

души. Он думал, что дойдет до кабинета, так никого и не встретив, но вдруг его сзади окликнули: «Мэтр Лионель!». Голос был женский.

Нэль споткнулся на ровном месте и тут же прибавил шаг, упрямо нагнув вперед голову.

— Мэтр Лионель! — в голосе промелькнули нетерпеливые нотки, а топот легких ножек стал чаще и ближе. — Пожалуйста, остановитесь!

Нэль по инерции прошел еще несколько шагов, но все-таки остановился и развернулся. Глаза он держал опущенными, а потому увидел только пару хорошеньких ножек — та, что бежала за ним, очень торопилась и высоко подхватила подол платья. Мягкие домашние туфельки были расшиты бисером и шелком, а белые шелковые чулки обтягивали самые тонкие и изящные щиколотки, какие только можно было себе вообразить. Нэль стал смотреть на носки туфель.

— Что вам угодно, сударыня? — спросил он вежливо, но сухо.

— Я вас не задержу, — сообщил запыхавшийся девичий голосок. — Позвольте только задать вам один вопрос, мэтр.

— Слушаю.

— В ночь Самайна, когда вы были у нас, вы не творили никаких чар?

— Что? — Нэль растерянно поднял глаза на Элейну. Она стояла перед ним, гордо вскинув точеную голову, увенчанную косами, словно короной. Несмотря на то, что она была ниже его на полголовы, у нее как-то получалось смотреть на него сверху вниз.

— С чего вы взяли, что я плел какие-то чары?

Элейна вдруг покраснела так сильно, что Нэль почувствовал, что и сам отчего-то заливается краской. Как глупо!

— Видите ли... С ночи Самайна я почти не сплю. Меня донимают видения.

— Обратитесь к своему лекарю, сударыня, — он по-прежнему ничего не понимал. — Ночные видения — это по его части.

— Но видения касаются вас, мэтр.

— В каком... смысле?

— Я вижу вас: ваше лицо, ваши глаза. Вы смотрите и смотрите на меня, и так продолжается из ночи в ночь.

Однако, подумал ошарашенный Нэль, не каждая благородная девушка признается мужчине, да еще простолюдину, что он является ей в ночных грезах. В мужестве Элейне не откажешь! Но как причудливо в ее глазах презрение мешается с отчаянием!..

— Только вы не подумайте, что я в вас влюблена, — храбро продолжала девушка. — Ничего подобного. Просто я подумала, что вы... приворожили меня. Если это так, то прошу вас снять чары.

— Приворожил? — Нэль едва не задохнулся. Это было все равно что пощечина. — Когда бы так, вы пришли бы ко мне не для того, чтобы просить снять чары, а чтобы разделить со мной ложе!

Элейна ахнула, а он продолжал с удивившей его самой холодной яростью:

— Я пользуюсь гостеприимством вашего отца, так как же вы могли подумать, что я способен на такое?

— Я не хотела оскорбить вас, мэтр Лионель... — пошла она на попятный.

— Конечно, не хотели. Послушайтесь моего совета: принимайте на ночь какое-нибудь успокаивающее снадобье. Пусть ваш лекарь об этом позаботится.

С этими словами Нэль развернулся и пошел прочь. От его спокойствия не осталось и следа. Его мучили слова Элейны, презрение в ее глазах, надменный тон. Но больше всего мучил вопрос: почему она вообще пришла к нему с этим?..

Перед дверьми в кабинет Нэль остановился и на минуту прикрыл глаза. Нет, нельзя в таком виде показываться перед магами... Он стал вспоминать, как в день посвящения он стоял перед изукрашенными кованой бронзой дверьми в храмовую залу торжеств. Тогда ему было всего семнадцать, и сознание собственной силы переполняло его. Какой же он был глупый щенок! Нэль открыл глаза, поднес к лицу ладони и посмотрел на шрамы от ожогов — напоминание о собственной глупости...

Он вошел в кабинет.

Сначала он увидел мэтра Эйбела из Карнелина — и снова нахлынули воспоминания. Поддавшись им, Нэль опустился перед стариком на колени:

— Учитель...

— Встань, — помедлив секунду, сурово проговорил тот.

Вторая пощечина за одно утро — не чересчур ли? Нэль поднялся и отступил на шаг. Впрочем, сам виноват, болван. Ждал учительского благословения? Как же! старик отрекся от тебя так же, как и остальные братья.

И все же нелегко было унять затрепетавшее сердце.

— Приветствую вас, — негромко проговорил он, очередной раз справившись с собой. — Мэтр Эйбел. Мэтр Реул, мэтр Антоний. Благодарю за то, что отозвались на мою просьбу. Вы оказали мне честь.

— Говори по делу, Лионель, — брюзгливо отозвался мэтр Эйбел. — Что тебе от нас нужно? Ты, между прочим, меня очень удивляешь. Кажется, гильдмастер Аркары приказал тебе вернуться в храм? Почему ты не подчинился? Почему скрываешься, словно вор?

— Вы все поймете, если выслушаете меня, мэтр...

* * *

Тану, который тоже присутствовал в кабинете, было очень интересно послушать, что Нэль расскажет о своих делах. До сих пор он ловко уклонялся от ответов, если тан заводил разговор на эту тему.

Начал Нэль издалека. Он напомнил, как еще будучи юным служителем Гесинды в аркарском храме, пытался понять природу и найти границы своей силы. Тогда его опыты закончились страшным пожаром, и несколько долгих лет понадобилось, чтобы вернуть былую уверенность в себе. В своих скитаниях он старался не упустить ни единой возможности пополнить знания о магии. До всего он был вынужден доходить своим умом — подсказать и научить было некому. Нэль изучал свойства трав и минералов и обнаружил много интересного. Он привел несколько примеров (тан ничего не понял из его объяснений), и лица магов вытянулись: по-видимому, они пытались осознать, как он сумел проделать такую работу, не располагая лабораторный оборудованием. А еще им очень не понравилось, когда Нэль заявил, что нашел способ любого человека сделать магом («...Я могу доказать, я проводил опыты... Сначала с помощью специально составленного эликсира освобождается разум... позже человек учится вызывать поток сам, одним усилием воли...»). Маги привыкли считать себя избранными, любимцами богов, и вдруг — такое! они пока молчали, но лишь потому, что хотели сначала услышать все до конца.

Возможность плести заклинания без помощи формул вызвала у магов неподдельный интерес и оживление. Все они знали легенду об Илисии Истрийской — эта девушка обладала огромным потенциалом стихийной магической силы. Но она была персонажем почти мифическим. В живых не осталось никого, кто знал бы ее лично. Некому было подтвердить рассказы о ее невероятной, нечеловеческой магической силе. Нэль же уверял, что все истории о ней — истинная правда, и лично он готов доказать это на собственном примере. («Но только — чуть позже. Еще немного терпения».)

Дальше началось и вовсе несусветное. Нэль заявил, что если люди правильно используют новоприобретенные магические способности, то в своем развитии смогут сравняться с Двенадцатью. Каждый человек станет богом, бессмертным и почти всемогущим. Магов окончательно перекосило: речи Нэля отдавали богохульством за сотню лиг. Они почитали богов, а этот отщепенец и преступник утверждал, будто Двенадцать — всего лишь люди, которые научились полностью подчинять себе поток магии. Еще немного, и он договорился до того, что Двенадцать — всего лишь самозванцы, занявшие чужое место.

— Довольно! — хрипло каркнул мэтр Эйбел, ударив сухим кулаком по подлокотнику кресла.

Но Нэль и бровью не повел. Решив, вероятно, добить слушателей, он рассказал, что два месяца прожил в потаенном храме Безымянного, где изучал книги, написанные его служителями много десятилетий назад. И в этих книгах он нашел подтверждение тому, о чем говорил только что: Двенадцать, с помощью чар изменив саму человеческую природу, обрели

бессмертие и могущество. Они поднялись на истинного бога, сотворившего эту землю, победили его в битве и наложили на него заклятье сна, поскольку не могли убить. Затем они лишили его имени, а сами пришли к людям и объявили богами себя. Богом же творцом, по словам Нэля, был не кто-нибудь, а Безымянный, который много тысяч лет спит зачарованным сном. А двенадцать самозванцев сидят в Божественном Доме и требуют поклонения, вместо того чтобы вернуться к людям и помочь им подняться так высоко, как они того заслуживают.

— А теперь я объясню, какая помощь мне нужна, — продолжал Нэль, и на его скулах выступил болезненно-яркий румянец. — Я один, и всюду мне не поспеть. Если я появлюсь в храме, меня сначала попробуют повязать, а потом уже начнут разговаривать. Гильдия желает запретить мои эксперименты, именно поэтому я не хочу возвращаться в храм. А вы передадите мои слова всем братьям; я научу вас готовить снадобье, и вы сможете принимать в храмах всех желающих приобщиться к магии. Кроме того, может статься, Двенадцать не захотят возвышения человечества и придут, чтобы остановить нас. Чтобы противостоять им, понадобится вся наша объединенная сила. Вот какой помощи я прошу у вас. Я долго работал один, но теперь это уже невозможно.

Нэль умолк. Истрийцы косились на старого мэтра Эйбела, а тот сидел черный от гнева и, казалось, готов был поразить своего бывшего ученика молнией.

— Сумасшедший, — тихонько, чтобы никто не услышал, шепнул тан. Но Нэль, кажется, все-таки услышал — и обратил на него горячий взгляд.

— Ты лишился разума, Лионель, — эхом откликнулся на мысли тана мэтр Эйбел, и Нэль тут же повернулся к нему. — Не знаю, кто напел тебе весь этот богопротивный бред. В черном храме ты его, что ли, наслушался? Если только ты действительно там побывал, а не привиделось тебе после твоих же зелий. Лукавым отступникам ничего не стоит совратить самого сильного человека. И ты, Лионель, не уберегся. Но я вижу, что твое сердце по-прежнему открыто для истины, иначе не говорил бы ты с нами так откровенно. Поэтому прошу тебя: отрекись от черной лжи и никогда более не повторяй ее. Древняя мудрость учит нас, что мир, и все населяющие его существа, сотворены Двенадцатью, а Безымянный поплатился за свои черные замыслы.

— Древняя мудрость может ошибаться, — тихо сказал Нэль.

— Мудрость не может ошибаться! На то она и мудрость! — поддержал карнелинского старца мэтр Антоний. — Ты юн, Лионель, и легко увлекаешься. В этом твоя беда. Отрекись от лжи, пока не поздно.

— Я докажу вам, что прав...

Мэтр Эйбел вдруг вскочил, мелкими быстрыми шажками подлетел к Нэлю, схватил его за плечи и сильно встряхнул. Глаза его горели изумрудным огнем.

— Ничего ты не докажешь! Не будет такого, чтобы каждый смерд плел чары себе в угоду! Только Гесинда может решать, наделять ли смертного высоким даром! А ты сошел с ума, если утверждаешь, будто это в твоей власти! Молчи! — крикнул он, едва только Нэль хотел возразить что-то. — Я еще не закончил. Ты тут толковал еще и о бессмертии. Но только Борон решает, кому жить, а кому умереть. Ты хочешь подняться и против него тоже?

— Ни Гесинда, ни Борон не могут ничего решать, — упрямо сказал Нэль. — Они самозванцы.

— Ах ты богохульник! — старик с размаху ударил его по лицу и оттолкнул от себя. Тан вскочил. Он испугался, что Нэль ответит ударом или заклинанием, и маги пойдут крушить друг друга, но тот словно к месту прирос, только за щеку схватился. И смотрел на мэтра Эйбела со странным выражением. — Как только подлый твой язык поворачивается говорить такое! Дивлюсь я, почему Борон не забрал тебя до сих пор, утомившись слушать твои черные речи.

Нэль, держась за щеку, все смотрел и смотрел на него. Глаза его горели. Еще никогда тан не видел у него такого яростного и темного взгляда. Вот-вот, понял он, случится беда. Нужно было как-то вмешаться. Но встать между двумя разгоряченными магами?..

— Ты немедленно отправишься вместе с нами в Аркару, в храм! — продолжал мэтр Эйбел. — И там отдашься в руки гильдмастера и подчинишься его слову.

— Нет! — сказал Нэль и отнял от лица руку.

— Живо, блокируйте его! — рявкнул старик на истрийцев. — Не позволяйте ему уйти!

Истрийские маги одновременно вскинули руки.

— Довольно! — стараясь перекрыть их слитный речитатив, громко сказал тан. Он прекрасно понимал, что сейчас на его голову могут обрушиться все громы и молнии, но не мог больше молчать. — Не забывайтесь, господа маги. Мэтр Лионель — мой гость, и я не позволю причинить ему вред в моем доме.

— Господин тан! — неприятно проскрежетал мэтр Эйбел. — Лучше бы вам не вмешиваться в то, что вы не понимаете. И помните, что вам еще предстоит объяснить медейскому гильдмастеру, почему ваше гостеприимство распространяется на человека, которого разыскивает братство.

— Это уже будут мои заботы. Что до мэтра Лионеля, оставьте его и уходите, если не желаете помочь ему. Но неужели вам даже не любопытно посмотреть на те доказательства, которые он готов продемонстрировать?

— Благодарю, что вступились, — сказал Нэль. — Но, кажется, зря я затеял это в вашем доме. Я должен был предугадать последствия.

Мэтр Эйбел скрипуче рассмеялся.

— Да уж, в самом деле! Ты никогда не думал о людях, которые тебя окружали. Или начинал думать о них, когда становилось слишком поздно... Что ты теперь собираешься делать? Меня весьма интересуют доказательства, о которых намекал нам господин тан. И именно поэтому я не собираюсь отпускать тебя, мальчишка. Нас трое, за нами сила и опыт. Ты один, и ты молод. Расклад не в твою пользу, Лионель.

Нэль улыбнулся, и это была нехорошая улыбка.

— Вы ошибаетесь. Расклад трое против одного — не самый для вас удачный. Давайте не будем обострять ситуацию. Если вы не хотите помочь, просто уходите. Можете рассказать про меня в храмах, это уже неважно.

— Ах ты самоуверенный юнец... — почти ласково протянул старик. — Хочешь попытаться счастья?

Нэль стрельнул в тана быстрым взглядом из-под полуопущенных ресниц, и тот сразу вспомнил о майском столкновении с магами в его угодьях. Кажется, готовилось что-то похожее, с той только разницей, что жертвой мог стать сам хозяин замка — единственный человек в комнате, который не умел плести чары и не мог защитить себя.

— Я к вашим услугам, — Нэль говорил очень ровным голосом, но на его скулах по-прежнему горели алые пятна, а глаза сильно блестели. — Только не будем впутывать в наши дела господина тана. Господин тан не принадлежит к братству, он лицо светское. Не хочется доставлять ему неприятности, мы и так уже надоели ему своими разговорами.

— Ты предлагаешь перенести нашу беседу в другое место? Куда?

— Если позволите, я открою телепорт в одно спокойное место. Там мы сможем без помех продолжить. Клянусь, что это не ловушка, — добавил Нэль с легкой насмешкой.

Истрийцы переглянулись и повернулись к мэтру Эйбела, которого негласно признавали за старшего. Тот несколько секунд смотрел на Нэля, потом кивнул.

Тан понял, что сейчас маги перенесутся куда-то, возможно, очень далеко, и Нэль снова от него ускользнет. Кроме того, молодой человек снова откровенно подставлялся под удар. Может быть, он и выйдет победителем из поединка с тремя противниками, но гильдия от этого его сильнее любить не станет. Только продолжит охоту с еще большим рвением.

— Нэль, не делайте этого. Не смейте, слышите! Пусть лучше они уйдут.

— Но они не уйдут без меня, — тихо сказал Нэль, и под его взглядом тан разом потерял способность и говорить, и двигаться. В ту же секунду посреди комнаты повис колеблющийся прямоугольник портала.

— Иди вперед, — велел мэтр Эйбел, и Нэль молча повиновался. Следом за ним ушли остальные маги. А тан только и мог скрипеть зубами, глядя, как

они один за другим исчезают в проходе.

* * *

Ясенева роща вокруг хижины старого Като была укутана снежным покровом, как шубой. Давным-давно сюда никто не приходил, желающих поселиться в маленьком покосившемся домике не нашлось. Даже дверь, сорванная с петель еще летом кем-то из разъяренных магов, висела так же криво.

Именно на это Нэль и рассчитывал, когда открывал сюда телепорт. Никто не помешает.

Снег доходил до колен. Маги все были одеты легко, их теплые меховые плащи остались в замке, и они почти одновременно укрылись согревающими заклятьями.

— Где мы? — спросил мэтр Эйбел, озираясь.

— Рядом с одной маленькой деревенькой. Здесь нам никто не помешает. А главное, никому не помешаем мы.

— Ну что ж... — старик протянул вперед руку.

— Подождите, — сказал Нэль. — Неужели вам в самом деле ничуть не интересно то, что я хотел показать?

Когда спустя несколько дней мэтр Эйбел составлял для гильдии отчет, он долго не мог подыскать слова, которые могли бы передать увиденное. Он знал, что истрийские маги тоже пишут отчеты, и многое отдал бы, чтобы заглянуть в них. Но им категорически запретили видетсья и разговаривать друг с другом до тех пор, пока гильдия не изучит досконально предоставленные ими сведения и не сделает выводы. Пока что им предстояло самостоятельно разбираться в своих воспоминаниях.

Мэтру Эйбелу очень хотелось бы верить, что Нэль напустил на них морок, и все, что они видели — только иллюзия. Но увы, самую искусную иллюзию он распознал бы в два счета. И пришлось признать, что все произошло на самом деле. Понять бы только, что именно произошло!

Старый маг даже не был уверен, стал ли он свидетелем каких-то особенно изощренных игр с пространством и временем, или же грандиозного, немыслимого для человека акта творения. Лионель то ли бросал троих магов из одной пространственно-временной точки в другую, то ли творил все, что они видели, по ходу дела, стремительно и небрежно. Спросить теперь было не у кого.

Мелькавшие перед глазами картины не укладывались в воображении. Далеко не все из них, как подозревал мэтр Эйбел, принадлежали этому миру. Он успевал заметить растения, существа и строения столько диковинные, что подобных им не было и не могло быть ни на материке, ни на архипелаге, ни в морских королевствах. Незнакомый рисунок звездного неба сменялся вдруг разбухшим багровым светилом или двумя бледно-зелеными ночными.

Снежная поляна рядом с убогой хижинкой исчезла, растворилась во множестве мест и времен; мэтр Эйбел потерялся, забыв, кто он и откуда. Вокруг него смерчем закручивались ветры чужих миров, и он задыхался.

И все это время Лионель стоял неподвижно, со странной улыбкой на лице, и не говорил ни слова. Но не оставалось сомнений, что вся эта скачка через чужие миры, странные, пестрые, как медейские ковры, которые богатый купец разворачивает перед придирчивым покупателем, — его рук дело. Мэтр Эйбел несколько раз порывался спросить, что же он творит, магия ли это или что иное, но слова умирали, так и не родившись.

Бешеная чехарда окончилась так же неожиданно, как и началась. Раз — и ничего нет, и снова — заброшенная хижина в снегу. Мэтр Эйбел разом ослабел так, что в глазах потемнело, и ноги подогнулись; если бы не подоспевшие истрийцы, предупредительно подхватившие старика под локти, он повалился бы в снег. Несколько минут ему было ни до чего, он мучительно боролся с подступившей дурнотой. Когда же взгляд его, наконец, прояснился, то мэтр Эйбел увидел, что Лионеля уже нет перед хижинкой. Только притоптанный снег указывал на место, где он стоял. Куда он пропал, осталось загадкой. Оба истрийца в голос утверждали, что никакого телепорта не было; молодой человек просто исчез. В один миг.

Старик ждал, что Лионель еще появится. Разве можно было так вот сбежать после того, что он показал! Но прошел день, и два, и три, а молодой человек как в воду канул. Нарочно ли он теперь испытывал терпение своего бывшего учителя, или же с ним что-то случилось? Но что могло случиться с человеком, обладающим подобной силой? Никто и ничто на свете не могло причинить ему вреда. Разве только Лионель сам себя спалил безудержным потоком магии, но это — вряд ли, слишком уж хорошо он владел ситуацией.

Или же вмешался кто-то свыше...

С досадливым кряхтением мэтр Эйбел отложил в сторону перо и отодвинул от себя пачку нетронутых листов бумаги. Невозможно рассказать то, чего недопонял сам. То, что никак не хотело укладываться в его старой, глупой, седой голове... То, что пугало до ледяной дрожи. Да и мало просто передать, пересказать, нужно донести до гильдии мысль об опасности его бывшего ученика. Да, братству Гесинды известно о его магическом потенциале, но этого мало. Необходимо, чтобы каждый маг осознал: Лионель из Аркары с его идеями и его невероятными возможностями способен в одиночку уничтожить мир. И он, без сомнения, разнесет мир на кусочки, если только возьмется переделывать его в соответствии со своими соображениями.

Необходимо было как можно быстрее отыскать Лионеля и приложить все возможные усилия, чтобы изолировать его от магического потока. Пусть даже для этого придется его физически уничтожить.

Братья допустили ужасную ошибку, когда изгнали Лионеля из гильдии. Нужно было немедленно предать его смерти. Мысль страшная, но что же делать? Если за всю историю существования братства Гесинды ни одного

мага не казнили по постановлению храмового суда, то это означает только, что пришла пора пересмотреть устав гильдии.

Изучив отчет мэтра Эйбела и протоколы показаний мэтров Антония и Реула, руководство гильдий забеспокоилось. Высшие маги братства не могли не осмыслить то, что уже поняли рядовые его члены. Надвигалась угроза ни много ни мало, как конца света. Лионель из Аркары посягал на монополию гильдии Гесинды в области магических искусств, но это были мелочи. Гораздо хуже было, что он, похоже, намеревался порушить тысячелетние мировые устои, и вот это уже грозило катастрофой. Перед старшими грандмастерами замаячили призраки всеобщей смуты, гражданской и религиозной войны, политических переворотов — в общем, запахло кровью. Страшно было подумать, что все эти ужасы могут быть порождены волей одного-единственного человека.

Маги недолго колебались, прежде чем прибегнуть к помощи светских служб. Обычно храмовники не связывались с представителями королевской власти, предпочитая решать свои внутренние дела самостоятельно. Но своими силами теперь было не управиться. Кроме того, планы Лионеля угрожали и светской власти тоже, эта проблема магов стала и проблемой королей.

Однако, дни шли, а молодой маг никак не давал о себе знать. То ли затаился, то ли покинул материк и занялся своими делами где-нибудь на малых островах или в южных джунглях, где и слышать не слыхивали ни о каких гильдиях.

То ли он и впрямь исчез из мира людей.

Часть 3. Золотой холм

Глава 1

Голова болела так сильно, будто через глазницы, прямо в мозг, вошли два раскаленных железных прута. Нэль не сдержал стога; отрежь ему сейчас по живому руку или ногу, он, пожалуй, ничего не почувствовал бы. Боль была всеобъемлюща. Радовало только одно: если он еще способен испытывать боль, значит, жив.

Не открывая глаз, Нэль попытался сообразить, что с ним случилось. Мысли ворочались неохотно, но кое-что удалось вспомнить. Во время встречи с храмовыми магами он открылся полностью, и магия хлынула через него потоком невиданной доселе мощи, он же предоставил своему разуму и воображению совершенную свободу. И куда же, интересно, завело его воображение? Нэлю смутно припоминалось, что он забрался очень далеко от своего пространства и времени, утащив за собою и магов. Если он не находил мостков между мирами, то тут же их и творил... Но чем закончилось путешествие? Неужели разум не выдержал, и последовал очередной ментальный удар? Возможно, и так. А значит, ему снова повезло. С Нэлем уже случались подобные происшествия из-за неосторожного обращения с магией, и каждый случай мог стать последним...

Мысли разбегались, и Нэль снова заставил себя сосредоточиться. Где бы он ни оказался, ясно, что он уже не на поляне близ хижины Като. Лежал он не на снегу и холода не ощущал. Под спиной была гладкая ровная поверхность вроде мрамора. Собравшись с силами, Нэль приоткрыл глаза и сразу же зажмурился, спасаясь от золотистого сияния. Осторожно приподнял ресницы — сияние чуть приутихло. Но разглядеть он все-таки ничего не мог. Он очень осторожно сел, стараясь не двигать головой, и подтянул колени к груди. И все-таки не уберегся. Огненное копьё вонзилось в затылок и прошило все тело насквозь. Нэль застонал и медленно выпрямился, приложив ладонь к основанию черепа, откуда волнами расходилась боль. Лечить себя было очень тяжело, но из-за сильной боли он даже думать не мог. Нельзя было оставаться беспомощным.

— Подняться можешь или помочь? — послышался вдруг за спиной звучный веселый голос.

Нэль медленно обернулся. Позади него, опираясь на руку, сидел светловолосый молодой человек. В его светло-зеленых глазах прыгали смешинки, хотя четко обрисованный рот хранил серьезность. Распущенные золотистые локоны спадали на спину и плечи. На незнакомце был широкий длинный плащ из ослепительно-белой шерсти, широкие рукава отделаны мехом и скрывают кисти рук до самых кончиков пальцев. На груди, на длинной подвеске — черненый серебряный медальон в виде ворона. Нэль

вздрагнул. В подземном храме он видел множество фресок, но если бы не медальон, не узнал бы этого... человека. Впрочем, приглядевшись, он не мог не признать схожести оригинала с изображением. Неведомый художник знал, что творил.

Кажется, подумал Нэль, своего я добился. До меня снизошли. Ну что ж, посмотрим...

— Тебе крепко досталось, верно? — продолжал светловолосый, не дождавшись ответа. — Все-таки человеческое тело — очень хрупкая штука. Да и разум не крепче.

Нэль снова не ответил. Вместо этого он огляделся. Оказывается, он сидел на одной из широких ступеней хитро изогнутой и закрученной лестницы из белого камня, которая висела в призрачном золотом сиянии. Оба ее конца терялись в бесконечности. Нэль глянул вниз, вверх — всюду была непроницаемая золотистая дымка. Голова у него закружилась.

— Где я? — хрипло спросил он. Язык пересох и повиновался с трудом.

— На изнанке, — с готовностью ответил светловолосый и рассмеялся.

Смех у него был солнечный и почти детский. Нэль окончательно перестал понимать, почему храмовники изображали его сумрачным, исхудалым, с нахмуренными косматыми бровями и плотно сжатым ртом.

— На изнанке чего?

— Твоего мира, конечно. Если тебя интересует, как и почему ты сюда попал, то знай: тебя перенес я, потому что оказался к тебе ближе всех.

Нэля пробрал озноб, несмотря на то, что золотистая мгла была теплой и чуть влажной — как пар.

— Ты до сих пор не спросил, кто я такой, — светловолосый перестал улыбаться. — Ты меня знаешь?

— Знаю, — одними губами ответил Нэль.

— Хорошо. Я тоже тебя знаю, Лионель из Аркары. Значит, не нужно тратить времени на долгие объяснения. Впрочем, чего-чего, а времени нам здесь не жалко... Так ты готов идти или тебе нужно отдохнуть?

Нэль медленно встал. Ноги кое-как держали, но голова взорвалась новым приступом боли. Он охнул и пошатнулся. Светловолосый протянул ладонь.

— Дай руку.

Нэль повиновался, уже догадываясь, что будет дальше. Прикосновение ладони незнакомца было теплым и удивительно человеческим, оно дарило спокойствие и уверенность. Боль сразу отступила.

— Теперь тебе лучше, — сказал светловолосый и отпустил руку. — Пойдем. Время неважно, но нехорошо, что нас будут ждать.

Он легко зашагал по лестнице. Ступеньки словно сами прыгали ему под ноги. Нэль пошел за ним, пытаясь понять, ведет ли лестница вверх или все-таки вниз. В голове теснились десятки вопросов, но Нэль не знал, с которого начать. Впрочем, вопросы лучше прибберечь до встречи с остальными обитателями этого странного места. Если, конечно, ему позволят спрашивать. Пока что с ним обращались скорее как с гостем, нежели как с пленником, но все еще могло измениться.

Только от одного вопроса Нэль не смог удержаться.

— Куда мы идем?

— Туда, куда ты хотел попасть, — светловолосый коротко улыбнулся, обернувшись через плечо. На сей раз его улыбка Нэлю не очень понравилась, какая-то слишком зубастая она вышла. — В наш Божественный Дом.

Они шли долго и все время молчали. Нэль до рези в глазах вглядывался в дымку. Ему казалось, что впереди и вверху начинают угадываться неясные контуры то ли холма, то ли горы. И зрение его не обманывало. С каждой ступенькой, оставшейся позади, контуры проступали отчетливее. Нэль увидел холм, на вершине которого стояло какое-то строение, и услышал слабый аромат свежескошенной травы. Этот запах был настолько неуместным здесь, что Нэль едва не задохнулся. Даже если допустить, что на склонах Холма Двенадцати растет трава, то кто мог бы скосить ее? Нэль попробовал представить себе кого-нибудь из богов с косой в руках, но воображение отказывало.

Травянистая свежесть волнами разливалась в воздухе. Нэль отбросил все сомнения, и просто дышал и не мог ею надышаться. К нему вдруг пришло понимание, что здесь все точно такое же, как там, откуда он пришел: и трава, и земля, и воздух, — а бесконечная лестница — всего лишь иллюзия. Ему сразу стало спокойнее.

Светловолосый шел, не оглядываясь. Наконец, с последней ступени он шагнул на ковер из ласковой зеленой травы. Только тогда он повернулся к Нэлю.

— Мы почти пришли, Лионель из Аркары. Я надеюсь, ты хорошо подумал, прежде чем выразить желание встретиться с нами. Потому что пути назад для тебя нет.

— Я знаю, — ответил Нэль.

Светловолосый, склонив голову набок, взглянул магу в лицо. У этого жителя изнанки были удивительные глаза: они переливались и меняли цвет от светло-зеленого до черно-синего, словно грозовая туча. Зачарованный, Нэль никак не мог отвести от них взгляд. Казалось, светловолосый чему-то удивился. Он приподнял брови, слегка улыбнулся и кивнул.

— А теперь пойдём.

До светлого здания на вершине холма было рукой подать. Нэль силился и никак не мог хорошенько его разглядеть — оно все мерцало и переливалось. Он не мог даже понять, на что оно больше похоже: на огромную жемчужину или на кусок янтаря. Свечение, которое исходило от здания, ежесекундно меняло оттенок с золотого на серебряный — и обратно.

И очертания этого удивительного дворца не были постоянными. Нэль подумал, что строили его с помощью чистой магии, поскольку человеческим рукам не под силу создать нечто столь прекрасное, изменяющееся и текучее. Ему очень хотелось подойти поближе и рассмотреть дворец до мельчайших деталей. Может быть, даже прикоснуться к нему, чтобы убедиться в его реальности. Слишком уж эфемерным он казался.

А вот трава, в которой утопали ноги Нэля, была самая обычная, земная. Ласковая. Так и хотелось скинуть башмаки и пройтись босиком. Искушение было так велико, и он так устал от снега и холода, что на минуту все же остановился, чтобы разуться. Он совершенно не стыдился войти во дворец босым. Светловолосый обернулся к нему и улыбнулся ясной улыбкой.

Внутри дворец был ничуть не менее эфемерным. Нэль никак не мог избавиться от чувства, что его окружают иллюзии, хотя его ноги ступали по твердому полу, а его знания мага говорили: вокруг тебя реальность. Впервые Нэль испытывал подобную раздвоенность. Он не знал, чему верить.

Стены постоянно изменяли свой вид. Это происходило почти незаметно для глаз, и именно это почему-то особенно беспокоило Нэля. Он старался не смотреть по сторонам, заставлял себя держать глаза опущенными. Пол казался наименее обманчивым из всего, что его окружало. Он был выложен разноцветными мраморными плитами, которые приятно охладили босые ступни, и выглядел таким же настоящим, как зеленая трава на склоне холма. Глядя в пол, Нэль думал, что это последняя зацепка, удерживающая его рассудок в рамках здравого смысла.

Анфилада арочных проходов, через которую они шли, на первый взгляд казалась совершенно прямой, однако Нэль мог поклясться, что они поворачивали влево и вправо уже раз десять. Потом коридор оборвался, и Нэль почувствовал, что вокруг образовалось обширное пустое пространство. Он поднял голову. Он стоял у входа в просторную залу, стены которой уходили в невообразимую высоту. Каждый квадратный дюйм их поверхности украшали росписи. У Нэля не было времени разглядывать их подробно, но ему показалось, что в основу сюжетов легли канонические храмовые предания. Откуда-то сверху лился дымчато-золотистый призрачный свет. Отражаясь от гладкого пола, он придавал всей зале таинственный вид.

Нэль настолько был захвачен новыми ощущениями, что даже не заметил, куда пропал его провожатый. И удивился, когда услышал глубокий повелительный голос:

— Смертный, посмевающийся явиться в Божественный Дом! Подойди, чтобы мы могли видеть тебя и говорить с тобой.

Нэль прошел вперед. Зала была круглой; с противоположной входу стороны Нэль увидел возвышение. На нем стояли троны, числом ровно двенадцать. Нэль не обратил никакого внимания на их отделку, гораздо больше его занимали те, которые восседали на этих тронах. Их было шесть мужчин и шесть женщин. Внешне они казались совершенно разными, но, если приглядеться, можно было заметить какое-то трудноуловимое сходство во всех лицах.

Нэль снова испытал неприятное чувство раздвоенности. Мужчины и женщины выглядели как обычные люди, но имелась в них какая-то странность. Если бы Нэль увидел вместо человеческих лиц звериные морды, он и тогда не был бы так обескуражен. Далеко не сразу он понял, в чем дело. Да разве же сообразишь в одну минуту, что в одном человеке видно сразу двоих?

У каждого было по два лица, два образа. Они проступали друг сквозь друга, и не составляло труда догадаться, который из них истинный, а который — маска.

Нэль вдруг понял, что, по задумке хозяев Холма, он должен был видеть только одну сущность, обманку, которая соответствовала храмовым канонам. Но Двенадцать, очевидно, допустили какую-то промашку, и Нэль видел те их лица, которые они предпочитали скрывать от смертных.

А может, дело было в том, что Нэль уже видел эти лица на фресках в храме Безымянного.

Он легко догадался, кто есть кто. Довольно долго он и Двенадцать разглядывали друг друга в молчании.

Все троны казались одинаковыми, ни один из них не выделялся ни размерами, ни богатством отделки. Однако же в самой их расстановке проглядывала жесткая иерархия. В самом центре сидел Прайос, почитаемый выше остальных в мире Нэля, особенно у него на родине, в Медее. Бог-Солнце, Бог Справедливого Суда, Правдивый и Немилосердный — вот как его называли. За обликом крепкого седоволосого старца с ледяными синими глазами Нэль видел совсем другое лицо. Очень смуглый, худощавый мужчина средних лет с волной черных блестящих волос и с темными слегка раскосыми глазами — южанин, такой же, как Китаро. Нэль вспомнил его настоящее, неискаженное имя, вычитанное в черной книге: При-Осси. Так называли его когда-то очень давно, много тысяч лет назад, когда он был еще простым смертным.

По правую руку от Прайоса сидела Рондра-Воительница. Женщина, удивительным образом сумевшая соединить магию и искусство войны. Нэль не знал ни одного мага, который владел бы холодным оружием; впрочем, у Рондры было достаточно времени, чтобы научиться обоим искусствам. В храмах ее обычно изображали облаченной в кольчугу, коротко

остриженной, с раскрашенным свирепым лицом. Нэль же видел высокую, статную женщину с гладким широкоскулым лицом. Волосы ее были заплетены в косы и уложены в виде короны.

Слева от Прайоса расположился Эфферд, Повелитель Морских Глубин, Даритель Дождя. И снова за магически сотворенным обликом угадывался реальный.

Ту же двойственность Нэль видел и в остальных: Защитница Дома Травия, Бог Смерти Борон, Покровительница Мудрости и Магии Гесинда, Фирун-Охотник, Богиня Жизни Тса, Ночной Лис Фекс, Целительница Перайна, Кузнец-Созидатель Ингеримм, Веселая Любовница-Рахья – все они предпочитали скрывать свои истинные лица за магической личиной.

Нэлю вдруг показалось, будто он незваным попал на потусторонний, сумеречный карнавал. И оказался единственным, кто явился без костюма и маски.

Минуты уходили, и Нэль заметил, что нарочито суровое выражение на лицах Двенадцати сменяется откровенным любопытством. Вероятно, нечасто к ним в дом забредали смертные, которые не испытывали в их присутствии никакого трепета. Двенадцать были бессмертны, они прожили много тысяч лет и, должно быть, отбросили, как шелуху, все человеческие эмоции, но от скуки избавиться не сумели. Наконец, произошло нечто, что могло бы внести разнообразие в их застывшую бесконечную жизнь. Начиналось представление, и Нэль был центральным персонажем.

– Подойди сюда, – наконец, нарушил молчание Прайос и ткнул пальцем, указывая, куда именно должен встать гость. Нэль повиновался и почувствовал, как несметное число крошечных ледяных крючочков вцепилось в его одежду, волосы, кожу, в каждую пору, болезненно покаявая холодом. Они настойчиво тянули его вниз, кожа немела от уколов, мышцы сводило судорогами. Нэль не стал тратить время и силы, чтобы выяснить, кто именно из Двенадцати пытается приковать его к месту, принять подобающую подобострастную позу и полностью лишит подвижности. Он повел плечами, сбрасывая с себя тысячи крючочков одним усилием воли. Ему даже послышался тихий ледянистый звон разбившихся о пол крошечных иголочек. А затем по залу пронесся едва слышный множественный вздох удивления.

Больше никто не стал пробовать на нем чары, но Нэль решил, что лучше быть настороже.

– Назови свое имя, смертный, – велел Прайос.

– Меня зовут Лионель из Аркары, – сказал Нэль и не удержался, добавил с насмешкой: – Я думал, тебе это известно, ведь про тебя говорят, что ты

всеведущ.

Магический образ Прайоса остался невозмутимым, но настоящий Прайос чуть приподнял брови, коротко переглянувшись со своей величественной соседкой.

— Зачем ты сюда явился, дерзкий?

— Я здесь не по своей воле.

— Что ты хочешь сказать?

— Вижу, слухи о твоём всезнании сильно преувеличены, о При-Осси, — снова усмехнулся Нэль. — Бог-Ворон перенес меня в ваши владения — так он сказал сам. Мой же путь пролегал по другим мирам.

Боги зароптали, Прайос жестом велел им умолкнуть и подался вперед. У него хватило выдержки не заметить, что Нэль назвал его настоящим, неискаженным еще именем.

— Значит, ты утверждаешь, будто умеешь путешествовать по разным мирам? Ты понимаешь, с кем говоришь? Понимаешь, что за ложь я могу испепелить тебя в любую секунду, не пошевелив даже пальцем?

— Может быть, у тебя это и получится, — согласился Нэль. — А может быть, нет. Но я не лгу... При-Осси.

Он отчаянно блефовал. Он понимал, что у Двенадцати есть то, чего у него нет: громадный, недоступный человеческому пониманию тысячелетний опыт. Что такое по сравнению с этим его жалкие двадцать шесть лет? И все же Нэль не собирался подобострастно склоняться перед богами. Все его разговоры, исследования, опыты, вся его работа в последний год — это все было вызовом богам, и ничем другим. Он понимал, что за дерзость может поплатиться жизнью. Но что такое будет его жизнь, если он падет сейчас ниц?..

— Для смертного ты слишком самоуверен, — пророкотал Эфферд. — Уж не считаешь ли ты, что сравнялся с нами?

— Чем бы я себя ни считал, я не сумею защитить себя от объединенной силы Двенадцати. Поэтому я в вашей воле, — спокойно сказал Нэль. — Можете попробовать уничтожить меня, если хотите, но не лучше ли сначала выслушать?

Нэль заметил, что между Двенадцатью происходит постоянный обмен взглядами. Это его заинтересовало. Уж не ментальные ли маги собрались в Божественном Доме? Нэль не исключал

этого, хотя до сих пор не заметил, чтобы кто-нибудь пытался проникнуть в его мысли.

Переглянувшись с Прайосом, в разговор вступила Гесинда. Под маской аскетичной отшельницы, закутанной в темную накидку, скрывалась очаровательная миниатюрная женщина с огромными янтарными глазами. Вот эти глаза Нэль помнил еще со времен своего ученичества. Они были настоящими в обоих ее образах.

— Хочешь, чтобы мы тебя выслушали? — она поднялась с трона и, сойдя с возвышения, остановилась в двух шагах от Нэля. У него даже дух захватило, когда она заглянула ему в глаза.

— Мы кое-что о тебе знаем, Лионель из Аркары. Нам известно, что ты сильный маг и обладаешь нестигаемым духом и сильной волей. Но ты отрекся от знаний, полученных от наставников, а значит, отрекся от истинной магии. Отрекся от богов и людей.

Нэль с трудом мог выдержать ее взгляд, но не отводил глаз.

— Я отрекся от богов, но не от людей и не от магии, — тихо сказал он. — Это вы отреклись от людей, закрыв от них истинную магию и провозгласив себя богами.

— Так ты пришел, чтобы обвинять нас? Кто ты такой, чтобы судить богов?

— Я человек, а вы — не боги. Я знаю, кем вы были тысячи лет назад. Я помню то, что вы забыли или пожелали забыть.

— Ты слишком много на себя берешь, смертный. Считаешь себя избранным? Думаешь, ты способен изменить порядок вещей?

— Не знаю, способен ли я, но хочу попробовать. Потому что существующий порядок вещей — неправильный.

— Откуда тебе знать? Люди никогда не умели правильно использовать магию!

— Потому что никто их не учил. В человеке самой природой заложена способность творить магию, нужно только открыть в себе эту способность. Вы могли бы помочь людям, но предпочли установить для них свои правила и присвоили себе право решать, что дозволено им, а что нет. Разве это правильно? Кто вы такие, чтобы диктовать людям свою волю? Вы требуете, чтобы вам поклонялись только потому, что умеете то, чему не хотите научить других! Вы говорите, будто сотворили мир и людей. Но это ложь. Вы лжете, утверждая, будто Безымянный хотел уничтожить ваше творение, тогда как он и есть истинный творец! Вы присвоили то, что вам не принадлежит. И вы спрашиваете, кто я такой, чтобы судить о порядке вещей? Я — человек из мира, который вы прибрали к рукам и сделали своей

игрушкой!

Нэль старался говорить спокойно, но под этими самоуверенными, исполненными сознанием собственного всемогущества взглядами оказалось не так-то легко держать себя в руках. Он чувствовал, что самообладание ему изменяет. Он говорил все громче, все горячее, и когда, наконец, спохватился и усилием воли заставил себя замолчать, то удивился, почему его до сих пор не размазали по стенам. Поразительно, но Двенадцать стерпели его дерзость. А ведь им ничего не стоило его уничтожить: их могущество умножалось тысячелетиями, и один смертный против всех них едва ли стоил многого.

Гесинда быстро повернулась к остролицему и длинноносому Фексу, и тот принял эстафету.

— Слушаю тебя, маг, — заговорил он, — и кажется, будто твоими устами говорит кто-то другой. Если бы я не знал точно, что наш друг Безымянный спит крепким сном и не способен ни во что вмешиваться, я бы подумал, что ваши с пути пересеклись. Его мысли, его слова! Однако приходится признать, что ты либо дошел до всего своим умом, либо раздобыл где-то его книги.

Нэль молчал. Фекс выждал минуту и заговорил снова.

— Молчишь? Хорошо, тогда спрошу о другом. Почему тебя так волнуют человеческие судьбы? Ты маг, ты отмечен высшим божественным даром, так что тебе за дело до этих людишек? Если они до сих пор не научились пользоваться магией, значит, им это не так уж и нужно. Они просто боятся, вот и все. Не зря же каждые несколько веков повторяются гонения на магов. Тебе еще повезло, что ты не родился во времена, когда магический дар считался проклятием, иначе ты просто не дожил бы до своих лет! Сколько тебе было, когда дар открылся в тебе? Двенадцать лет? Четырнадцать? Тебя убили бы в тот же день! ...Магия просто не нужна людям. Им хорошо в своих коморках, на своих полях и огородах. Насильно ты их не перекроишь, только зря растратишь силы.

— Если ты так уверен в моем поражении, Фекс, зачем стараешься меня переубедить? — за время, пока говорил Лис, Нэль успел успокоиться, самообладание к нему вернулось. — Почему вы все сидите и слушаете меня, вместо того чтобы вернуть меня туда, откуда я пришел? Почему, если считаете меня ничтожным и бессильным, вы не уничтожите меня, вместо того, чтобы тратить на меня свое красноречие? Неужели вы все-таки меня боитесь?

Кое-кто из Двенадцати засмеялся, но остальные смотрели с возросшим любопытством. Заговорила Рахья, сопровождая речь плавными жестами обнаженных полных рук.

— Ты неверно понял нас, маг, — по ее губам скользила легкая улыбка. — Разве кто-то из нас утверждал, что ты ничтожен? О нет! мы наблюдали за тобой и видели, как растет твое могущество. В тебе заключен источник колоссальной силы, и ты еще не достиг его дна. Но это ничего. Ты еще так юн, даже по человеческим меркам. У тебя много времени. Ты можешь достичь самых вершин магии, если не станешь напрасно растрачивать силу в бесполезных попытках изменить существующий мировой порядок.

Нэль невольно рассмеялся. Никак боги готовы потесниться на своих престолах и предложить ему место в пантеоне, лишь бы только он отказался от своих намерений? Чем же он сумел настолько сильно поразить их, всемогущих, — он, несовершенный человек, простой смертный, чей дух заключен в оболочку из слабой плоти, от которой он так зависит?

— Понимать ли это как предложение стать учеником Двенадцати? — все еще смеясь, спросил он.

Рахья так и покатилась с хохоту, запрокинув голову и сверкая ровными белыми зубами. Ничего обидного или злобного в ее смехе не было, да и смотреть на нее было очень приятно, как и на любую веселую, великолепно сложенную, чувственную женщину. Борон, Травия, Перайна, Ингерим и Тса тоже заулыбались. Остальные смотрели сурово и мрачно, особенно Гесинда

так и ела Нэля глазами, всю выказывая неприязнь и пренебрежение. Еще бы! перед ней стоял человечиска, который должен бы был всю свою жизнь посвятить служению ей, Мудрой. А он даже не желает склонить голову перед богиней, пославшей ему дар магии!

— Понимай это как приглашение погостить в нашем Доме, а дальше будет видно, — весело сказал Борон. — Надеюсь, тебя не смущает, что приглашение исходит от бога смерти?

В другое время Нэлю было бы куда спокойнее, если бы Борон воздержался от этого замечания, но теперь он и бровью не повел. Бог-Солнце или Бог-Ворон — разница лишь в именах и, пожалуй, нагрудных медальонах.

Травия, как видно, решила разыграть роль хозяйки дома. Приятно улыбаясь, она сошла с возвышения, взяла Нэля за руку и предложила отдохнуть. Нэль сдержанно поблагодарил и согласился. Не стоило торопить события.

В залу откуда-то сбоку вошла девушка, лицом удивительно схожая с Фируном. Она не пряталась под магической личиной, но выглядела все-таки очень молодо, лет на двадцать пять, не больше. Хотя Нэль считал, что на самом деле ей было никак не меньше двух-трех тысяч лет.

— Ифирн, — представилась девушка, ничуть не удивившись появлению в Божественном Доме смертного. Не успел Нэль ответить, она взяла его за руку, и в следующий миг они вдвоем оказались в небольшой комнате. На вид это была самая обычная спальня в доме горожанина среднего достатка — без излишеств, но со всем необходимым. Правда, в этой комнате не было ни окон, ни дверей, и это навело Нэля на грустные размышления. Похоже, он все-таки пленник, а не гость. Он мог бы попытаться вернуться в свой мир через портал, но Нэль вдруг засомневался, что это получится.

Ифирн безмолвно повела вокруг рукой, предлагая располагаться, как удобно, и сразу же исчезла. Нэль присел на край кровати, застеленной пестрым одеялом, и перевел дух. В каком мире, интересно, находится эта комната? Может быть, он теперь оказался поблизости от дома Марики (который представлялся сейчас самым желанным местом в мире, надежным убежищем от всех невзгод), но как узнать наверняка?

Он потер уставшие глаза. Нужно поспать... Когда он в последний раз спал, раздевшись, в нормальной теплой постели? Он не помнил. Осенью в храме Безымянного было так холодно, что Нэль спал, не снимая балахона. За это время он так намерзся, что не успел отогреться за четыре дня у Марики. А здесь... Нэль погладил ладонью мягкое теплое покрывало и вдруг увидел предмет, который до сих пор не замечал (а может, еще минуту назад его и не было?) Это была вделанная в пол каменная ванная, которую до краев наполняла горячая вода. Нэль не стал долго размышлять, скинул опостылевшую грязную рясу и залез в ванную.

В подобной ситуации Арьель наверняка посетовал бы на отсутствие поблизости красивой полураздетой девушки, которая потеряла бы ему спинку... и еще как-нибудь его усладила бы. Подумав о музыканте, Нэль

грустно улыбнулся. Эх, Арьель, беспокойная твоя душа... Где теперь тот мир, в котором ты остался? Да и теперь ли? Нэль вовсе не был уверен, что течение времени в Божественном Доме такое же, как в его родном мире.

Нэль вымылся, заодно сбрив бороду, затем вытерся насухо полотенцем, которое кто-то заботливо для него приготовил, и лег спать. Долго ли он спал или нет, он не знал. Проснувшись же, обнаружил, что его храмовый балахон исчез бесследно, а вместо него рядом с кроватью лежит новая чистая одежда из тонких и дорогих тканей. Нэль слегка смутился — светское платье было ему непривычно. Дублет еще куда ни шло, но сапог он, сын лавочника, сроду не носил... Выбора, впрочем, ему не предоставили. Он медленно и тщательно оделся, расчесал и убрал в хвост волосы — среди прочего ему оставили гребень и бархатную черную ленту для волос. Осторожно, словно отражение могло на него наброситься, приблизился к большому зеркалу у стены. Из зеркала на Нэля взглянул незнакомый мужчина — невысокий, тонкий, с узким серьезным лицом, бледность которого оттенял черный бархат дублета. Не хватало только оружия на поясе, чтобы сойти за нобиля. Нэль отвернулся от зеркала и тут же забыл о своем отражении.

Ему захотелось попробовать, получится ли открыть портал в свой мир. Он сел на низкий бортик ванной, закрыл глаза и привычно ощутил в груди набухающий горячий шар силы. Перед внутренним взором отчетливо предстала лесная поляна, посреди которой стояла избушка Марики. Нэлю стало вдруг невыносимо душно в комнате без окон и дверей, всем своим существом он потянулся к домику ведуньи. В конце концов, какое ему дело до Двенадцати? Он ведь может просто ходить и учить людей, не спрашивая ни у кого ни разрешения, ни поддержки. Успеет он, конечно, немного, но ведь это только начало...

Он второй раз в жизни не сумел открыть портал. Первый раз Нэль потерпел неудачу, еще будучи тринадцатилетним учеником в храме Гесинды. Тогда он не рассчитал силу, и его первый портал взорвался прямо у него перед лицом. Он едва не ослеп, а наставник, мэтр Эйбел, без всякой жалости добавил ему от себя магических оплеух, повторяя, что в его возрасте нужно уже безусловно дозировать силу, потребную для чар... Но и тогда Нэль не испугался так, как сейчас. Попытавшись вернуться к Марике, он как будто с размаху налетел всем телом на кирпичную стену. Даже заныли ладони, которые он инстинктивно выставил перед собой, чтобы не удариться лицом.

Такое с ним приключилось впервые. На минуту его охватила паника, но он прикрикнул на себя: успокойся, болван! Кем бы ни выстроен этот барьер, его можно сокрушить.

Некоторое время он сидел неподвижно, закрыв глаза, и дышал на счет. Почувствовав, что снова владеет собой, Нэль перебрался на пол и растянулся на спине. Он собирался погрузиться в магический транс и разведать, нельзя ли как-то выбраться из тюрьмы, в которой заперли его Двенадцать.

Нэль сразу же ощутил присутствие чьей-то могучей воли. Он не видел и не ощущал ничего, кроме золотистой мглы, и не оставалось сомнений, что

эту мглу кто-то специально сотворил. Нэлю показалось, будто он разом утратил все органы чувств и погрузился в медовое мерцающее ничто. Или же нечто... Его сознание, вместо того, чтобы сжаться в маленький черный комочек и погрузиться в ослепшее и оглохшее «я», растеклось по бесконечности. Нэль попробовал собраться, превратить себя в остро заточенный клинок, способный расцедь липкую пленку золотого марева и освободить путь. Но ему противостояла та самая могучая воля, которую он ощущал всем своим существом. Он начал понимать, что это — объединенная воля Двенадцати, а значит, он едва ли сможет совладать с нею. Тут бы и отступить, не подставлять разум под ментальный удар, но Нэля, как всегда, вело упрямство. Пока у него оставались силы, он не собирался отступать, а там — будь что будет...

В храме Гесинды Нэль слышал истории о магах, которые вступали в ментальный поединок с врагами, и после уже не возвращались в свои тела. Куда уходили их души, никто не знал, но подразумевалось, что ничего хорошего их не ожидало. Нэль еще никогда не уходил в транс так глубоко, чтобы возникла опасность потеряться навсегда. Но теперь он понял, что может уже никогда не вернуться из этой золотой мглы.

Он призвал все свое хладнокровие. Испугаться значило в ту же секунду проиграть поединок. И вдруг он почувствовал, как нечто схватило его, стиснуло и потащило куда-то. Он принялся вырываться, растрачивая понапрасну силы; он вызывал в памяти картины, цеплялся за далекие воспоминания, которые могли помочь ему сохранить связь разума с телом. Но хватка не ослабевала. Нечто увлекало за собой его разум в неведомые миры и пространства.

Вот и конец, подумал Нэль, когда перед мысленным взором начал гаснуть уже и золотистый свет. Сейчас это нечто его раздавит, и он никогда уже не вернется назад. Глаза застило тьмой, она сгущалась и обретала очертания; и вдруг Нэль понял, что из тьмы слепилась ладонь. Гигантская ладонь, протянутая ему навстречу. Он из последних сил устремился к ней, не зная, не шутит ли с ним шутки измученный рассудок...

...и в полной мере ощутил материальность собственного физического тела, грянувшись с высоты около шести футов на жесткую поверхность. Он так сильно ударился, что тут же потерял сознание.

Глава 2

После долгого и тяжелого разговора о природе Двенадцати и Безымянного целых три дня Арьель и Марика не разговаривали друг с другом. Совсем. Не перемолвились даже словечком. Под конец распалившаяся Марика обозвала Арьеля богомерзким болтуном — и после этого замолчала. Музыканта захлестнула горькая обида — до першения в горле, до рези в глазах. Бывало, называли его по-разному, много чего он наслушался, но чтобы Марика обошлась с ним так грубо... Он чуть было не хлопнул дверью и не ушел,

куда глаза глядят, но вдруг понял, что без Нэля уйти не может — хоть его режь. И следующие несколько дней он был тихий и неприметный, как тень. Сидел, уткнув нос в книги, которые оставил Нэль. В них, помимо магических тайн, заключалась еще как бы частица мага — ведь это были его книги. Только черную книгу Арьель не трогал — боялся.

Естественный страх перед Безымянным породил вспышку гнева, но после выволочки, устроенной названному брату, Марика быстро остыла и призадумалась. Все было, кажется, вовсе не так просто, как ей сперва показалось. Арьель, конечно, человек очень легкомысленный, даже слишком, и к тому же мягкий, как сырая глина. Кто-нибудь более сильный духом — например, Нэль, — мог бы слепить из него все, что угодно... и все-таки Арьель не дитя, пусть он и легковверен, и мягок. Он воспитывался в храме, поэтому, когда дело касается богов, его не так легко сбить с истинного пути. Да и рассуждений этих о Двенадцати и Безымянном он наслушался не от кого-нибудь, а от Нэля, — храмовника, который, нельзя не признать, был себе на уме. Мага-то можно было переубедить, только предъявив ему неопровержимые доказательства. Иначе он, человек образованный и знающий жизнь, просто не поверил бы. Значит, если уж Нэль во что-то поверил, это просто обязано быть истиной...

От таких мыслей мороз пробирал по коже. Нэль утверждает, что боги — вовсе не боги, и это утверждение взялось явно не с потолка. Но тогда, выходит, храмовники веками лгут? Или заблуждаются? Но возможно ли заблуждение, длящееся много сотен лет? Храмовники не глупцы и не слепцы. Разве только они намеренно не видят того, чего не хотят видеть.

Вероятно, ответы на некоторые вопросы, мучившие Марику, можно было бы найти в черной книге, которую оставил Нэль. Но Марика не могла заставить себя даже просто прикоснуться к твердому кожаному окладу. Казалось, что едва она откроет фолиант, и пути назад, к прежней вере, к прежнему миру, больше не будет.

Беспокойство Марики усиливалось при воспоминаниях о новых магических способностях Нэля. Стоило ей только поглядеть на свои руки (одна ладонь загрубевшая и обветренная, вторая — нежная и мягкая), как в памяти начинал звучать негромкий голос мага: «Разве ты не хотела бы вернуть себе молодость?..»

Дни шли, муторная тревога нарастала, Нэль не возвращался.

На четвертый день Марика первой нарушила молчание. Она долго размышляла, что ей делать с книгами Нэля. Оставить у себя? Но какой в них прок? Без учителя ей не разобраться в высокой магии, а уничтожить магические фолианты решил бы только безумец.

— Что же мне делать с ними, если Нэль не вернется? — вздохнула она, глядя на стопку книг.

— Что? — Арьель беспокойно вскинул голову, впервые за несколько дней

услышав ее голос. Выглядел он неважно: лицо осунулось, взгляд потемнел. Тревога и усталость поедали его заживо. — Зачем ты об этом думаешь? Нэль вернется, он же обещал.

Марика покачала головой.

— Обещал, но мало ли что может случиться? Почему он не вернулся до сих пор? Кто или что его задерживает?

— Не знаю, кто из людей может его удержать или причинить ему зло, — возразил Арьель. — Желаящих множество, но способных...

— Ты так в него веришь?

— Да, — просто сказал Арьель. — А ты — нет?

— Думай, что хочешь, но я только и молюсь, чтобы нашелся кто-нибудь, кто сумел бы с ним совладать, — тихо ответила Марика. — Кто-то должен его остановить, иначе беда будет.

— Ох, Марика, ну что ты все каркаешь?

Марика ничего не ответила. Поглядела еще на книги, вздохнула о чем-то — и достала из угла корзинку с вязанием. Недавно крестьянская женщина подарила ей несколько мотков козьей шерсти, и теперь Марика вязала из нее носки.

— Лучше уж делом заняться, — проворчала она вполголоса и села у очага. Спицы так и замелькали у нее в руках. Арьель поглядывал то на нее, то на окно, где стеной валил снег. Ему подумалось, что если снег не перестанет, он окажется заперт в лесной избушке до самой весны. Если, конечно, Нэль не вернется раньше...

— Марика, — позвал он. Ведунья зыркнула на него одним глазом, не отрываясь от работы. — А ты можешь увидеть человека с помощью своего колдовства?

— Что значит «увидеть»? — неохотно отозвалась она.

— Ну, узнать, где он находится и что делает.

— Могу, — еще менее охотно сказала Марика. — Да только не для каждого такое колдовство годится.

— А можешь ты... попробовать.... ну... увидеть...

— Договаривай уж, что ты как дитя малое! Хочешь увидеть, где мага этого окаянного носит?

Арьель кивнул, глядя на нее с надеждой.

— Попробовать можно. Только, мнится, толку мало будет. Сила у него сейчас очень уж большая. Не достать его мне.

— А ты пробовала?

— Нет. Чего зря надрываться.

— Так ты попробуй хотя бы! — нетерпеливо вскинулся Арьель.

Довольно долго Марика молчала, орудуя спицами. Потом вдруг отложила вязанье, поднялась и ушла в дальнюю часть комнаты, где с потолка свисали пучки трав и корней. Арьель, подавшись вперед, смотрел, как она выбирает нужные. Конечно, вполне могло оказаться, что она собиралась делать отвар для хворой крестьянки, а вовсе не магическое зеркало. Но Арьель не посмел спрашивать.

Ведунья побросала в кипящий котел выбранные травки, подождала и зачерпнула ковшом кипятку. Вылила его на плоское блюдо, пошептала что-то. Наконец, она взглянула на Арьеля и поманила его к себе. Музыкант поспешно подошел, и она велела ему наклониться над блюдом и смотреть внимательно, а главное, ни в коем случае не касаться воды...

— Только не знаю, увидишь ли, — добавила она в сомнении.

Арьель подобрал волосы и взгляделся в водяное зеркало. Несколько минут он не видел ничего, кроме дна блюда, просвечивающего сквозь воду. Он собирался уже отойти, как вдруг поверхность зеркала залила чернильная тьма, а через нее серыми силуэтами проступили деревья. Не было видно ни ветвей, ни листьев, одни только стволы. Станный какой лес... Арьель вглядывался до рези в глазах, но не видел ничего, кроме бесконечных рядов деревьев.

— Марика, что это? — прошептал он.

— Откуда мне знать, что ты видишь? — отозвалась она так же тихо. — Зеркало отвечает на твои вопросы, не на мои.

— Я вижу лес... Точнее, одни только огромные серые стволы без веток и листвы. От самых корней они все обросли такой-то белесой паклей... Где это место? Никогда ни о чем таком не слышал.

— Я тоже. А Нэля ты видишь?

— Нет.

Арьель моргнул и увидел, как вместо деревьев на водной поверхности проступает новая картинка. Заплаканное девичье личико он узнал не сразу, поскольку не ожидал его увидеть. А узнав, не сдержал удивленного восклицания. Элейна, дочь благородного тана Альбрехта Аля из Тальеры! Почему вдруг она появилась в зеркале? Разве между нею и Нэлем есть какая-то связь?

Пока Арьель гадал, что это означает, картинка начала отдаляться, и Элейна показалась уже в полный рост. Она стояла в заснеженном внутреннем дворике замка и плакала, не пытаясь спрятать слезы. Арьель был поражен до глубины души. Он наклонился ниже, выбившаяся из прически прядь скользнула по щеке и упала в воду. Поверхность зеркала пошла рябью, и картинка пропала.

— Предупреждала же! — с досадой сказала Марика. — Ну, что еще ты видел?

— Там была Элейна, — растеряно отозвался Арьель. — Дочь тана Аля. Она

плакала... Что это значит? Я не понимаю.

— Зеркало может тебе что-то показать, но смысл ты должен найти сам. Может, все это касается не Нэля, а тебя самого. Я же говорила, что у меня не хватит силы дотянуться до Нэля, а потому мы мог увидеть что угодно. Например, то, о чем думал в эту минуту.

Арьель хотел возразить, что у него и мыслях не было Элейны (во всяком случае, в эту минуту), но Марика покачала головой. Она взяла блюдо и выплеснула остывшую воду в очаг. Языки пламени взметнулись под самый свод и сразу же опали.

— Марика! — умоляющим голосом позвал Арьель. — А ты не могла бы попробовать еще раз?

— Нет, — отрезала она. — Даже не проси.

* * *

Когда благородный тан Аль получил приказ немедленно прибыть в королевский дворец, он решил, что поедет один. Он предчувствовал, что король вызывает его по делу, связанному с храмами Гесинды и с Нэлем. А значит, Каю в столице делать было нечего.

Перед отъездом тан переговорил с сыном с глазу на глаз и сообщил, что оставляет его за старшего и передает полномочия решать любые дела от его, тана, имени. Хозяйственные вопросы, впрочем, оставались в ведении Элейны, как обычно.

Элейна, узнав о распоряжении отца, почувствовала, как сердце сжимает холодная и липкая рука страха. Отец уезжал, не зная, вернется ли домой — Элейна сразу это поняла, в отличие от юного Кая, гордого возложенной на него ответственностью. Ее душа мучительно корчилась от сверхъестественного ужаса и ненависти к человеку, ставшему главной причиной безнадежного путешествия отца. Этим человеком был мэтр Лионель из Аркары. Еще никто, за всю жизнь Элейны не вызывал в ней ненависти, но при одной мысли о молодом маге ее накрывало черной ледяной волной. Чтоб ты сгинул! — неустанно повторяла она, сама пугаясь силы собственной ненависти. Ежечасно она напоминала себе, что если б не маг, не видеть ей больше брата, — но это не помогало. Это благодеяние лежало на одной чаше весов, но ее перевешивала другая чаша, со всем тем злом, которое причинил дому Алей мэтр Лионель. Стоило ему появиться во владениях тана, и пошло-поехало. Неприязнь магов, затем немилость короля, замученного доносами храмовников... Если бы Элейна могла давать отцу советы (и если бы он к ним прислушивался), она посоветовала бы с самого начала отказать аркарцу в убежище. Но тан поступал по собственному разумению — и вот, пожалуйста, сам себя загнал в ловушку, из которой не чаял выбраться целым и невредимым.

Элейна видела, что после последнего появления в замке мэтра Лионеля с отцом творится неладное. Она не знала, что именно произошло в

его кабинете, знала только, что молодой маг был там — и исчез. Она обрадовалась было, но отец пришел вдруг в такую ярость, что радость ее сменилась страхом. Стало очевидно, что он чего-то ждал от мэтра Лионеля, но дождался совсем не того. Он досадовал и злился на себя, и на молодого мага, и на прочих магов тоже. А когда ему сообщили, что храмовники тоже упустили мэтра Лионеля, он и вовсе вышел из себя.

А теперь он уезжал в столицу. Элейна вместе с Каем и Эрредом вышла его проводить. Ей хотелось броситься к нему, схватиться за стремя и со слезами умолять его беречь себя, — но она не могла себе этого позволить. Следом за братьями она приблизилась к отцу, который уже возвышался в седле, приникла губами к его руке и пожелала счастливой дороги и скорейшего возвращения.

— Ничего, Элейна, ничего, — мягко сказал отец. Вероятно, он разглядел в ее глазах то, что она не посмела высказать вслух. — Не беспокойся, отбрось свои глупые страхи. Скоро я вернусь, и, вот увидишь, еще жениха тебе в столице найду.

Элейне не нужен был никакой жених, но долг покорной дочери велел благодарить. Она проговорила положенные слова, склонив голову, еще раз поцеловала отцу руку и отошла в сторону.

— Не реви, — грубовато бросил ей Кай, едва только тан выехал со двора. — Что еще за глупости?

— Я не реву, — ответила Элейна, хотя по щекам так и катились слезы.

Кай, насупившись, сунул ей платок.

— В первый раз, что ли, отец уезжает? Чего это ты вдруг взялась сырость разводить?

— На погибель — в первый раз.

— Какая еще погибель? — взъярился Кай. Прежде он никогда не повышал голоса на сестру, и она отшатнулась в испуге. — Ну и глупая же ты, сестрица! Сама не понимаешь, что болтаешь, так что помолчи лучше!

Элейна хотела было объяснить брату, почему ей лезут в голову такие мысли, но вдруг спохватилась. Если б она начала говорить, пришлось бы рассказывать и про мага, а Кай не потерпел бы, скажи кто-нибудь о нем хоть одно дурное слово. Он хотя и не показывал свою привязанность так открыто, как Эрред, но все же Элейна видела, с каким почтением он взирает на мэтра Лионеля. Нет, Кай ее не поймет и не поддержит.

Во всем замке только один человек мог помочь Элейне. По крайней мере, мог попытаться. Это был домашний лекарь, пользовавшийся благородного тана и его домочадцев, почтенный уже старец с длинной седой бородой и подслеповатыми добрыми глазами. К нему и отправилась Элейна после того, как за отцом закрыли ворота.

Уже которую ночь она не могла заснуть. Бессонница и тяжелые сны

измучили ее, и она хотела попросить у лекаря какое-нибудь снадобье, дарующие спокойный сон без сновидений. Добрый старик очень удивился ее просьбе.

— Вы такая юная девица, — покачал он седой головой, — неужто вы видите дурные сны? В ваши годы сон должен был легок и нежен, как пуховое перышко!

От досады Элейна покраснела до корней волос. Старику бы поэмы сочинять, а не врачеванием заниматься! Ей вовсе не хотелось объяснять, какие такие сны не дают ей покоя. Довольно и того, что она доверилась виновнику своих бед. Ее до сих пор пробирала дрожь при воспоминании о том взгляде, который одарил ее маг при последнем разговоре. А что он ей наговорил! А что, наверное, подумал!.. Вот ведь стыд! Нет, нет, довольно уже этого. Что подумают родные и слуги, если узнают, что в сновидениях ей является молодой мужчина?..

— Просто дайте мне снотворное средство, — сердито сказала Элейна лекарю. Она никогда не позволяла себе разговаривать в подобном тоне с теми, кто стоял ниже ее, но сейчас она просто вышла из себя. — И прошу вас никому не говорить о моей просьбе, слышите? Не желаю, чтобы отец или братья узнали!

Старик был озадачен, но пообещал, что будет молчать. Элейна ушла от него, успокоенная хотя бы на этот счет.

Больше радоваться было нечему. Она принимала снадобье на ночь, как было предписано, но спать спокойнее не стала. Сны никуда не исчезли, напротив, стали как будто ярче и отчетливее.

Едва уснув, Элейна видела мэтра Лионеля из Аркары. Он выглядел совсем измученным и больным, на исхудавшем лице остались одни глаза — огромные, черные, лихорадочно блестящие. Его бледная кожа стала совсем прозрачной, и через нее как будто пробивался отсвет внутреннего пламени, пылавшего в его душе. Маг походил на зажженный светильник. Элейна была так зачарована этим огнем, что не сразу заметила вторую фигуру, проступившую из воздуха рядом с магом. Этот второй держал молодого человека на руку. Элейна никогда раньше его не видела. У него было какое-то слишком острое лица, слишком тонкие черты, слишком большие глаза, к тому же — удивительного золотого цвета. Еще у него были длинные пепельные волосы, спускавшиеся ниже пояса. Этот незнакомец улыбался магу и сжимал его руку все сильнее и сильнее, а тот глядел на него с неизменной мукой в глазах...

Пробуждаясь, Элейна пыталась понять, кого же она видела рядом с магом. Откуда появился в ее снах этот незнакомец? Что значила его странная улыбка? Почему он держал мага за руку, и почему его прикосновение было для того столь мучительно? Эти вопросы Элейна не могла разрешить самостоятельно, и тосковала, не зная, к кому обратиться за помощью. Где найти человека, который истолкует ее сны? Не идти же в храм Гесинды или

Борона, покровителя снов. Элейна чувствовала себя в не силах говорить с храмовниками, особенно с магами. Вот если бы поблизости был человек, который хорошо знал аркарца и при этом был дружелюбно настроен к Элейне...

Несколько раз ей приходил на ум златокудрый красавец, — кажется, музыкант, — который бывал в замке по делам мага. Он казался добрым человеком, и Элейна, пожалуй, осмелилась бы поговорить с ним о мэтре Лионеле, хотя совсем его не знала. Но что толку было думать об этом, все равно она не знала, где он и как его найти.

Глава 3

Очнувшись, Нэль обнаружил, что лежит, уткнувшись носом в твердую пыльную землю. Ее покрывал ковер из желтых еловых игл и пожухлых листьев. Что-то в последнее время я стал слишком часто терять сознание, подумал он с неудовольствием. Он приподнялся и встряхнул головой, чтобы привести мысли в порядок и заодно освободиться от застрявших в волосах сосновых иголок. Хорошо хоть, на этот раз обошлось без болезненных ощущений. В голове, впрочем, снова поселилась тупая ноющая боль, но ничего другого после ментального поединка с сильным противником ждать и не приходилось.

Нэль подобрал ноги и сел. Бездумно набрал в горсть хрупких серых листьев, сжал и снова раскрыл ладонь. Меж пальцев потекла серая пыль. Давно, очень давно опали эти листья... Сколько же веков они пролежали так, не истлев и не обратившись в прах?

Вокруг вздымались в немыслимую высь огромные серые стволы, густо оплетенные лишайником. Неба не было видно за переплетением могучих ветвей, темные кроны образовывали над головой сплошной свод. Ветки поднимались так высоко, что Нэль не мог разглядеть, покрывают их листья или иглы вроде сосновых.

Станный, безвременный лес. Здесь властвовали безмолвие и безветрие. Нэль не удивился бы, если бы узнал, что он — единственное живое существо среди серых деревьев-великанов. Он вообще уже ничему не удивлялся. Даже тому, что перенесся в это место из своей тюрьмы телесно, хотя в путешествие отправилось только его сознание. На всякий случай он ощупал себя руками. Тело было вполне материальным, но это ничего еще не значило. Ведь Нэль понятия не имел, можно ли ощутить нематериальными руками нематериальное тело, если на самом деле оно — всего лишь проекция сознания.

Очень хотелось пить, рот пересох так, что Нэль не сразу сумел сглотнуть. Последний раз он ел около суток назад... то есть, по его внутренним ощущениям, прошло около суток. Он осмотрелся. Земля была сухая, водой даже не пахло. Конечно, где-то в глубине, там, куда тянутся могучие жадные корни, под футами пересохшей и истощенной земли, струятся подземные

ручьи. Но не тревожить же земные недра ради глотка воды?

Нэль редко прибегал к магии творения. Он крепко помнил правило: если где-то прибудет, но в другом месте обязательно убудет. И как знать, не пошатнется ли равновесие. Но пить хотелось просто невыносимо, воздух цеплялся за пересохшее горло, как за шлифовальную шкурку, и Нэль подставил ковшиком ладони. Тоненькой струйкой в них пролилась из ниоткуда холодная чистая вода — совсем немного, только чтобы умерить мучительную жажду.

Напившись, он сразу вспомнил другую ладонь. Ту, что протянулась к нему из тьмы. Или нет... она сама была сгустком тьмы. Тут Нэль обнаружил, что не очень хорошо помнит произошедшее с ним после погружения в транс. Во всяком случае, те воспоминания, которые касались таинственной руки, тонули в тягучей мгле. Чья это была ладонь? Это она перенесла Нэля в удивительный и древний лес? Если да, то зачем?

Потом ему пришло в голову, что кто-нибудь из Двенадцати может появиться здесь следом за ним. А у него не было никакого желания ни говорить, ни сражаться с ними. Он встал и отряхнул одежду. Солнца не было видно (если только оно вообще существовало в этом мире), Нэль выбрал направление наугад и пошел меж деревьев. Серые листья шелестели под подошвами сапог, обращаясь в пыль. Только тихий шорох умирающей листвы и звук собственных шагов — более ничего. Если прислушаться, можно было услышать, как шумит кровь в ушах, как бьется сердце и работают легкие...

Нэль шел, огибая исполинские стволы, и погружался в воспоминания о прошлой жизни. Почти все они были связаны с храмом Гесинды, о матери, отце и Лионетте он думал и вспоминал гораздо реже. Госпоже Магии мало было завладеть его душой и сердцем, она пожелала получить и его память тоже...

Под ногу попался корень, чудовищно вывернутый, завязанный узлом. Нэль споткнулся и чуть не полетел кувырком. Пора было вернуться с небес на землю. Он посмотрел под ноги и обнаружил, что корни тянутся к нему со всех сторон — узловатые, корявые, напоминающие уродливых животных. Нэлю даже показалось, будто они и впрямь движутся, пытаются схватить его за ноги. Он отпрянул, споткнулся снова, но зато убедился, что живые корни всего лишь примерещились. Конечно же, деревья не могут двигаться.

Впрочем, переместиться физическим телом в состоянии магического транса тоже нельзя. Так он считал до сегодняшнего дня...

Теперь он внимательно глядел под ноги, и не сразу заметил, что лес вокруг него меняется. Деревья стали приземистее и росли реже. Сквозь их крону неуверенно пробивался свет, на сухую землю ложились бледные сероватые блики. Появлялся подлесок, пока еще редкий, но он становился все гуще с каждым шагом. Наконец, Нэль в растерянности остановился перед сплошной стеной высокого кустарника, похожего на можжевельник. Его длинные разлапистые ветки были густо усыпаны черными и блестящими,

как вороний глаз, ягодами. Нэль разглядывал их и размышлял: не повернуть ли назад? Очень не хотелось продирааться через плотное переплетение ветвей. Да и в верном ли направлении он идет?.. Нэль усмехнулся. Какой глупый вопрос! Если б он еще знал, куда, и зачем идет... Эх, была — не была, подумал он, выбирая место, где переплетение ветвей казалось пореже. И пошел вперед.

Его охватило странное состояние безмятежности. Он затерялся в пространстве и времени, его дальнейшая судьба была неопределенной, однако все это его совсем не беспокоило. Его мысли прояснились, тело стало необычайно легким. Никогда в жизни он не был настолько беззаботен. Он ничуть не волновался о том, что может обнаружить за лесом; и не думал о возвращении в свой мир. Все шло, как было predetermined, и он ничего не мог изменить, а потому оставалось только смириться и плыть по течению. Сколько раз ему повторяли разные люди: «Смирись!», — и вот, видимо, пришла пора... Он только внимательно смотрел по сторонам, чтобы примечать и запоминать все, что встретится по пути. В дальнейшем это могло пригодиться.

Его безмятежного спокойствия не могло нарушить даже отчетливое ощущение чужого взгляда в спину. Кто-то неотрывно наблюдал за Нэлем... Он даже обернулся несколько раз, готовый встретиться глазами с чьим-то ищущим взглядом. Но вокруг по-прежнему было пусто и тихо.

Он шел долго и начал уже уставать. Меж тем, серый тусклый свет по-прежнему лился сквозь древесную листву, словно солнце этого мира навсегда застыло в одной точке. Впрочем, Нэль допускал, что солнца здесь вовсе нет. Кроны деревьев заслоняли небо; когда Нэль поднимал голову, то видел только неизменное кружево ветвей.

Заросли кустарника тянулись, насколько хватало глаз. Нэлю смертельно надоело продирааться сквозь них, и он уже жалел, что выбрал это направление. Возвращаться, впрочем, было поздно. Да и как знать, не ходит ли он по кругу? Нэль вполне допускал такую возможность, учитывая отсутствие всяческих ориентиров.

Он невероятно обрадовался, когда выбрался, наконец, из кустарника. К этому времени он совершенно уже выбился из сил. Ноги в непривычной обуви гудели, все тело налилось свинцовой усталостью. Нэль сел на землю, стянул сапоги и с наслаждением пошевелил пальцами. Пусть сапоги — обувь благородных, но все же в башмаках или даже босиком ему было куда удобнее.

Он сам не заметил, как уснул прямо на земле. Сон был похож на небытие — глухая темнота без чувств и мыслей. Однако, проснувшись, Нэль почувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим, только очень голодным. Но он сразу забыл о голоде, едва обнаружив, какой сюрприз его поджидает.

Еще не открывая глаз, он понял: что-то не так. Несколько минут он лежал неподвижно, пытаясь понять, что изменилось. Потом сообразил, что по

его щеке прыгают теплые солнечные зайчики, а ноздри щекочет терпкий запах июньского разнотравья. Но ведь в том лесу, где он уснул, не было ни солнца, ни травы... Нэль приподнялся и увидел, что лежит в высокой траве на краю лесной опушки. Со всех сторон ее обступали самые обычные дубы и рябины. Над тем местом, где лежал Нэль, нависала могучая ветвь, заботливо прикрывая его от жарких полуденных лучей. Легкий ветер колыхал листву, и солнечные зайчики прыгали по лицу Нэля, щекоча губы и ресницы. Солнце стояло в зените, и жаркий день был до краев наполнен деловитым жужжанием насекомых.

Нэль понял, что это не его мир. Или же просто не его время. Там, откуда он пришел, было начало зимы... Впрочем, как знать, не прошло ли уже полгода с тех пор, как он попрощался с Марикой?

Благостное расположение духа вдруг покинуло Нэля. Он почувствовал раздражение от того, что кто-то швыряет его туда и сюда, словно тряпичный мяч. Конечно, он и сам виноват — полез, куда не просили...

— Послушай, кто бы ты ни был! — сказал он громко. Очевидная нелепость беседы с пустотой его ничуть не смущала. — Наверное, я должен быть благодарен тебе за то, что ты помог выбраться мне из Божественного Дома, а затем перенес сюда. Но мне хотелось бы знать, кого благодарить. И еще хотелось бы знать заранее, где окажусь в следующую минуту. Это место, конечно, очень красивое, но можно хотя бы намекнуть, где я и когда я?

Ответа Нэль не ждал. В сущности, ему хотелось только выплеснуть раздражение. И он очень удивился и даже слегка испугался, когда прямо в левом ухе раздался странный голос, прошептавший, казалось бы, без всякой связи с его тирадой:

— Помоги мне, и я помогу тебе.

— Кто ты? — спросил Нэль, озираясь. Он по-прежнему был один.

— Иди за солнцем, — прошептал тот же голос, только в правом ухе.

Солнце стояло прямо над головой. Нэль, прищурившись, запрокинул к нему лицо. Куда же идти? В небо?

— Что ты имеешь в виду?..

Едва заметное движение на противоположной стороне поляны привлекло его внимание. Перед темной стеной деревьев из ниоткуда появились два столба солнечного света... или, вернее, это была арка, как бы обозначающая проход. Как будто для меня нарочно сделали вывеску, оторопело подумал Нэль, разглядывая солнечную арку. Что же это за шутник со мной играет?

Пока он удивлялся, видение померкло, рассыпалось в сиянии летнего полдня золотой пылью. Нэль медленно поднялся и через высокую траву босиком пошел туда, где ему указали вход в лес.

Теперь он увидел, что в этом месте деревья стоят реже и образуют как бы коридор. Нэль ступил под его высокие своды. Здесь было прохладнее и тише,

чем на поляне. Этот лес был настоящим, в отличие от того, по которому Нэль шел до того, как его сморил сон.

Коридор уводил его все дальше в лес. Оглянувшись, Нэль не увидел позади ни малейшего отблеска роскошного летнего дня, бушевавшего на поляне.

Несколько раз ему попадались кусты малины с мелкими ягодами, и костяника. Тогда Нэль останавливался, чтобы набрать ягод. Голода они не утоляли, но рождали на языке нежную ароматную сладость. С неясной тоской Нэль вспомнил июльский день на земляничной поляне, и ясноглазую девочку, вместе с которой они в четыре руки наполняли ягодами плетеный туесок. С тех пор не прошло и полгода, а ему казалось, что минула вечность. На какой-то миг ему мучительно захотелось вернуться в тот день. Может быть, его жизнь повернулась бы иначе, и он остался бы в Рябинниках деревенским колдуном, не желая и не ища большего... Может быть... но сумел бы он смирить сердце?

Нэль шел не очень долго, и вдруг деревья расступились, образуя почти ровный круг, в центре которого Нэль увидел невысокий, явно рукотворный холм или курган. С одной его стороны был устроен вход, заваленный огромным, в два человеческих роста, камнем. Нэль остановился перед ним. Он чувствовал, как покалывает лицо, и как приподнимаются волосы на голове. Воздух вокруг кургана был перенасыщен магией. На это место было наложено очень сильное заклятие, причем такое хитрое, что случайный прохожий его просто не заметил бы. Впрочем, откуда бы тут взяться случайному прохожему... Нэль вдруг вспомнил, как Тертый говорил о пробуждении Безымянного, и его пробрала дрожь. Неужели храмовник был прав и он — тот избранный, которому суждено вернуть к жизни старого бога? Потому что, если Нэль стоял сейчас не перед местом успокоения Тринадцатого, то значит, он вообще ничего уже не понимал.

Но чтобы разбудить Спящего, нужно было попасть внутрь кургана, а его защищало заклятье. Нэль заколебался: должен ли он снять его? Похоже, его привели сюда именно для этого. Но зачем это нужно ему, лично ему?

«Помоги мне, и я помогу тебе», — вспомнился ему загадочный голос. Что ж... его просили о помощи, а у него все равно не было другого выбора, кроме как прислушаться к этой просьбе. Нэль сел на землю, привычно подобрав ноги. Снятие чар потребует много, очень много сил...

Он не успел даже закрыть глаза, как перед ним из воздуха материализовалась человеческая фигура. Она была довольно высокой, так что взгляд Нэля уперся прямо в пышные, округлые бедра, соблазнительно обрисованные складками тонкой мягкой ткани. Он поднял глаза. На женщине была только легкая туника и плащ, раскрытый на груди.

— Что ты собираешься делать, смертный? — спросила Рахья, встретившись с ним взглядом. Грациозно села на землю, поддернув подол туники выше колен. — Неужто говорить разучился? — продолжала она, поскольку Нэль молчал. — Впрочем, не трудись отвечать, и без того все ясно. Ты не сумел

бы выбраться из покоев Прайоса самостоятельно. И это место не сумел бы отыскать. Тебе помогли, верно? Ну буду даже спрашивать, кто. Надо же, у него еще осталась какая-то сила... и теперь он использует ее, чтобы вернуться к жизни. А тебя, смертный, он сделал своим орудием.

Нэль все молчал, раздумывая, явятся ли за Рахьей остальные, и чем ему это грозит. Рахья как будто прочла его мысли.

— Не беспокойся. Я пришла сюда одна. Остальные еще не знают, что ты улизнул. Впрочем, скоро узнают.

— Почему ты не рассказала им?

— Зачем было им рассказывать? — она улыбнулась и пожала роскошными атласными плечами. — Мне хотелось побыть с тобой наедине. Может, у меня получится переубедить тебя?

— Так я все-таки опасен для вас...

— Ну, не строй из себя дурачка. Как будто ты не знал этого с самого начала. Разумеется, твои планы никого тут не порадовали. Хотя, скажу по секрету, кое-кто до сих пор не догадывается, что ты еще и Безымянного хочешь разбудить. Но когда и это станет очевидным, тебя объявят злейшим врагом богов и людей. И поделом! Ты ведь сам не понимаешь, смертный, на что замахнулся. Ты даже не можешь предвидеть последствий своих поступков.

— Конечно, богам ложным не понравится возвращение бога истинного, — спокойно сказал Нэль.

— Мальчишка! Что ты можешь знать об истинном боге?

— Достаточно того, что он звал меня и просил о помощи.

Рахья фыркнула.

— Глупый смертный! Ты готов развязать войну и погубить тем самым весь мир?

— В ваших силах разрешить конфликт с Безымянным мирным путем, — возразил Нэль.

— После тысячелетнего-то заточения? Ха! Думаешь, у него хватит на это милосердия? Нет, можешь мне поверить, он пожелает на нас отыгаться.

— Это не мои трудности...

— Послушай, маг... — промурлыкала Рахья, пододвигаясь ближе. — Тебе-то что в этом за корысть? Думаешь, Безымянный наградит тебя? Что тебе нужно? Скажи, и, быть может, я сумею удовлетворить твои желания? Одно только слово, и, клянусь, я сделаю так, что ты вообще обо всем забудешь. Я дам тебе такое, чего тебе никогда не даст никакая магия. Ведь ты, наверное, еще девственник? Скажи, я угадала?..

Она ворковала и подвигалась все ближе, и вдруг обхватила обеими руками его голову, вцепившись в волосы, притянула к себе, прижалась всем телом и поцеловала в губы. Ошарашенный, Нэль попытался отстраниться,

но Рахья была крупной женщиной. Она без труда опрокинула его на спину и навалилась сверху, терзая поцелуем его губы. Нэль почувствовал себя так, будто проглотил сгусток расплавленного металла. Не было никакого блаженства, никакого наслаждения, а только боль и отвращение к женщине, которая вела себя не как богиня Рахья, а как шлюха из дешевого портового храма! Впрочем, с кого им и брать пример, если не с богини, которой они служат? Эта мысль неожиданно рассмешила Нэля, и он расхохотался. Его смех неожиданно подействовал на Рахью. Она зашипела, словно гигантская кошка и отскочила в сторону, в один миг оказавшись на ногах.

Нэль тоже поспешно поднялся, понимая, что теперь только держись. Он едва успел начаровать защиту, а Рахья уже замахивалась. Ударила она вроде бы просто открытой ладонью, но усиленная заклинанием оплеуха могла бы своротить челюсть и кому-нибудь покрепче Нэля. А может быть, и череп разнесла бы. Нэль отделался легко, магический экран принял удар на себя, его только отбросило на несколько шагов назад.

— Ну что, колдунишка, отпала у тебя охота смеяться надо мной? — крикнула Рахья. Из ее ладони вырвалось короткое огненное копье, рассыпающее вокруг яростные искры. Нэль без особого труда отразил его, но следом в него полетело второе. Для богини у Рахьи было удивительно бедное воображение. — Я тебя сейчас по деревьям размажу!

Отвлекаться на такие детские угрозы во время серьезного магического поединка никак не годилось, и Нэль только подивился, почему Рахья, опытный маг, допустила такую промашку. Быть может, у нее давно не было практики? Наверное, с тех пор, как был повергнут Безымянный, не на ком стало оттачивать боевые заклятья.

Нэль встал поудобнее, приготавливаясь атаковать. Убивать Рахью он не хотел, да и сомневался, что это вообще возможно, но нужно было ее обездвигить. Нельзя, чтобы она вернулась в Божественный Дом и привела к кургану остальных богов. Нэль впервые в жизни пожалел, что не владеет ментальной магией. Но его противница, кажется, неспособна была воздействовать на его сознание.

Нэль решил пойти напролом и прибегнуть к грубой силе. Среди молодых магов распространено было заклинание под названием «магическая дубина». Работало оно и впрямь как обычная дубина, сила ее удара зависела от силы заклинателя, а степень повреждений — от уровня защиты противника.

Нэль легко определил надежность магического щита Рахьи. Он нанес ей несколько узконаправленных, точечных, но сильных ударов, и стало ясно — достать ее будет непросто. Может быть, магия нападения у нее и слабовата, но зато магия защиты очень хороша. Впрочем, подумал Нэль, мне должно хватить силы сокрушить ее...

...Когда Рахья с размаху упала в траву, словно кто-то подрубил ей ноги, дело оставалось за малым. Заклинание обездвиживания, затем заклинание, призванное удерживать Рахью как можно дольше в бессознательном состоянии. Нэль легко справился с этим и потратил несколько минут, чтобы устроить для богини подстилку из веток и листьев. Не мог же он оставить ее лежать прямо на земле... Весила она, правда, немало, он ни за что не поднял бы ее, поэтому опять пришлось прибегнуть к чарам. Сегодня все давалось Нэлю легко. Устроив Рахью на импровизированной подстилке, Нэль наколдовал над ней защитный покров на случай дождя — и только тогда остался удовлетворен. Покончив с этим, он вернулся к кургану и преклонил колени.

Заклятье, наложенное на усыпальницу Безымянного, оказалось очень сильным. Нэль полностью сосредоточился на нем, и мир для него исчез. Он обнаружил себя висящим в пустоте, в бесконечности; он был крошечной песчинкой, он почти не существовал. Один неверный шаг, и его поглотит бездна. Который раз он оказался на грани безумия, великий страх охватил его. Но не зря же говорят, что глаза боятся, а руки делают.

— Осторожно маг! — знакомый шепот донесся из неохватной тьмы, коснулся шеи, пробежался по волосам на затылке. — Ты можешь погубить себя! Если попадешь под действие заклатья, никто тебя не спасет!

Нэль и сам это знал. Он уже понял, что тьма вокруг — это сон-небытие, в которое погружен Безымянный. Только как его тут отыскать? Если бы коснуться его сознания...

— Где ты? — крикнул он в сон. Голос его прозвучал пугающе слабо, как будто слова умирали, едва сорвавшись с губ. — Как мне найти тебя?

— Ищи... я ничем не могу тебе помочь... не трать слова, они ослабляют тебя...

Как видно, силы Безымянного тоже иссякали. Его шепот звучал все тише, пока вовсе не смолк. Нэль понял, что остался один, и его захлестнуло отчаяние. Уж не поменялся ли он местами с Безымянным? Неужели ему придется провести тысячи лет в бездне сна, без движения, без света, без времени, без мыслей?

— Нет, нет, нет! — закричал он яростно. — Ничего у вас не выйдет! Ничего! Вам не получить меня!

Его крик всколыхнул тьму. Она дрогнула, вспыхнула ослепительным цветком и рассыпалась звездной пылью в лицо Нэлю. Он снова закричал и закрыл ладонью глаза.

И вдруг на лицо ему полилась ледяная вода. Она сбегала струйками по шее и затекала за шиворот. Нэль передернулся и открыл глаза. Он лежал на жестком полу, и над ним склонялось мужское лицо, черты которого были знакомы ему до боли, до дрожи, до озноба: много раз он видел их в своих снах и на фресках в подземном храме. Высокая линия скул, острый подбородок, длинный тонкий нос, и главное — огромные золотые глаза с вертикальным кошачьим зрачком. Вдоль лица ниспадали длинные пепельные локоны. Нэль быстро сел и обтер ладонями мокрое лицо.

— Ну, здравствуй, человек, — мягким голосом проговорил золотоглазый. Он сидел на корточках рядом. — Долго же я тебя ждал.

На Нэля медленно снисходило понимание: ему удалось снять чары, пробудить Спящего и при этом уцелеть самому. Хотя был момент, когда он думал, что ему пришел конец.

— Ты оказался сильнее, чем я думал, — откликнулся на его мысли золотоглазый. — Это хорошо. Я уже боялся, что ты завянешь в заклятии и останешься в кургане спать вместо меня. Или вместе со мной.

Нэль молча кивнул. Золотоглазый озвучил его собственные мысли.

— Я должен поблагодарить тебя, — продолжал золотоглазый. — Ты и представить себе не можешь, до чего приятно вновь ходить, и говорить, и смотреть после тысячелетнего забвения. Еще две-три сотни лет, и я сошел бы с ума.

Как бы в подтверждение своих слов он встал и потянулся всем телом. Он был очень высоким и очень стройным. Все линии его тела говорили о силе и идеальном здоровье, сложен он был очень гармонично и пропорционально. Однако и гармония, и сила его были нечеловеческими.

— Разве боги сходят с ума? — рассеянно спросил Нэль. Он все еще пытался осознать происходящее: он говорит с Безымянным!..

— Сходят, только ваш мир эта напасть обошла стороной. После обезумевшего бога остаются одни развалины... если вообще что-то остается. Но погоди, — Безымянный повернулся к нему и взглянул в лицо. — Твое имя — Лионель, правильно?

— Да. Лионель из Аркары.

— Аркара... — повторил золотоглазый. — Никогда не слышал о таком городе. Должно быть, мир очень изменился за то время, пока я спал.

— Думаю, что да.

Нэль смотрел на Безымянного и думал, что он еще меньше похож на бога, чем любой из Двенадцати. В нем не было вовсе никакого величия — ни природного, ни хотя бы напускного. В нем ощущалась простота и мягкость... и этим он неуловимо напомнил Арьеля.

— А как называть тебя? — спросил он золотоглазого. — В нашем мире твое имя уже позабыто...

Тот покачал головой.

— В имени теперь нет никакой нужды. Для этого мира я навсегда останусь Безымянным. Здесь для меня уже нет места. Я с радостью ушел бы отсюда... если бы мог.

— Но ведь заклятье разрушено, ты можешь уйти, — удивился Нэль. Он уже огляделся и увидел, что вместе с собеседником находится внутри небольшого полутемного помещения с низким полусферическим сводом. Пол был сделан из каменных плит, которые складывались в какой-то необычный сложный рисунок. Камни казались очень древними, а рисунок, если смотреть на него долго, вызывал дрожь. Что-то в нем было такое... пугающее. Потолочный же свод был земляным, и Нэль понял, что оказался внутри кургана, где спал Безымянный.

— О нет, — серьезно сказал золотоглазый. — Не знаю, как уж тебе удалось разрушить заклятье сна, не разрушив при этом ограждающие чары. Ты перешел границу, которую не мог перейти. И не должен был переходить. Я проснулся, но по-прежнему заперт в темнице. И ты, Лионель из Аркары, заперт вместе со мной.

— Так разрушь барьер, ты же бог!

Золотоглазый пожал плечами.

— Изнутри этого нельзя сделать. Над охраняющим заклятием поработали отнюдь не дилетанты. Двенадцать, конечно, самозванцы, но свое дело они знают.

— Так значит, я в ловушке? — спросил Нэль. За короткий отрезок времени отчаяние в его душе столько раз сменялось надеждой, что слова Безымянного о темнице ничуть его не испугали. Предстоит еще одна битва, только и всего.

— Ты так спокоен, — Золотоглазый внимательно смотрел на него. — Это приятно. Конечно, ты не первый смертный, чья судьба плотно сплетена с судьбой мира. Но ты один из немногих, кто с такой готовностью и спокойствием принимает свое предназначение.

— В предназначение я не верю, — возразил Нэль.

— А это совершенно неважно. Слушай меня, человек. Время Двенадцати проходит, так же как прошло когда-то и мое время. Только ни они, ни люди ничего еще об этом не знают. Я мог бы ускорить их падение, а ты мог бы помочь мне. Впрочем, согласишься ты помогать или нет, значения не имеет, раз уж ты здесь... Скоро я объясню, что предстоит сделать, и, боюсь, твоя судьба тебя не обрадует.

— Я готов ко всему... и знаю, что исход уже близок, каков бы он ни был.

— О, для тебя исход станет лишь началом, — Безымянный снова сел рядом с ним, заглянул в глаза и коснулся указательным пальцем его лба между бровями. — Понимаешь ли ты, что больше не принадлежишь к

роду смертных? Перед тобой вся вечность, и смерть не придет к тебе как освобождение от испытаний. К этому ты готов?

Нэль, помедлив, кивнул. Ради чего и были затеяны все его опыты, как ни ради бессмертия? Правда, он собирался обрести вечную жизнь не совсем в таком контексте, и в глубине души он хотел всего-то вернуться в родной мир, чтобы нести знание о магии и бессмертии людям. Но судьба (или Безымянный) распорядилась иначе. Имело ли смысл протестовать?

Золотоглазый улыбнулся, и его улыбка, словно кинжал, пронзила самое сердце. Нэль едва сдержал стон. Нет, все-таки он не был так уж спокоен. Он еще не знал точно, что ему предстоит, а внутри все изнывало от болезненной тоски...

— Хочешь спросить о чем-нибудь, прежде чем мы перейдем к делу? — спросил Безымянный и в расслабленной позе улегся на каменном полу, будто на пуховых подушках. — Только заранее прошу прощения, если покажусь слишком многословным. Пойми, много сотен лет мне не с кем было перемолвиться словом...

— Я понимаю... — задумчиво сказал Нэль.

— Конечно. Ведь ты сам был изгоем... Так спрашивай же.

Золотоглазый подпер голову рукой, и рукав синего шелка скользнул вниз мягкими складками, открывая изящное запястье и предплечье. Нэль сел в своей излюбленной позе: подтянув колени к груди и обхватив их руками.

— Где мы сейчас находимся? — спросил он. — Это мой мир или нет?

— И нет, и да. Я сейчас объясню, — Безымянный плавно перетек в сидячее положение и вскинул руки. Меж его ладоней появилась полоска бумаги, которую он ловко сложил гармошкой. Протянул ее Нэлю. — Вот, кажется, достаточно наглядно. Это — твой мир. Множество граней, лежащих под углом друг к другу. Одна сторона... и другая. Лицо и изнанка.

— Так вот что имел в виду Борон! Когда он перенес меня на Холм Богов, то сказал, что это — изнанка моего мира.

— Наверное, так и есть. Или же твой дом — изнанка Холма Богов. Все зависит от точки зрения. А вот, посмотри, сгибы — это места, где переламываются грани. Изломы, проломы между мирами... Если научиться находить их, можно путешествовать по граням.

— Так это все был один мир... — тихо проговорил Нэль. Ему вспомнилось многообразие пейзажей, промелькнувшее перед ним недавно. Трудно было поверить, что все эти небеса, светила, ни на что не похожие растения и животные — всего лишь разные грани одного мира.

— Кажется, я знаю, о чем ты говоришь. Не удивляйся, Лионель, ведь я наблюдал за тобой. Нет, вполне возможно, ты сумел покинуть пределы своего мира и побывал в таких далях, какие человек просто не может вообразить. Ведь этот лист бумаги — не единственный.

Безымянный подбросил бумажную «гармошку», дунул на нее, и она опустилась на пол ворохом резаной бумаги.

— Представь себе книгу, полную таких страниц. Книгу, которая стоит на одной из полок книжного шкафа.

— А шкаф этот, — Нэль поднял голову, — всего лишь один из десятков в библиотеке.

— Не десятков. Сотен! Тысяч! Миллионов! Думаю, люди еще не придумали слово, чтобы назвать невообразимое число шкафов с книгами, в которых заключены миры. Да и библиотека эта — одна из многих.

— А ты — библиотекарь, который переходит от шкафа к шкафу и снимает с полок книги одну за другой?

— О нет, — Безымянный улыбнулся печально. — Народ, из которого я происхожу, можно, скорее, сравнить с писцами. Мы добавляем в книги новые страницы. Мы создали твой мир.

— Так ты не единственный демиург?

— Нет. Нас очень мало, и мы пришли из другого мира, который находится очень, очень далеко... Впрочем, это неважно, потому что мне туда никогда не вернуться. Такова судьба моего народа... Мы обладаем изначальной силой созидания, наше предназначение — творить. Те, кто вместе со мной создавали твой мир, ушли дальше. Я остался. Так должно: один из творцов остается со своим детищем, пока оно... не повзрослеет. Кроме того, я в некотором роде привязался к нему. Мне было интересно следить за его изменением и развитием во всех его гранях. Каждый новый мир не похож ни на какой другой, ранее существовавший, и я не устаю дивиться этому разнообразию... — Безымянный опустил взгляд и улыбнулся задумчиво. — Но мой народ, Лионель — не единственные демиурги. Существуют расы гораздо древнее и могущественнее нашей. Вам, людям, они неизвестны, потому как никто из них не приближался к вашему миру. Но есть миры, где их почитают как богов — так же, как вы почитаете Двенадцать и ранее почитали меня.

Нэль жадно слушал его и заботился только о том, чтобы не слишком разевать рот.

— Ты сказал, что твое время прошло. Что это значит?

— Это значит, что мое время в вашем мире закончилось, когда на Холм пришли двенадцать магов, научившиеся пересекать изломы-границы. Их объединенная сила была велика, и я знал, что мне придется уступить. Но я не мог исчезнуть, не передав никому мир. Увы, ни один из двенадцати магов не годился на роль преемника. Они не хотели этого понять. Но жажда их власти была слишком велика, и произошла та самая битва, о которой люди в твоём мире не забыли до сих пор. Еще до ее начала я знал, что проиграю. Но хуже всего было, что маги не хотели слушать, не хотели понять... Они не сумели уничтожить меня, в этом их счастье — но они не желают этого

признать. Ведь погибни я — погибнет и мир.

— Не понимаю...

— Что тут понимать? — вздохнул золотоглазый. — Я создал мир, я его и удерживаю. Своей плотью и кровью, своим дыханием, мыслями и чувствами. Мы с ним нераздельны. Но чем объяснять, лучше я покажу. Дай мне руки.

Нэль вложил ладони в ладони Безымянного. Сначала он ничего не почувствовал, захваченный золотой бездной его глаз. Огромные загадочные глаза Безымянного манили, околдовывали, зачаровывали. Сами по себе они были целым миром, со своими законами, тайнами и чудесами. В них жило то самое золотистое сияние, которое окутывало Холм Богов.

И вдруг тьма застила взор Нэля. На его плечи всей своей колоссальной громадой словно бы обрушилась самая высокая гора в мире. Она прижимала его к земле и грозила раздавить. Воздух с гулким хлопком вырвался из его легких, кости затрещали. Он понял, что умирает.

— Что... это? — прошептал он непослушными губами, уже понимая: та тяжесть, что его придавила, была — сам мир... В голове закружились созвездия, в жилах вместо крови потекли горные реки и лесные ручьи, мышцы и сухожилия изменили форму, принимая очертания гор и холмов... Но вселенная была слишком велика, чтобы вместиться в человеческий разум... Сознание его замутилось.

Безымянный тотчас отнял руки и остался сидеть, неподвижный и обманчиво безучастный. Нэль, весь дрожа, мокрый от пота, скорчился на полу. Далеко не сразу он нашел в себе силы поднять глаза и встретиться взглядом с Безымянным.

— Да, это тяжело, — кивнул тот. — Но к этому привыкаешь. Через какую-то тысячу лет перестанешь замечать вес вселенной на своих плечах.

— Через тысячу лет... — повторил Нэль и вспомнил разговор с Арьелем: «Со временем ты перестанешь замечать боль. Ты к ней привыкнешь». — «А я не хочу привыкать! К этому — не хочу».

И вдруг его поразила новая мысль.

— Ты хочешь сказать, что я должен стать твоим преемником?

— Разве это не ясно? Тебе хватило сил пересечь границы между мирами — а это не под силу никому из двенадцати самозванцев. Они путешествуют только по граням... Ты снял с меня заклятие сна. Тебе ничего больше не остается, кроме как принять на себя мою ношу, освободить меня и отпустить на все четыре стороны, — Безымянный негромко рассмеялся.

— А если я... не захочу?

— Но ведь ты уже здесь. Впрочем, принудить тебя я не могу. Если ты не возьмешь на себя ответственность — я подожду другого претендента. Только учти, что выйти из кургана ты сможешь только вместе со мной... А до тех пор, я буду только рад твоей компании. Вдвоем пережить вечность не так

тоскливо, как в одиночку.

— Мне нужно подумать... — прошептал Нэль, прижавшись лбом к полу.

— Думай сколько угодно, — вежливо согласился Безымянный.

Нэль отчетливо понимал, какой выбор ему предстоит сделать. Или он согласится стать преемником Безымянного (ведь еще Терций намекал на это), по доброй воле примет на свою плечи ношу немислимой тяжести, и тем самым безвозвратно изменит свою личность и свою жизнь. Или он откажется, останется собою прежним и проведет вечность, ожидая, когда появится возможность вернуться в свой мир. Который меж тем изменится до неузнаваемости, не говоря уже о том, что за сотни лет умрут все, кого он знает и... любит. Все, кто о нем помнит. Выбрал он сразу, но еще долго лежал, спрятав лицо и закрыв голову руками. Подобной тоски он не испытывал никогда в жизни.

Когда он поднял, наконец, голову, то был почти спокоен, только глаза лихорадочно блестели.

— Когда я стану твоим преемником, смогу ли вернуться туда, откуда пришел?

— Ты волен будешь делать все, что пожелаешь. Кто посмеет диктовать свою волю богу? — серьезно спросил Безымянный. — Только сначала ты должен освободить меня.

— Так говори, что нужно для этого сделать.

Безымянный протянул ему руки и помог подняться. Усадил рядом с собой.

— Ты готов слушать, Лионель? Тебе не нужно отдохнуть, собраться с мыслями?

— Нет. Нет, говори.

И чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше, добавил про себя Нэль.

— Ты — маг, и нет нужды объяснять тебе, что всякое слово имеет силу, — начал Золотоглазый. — Я говорю не только про язык моего народа,

который вы, люди, используете, чтобы плести чары. Любое слово любого языка несет в себе заряд силы, более или менее мощный. Ваша память, люди, несовершенна, как и вы сами, и вы всегда стремитесь все записывать. Слова преобразуются, когда их переносят на бумагу. Какие-то теряют силу, иные, напротив, ее приобретают. И никогда нельзя предсказать заранее, что станет с тем или иным словом, угодившим на кончик пера.

— С моими словами случилось так, что они удерживают меня в этом мире надежнее и крепче, чем охранное заклятье Двенадцати. Я учил людей, и они записывали то, что я им говорил. Многие было

написано, моих слов хватило на несколько книг. Много добавили от себя и мои ученики, и это несколько ослабило цепи, которыми я добровольно позволил приковать себя к земле людей. Однако, ослабило недостаточно.

— А твои ученики знали, что они творят, перенося твои слова на бумагу? — с жадностью спросил Нэль. — Ты сказал им?

— Нет. Ни к чему им было знать, что они могут управлять мною. Они называли себя моими учениками и клялись в вечной любви ко мне, но я знал, что ничего вечного во вселенной нет. И что через год их любовь может обернуться ненавистью.

— Зачем же тогда ты вообще позволил им записывать за тобою?

— Как я мог запретить? Я не давал людям ни запретов, ни заповедей, я только рассказывал то, что знал сам. Я учил магов... и научил их на свою голову.

— Двенадцать были твоими учениками? — догадался Нэль.

— Они были среди моих учеников. Самые способные... однажды они решили помериться силами со своим учителем. Сначала эти поединки походили, скорее, на шуточные состязания. Они приходили по одному, по двое, по трое... Кое в чем они были сильнее, особенно когда объединяли свои силы. И все же они не могли со мной совладать. А потом настал день, когда на Холм пришли все двенадцать. И бросили мне вызов.

— Почему же ты не уничтожил их до того, как они стали опасны? Ты разве не видел, к чему все идет?

Безымянный печально засмеялся.

— Уничтожать можете только вы, люди. Мой народ — творит... Как я мог убить своих лучших учеников? Я мог бы поместить их под охранное заклятье, но все вместе они были сильнее. Я проиграл битву, и меня заточили в этом кургане. Но часть меня... часть моей души, если угодно, осталась привязана к земле людей — благодаря тем самым записям моих учеников, которые не ведали, что творили. Шли годы, часть эта становилась все меньше, все слабее, поскольку книги, содержавшие частичку моего знания, уничтожались все более рьяно. Двенадцать исказили историю и заставили людей поверить в ложь. Меня объявили чудовищем, разрушителем, запретили упоминать само мое имя. Книги пытались укрыть в храмах, где еще помнили, как все было на самом деле, но эти храмы один за другим сравнивали с землей... Теперь мне жаль, что Двенадцать не успели разрушить все храмы и сжечь все книги до одной: как ни мало их осталось, они все еще крепко привязывают меня к этому миру. И теперь, когда я хочу уйти, помимо заклятья Двенадцати меня держат мои собственные слова.

— Я выбрал тебя, Лионель, не только потому, что твоя сила велика. А потому, что она привела тебя к книгам. Ты знаешь, где они находятся. Они помогли тебе попасть сюда, но теперь ты должен их уничтожить, чтобы освободить меня... и себя. Они ослабляют меня.

— Так они в самом деле настолько древние? — взволнованно спросил Нэль.
— Я боялся поверить... Они выглядят вовсе не старыми...

— Конечно, ведь их писали не простые переписчики, которые только и знают, что копировать старые тексты. Их писали маги со слов того, кого называли богом... Ты напрасно выпустил их из рук, отыскав однажды. Будь они при тебе, это значительно облегчило бы задачу. А теперь тебе придется как-то дотянуться до них. То есть, до тех людей, которым ты их отдал. И убедить их уничтожить книги.

— Но как мне до них дотянуться? — Нэль взъерошил волосы. — Если я не могу выйти отсюда, если заклятье... Как?

Безымянный смотрел на него безмятежно, без малейшего сочувствия, лишь с легким оттенком любопытства. Как будто хотел сказать: откуда я знаю, как, это твои проблемы, решай их сам. Из золотых огромных глаз смотрело само спокойствие и безразличие вечности. На мгновение Нэль ощутил себя мухой, попавшей в паутину древнего и равнодушного чудовища. Оно наблюдает за жертвой, которая бьется в липких нитях, и только сильнее запутывается... Ощущение было исключительно мерзкое, беспомощное, — такое, что огромный комок горькой слизи подкатил к горлу, да и остановился там. Но главное — главное! — никто, кроме меня, не виноват, подумал Нэль. Я сам, сам этого хотел. А меня предупреждали, и неоднократно, но я не внял. Что ж...

— Я не знаю ментальной магии, — сказал он. — Не знаю, смогу ли я коснуться их разума...

— Пробуй. Тайны земной магии тебе открылись. Быть может, ментальная магия тоже откроется. Заостри свой разум, и эти люди откликнутся на зов. Та женщина, со светлыми волосами, она ведь откликалась твоим мыслям.

Нэль вздрогнул.

— Женщина? Какая женщина?

— Тебе лучше знать, Лионель. Я всего лишь увидел образ юной светловолосой женщины в твоих мыслях.

Под это описание подходила разве что дочь тана Аля, Элейна. Да ведь и она сама говорила Нэлю, будто его образ преследует ее во сне. Но откуда о ней знает Безымянный? Не он ли из своего сна насылал на девушку эти видения? Нэль взглянул на него в упор — золотые глаза были безмятежны.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую. Но не знаю, сумею ли убедить их уничтожить книги. По крайней мере, для одного из этих людей они представляют величайшую ценность. Он может на это не пойти.

— В твоих интересах, маг, привести как можно более убедительные аргументы, — мягко сказал Золотоглазый. — Самые убедительные, какие ты только можешь придумать.

— Но нельзя ли как-нибудь разорвать твою связь с этими книгами, сохранив

их в целости?

— Хочешь их сохранить? — удивился Безымянный. — Зачем? Тебе они никогда уже не понадобятся, весь мир будет принадлежать тебе, так что не жалей о них. Особенной мудрости в них нет, до всего, что в них написано, ты когда-нибудь дойдешь своим умом... И передашь эти знания людям, раз уж тебе так хочется повторить мои ошибки. Пойми, эти книги — артефакты, они неразрывно со мной связаны, и вместе со мной они должны исчезнуть.

— Но почему бы, освободившись, тебе не остаться в этом мире? Ты не мог в одиночку выстоять против двенадцати, но теперь нас двое...

— Да просто я устал. Устал и хочу вернуться к своему народу. Когда-нибудь ты поймешь меня, только ты захочешь не вернуться — ибо тебе будет неоткуда и некуда возвращаться, — а уйти в другой мир...

Это предсказание совсем не порадовало Нэля. Он не представлял, с чего ему может захотеться уйти в другой мир, но Безымянный, должно быть, знал, о чем говорил, с дистанции во много тысяч лет.

Глава 4

С наступлением весны Марике вдруг стало нездоровиться, а как начали таять снега, она расхворалась не на шутку. Временами ей было тяжело просто-напросто выбраться из-под теплых меховых одеял. Не помогли ни проверенные отвары, ни лечебные заклинания. Хорошо хоть, что Арьель ушел незадолго до того, как дороги раскисли и стали непроходимыми. Ему, как обычно, не сиделось на месте. Однообразная жизнь в лесной избушке была не по нему. Совсем потеряв надежду когда-нибудь увидеть Нэля, он едва дождался конца зимы и снова отправился бродить по дорогам. Марика надеялась, что возвращение к привычной жизни прогонит его тоску.

Арьель ушел, как уходил много раз, только теперь вместе с лютней унес еще и книги мага. Марика не возражала. Магические тома хоть и возбуждали ее любопытство, но и пугали не меньше, особенно черная книга. Ей не хотелось, чтобы эти книги оставались в ее доме.

Однажды ранним утром раздался стук дверь. В нем было столько отчаяния и тревоги, что Марикку подбросило на постели. Она поспешно скинула с себя меховые одеяла и хрипло крикнула: «Иду!» Дверь была заперта на засов, и Марика чувствовала себя слишком больной, чтобы отодвигать его заклинанием.

И кого могло принести в такую рань? Не иначе, в деревне кто-то всерьез захворал. Только и от лекарки сейчас мало толку... Заранее приготовив слова отказа, Марика открыла дверь — и сразу забыла все, что хотела сказать. На грудь ей буквально упал гость — молодой парень, почти мальчик. Марика ахнула, подхватила его и повлекла в комнату, в тепло.

Впрочем, оказалось, что гость и сам прекрасно держится на ногах. Он освободился от объятий ведуньи и выпрямился, вскинул голову и убрал с лица растрепанные светлые волосы. Тут только Марика поняла, что это не юноша, а девушка, причем прехорошенькая и совсем молоденькая. Лет семнадцати, не больше. На ней был мужское дорожное платье, заляпанное грязью. Грязь была размазана по личику, с которого на Мирику смотрели огромные отчаянные глазищи. Розовые губки дрожали, как будто девушка готовилась вот-вот разрыдаться. Марика разглядывала ее с возрастающим изумлением. Девушка была явно не местная, не деревенская: на крестьянку она не походила ни статью, ни одеждой. И ручки у нее были маленькие и нежные, хоть и покрасневшие от холода (почему-то перчаток она не носила). Гостью беспокойно оглядывалась, будто искала кого-то или что-то.

— Садись-ка, погрейся, — ласково сказала ей Марика. — И рассказывай, что у тебя стряслось, девонька.

— Где Ариель? — вдруг спросила девушка ломким от слез голосом. Имя музыканта она выговорила неуверенно и с ошибкой. — Мне нужно его увидеть!

Марика оторопела. Никогда еще к ней в хижину не являлись девушки, которые разыскивали бы ее непутевого названного брата. Если он кого и обижал, то уж наверное не рассказывал, где его можно отыскать, чтобы взыскать за обиды. Что же натворил этот негодник? И когда успел?

— Где он? — продолжала допытываться гостья. — Где?!

— Нету его тут, милая, — как можно мягче ответила Марика. — Уж недели две, как ушел.

Девушка так и рухнула на пол, как подкошенная, и разрыдалась в голос. Перепуганная не на шутку Марика бросилась ее успокаивать. Но ее слова, кажется, не доходили до сознания гостьи. Пришлось поспешно готовить успокоительное снадобье. А чтобы заставить девушку выпить его, пришлось несколько раз шлепнуть ее ладонями по щекам. Только тогда она посмотрела на Мирику более или менее осмысленным взором и согласилась выпить несколько глотков терпкого горячего отвара.

— Вы — Марика? — спросила она вдруг. Имя ведуньи она, опять же, выговорила с запинкой и с неверным ударением.

— Да, это я. А ты кто такая будешь, милая?

Гостья хлюпнула носом и попыталась горделиво выпрямиться. Это было нелегко сделать, сидя на полу, но у нее получилось. Маленький покрасневший носик вздернулся к самому потолку.

— Меня зовут Элейна, мой отец — тан Альбрехт Аль из Тальеры.

— О! — только и сказала Марика.

Тан хорошо ей запомнился, хотя она видела его лишь однажды. Видный, красивый мужчина, властный, но рассудительный — отнюдь не самодур,

как многие нобили. Марике он понравился. Про его дочь она слышала лишь однажды, от Арьеля, когда он увидел ее в магическом зеркале. Арьель тогда отговаривался: мол, об Элейне он и не думал, но Марика ему не поверила. Слишком хорошо она знала, до чего ее названный брат охоч до женского пола. И теперь она подумала, что была права: что-то произошло между Арьелем и этой девушкой, иначе она не разыскивала бы его.

— Почему вы так смотрите на меня? — прошептала Элейна.

— Прости, милая, — спохватилась Марика. — Просто ты меня удивила. Снимай-ка плащ да садись к огню. И расскажи мне все по порядку. А там, глядишь, придумаем, как твоему горю помочь.

Элейну вдруг как прорвало, будто она только и ждала момента, когда можно будет, наконец, выговориться. Но Марика поняла почти сразу, что ее повесть принимает совсем не то направление, какое она ожидала. И на Арьеля она напрасно подумала...

* * *

Когда отец уехал в столицу, Элейна совсем потеряла покой. Днем ее одолевали дурные предчувствия тревога за отца, то и дело она принималась плакать, хотя раньше такая слезливость не была ей свойственна. Она никак не могла взять себя в руки, и только пряталась по углам, чтобы братья и слуги не увидели ее слез.

Ночью начиналась другая напасть. Лекарь потчевал ее успокоительными и снотворными средствами, которые нисколько не помогали. Видения продолжались, а намерения отыскать музыканта, друга мэтра Лионеля, так и оставались только намерениями. Элейне некого было послать на поиски. В полном отчаянии она подумывала уже ехать сама, но не могла изобрести предлога, который показался бы достаточно убедительным Каю. Тот ни за что не отпустил бы ее из дома без веской причины. Он все время ходил хмурый и озабоченный, и с сестрой держался необычайно сурово. Заботы и хлопоты сделали его как будто старше. Он теперь так походил на отца, что страшно становилось.

А от отца не было вестей целый месяц. Элейна с ума сходила от тревоги и скоро сделалась совсем больна от душевных терзаний. Даже Кай, поначалу не разделявший ее опасений, начинал беспокоиться, и Эрреду передавалось волнение старших. Одно только внушало какую-то надежду: если в замок до сих пор не явились люди короля, значит, для отца еще не все кончено. Но страшных вестников ждали со дня на день. Кай, спавший с лица и почерневший, как грозовая туча, только что на стену не лез от ярости и отчаяния.

Когда он уже совсем было решился ехать к королю с тем, чтобы узнать о судьбе отца (поступок не слишком разумный и продиктованный исключительно отчаянием), из столицы вдруг прибыл гонец. Он привел письмо, которое было запечатано королевской печатью с грифоном,

но надписано рукою тана Аля. Тан сообщал, что жив и здоров, но обстоятельства вынуждают его оставаться в Стеклянном дворце. Вернуться домой он не может. Он не объяснил, какие именно дела его задерживают, но сам тон письма, одновременно отечески-заботливый и сдержанный, а так же королевская печать убедили Элейну, что отец попал под арест. Король хоть и не заточил его в подземелье, но предпочел не отпускать далеко, чтобы можно было за ним приглядывать. Кай тоже это понял и нахмурился.

— Ну что ж, — сказал он, когда Элейна вернула ему письмо, — все могло быть и хуже. Отец жив и на свободе, а это главное. Когда-нибудь он вернется, не может же король держать его при себе вечно? Да и маги рано или поздно успокоятся.

Элейна согласилась с ним в том, что все могло быть намного хуже. Что до остального, сердце ее чуяло, что скорого возвращения отца ждать не стоит. И все-таки на душе немного полегчало, тревога чуть разжала сомкнутые вокруг сердца когти.

Только вот ночью стало совсем худо.

Маг начал с ней разговаривать.

Он очень переменился, и Элейна не сразу узнала мэтра Лионеля в молодом стройном нобиле. Без бородки (которая придавала ему диковатый вид) и с гладко причесанными волосами он казался моложе, и лицо его притягивало взгляд, хотя красоты в нем не прибавилось. Напротив, теперь, когда вокруг не топорщились взлохмаченные черные волосы, стало особенно заметно, что одна бровь выше другой, нос длинноват, а подбородок слишком мал. И однако, это было интересное лицо, хотя Элейну оно пугало еще сильнее, чем прежде: она видела, что это — лицо фанатика, одержимого. Одежда мага тоже изменилась, вместо храмового балахона на нем было светское платье: тонкая батистовая рубашка, черный дублет и бриджи; правда, он почему-то был бос. Видение было таким отчетливым, что Элейна могла разглядеть черные волоски в распахнутом вороте рубашки.

Мэтр Лионель впервые заговорил с ней, и она оцепенела — если только можно оцепенеть во сне. Дышать стало тяжело. Элейна хотела закричать, чтобы он оставил ее в покое, что она не хочет его слушать, но горло сжалось

в болезненном спазме. Она хотела зажать ладонями уши, но руки не повиновались, повиснув плетьюми вдоль тела.

Магу, очевидно, слова давались с трудом. Голос его звучал слабо и хрипло, как у тяжелобольного. Он убеждал Элейну отыскать менестреля по имени Арьель и передать ему, чтобы он уничтожил какую-то книгу. Это звучало отнюдь не как просьба, но как приказ. Маг, не отрываясь, глядел Элейне в глаза и своим взглядом удерживал ее взгляд. Ей было безумно страшно, и очень хотелось убежать, но он не отпускал.

Так продолжалось много ночей подряд. С каждым разом оцепенение понемногу отпускало Элейну, власть над телом к ней возвращалась, но это ей не помогло. Когда она хотела зажать уши, маг брал ее за руки и насильно отводил их в стороны. Его прикосновения жгли огнем. Элейна начинала кричать и плакать, но он взглядом заставлял ее умолкнуть. Он смотрел на нее без всякой жалости, и было ясно, что Элейна для него лишь инструмент, который он намерен использовать для достижения своих целей. Ему не было никакого дела до ее мучений и страхов. Но не было в нем и жестокости. Элейне чудилась в нем какая-то отчаянная иступленность, как будто он хватался за нее, как за соломинку, и потому был так настойчив, что видел в ней последнюю свою надежду.

Дошло до того, что Элейна начала опасаться за свой рассудок. Глотая поутру горькие слезы, она размышляла, что выбор у нее небогатый: или она подчинится магу, или сойдет с ума. Нужно было ехать на поиски музыканта. Но что сказать Каю? Он не верит в видения и, разумеется, решит, что сестра лишилась разума вследствие тревоги за отца. Да как ему объяснить, зачем ей нужно отыскать молодого мужчину, которого она совсем не знает? Что он о ней подумает?

Но, несмотря на душевный разброд, Элейна понимала, что нужно взять себя в руки, иначе ничего у нее не выйдет. Она попробовала взглянуть на ситуацию под другим углом, отыскать в ней что-нибудь хорошее. Мэтр Лионель велит ей отыскать музыканта? Что ж, прекрасно! Она ведь и сама хотела того же. А маг даже облегчил ей задачу, указав, с чего нужно начать.

Тут же придумалось и объяснение для Кая. Элейна пришла к нему в слезах и призналась, что очень больна, что ее мучает бессонница и сдает невыносимая душевная тревога (и это было чистой правдой). Лекарь давал ей разные снадобья, но ни одно не помогло (и это тоже было правдой). И поэтому он посоветовал ей поехать в храм Перайны в Гахар и помолиться богине, а заодно попросить помощи у тамошних храмовников, особенно искусных в лекарском деле. Гахар был назван Элейной с умыслом: направляясь туда, ей пришлось бы проехать мимо деревеньки, неподалеку от которой, по словам мага, нужно было начинать поиски Арьеля.

Роль измученной больной Элейне удалась, и у Кая не возникло никаких сомнений в ее искренности. Он не мог не уступить ее слезным мольбам, а слез было много, девушка рыдала так, что, казалось, сердце ее вот-вот разорвется. Выдержки ее хватило только, чтобы подойти к брату с гордо

поднятой головой...

Увы, одну ее Кай отпустить не мог. Он выделил ей эскорт из троих рыцарей. Элейна смолчала. Она планировала избавиться от них по дороге, хотя еще не знала как это сделать. Ей и в голову не приходило, что, сбежав от рыцарей, она тем самым подпишет им смертный приговор. Кай просто велит их казнить за то, что не уберегли сестру... Уже много позже она сообразила это, ужаснулась... но делать было уж нечего.

Ускользнуть от эскорта оказалось легче, чем Элейна могла рассчитывать. Она просто ушла ночью из своей спальни в гостинице, где они остановились переночевать. Оба рыцаря, обманутые ее кротким, смиренным и, чего уж там, болезненным видом, спали в соседней комнате и ничего не слышали. В конюшне, конечно, никого не было, но Элейна сама оседлала свою лошадь – этому ее научил отец, – и ускакала.

При первой же возможности она свернула с дороги и отправилась искать деревушку, о которой говорил мэтр Лионель. Ее не очень пугало ни одинокое путешествие, ни колдунья, в доме которой оно должно было завершиться. Мага она боялась гораздо больше.

В следующие два дня Элейна чего только не натерпелась: голод, холод, раскисшие дороги, недобрые люди. В деревушке ей объяснили, как отыскать колдунью Марику. Дело шло к вечеру, Элейна устала, проголодалась и к тому же прекрасно понимала, насколько опасно ночью ехать через лес, но все-таки не осталась переночевать в деревне. Очень ей не понравились взгляды мужчин... Ей казалось, что в деревне с ней может произойти что-то очень, очень плохое, гораздо хуже того, что она может встретить в лесу.

В темноте она, конечно, заблудилась, и сама не понимала, как пережила эту ужасную ночь. Под утро она, едва держась в седле, выбралась наконец на поляну с избушкой – и не поверила своему счастью. Не иначе, ее хранили боги. В эту секунду она поверила, что все ее беды кончились, что за дверью ее встретит музыкант, который ее обязательно послушается и сделает все, о чем его попросят, а тогда черноглазый маг, наконец, перестанет ее мучить...

Но Марика сказала, что Арьель уехал две недели назад, и отчаяние с новой силой навалилось на бедную Элейну. Она поняла, что ничего, ничего не закончилось.

* * *

Элейна уже почти совсем успокоилась и только время от времени всхлипывала. Марика помогла ей снять шапочку и меховой плащ, и погладила ее по светлым кудрям. Бедная девочка! Сколько же ей пришлось испытать! Она совсем измучена. Марике так хотелось обнять ее и утешить, но Элейна, несмотря ни на что, оставалась аристократкой, и уж конечно, не позволила бы по отношению к себе такой вольности.

— Что же мне теперь делать? — прошептала она, склонив голову.

— Не знаю, милая, — ответила Марика. — Надо подумать.

— Я обязательно должна его найти, — еще тише проговорила Элейна. — Иначе мэтр Лионель мне жизни не даст... Вот только понять бы, почему он выбрал меня?..

Хороший вопрос, подумала Марика. Мне тоже хотелось бы это знать. Почему Нэль не явился во сне самому Арьелю или хотя бы мне? Почему мучает эту девочку, которая боится его, как чумы? И почему, наконец, он не пришел за книгой сам? С каких пор он прибегает к услугам посредников? Неужели нашелся человек, который сумел-таки заточить его в темницу, откуда он не может выбраться?

А самое главное, зачем Нэлю вдруг вздумалось уничтожить книги, которыми он так дорожил?

— Он не говорил, почему книги так важны? — спросила Марика, стараясь собраться с мыслями. Ей все еще нездоровилось, и голова была тяжелая, а мысли путались.

— Нет...

— И не сказал, где он сейчас? Может, хотя бы намекнул как-то?

— Нет... он только повторяет снова и снова, чтобы я отыскала музыканта и передала его просьбу... чтобы уговорила его любыми способами... это я слышала, наверное, сотни раз!

— Он приходит каждую ночь?

— Да, каждый раз, когда я засыпаю, — Элейна приподняла голову, и ее глаза вдруг сверкнули ненавистью, испугавшей Марику. — Я и спать теперь боюсь...

Марика с жалостью погладила ее по руке.

— Но ведь Нэль не сделал тебе ничего плохого. И не сделает, поверь мне. Не нужно его бояться. Он ни за что на свете не причинит тебе зла, — она старалась говорить как можно тверже, чтобы успокоить эту испуганную несчастную девочку, но сама не слишком себе верила. Что такое для Нэля Элейна? Не перешагнет ли он через нее, неистово стремясь к своей загадочной цели? Он одержим и не знает жалости... — Давай-ка ты сейчас приляжешь и отдохнешь, ты ведь очень устала.

Элейна покорно легла около очага, и Марика укутала ее одеялами. Девушка так устала, что забыла все свои страхи. Через несколько минут она уже спала. Марика сидела рядом с ней и видела, что даже во сне ее личико остается по-детски обиженным и несчастным. Видит ли она теперь Нэля? Знает ли он уже о неудаче своего замысла? Марика дорого дала бы, чтобы войти в сны Элейны и самой поговорить с Нэлем. Уж она не позволила бы ему собой командовать! И Нэль, надо думать, не посмел бы с ней так небрежно обращаться. Но увы, входить в чужие сны умели только ментальные маги.

Чем же помочь Элейне? Если бы хоть знать, в какую сторону направился Арьель. Но он, конечно, не сказал, куда идет. Потому что и сам не знал. Ему-то было совершенно безразлично, куда идти, лишь бы на месте не сидеть.

Марика могла бы попробовать поискать его с помощью магического зеркала. Но если картинка покажет дорогу или изгородь, что это даст? Разговаривать через зеркало было, увы, нельзя. Марике не достало бы силы на такое сложное заклинание, да и Арьель не знал бы, как ей ответить. Он слишком многого не умел.

И все-таки что-то нужно делать. Нэль не отступится от девушки, не в его это характере. И если, в самом деле, она его последняя надежда... Наверное, он попал в серьезную переделку, из которой не надеется выбраться самостоятельно.

Больная голова Марики, охваченная жаром, разболелась от напряженных размышлений. Мысли совершенно спутались. Нужно было отдохнуть. Марика с трудом поднялась, чтобы приготовить себе лечебный отвар. Неудержимо клонило в сон. Выпив лекарство, она забралась в постель и укрылась одеялами. Хотелось надеяться, что после сна ей станет лучше, и она сумеет что-нибудь придумать.

* * *

Черную книгу Терций хранил в своем кабинете, в личной библиотеке, среди других томов. Это было безопасно, поскольку никто, кроме него, не имел сюда доступа. В храмовую библиотеку он относить ее не спешил. Братьям она была ни к чему, а Терция весьма интересовало ее содержание.

Вечерами он корпел над ней, но дело продвигалось туго. Он разбирал язык магов, хотя и не имел дара магии, но его знаний было явно недостаточно. Отдельные слова и даже абзацы оставались непонятыми, и из-за этого терялся общий смысл. Знание магов не давалось непосвященным. Особенно — высокое знание.

Терций часто вспоминал о молодом маге, который сумел проникнуть в тайны черной книги. Лионель покинул храм в Самайн и, вероятно, погиб. Да, Терций был уверен, что юноша погиб, иначе он непременно вернулся бы за книгой, ведь она нелегко досталась ему, и еще тяжелее дались ему знания. Терцию было горько думать, что он своими словами подтолкнул Лионеля к гибели.

Как жаль, что он не попросил мага помочь ему в чтении черной книги! Теперь ему казалось, что Лионель отозвался бы на просьбу с радостью. Ведь юноша сам говорил, что хочет научить людей магии. Надо же с чего-то начинать.

Терций потратил много времени на изучение черного тома, но так и не сдвинулся с места. Зато в нем росло предчувствие грядущих перемен, пока еще неотчетливое. Он почти не поднимался на поверхность, но ему

начинало казаться, будто мир замер и чего-то ждет, хотя и не было никаких знамений. Может быть, маг вовсе не погиб, а попал в Божественный Дом? И теперь там идет война, об исходе которой людям суждено узнать в самое короткое время...

Он вдруг понял, что его предчувствия оправдываются, когда явился один из братьев с сообщением: южанин вернулся. Этот человек, Китаро, был для Терция загадкой. Именно он привел в храм мага, который был явно одержим, однако же не знал, куда идти. А Китаро знал, хотя до Безымянного ему не было никакого дела. Тайны магии его тоже не занимали, он был по-собачьи предан Лионелю — но и только. Первым он ни с кем не заговаривал, все время проводил, шатаясь по подземному храму и наземным его окрестностям. Китаро удивительно быстро разобрался в запутанной планировке святилища и не нуждался в проводниках. Терций решил, что пусть себе бродит, где хочет. Китаро не сделал бы ничего, что могло причинить вред магу. А значит, пока маг оставался в храме, храм был в безопасности.

Но Китаро пропал незадолго до Лионеля, и увидеть его снова Терций не чаял. А потому удивился. Что Китаро понадобилось опять в храме, если только он не разыскивает мага? Терцию очень хотелось узнать это, и он велел проводить южанина в кабинет.

— Приветствую тебя в святилище Бога Спящего, — сказал он, когда Китаро вошел.

— Мир тебе и твоему богу, — отозвался южанин со своим ужасающим акцентом. Он говорил ровно, и глаза его ничего не выражали, но Терций вдруг понял, что пришел он не с миром. Его пробрал озноб.

— Меня прислал Нэль, — продолжал Китаро. — Он велел забрать у тебя книгу.

— Нэль? — настороженно переспросил Терций. — А почему он не пришел сам?

— Он говорил со мной с высоты Холма Богов. Он еще не может вернуться к людям. Еще рано.

— С Холма Богов? И как же он говорил с тобой оттуда?

Китаро, не поведя и бровью, коснулся сложенными вместе указательным и средним пальцами середины лба.

— Вижу его вот здесь. И слышу его. Он приходит и говорит со мной.

Прекрасно, подумал Терций, варвара посещают видения. И голоса он тоже слышит. Может, это только его воображение? Сколько случаев известно, когда видения оказываются обычными галлюцинациями!..

Мог ли маг в самом деле разговаривать с Китаро, да еще и с вершины Холма Богов? Кто же знает...

— А зачем тебе книга, Китаро? Что ты будешь с ней делать?

— Этой книги не должно быть на земле.

— Это тебе Нэль так сказал? Ей нет цены, и он это знает лучше всех!

— Он велел, и я выполню приказ.

— Он не мог приказать такого! — Терций резко поднялся с места. Похоже, у этого южанина нет мозгов, одна только собачья преданность. — Я не отдам тебе книгу, слышишь, Китаро? Не позволю ее уничтожить.

— Все равно я ее получу.

Он больше ничего не добавил; интонации его голоса и выражение глаз ничуть не изменились, но Терций сразу понял, что скрывается за этой короткой фразой. Меч за спиной Китаро говорил сам за себя, и говорил красноречиво. Но даже будь он без оружия, он не стал бы менее опасным. Терций оценивающе оглядел его высокую, крепкую фигуру, задержав взгляд на его руках, загорелых и мускулистых. Одного его кулачного удара будет, пожалуй, достаточно, чтобы уложить человека насмерть, проломить голову и выбить дух вон.

— Если ты убьешь меня, Китаро, — тихо, но значительно проговорил Терций, — тебе отсюда никогда не выйти. Тебя не выпустят.

Наконец, хоть какое-то выражение показалось на бесстрастном лице южанина. Но Терция это вовсе не порадовало. Китаро улыбнулся, и от его улыбки кровь стыла в жилах.

— Мне и не нужно отсюда выходить, — ответил он так же тихо.

Сдержанности Терция хватило ненадолго. Не раз ему приходилось видеть, как жгут книги, и он полагал, что сможет пережить и этот день тоже. Одной книгой больше, одной меньше... Но беда-то в том, что эта книга была не просто стопкой исписанных страниц, схваченных жестким окладом. Она была единственной в своем роде, она была — реликвией, она была — святыней. В ней жила мысль, пронизавшая тысячелетия...

Вначале Терций молча наблюдал за Китаро. Его охватила странная слабость. Китаро покрутил черную книгу в руках, полистал ее, словно хотел удостовериться, что она это — та самая. Меж тем, он едва ли умел читать. Лицо Китаро приняло сосредоточенное выражение, словно он постигал смысл, заключенный в убористых строках. Загрубевшие пальцы нежно гладили оклад, словно касались лица любимой девушки. Терций был буквально заморожен таким преображением южанина. И вдруг Китаро перевернул книгу, схватил ее за корешок и поднес к горящей свече. Страницы доверчиво раскрылись навстречу пламени, края их начали чернеть и скручиваться. Терций не выдержал и метнулся вперед, пытаясь выбить книгу из рук Китаро. Но тот отпрянул с куньей ловкостью, руку с книгой отвел в сторону, а вторую, свободную, выбросил навстречу Терцию. Удар пришелся точно в переносицу, и настоятель храма Бога Спящего, не издав ни звука, рухнул на пол.

Китаро быстро понял, что книги горят плохо. Он сел в кресло, где еще недавно сидел Терций, блаженно вытянул ноги и принялся рвать из черного тома листы, бросая их на пол. Горка желтоватой бумаги росла на глазах, и все же в книге оставалось еще довольно листов. Китаро сначала рвал их по одному, потом по два, три. Когда в руках остался только черный, обитый металлом оклад, Китаро отбросил его в сторону и взял со стола свечу. Медленно, чтобы не загасить робкий огонек, он поднес ее к горке бумаги. Листы загорались неохотно, нужно было их ворошить. Предмет, сгодившийся бы на роль кочерги, было нелегко сыскать в скудно обставленном кабинете. Использовать же в подобных целях меч Китаро считал кощунством. Наконец, под руку попался тонкий и легкий жезл, украшенный изображением мужской головы с закрытыми глазами. Вероятно, у этого жезла было какое-то ритуальное значение. В данный момент, впрочем, это было неважно.

Когда бумага прогорела, Китаро последний раз переворошил пепел, чтобы убедиться, что ни единого клочка не уцелело. Все сгорело дотла, приказ был выполнен в точности. Китаро поднялся, пересек комнату и остановился настоящим храмом, который навзничь лежал на полу. Китаро опустился рядом на колени и приложил ухо к его груди. Терций не дышал, и ударов сердца тоже не было слышно. На лице его застыло выражение крайнего отчаяния. Китаро медленно покачал головой. Жаль, что так получилось. Он не должен был никого убивать...

— Я сделал, как ты сказал, — тихо проговорил Китаро, подняв глаза к низкому темному потолку. — Теперь я могу прийти к тебе?

На несколько минут он замер, прислушиваясь; лицо его было неподвижной бронзовой маской с отверстиями вместо глаз. Тишина отдавалась звоном в ушах. Не поднимаясь с колен, он потянулся к мечу, вынул его из ножен и положил на колени. Все его движения были неспешными, неторопливыми и выверенными, словно он проделывал их уже множество раз. Еще немного посидел, вперив взгляд в блестящую полосу клинка. Торопиться было некуда, время на холме богов течет не так, как в мире людей. Там свои законы.

Клинок был слишком длинным, и Китаро разматал тканый пояс-кушак, который охватывал несколько раз его талию. Один его конец обернул вокруг клинка, отступив приблизительно на ладонь от рукояти, а второй — оставил висеть свободно. Обеими руками Китаро взялся за импровизированную рукоять из кушака, и, нацелив острие меча себе под грудь, снова медленно, будто во сне, поднял глаза к потолку...

* * *

— Поздравляю, Лионель! — с удовольствием проговорил Безымянный. Его огромные золотые глаза вспыхивали едва сдерживаемым нетерпением. — Один твой посланник справился с заданием. Надеюсь, что и у второго тоже все получится.

Нэль не успел ничего ответить, мелодичный голос Безымянного, словно нож, вошел в него чуть ниже грудины и взялся прокладывать себе путь вверх, ровно и страшно продираясь сквозь мускулы и кости. Боль была невыносимой. Оглушенный ею, Нэль припал к полу и зашелся в кашле. Гладкие камни под ним окрасились кровью. То была не иллюзия, соленый вкус крови Нэль ощутил и во рту.

Он все понял через секунду. И не голос его вовсе пронзил, и не свою боль он чувствовал.

— Почему?.. — прохрипел он, корчась на полу.

— Полагаю, дело в людских верованиях, — отозвался Безымянный, который не двинулся с места, чтобы помочь ему. — Твой посланник верил, что после смерти взойдет на Холм Богов, где его встретят Борон и Рондра. И он, вероятно, ждал, что ты будешь с ними рядом. Никто не объяснил ему, насколько глубоко он заблуждается. Ни одна душа умершего никогда не была на Холме. Таков закон этого мира... Дыши глубже, Лионель. Боль скоро пройдет. И, знаешь, ты меня снова удивил. Ты уверял, что не владеешь ментальной магией, но сумел установить с этим человеком такую крепкую связь, что разделил с ним смерть.

Нэль хотел ответить, но ему помешала боль, слившаяся воедино с ненавистью и — удивительным образом — с магической энергией. Нэль открылся для магии, поток силы хлынул к Безымянному, сметая все на своем пути. Золотоглазый встретился с ним взглядом, засмеялся и махнул рукой. Но смех его вдруг осекся, а рука замерла в воздухе, как будто натолкнулась на невидимое препятствие. В золотых глазах мелькнула тень сомнения, и Безымянный вдруг вскинул раскрытые ладони в извечном примирительном жесте:

— Остановись! — его лицо напряглось, когда он пытался удержать магию ненависти. — Прошу тебя, остановись! В том, что случилось, моей вины нет! Твой посланник убил себя по собственной воле. Это был его выбор!

Нэль все еще не мог говорить — от злости намертво свело челюсти. Может, это и был выбор Китаро, хотел бы ответить он. Но ведь это из-за меня он оказался в ситуации, когда пришлось такой выбор сделать. Моя воля вела его. Мои указания. А я действовал под давлением твоей воли, Безымянный.

— Хватит! — прервал поток его мыслей собеседник. — Что с тобой, маг? Ищешь виноватого? Хочешь на кого-нибудь свалить ответственность?

И впрямь... Нэль опомнился и перевел дыхание. Вины Безымянного в смерти Китаро нет.

Нэль приподнялся. Ему было очень худо. Мышцы тела окаменели от напряжения, на лбу выступил пот, а ведь между ним и Китаро не было полноценной ментальной связи! Чтобы поговорить с ним, Нэль каждый раз должен был входить в состояние магического транса, вместо того, чтобы наладить прямой ментальный контакт... Будь Нэль настоящим ментальным магом, досталось бы ему, без сомнения, еще крепче.

Со стоном он выпрямился. Боль отступала, и даже кровь на полу бледнела, становилась прозрачной и испарялась с поля, как вода со сковороды. С трудом верилось, что минуту назад Нэль харкал кровью, в то время как острый клинок вспарывал его живот и грудь.

— Мне, правда, жаль, что так вышло, — сказал Безымянный, медленно опуская руки. — Подобного исхода я не ожидал. Не хочу тебя ни в чем обвинять, но почему ты не рассказал своему посланнику правду о богах? Если б он знал ее, то не поступил бы так опрометчиво.

— Опрометчиво... — повторил Нэль, пробуя слово на вкус, и скривился. — Да, опрометчиво... пожалуй, что так...

— Поговори со своим вторым посланником, — продолжил Безымянный, — пока не поздно. Чтобы он не вознамерился соединиться с тобой тем же способом...

С минуту Нэль смотрел на него пустыми глазами, а потом вдруг расхохотался. Элейна захочет соединиться с ним?! Вот уж насмешил, так насмешил. Если вдруг она и убьет себя, то, как раз, наоборот, чтобы никогда его больше не видеть.

— Что с тобой? — удивился Безымянный.

— Ничего... так... — отозвался Нэль, пытаясь взять себя в руки и давясь смехом, который грозился вот-вот обернуться слезами. Ох, Элейна... Он хотел бы никогда в жизни с ней больше не встречаться, но — какая ирония! — вышло так, что он не сумел дотянуться ни до Арьеля, ни до Марики, и его мыслям откликнулась только Элейна. Только она могла отыскать Арьеля и рассказать ему о черной книге. И это-то было хуже всего.

Глава 5

Издавна между королями Медеи и семейством Алей существовали тесные связи — с некоторой натяжкой их даже можно было бы назвать дружескими. Так повелось с тех пор, когда предок тана Альбрехта Аля, тан Оге Аль, молодой и бесшабашный, обрелся при королевском дворе в качестве близкого друга принца Дэмьена и принцессы Ванды.

Теперешний король Уиллард и благородный тан Альбрехт росли вместе, и это обстоятельство вносило некоторую нотку фамильярности в отношения сюзерена и вассала. В разговоре с королем (особенно приватном) тан мог многое себе позволить, не опасаясь оказаться в застенках или на плахе. И у него хватило дерзости сказать королю «нет», когда тот объявил, что тан должен сопровождать его в поездке в Кейпир. В Кейпире намечалось строительство нового храма Прайоса, и храмовники желали получить королевское благословение.

— С какой поры ты благословляешь постройку храмов? — огрызнулся на это тан. Накануне он получил очень тревожное письмо из дома, и теперь размышлял, как заговорить с королем о том, что волновало его больше всего.

Король прищурил на него бутылочно-зеленые глаза. Не считает ли господин тан, что он должен был послать храмовников к Безымянному? Нет уж, если храмовники обращаются к нему с подобными просьбами, значит, у него имеется кое-какое влияние в их среде. И он не намерен им пренебрегать... особенно, в сложившейся непростой ситуации.

— Видно, последние времена настали, если король вынужден заручаться поддержкой храмов, — сказал тан.

Однако, ведь господин тан сам рассорил короля с магами?

— Если бы не я, они отыскиали бы другую причину для ссоры, — возразил тан. — Открой глаза, они хотят получить всю возможную власть, и я — всего лишь повод.

Король потерял терпение, грохнул кулаком по столу и сказал, что никаких разговоров он слушать не желает, тан едет с ним Кейпир, и точка.

— Нет, — едва сдерживая дрожь, сквозь зубы сказал тан. — Я еду в Тальеру.

Но король его не отпускал!

— Так отпусти, — сказал тан. — Нет, Уиллард, скажи: ты что, всерьез ожидаешь от меня подвоха? Веришь в то, что напели тебе длиннорысые? Воля, конечно, твоя... Но в Кейпир я не поеду, если только ты не потащишь меня в цепях. Понимаешь ли, вчера я получил письмо от Кая. Элейна пропала. Уехала из замка под тем предлогом, будто хочет посетить храм Перайны, а по дороге сбежала от охранников. Не знаю, что и думать... Она всегда была такая разумная девица.

Король смотрел на него пристально, с непонятым выражением в глазах. А что, если он в самом деле прикажет заковать ослушника в цепи и силой препроводить в Кейпир?

— Воля твоя, о мой король, — повторил тан, поклонившись.

Он вовсе не ожидал, что король так просто его отпустит. И очень удивился, когда Уиллард, прошипев сквозь зубы что-то неприличное, велел ему убираться в Тальеру — но прежде поклясться, что по завершении семейного дела он незамедлительно вернется в столицу. Тан охотно поклялся и быстро, пока король не передумал, выскочил из кабинета. Все необходимые вещи были уже собраны, осталось только распорядиться оседлать коня.

Он не мог разобраться, чего в его душе больше — тревоги или гнева. Ему было очень страшно за дочь, которая унеслась куда-то в одиночестве по дорогам королевства. Она так юна, так неопытна, так красива, наконец — мало ли что может с ней случиться! Но с естественным страхом боролся не менее естественный отцовский гнев. Как только Элейна посмела уехать, не спросив его разрешения хотя бы письмом? Разве она не понимает, что своим поступкам дает пищу всяческому пересудам? Уж наверное, вся Тальера гудит о том, что дочка тана сбежала с каким-нибудь молодчиком.

Едва ли, впрочем, в этом деле был действительно замешан мужчина. У

Элейны, вероятно, имелись какие-то очень веские причины для побега. И тан очень надеялся, что Кай все ему объяснит.

Но Кай и сам был потрясен и подавлен случившимся. Хозяйственные дела отнимали у него все время и силы, и ему было некогда приглядываться к сестре и копаться в ее чувствах и настроениях. Он и не заподозрил никаких тайных мотивов, когда Элейна пришла с просьбой отпустить ее в путешествие. Кай отпустил, и побег сестры лег еще одним непосильным грузом на его плечи. Когда рыцари, которым поручено было сопровождать Элейну, вернулись в замок одни, без девушки, готовые принять любое наказание, Кая объял ужас. Он допросил людей, но они не могли сообщить ничего, что пролило бы свет на странное поведение Элейны. Девушка была такая тихая и кроткая, настоящая голубка, и вдруг исчезла с постоянного двора посреди ночи. Возможность похищения рыцари исключали — если бы к Элейне явился похититель, она несомненно подняла бы шум, но все было тихо. Каю пришлось посадить их под замок до возвращения отца, которому он тут же написал. Не надеясь, впрочем, что он прибудет в скором времени.

Выслушав сына, тан потрепал его по волосам и отправился в подземелье, чтобы побеседовать с рыцарями, которым поручено было беречь Элейну как зеницу ока.

Это были сыновья не слишком знатных нобилей. Они всегда служили тану верой и правдой и ожидали к себе соответственного отношения, а потому поступок Элейны восприняли едва ли не как предательство и личное оскорбление. Впрочем, своей вины они не отрицали, хотя они и подумать не могли, что девушка задумала побег. Когда тан, с трудом сдерживаясь, спросил, почему никто из них не остался сторожить комнату Элейны, все трое повесили головы, даже не пытаясь оправдаться.

— Сгною в подвале, — ледяным голосом пообещал тан и спросил: — Где это произошло?

Трудно было понять, что на самом деле понадобилось Элейне в окрестностях Гахара. Тан опросил всех служанок: не известно ли кому о тайной любовной связи девушки с каким-нибудь ловким молодцом? Служанки ничего не знали, да тан и сам понимал, что след этот — ложный. В замке часто бывали мужчины, молодые и старые, храмовники и светские, но Элейна ни к одному из них не проявляла интереса. Не могла же она так искусно притворяться? Притворство было не в ее характере.

Тан попробовал зайти с другой стороны и припомнить, не живут ли рядом с Гахаром какие-нибудь подружки Элейны. Увы, он даже не знал, есть ли у нее вообще подруги. Неподалеку от Гахара жили несколько семейств, с которыми тан водил знакомство, но вряд ли Элейна стала искать встречи с кем-нибудь из их числа.

Перебирая в памяти знакомых, тан не мог отделаться от ощущения, будто упускает что-то очень важное. О ком-то он забыл... Он заперся в кабинете и ломал голову до самого вечера, пока, наконец, ему не вспомнилась

Марика. Марика, избушка которой стояла в лесу неподалеку как раз от той самой деревни, откуда сбежала Элейна. Но ведь девчонка ничего не знала о ведунье! одернул себя тан. Я даже никогда не упоминал при дочери имени Марики. Какая может быть между ними связь?

Ответ пришел пугающе быстро. Между Марикой и Элейной никакой связи не было, но зато была связь между Марикой и Нэлем. А Элейна, — это тан помнил очень хорошо, — говорила о молодом маге странные вещи. Он произвел на нее очень сильное впечатление. Могла ли Элейна убежать к Марике, имея в виду отыскать мага? Едва ли. Но все же тан решил не исключать из рассмотрения такую возможность.

И еще одна тревожная мысль пришла на ум благородному тану Алю. Марика была связана еще и с Арьелем. Музыкант же казался человеком, питающим слабость к прекрасному полу. На красавицу Элейну он смотрел с откровенным восхищением... но, правда и то, что он держался с ней весьма почтительно — еще бы он, бродячий музыкант, позволил себе какую-нибудь дерзость по отношению к благородной девице! Но Арьель и сам был весьма хорош собой. Не приходилось сомневаться, что многие женщины дарили его своей благосклонностью. Как знать, не влюбилась ли в него Элейна? Молодым девушкам нравятся такие красавчики, а у этого еще к тому же и язык славно подвешен, и голос сладок... Мог он склонить благоразумную Элейну к побегу?

У тана голова закружилась, когда он подумал об этом. Сцепив зубы, он расхаживал по кабинету и размышлял: если музыкант, в самом деле, соблазнил девчонку, то гнить ему в подземелье до конца своих дней. Тан готов был забыть обо всей той симпатии, которую он к Арьелю испытывал.

Он решил, что наутро отправится прямо к Марике и узнает все наверняка. Эта мысль принесла ему некоторое успокоение.

Кай попросился было с отцом — он чувствовал себя более всех виноватым в несчастье, и потому тоже хотел непременно ехать на поиски сестры.

— Нет, — возразил тан. — Ты останешься. Здесь ты нужнее. Кто-то же должен заниматься делами.

* * *

Тан вошел в избушку, не спросив разрешения, без стука. Две женщины сидели за столом, склонившись над рукодельем. Видимо, в ту минуту у него было очень нехорошее лицо, потому что они вдруг отпрянули.

— Так! — хмуро сказал он, глядя попеременно то на Марику, то на Элейну.
— Все-таки ты здесь. Я не ошибся.

— Отец! — Элейна вскочила и бросилась к отцу. Она хотела обнять его, но он отстранился и взял девушку за плечи. — Я... как ты меня нашел?

— Ты еще осмеливаешься задавать вопросы? Ах ты, негодница! Нет, это я буду тебя спрашивать, но не сейчас и не здесь. Сейчас мы поедem домой,

и вот дома ты все объяснишь. И молись богам, чтобы твоим объяснения показались мне убедительными.

Элейна тихонько вздрогнула и опустила голову. Вся она поникла, как увядший цветок. Марика тяжело встала и, кутаясь в свою извечную меховую накидку, подошла к гостю. Тронула его за руку.

— Ваша дочь не сделала ничего плохого, господин тан, — проговорила она больным, охрипшим голосом. — Ее помыслы чисты. Поверьте мне.

— Предоставьте мне самому разбираться с дочерью, сударыня, — сквозь зубы отозвался тан. — И, между прочим, к вам у меня тоже имеются вопросы.

— Так спрашивайте.

— Не здесь. Вы тоже поедете со мной в замок, там и поговорим.

— Никуда я не поеду! — возмутилась Марика.

Тан начал терять терпение.

— Послушайте, сударыня. У вас есть выбор: или едете со мной по доброй воле, или я привяжу вас к седлу, как поклажу. Вы вроде бы мудрая женщина, должны понимать, что для вас лучше.

Марика молча заглянула ему в глаза, и он вдруг потерял дар речи. Гнев его вдруг остыл. За те несколько секунд, пока Марика смотрела на него, он прочел в ее взгляде многое. Очень многое. Жаль только, что сразу же все забыл, как только ведунья отвернулась. Осталось только ощущение какого-то странного, глубинного, хотя и очень слабого родства ведуньи и Нэля. Родства на уровне разумов... и взглядов.

— Что с вами стряслось, господин тан? Вы как будто не в себе.

Тан тряхнул головой, сбрасывая мистическое оцепенение.

— Довольно уже болтовни. Только один вопрос, прежде чем мы поедем. Скажите — и прошу не лгать! — где сейчас ваш знакомец Арьель?

Элейна, услышав это имя, вздрогнула, и тан заскрежетал зубами. Неужели правда?! Марика, однако, ничуть не изменилась в лице. Покачала головой:

— Этого я не знаю. Он ушел две недели назад.

— Ладно, поверим... А что насчет нашего общего знакомого Лионеля из Аркары?

— Не знаю, в мире живых ли он теперь, — вздохнула Марика с искренней печалью. — В последний раз я видела его после Самайна, и с тех пор не получала уж никаких весточек. Боюсь, он погиб.

— Как же, погиб... Он переживет всех нас, — хмуро сказал тан. — Ну хорошо же, сударыни, пошевеливайтесь. Лошади ждут.

— Можно мне взять кое-какие вещи? — очень спокойно спросила Марика.

— Только поживее.

Элейне запретили покидать ее апартаменты. Все двери по приказанию тана заперли на ключ, а у тех единственных, которые остались открытыми, стояла стража. Внутри допускались только две служанки, чью честность и преданность тан не ставил под сомнение. Они приносили Элейне еду, помогали ей одеваться и раздеваться, и сидели с ней, пока она рукодельничала — чтобы она совсем уж не погибла от тоски.

Марика получила в свое распоряжение несколько комнат, достойных самой королевы. Они были роскошно убраны и обставлены, но ее это не радовало. Она не знала, чем заняться в замке, и могла только прогуливаться по коридорам и внутреннему садику, благо ей никто не запрещал выходить из комнат.

Несколько дней тан вовсе не заходил к дочери, пытаясь справиться с гневом. Он хотел поговорить спокойно, и пока избегал с ней встречаться, только приказал служанкам сообщать ему обо всем, что она говорит и делает. С утра до вечера он просиживал в кабинете с Каем, разбирая дела: юноша по незнанию допустил несколько ошибок, и требовалось срочное вмешательство опытного управителя. Служанки исправно приносили хозяину известия об Элейне. Она тосковала, плохо ела и часто плакала. Тан был озадачен. Элейна даже в детстве отличалась исключительной сдержанностью в проявлении чувств. О чем — или о ком — она могла плакать? Уж не о музыканте ли?

Успокоившись и остынув, тан, наконец, отправился в комнату дочери. Элейна встретила его в нарядном платье, с убранными волосами. Она хоть и вынуждена была сидеть взаперти, но все же неизменно следила за собой. Выглядела бы она безукоризненно, если бы не покрасневшие от слез глаза и чуть-чуть припухший нос. Вероятно, недавно она опять плакала.

Элейна встала с низкой скамеечки у окна, чтобы приветствовать отца, но сразу вернулась на место и снова принялась за вышивание. Тан подвинул к ней резной стул и сел.

— Отложи работу, и поговорим, — велел он. Элейна повиновалась и подняла на него печальный взгляд. — Скажи мне, дочь: кого ты искала в доме Марики?

— Я искала человека по имени Арьель, — просто ответила Элейна, и кровь в жилах тана снова вскипела. — Вы знаете его, отец, он бывал у вас по делам.

— Так значит, все-таки этот негодник... — проскрежетал тан. — Что между вами было? Отвечай и не смей лгать!

— Между нами ничего не было, отец. Это правда.

— Зачем же ты его искала?

— Позвольте, я объясню вам! Право, не знаю, как начать... Помните ли: в ту ночь, это была ночь Самайна, у нас появился этот черный маг? Я еще тогда

сказала вам, что он испугал меня...

– Постой-ка. Ты говоришь про Нэля, не так ли? Почему ты назвала его «черным магом»?..

Элейна вдруг густо покраснела, весьма удивив этим тана.

– Я... я не знаю. Просто вырвалось. Для меня он черен, как ночь – наверное, поэтому я так и сказала. С той поры я видела его лишь однажды при свете дня, но, тем не менее, каждую ночь он является ко мне в видениях...

– ...Что?! – взъярился тан, вскакивая.

Несколько минут Элейна объясняла, какие видения она имеет в виду, но спокойнее тану не стало. Видения, что ни говори, просто так не являются. Одно из двух – либо дерзкий маг осмелился потревожить покой Элейны, преследуя какие-то свои – едва ли хорошие – цели; либо Элейна слишком много думала о нем, что и повлияло на ее сны. Впрочем, девушка утверждала, что это были не сны, а именно видения, слишком они были реальными и... плотными. Тан потребовал новых объяснений. И незамедлительно получил их. Увы, объяснения Элейны, путанные и сбивчивые, показались ему слишком фантастическими, чтобы быть правдой. С чего Нэлю вздумалось обратиться к ней за помощью? Совпадение ли, что книга оказалась именно у Арьеля? Да и уверена ли сама Элейна, что все эти мистические разговоры с магом – не плод ее воображения? Нет, Элейна не была уверена. Она только плакала и утверждала, что не могла больше выносить этих кошмаров, и только поэтому решилась на побег.

– Ну и что же, прошли эти кошмары?

– Нет, но мэтр Лионель, как будто, стал не так настойчив. Отец, мне кажется, его что-то гнетет, печаль или тоска, и это лишает его сил и уверенности в себе. Мне даже показалось... показалось, что он жалеет меня...

– Вздор, – проворчал тан. – Нэль никого не жалеет. Он вообще не знает, что это такое...

В целом, история Элейны показалась ему не очень убедительной, и он, подумав, пошел за советом к Марике. В пути он не позволял дочери и ведунье разговаривать, чтобы они не придумали какую-нибудь совместную хитрость, которая помогла бы им обвести его вокруг пальца и избежать справедливой расправы. Теперь это казалось ему величайшей глупостью; но он по-прежнему не знал, что думать. В любом случае, лучше выслушать две версии, чем одну.

Марику он нашел в маленьком садике. Она сидела на скамье у стены, там, где было не так ветрено, и разглядывала по-весеннему голые деревья. Тан молча присел рядом.

– Трудные времена, – сказала Марика, не глядя на него. – Трудные и для людей, и для богов.

— Что вы хотите сказать?

— Глупо было думать, что Нэль погиб. Он жив... но он вне пределов нашего мира.

— Я не понимаю, — раздраженно сказал тан.

— Я и сама не совсем понимаю.

Они замолчали. Тан вдыхал сырой мартовский воздух, наполненный запахом тающего снега, смотрел на мокрые черные садовые деревья и думал, что и впрямь трудные времена настали. Во всяком случае, в его жизни уж точно. С тех пор, как он встретил Нэля, все пошло вкривь и вкось. Молодой человек обладал потрясающим даром привлекать к себе людей и создавать им неприятности.

— Расскажите, как Элейна оказалась у вас, — наконец, он нарушил молчание.

— Постучалась ко мне в дверь однажды утром, — спокойно ответила Марика. — Поверьте, господин тан, я знаю не больше вашего. Она была в совершенном отчаянии и очень хотела увидеть Арьеля. Потом она поведала мне, что Арьеля ей приказал отыскать Нэль.

— И вы этому верите? Этой выдумке про Нэля?

— Верю. Это не выдумка.

— Не понимаю, — сказал тан сквозь зубы. — Не понимаю, почему Нэлю понадобилась именно моя дочь. Они и двух слов не сказали. И вдруг он начинает преследовать ее во снах и чего-то от нее требует! Почему он не обратился напрямую к музыканту?!

Марика пожала плечами.

— Ко мне он, например, тоже не обратился, хотя и знал, что мне легче будет отыскать Арьеля. Мне неизвестно, почему он поступает так или этак. В конечном счете, я слишком мало о нем знаю... Быть может, между ним и Элейной есть некая связь, которая и позволяет им разговаривать во снах.

— Какая еще связь? О чем вы говорите? Какая может быть связь между моей дочерью и этим бродягой?

Марика бросила в него сердитый взгляд.

— Спросите у него — не у меня. Мне-то откуда знать?

— С удовольствием бы спросил у него, да только где его найти? Ах, попадись он мне только, я бы из него всю душу вытряс... — тан спохватился и замолчал, еще около минуты понадобилось ему, чтобы взять себя в руки. — Послушайте, Марика, я всегда хорошо относился к Нэлю, вы знаете. Но то, что происходит сейчас — это не лезет ни в какие ворота. Кто дал ему право вламываться в жизнь моей семьи?

— Может быть, — тихо проговорила Марика, — сейчас он просто пытается спасти свою жизнь и свою веру?..

Они снова замолчали. Марика сидела с высоко поднятой головой и смотрела куда-то поверх крон деревьев, весь вид ее выражал напряженное ожидание. Как будто в саду должен был вот-вот кто-то появиться. Потом она заговорила, и каждое ее слово падало на землю подобно промерзшему комку земли:

— Теперь, когда вы узнали все, что хотели, отпустите меня обратно. Мне здесь тяжело. Моя жизнь — лес; деревья, а не камни...

— Нет, — возразил тан. — Я хочу отыскать Арьеля — не для Нэля и не для каких-то его туманных целей, а ради своего спокойствия и спокойствия Элейны. И я хочу, чтобы вы, сударыня, были здесь, когда его доставят в замок...

— Тогда позвольте мне видетсья с Элейной, господин тан. Ей сейчас очень тяжело, а я, может, смогла бы ей помочь.

Тан подумал и согласно кивнул.

— Хорошо. Будь по-вашему. Можете навещать мою дочь, но запомните: я не желаю, чтобы она покидала свои апартаменты. Ясно? Ни шагу за порог! Все разговоры только в ее комнатах.

Бедняжка Элейна искренне обрадовалась, узнав, что Марике разрешено приходить к ней. Раньше, пока отец и братья занимались своими мужскими делами, она хлопотала по хозяйству, и время пролетало незаметно. Оказавшись пленницей в своих комнатах, она не знала, чем занять себя. Кроме того, ее изводили тоска и неудовлетворенное желание поделиться этой тоской с кем-нибудь. Ей не хватало задушевной подруги. Конечно, Марика на эту роль тоже не очень годилась, но с ведуньей хотя бы можно было поговорить о том, что мучает. Марика была необразованной, грубоватой женщиной, не склонной к сантиментам, но Элейне нравилось ее лицо, голос, манера говорить и двигаться. Элейна прожила в ее избушке два дня, и за это время не раз удивлялась мудрости слов и суждений неграмотной деревенской ведуньи.

Элейна приветливо встретила Марику и тут же усадила ее рядом с собой.

— Есть ли какие-нибудь новости? — спросила она с жадностью.

— Твой отец решил отыскать Арьеля и доставить его в замок, — ответила Марика. — Он, кажется, тебе не поверил. И думает, что между тобой и Арьелем что-то есть.

— Ох, да нет же! — Элейна всплеснула руками, едва не расплакавшись от досады. — Как же он не понимает?..

— Но Арьель красив, — осторожно сказала Марика. — Чего странного, если бы он тебе приглянулся...

— Он же простолюдин, — удивилась Элейна. — Как я могла убежать с бродягой?

— Ладно, ладно, мне можешь об этом не говорить, — отмахнулась Марика.

— Мне неинтересно, какие у вас Арьелем друг к другу чувства. А вот та ниточка, которую протянул между вами Нэль...

— Ох, Марика! — перебила Элейна. — Пожалуйста, прошу тебя: когда будешь говорить с отцом, убеди его позволить мне увидеться с Арьелем. Я должна, обязательно должна с ним встретиться. Иначе мэтр Лионель меня не отпустит.

Марика погладила ее по руке.

— Может, лучше мне с ним встретиться? Я передала бы ему просьбу Нэля. Тебе вовсе необязательно самой говорить с ним. Между прочим, хорошо, если бы Нэль тоже понял это. Попробуй ему это объяснить.

— Нет... — Элейна помотала головой. — Нет... я хочу сама с ним поговорить. Так надо...

На следующий день после разговора с ведуньей тан разослал во все концы королевства своих доверенных людей с наказом: найти — хотя бы из-под земли достать — и доставить в тальерский замок странствующего менестреля по имени Арьель, тридцати трех лет, медейца, светловолосого и сероглазого, телосложения скорее худощавого. Привезти его надлежало обязательно живым и ни в коем случае — мертвым; за него, живого, тан назначил такую награду, какую нестыдно было бы выплатить и за голову матерого преступника; за мертвого — обещал снести голову самим охотникам.

Марика улучила момент, чтобы передать ему просьбу Элейны. Хмуρο выслушав ее, тан долго молчал, потом сказал, что ничего не может обещать.

— И вообще я не желаю, чтобы моя дочь встречалась с этим человеком, — с нажимом добавил он.

— Но ей необходимо с ним увидеться.

— Это она так читает. Я сам побеседую с ним.

— И все же, лучше бы вам позволить...

— Посмотрим. Все равно мы сейчас говорим о человеке, которого еще нужно отыскать. Вот когда он будет здесь — тогда напомните мне о просьбе Элейны. Но, имейте в виду: если Элейна с ним и встретится, то лишь в моем присутствии! И никак иначе.

Марика не стала настаивать; если Элейна говорит правду, ей нечего скрывать от отца. Да и ему будет полезно убедиться в искренности дочери.

* * *

Как ни странно, самой тяжелой утратой стала для Нэля утрата ощущения времени. Подобно всем людям, он плыл по течению, жил так, словно время стояло на месте. Так, словно он собирался жить вечно. И вдруг связь со временем оказалась потеряна. В той, прошлой своей жизни он все же иногда останавливался, чтобы прислушаться к тихому шелесту секунд и минут, и тогда, хоть и ненадолго, к нему приходило осознание вечного движения

всего сущего. В усыпальнице Безымянного он перестал слышать течение времени. И ему стало жутко. Вдруг время остановилось? Вдруг его здесь вообще нет, и именно поэтому сон Безымянного длился тысячелетиями? Вдруг он начнет стариться, когда покинет свое убежище-тюрьму? Вдруг бессмертие возможно только в безвременье? Ну а если в кургане все же минуты сменяют друг друга, то как соотносится здешнее время со временем в том мире, откуда пришел Нэль? Беседуя с Элейной, он жадно, пристально вглядывался в ее лицо. Кажется, она была еще той же юной девушкой, которую он знал, но... Нэль не мог отделаться от мысли, что, пока он в усыпальнице Безымянного закрывает и открывает глаза, моргая, в мире Элейны проносятся годы и месяцы. Если бы только она могла стать его глазами!

Его пугало, что он не испытывает ни голода, ни жажды, ни потребности во сне. Оставалась усталость, но то была усталость вне времени, вне каких-либо действий. Просто измотанность тела и духа, которую не прогонят несколько часов сна. Она поселилась где-то глубоко внутри, и обещала остаться навсегда. Навсегда. Какое страшное слово. Нэль и не думал никогда, что «навсегда» и «вечность» окажутся такими... жуткими. Невероятно, но бессмертие, к которому он так стремился, теперь представлялось ненужной, болезненной помехой. А действительно ли оно мне было нужно, это бессмертие? спрашивал себя Нэль. И неизменно отвечал себе с удивлением — да, я и впрямь его хотел. Но ведь я не знал, что будет... так.

Так — это без солнца, без ветра, без травы и деревьев. Временами — если только можно сказать «временами» в месте, где времени, скорее всего, нет, — Нэль думал, что тьма и тишина будут длиться до скончания мира. Что ему вечно суждено оставаться с ними и среди них. Это было ужасно. Хуже всего, что случилось и еще могло случиться.

Нэль успокаивал себя одним. Когда он найдет книгу, и она исчезнет из мира, оба они, он и Безымянный, освободятся из кургана. Бог обретет полную свою силу, разрушит заклятие, и каждый из них сможет вернуться в тот мир, который считает своим домом. Только бы найти книгу... и только бы Безымянный не ошибался.

И вдруг единственная ниточка к книге оборвалась. Элейна не нашла музыканта там, где ожидал обнаружить его Нэль. И было бы дикой жестокостью вынуждать девушку продолжать поиски Арьеля. Нэль мог бы заставить ее, но ему и без того было тошно от ощущения страха и ненависти, накрывавшего его с головой каждый раз, когда он мысленно обращался к Элейне.

Нужно было искать иной путь.

Безымянный не мог ни подсказать, ни помочь. Он спокойно наблюдал за попытками Нэля разрушить охранное заклятье в обход уничтожения книг, и не проявлял ни малейшего нетерпения. Еще бы, за столько тысяч лет он научился ждать. А Нэль ждать не мог, каждая неудача жалила его, как оса, нетерпение его изводило, и он пробовал снова, и снова, и снова — до

полного изнеможения.

Глава 6

На прилавке нездешними цветущими лугами раскинулись пестрые южные платки из тонкого шифона. Толстая смуглая тетка с подведенными углем глазами сразу же начала нахваливать товар, стоило только Арьелю остановиться рядом с ней. Улыбаясь, он стал перебирать платки – все они были так хороши, что он затруднялся выбрать какой-нибудь один. Торговка заливалась соловьем, слушать ее было сплошное удовольствие. Арьель отметил даже пару особенно красочных фраз – с тем, чтобы вставить их в песню.

Кто-то положил ладонь ему на плечо. Арьель обернулся, приготовившись увидеть кого-нибудь из знакомых. Но позади него стояли двое мужчин, которых он никогда прежде не видел. Они были не очень высокого роста, но зато у обоих на поясах висели ножны с мечами, которые весьма красноречиво свидетельствовали о привычках своих хозяев. Арьеля охватило нехорошее предчувствие.

– Что вам нужно, господа? – спросил он как можно более надменным тоном.

– Нужно поговорить, – ответил один из незнакомцев. – Но не здесь – слишком шумно. Не соизволите ли отойти с нами в сторону?

Арьель пожал плечами. Вроде бы, эти двое вели себя мирно. Однако ему решительно не нравились их лица. Удрать бы... но тот, что говорит, крепко держал его за плечо – не вырвешься. Стражу звать, кажется, пока рано...

Втроем они пересекли площадь и остановились чуть поодаль от торговых рядов. Но и здесь было довольно шумно. То и дело какая-нибудь тетка, торопящаяся за покупками, толкала собеседников в спину.

– Ваше имя Арьель, не так ли? И вы – странствующий музыкант?

– Допустим. Но кто вы такие?

– Идите за нами, господин Арьель. Приказано доставить вас во владения благородного тана Альбрехта Аля в Тальере.

– Ах вот что... – Арьель перевел дух, но тревога не улеглась. – Что ему нужно от меня?

– Это он вам сам объяснит.

Арьель не имел ничего против того, чтобы навестить тана в его замке, только ему очень не нравилась такая манера приглашать в гости. Неужто тан настолько соскучился, что нарочно отрядил людей на его поиски? Нет, вряд ли дело в сентиментальных чувствах. Тан чего-то от него хочет... но чего? Арьелю стало очень неудобно. Он внимательно взгляделся в лица посланцев тана, и ему окончательно расхотелось ехать в Тальеру. Когда

тебя приглашают для дружеской беседы, то не посылают парней, которые выглядят, как отпетые головорезы. И уж тем более тебя не приказывают доставить, словно посылку...

— Боюсь, — с преувеличенной любезностью проговорил Арбель, — я должен отклонить приглашение господина тана...

Головорезы усмехнулись и решительно взяли его под локти.

— Вам придется пойти с нами, господин музыкант, — проговорил один из них. — Господин тан очень, очень жаждет видеть вас.

Промелькнула шальная мысль: а не попытаться ли ударить их заклинанием? С зимы Арбель добился в искусстве магии некоторых успехов, хотя ему приходилось самостоятельно продираться сквозь дебри зубодробительных текстов, и без советов наставника дело шло слишком медленно. Но он быстро передумал. Может, у него хватит сил и сноровки уложить одного, но второй едва ли станет дожидаться, пока очередь дойдет до него. Настоящий маг вроде Нэля мог бы избавиться разом от обоих, но Арбель не дотягивал пока даже до уровня подмастерья.

— Ладно, — сказал он обреченно. — Поедем в Тальеру. Но мне нужно взять свои вещи.

— Не возражаем, — усмехнулся головорез. — Только одного мы вас никуда не отпустим. Придется потерпеть наше общество.

* * *

События последних дней окончательно лишили благородного тана Аля душевного равновесия. Король Уиллард настоятельно требовал его возвращения в столицу. Он тоже был не в себе, точнее, вне себя. Ранее его донимали только братья Гесинды, чьи интересы по большей части расходились с государственными, и служители Прайоса, которые вдруг начали жаловаться на невнимание к ним Бога-Солнца. Теперь к ним присоединили голоса и служители других божеств. Среди храмовников началась паника. Все они взялись утверждать, будто близится конец мира, что боги отвернулись от людей и не желают больше являть свою милость. Причем, как вскоре выяснилось, такая беда приключилась не только в Медее, священники других королевств тоже подняли вой. Король Уиллард никогда не отличался религиозностью и посещал храмы только по большим праздникам, поэтому он никак не мог понять, чего все эти долгополые от него хотят. Чем он может помочь, если боги не хотят больше иметь дела с людьми?

И этим неприятности не исчерпывались. С началом религиозной смуты подняли голову почти истребленные было почитатели Безымянного, которые провозгласили скорое пробуждение Спящего бога и гибель Двенадцати, а это уже грозило кровавой резней. Правителям материковых королевств этого было не надобно. Никому не хотелось влезать в религиозные войны и терять своих подданных. Королю Уилларду крайне

требовалась поддержка всех его советников, среди которых числился и тан — а тот, как известно, не желал покидать свой замок. К силе король, однако же, до поры, до времени, прибегать не хотел. Не брать же тальерский замок осадой? Только внутренних конфликтов Медее сейчас и не хватало. Впрочем, когда бешенство Уилларда достигнет нужной степени — тогда может случиться все что угодно... Но тан старался об это не думать.

Но и это было не все! На небе творилось неладное — если верить храмовникам, — но и на земле тоже. Стихии неожиданно пришли в неистовство: ураганы, наводнения и землетрясения — бедствия, о котором в западных королевствах и слухом не слыхивали! — следовали одно за другим; к побережьям подкатывались громадные волны высотой в сто футов — как рассказывали уцелевшие очевидцы; Истрийский архипелаг разбушевавшаяся морская стихия вовсе грозилась затопить полностью. Конечно, все эти несчастья только подогревали вопли храмовников о конце света и битве Двенадцати с Безымянным.

Тальерский замок природные катаклизмы пока обходили стороной, но на душе у всех его обитателей все равно было беспокойно. Тану ежедневно докладывали, что Элейна по-прежнему бледнеет, худеет, плачет и временами начинает говорить странные вещи, будто грезит наяву. Случались даже дни, когда она никого не узнавала. Марика вместе с замковым лекарем принялись пичкать ее всяческими отварами и проводить над ней странные ритуалы, но здоровье девушки не улучшалось. Лекарь серьезно полагал, что Элейна тронулась рассудком, но тан яростно отменил его предположение и приказал вылечить дочь, чего бы это ни стоило. Марика, однако, молчала и никаких выводов о душевном состоянии Элейны не делала, и это немного утешало тана. Ведь Марика проводила с девушкой времени больше, чем кто бы то ни было, и лучше всех была осведомлена о ее состоянии.

* * *

С благородным таном Альбрехтом Алем творилось что-то неладное. Он был напряжен, физически напряжен, каждая его мышца закаменела, словно его подвесили на дыбе. Только слепой этого не заметил бы, а Арьель слепым не был. Лицо тана застыло надменной маской, но Арьель заглянул ему в глаза и отшатнулся — в их глубине скалил зубы гнев, полыхала злость. Чтобы не будить лиха, музыкант поклонился особенно низко и долго не поднимал головы.

Молчание затягивалось. Тан мерил его гневным взглядом и кривил губы, как будто все слова, что приходили ему на язык, отдавали горечью. Наконец, он заговорил, как бы пересиливая себя:

— Моя дочь вас искала. Я желаю знать, зачем. Отвечайте, Безымянный вас побери!

— Что? — изумился Арьель. Это была новость.

— Элейна вас искала! — громче повторил тан, и в голосе его прорвалась злость. — Чего она от вас хотела?

Арьель вскинул руки, защищаясь от этой злости.

— Вам лучше у нее спросить, господин тан! Я ничего не знаю! Клянусь, мы и словом с вашей дочерью не перемолвились!

— Я спрашивал у нее! Она твердит одно: «Черный маг послал меня! Нэль велел мне отыскать господина музыканта!»

— Нэль? — Арьель растерялся. — Но как... где он? где госпожа Элейна его видела?

— В видениях! — взорвался тан. — Он, видите ли, насылает на нее видения! Морок! Нэль довел ее до того, что она сбежала из дома, чтобы разыскать вас!

Арьель смотрел на бледного от бешенства тана, и ничего не понимал. Видения, Нэль, Элейна... Как вас это связано с ним?..

— Господин тан... — нерешительно проговорил он. — Господин тан... если бы вы объяснили по порядку, что произошло... Клянусь, я ничего понять не могу.

Тан посмотрел на него долгим взглядом и вдруг тяжело опустился в кресло, как будто ноги его больше не держали. Наклонился вперед, спрятал лицо в ладонях. Дышал он так тяжело и неровно, что если бы Арьель не видел его лица несколько секунд назад, непременно решил бы: тан едва сдерживает подступающие к горлу рыдания.

— Знаете, что, — сдавленно сказал тан, не отнимая рук от лица. — Пусть вам Элейна сама все объясняет. Я тоже ничего не понимаю.

Арьель не поверил глазам, когда увидел в комнате Элейны ведунью. Так и ахнул, столбом застыв на пороге:

— Марика! А ты тут откуда взялась?

— Да вот, господин тан пригласил погостить, — невозмутимо отозвалась та. В старом шерстяном платье она выглядела неуместно в богатой девичьей спальне, но ее это нисколько не смущало. — Заодно тебя поджидала.

Арьель только головой помотал — сюрприз за сюрпризом! — и перевел взгляд на Элейну. Она тихонько сидела в уголке, низко опустив голову, как будто не осмеливалась поднять глаза на гостя.

— Госпожа Элейна... — прошептал он, потрясенный.

Это была не та девушка, что запомнилась ему как самое прекрасное создание на всем свете. Элейна странно и страшно изменилась: побледневшая, похудевшая, она все еще была красива, но теперь в красоте ее проглядывало нечто призрачное и почти пугающее. Арьель подумал, что, если дотронуться сейчас до ее руки, она окажется холодной, как у мертвеца... Позабыв о присутствии тана, он на негнущихся ногах пересек комнату и опустился перед девушкой на колени. Заглянул снизу вверх в глаза:

— Госпожа Элейна! Вы хотели меня видеть? Вот я, перед вами...

— Слишком поздно... — едва шевеля губами, ответила Элейна. — Поздно...

Она закрыла ладонями лицо и заплакала.

Арбель окончательно растерялся. Он позабыл обо всем и видел только слезы самой прелестной девушки на свете. Это было выше его сил. Не думая о том, что скажет и сделает господин тан, Арбель нежно обнял девушку и привлек к себе. Элейна с готовностью уронила голову ему на грудь, схватила его за руки (пальцы у нее и впрямь оказались ледяными) и залилась слезами пуще прежнего.

* * *

Нэль все еще никак не мог осознать, что перестал быть человеком — так же, как когда-то Двенадцать лишились человеческой природы. Он только смутно ощущал в себе некие силы, которых раньше не мог даже вообразить. Это не был магический поток, с которым он привык работать. Магия была для смертных, для него же вселенная приготовила что-то иное, более подходящее его теперешней сущности.

Я был как ребенок, играющий с красивой, блестящей безделушкой, размышлял Нэль. Вот что такое был я со своей магией. Но время игр прошло. Пора перестать прятаться за своей вымышленной человеческой слабостью и взять то, что предлагают. А заодно и то, что не предлагают, но что так или иначе принадлежит мне. Принадлежит по праву сильного... Я пришел, чтобы оспорить власть Двенадцати — так чего же я жду?

Пора было решиться и принять, наконец, власть над миром и ту ответственность, которую она за собой влечет. Пора перестать действовать по чужой указке и начать думать самому. Почему, думал Нэль, я был так уверен, будто Безымянный лучше знает, что делать? Почему сразу поверил, будто уничтожение черных книг — единственный способ освободиться из тюрьмы, выстроенной Двенадцатью?

Ему казалось, что он нащупал нужный путь. Да нет, не казалось — он был уверен. Только он никак не мог решиться сделать первый шаг. Страшно было: вдруг он не выдержит, сломается, и мир станет его второй Аркарой? Но, страх страхом, не сидеть же было, не ждать, пока появится кто-то более сильный, кто возьмет на себя ношу Безымянного?

Нэль не стал доверять ему свои мысли, обсуждать тут было нечего. Он молча подошел к Золотоглазому и прежде, чем тот успел спросить что-либо, взял его за руки и, словно в омут, ринулся в бездонные нечеловеческие глаза.

Он хорошо помнил это ощущение, когда мир придавил его к полу, выбив из легких воздух. Он приготовился к повторению боли и усилием воли заставил себя расслабиться, чтобы мир вошел в его плоть и разум без помех. Но теперь все почему-то было иначе. Теперь ему пришлось удерживать в руках непомерную тяжесть, вес которой выворачивал суставы, рвал мышцы

и жилы. Эта тяжесть давила на грудь и мешала дышать. «Через какую-то тысячу лет перестаешь замечать вес вселенной на своих плечах»? Ну уж нет! Нэль заставил себя рассмеяться, хотя это было больно. Тысячи лет ему не понадобится. Все свершится сейчас.

Только бы выдержать...

Мир пошатнулся.

Что это был за источник, из которого хлынула сила? И что это была за сила? Не магия, нет, уж ее-то Нэль распознал бы с первого глотка, с первой капли. Он знал ее вкус: магия была молодым вином, кисловатым, терпким, легким; а он теперь вкушал медовый напиток, тягучий, золотистый, сладостно-горький. Тяжесть переставала давить на грудь и плечи, и руки стали свободны и легки, как никогда. Он вздохнул полной грудью...

Кто владеет миром, тот и устанавливает в нем законы и правила.

А в правилах Нэля не было этой усыпальницы, этой тюрьмы, этого склепа. И не было охранного заклатья Двенадцати. Их просто не существовало.

Как все оказалось просто!..

Вместо земляных стен их с Безымянным обступали деревья. Самые настоящие, живые. Их свежую зеленую листву шевелил ветерок, и солнечные зайчики скакали по земле. Золотоглазый засмеялся, когда его лица коснулись солнечные лучи, и это был радостный смех.

— У тебя получилось, человек! — на свету его невозможные глаза сияли, как два солнца. — Ты сломал заклатье! Благодарю тебя.

Тонкие ладони невесомо легли на плечи Нэля, и бывший властитель мира на несколько секунд мягко сжал его в братских объятиях. Нэль почувствовал, как бьется сердце Безымянного, и удивился: надо же, до сих пор он и не задумывался, что у бога тоже есть сердце.

— Благодарю тебя, — повторил Золотоглазый. — И — прощай, маг. В этом мире мы больше не увидимся.

У Нэля не было особого желания встречаться с ним в любом другом мире, но он не стал ничего говорить. Безымянный снова рассмеялся и отступил на несколько шагов.

— ...Не так быстро!.. Не торопитесь.

Двенадцать выбрали самый патетический момент, и поэтому их выход получился до тошноты драматичным и эффектным. Словно в театре, когда завернутый в белую хламиду комедиант выскакивает из-под сцены, представляя чудесное явление бога. Выглядело это даже смешно, но Нэль слишком устал, чтобы смеяться. И слишком устал, чтобы ждать, пока Двенадцать выскажутся. Поэтому он заговорил первым:

— Послушайте, господа маги, я не желаю выяснять с вами отношения и разрешать проблемы власти, да и вам не советую. Разойдемся миром. Вы не мешаете мне заниматься моими делами, а я позволю вам развлекаться

со своими игрушками. Пойдет? Но предупреждаю: если вздумаете поднять руку на меня или на него, — он кивнул на Безымянного, который отнюдь не торопился исчезать, — окончится это плачевно. Для вас, разумеется. Не хотелось бы уничтожать вас физически, но если дело пойдет настолько далеко — я сумею. Вы не отделаетесь одним лишь удерживающим заклятием. И не рассчитывайте на свое будто бы бессмертие. У вас есть, немного времени, тысяча-другая лет, но и только. Так что возвращайтесь на свой холм и продолжайте играть во властителей мира хоть до скончания дней своих, или пока не надоест. А я хочу только одного — вернуться в свой мир и рассказать людям правду. Вот и все. Верить или не верить, это уже их дело. Я просто хочу быть среди людей...

Нэль понимал, что говорит сбивчиво и путано. Нужные слова приходили на ум неохотно, на усталость наложилась эйфория, как будто он выпил залпом несколько кубков крепкого вина, мысли туманились и скакали вразнобой. Но Двенадцать молчали. Они стояли неподвижные, словно каменные статуи, застывшие и холодные. Они внимали.

Первым зашевелился Прайос. Медленно, словно воздух стал вязким, он подошел к Нэлю и медленно же опустился на колени, склонив черноволосую голову. Такого Нэль не ожидал. Растерявшись, он вконец позабыл все слова, и ему оставалось только молча смотреть, как вслед за Прайосом преклоняют колена и остальные одиннадцать — один за другим...

* * *

После встречи с Арьелем Элейна стала немного спокойнее, перестала дни напролет лить слезы, и больше не просыпалась по ночам с криком. Она все еще грустила и была худой и бледной, да и аппетит к ней пока не вернулся, но Марика считала, что ей уже заметно лучше. Правда, она не была уверена, что Элейна когда-нибудь станет прежней.

— Хорошо бы отправить ее на время куда-нибудь, — посоветовала Марика тану. — Чтобы новыми впечатлениями отвлеклась от грустных мыслей.

— Нужно подумать, — согласился тан. — А что, если взять ее с собой в столицу? Новые знакомые, придворное общество — все это может пойти ей на пользу.

— А может и не пойти. Я-то в мыслях держала какое-нибудь тихое, спокойное место, — призналась Марика.

— Например, ваша избушка? — усмехнулся тан.

— Ага.

— Ну уж нет, с вами она никуда не поедет, сударыня...

Он сомневался, что Элейна пойдет на поправку в лесной глуши. Она ведь совсем не привыкла к такой жизни. И потом, не место благородной девице в халупе деревенской ведуньи! И тан решил все-таки увезти Элейну в столицу. Может быть, и видный жених подыщется, довольно держать девицу возле

себя, не ребенок уже — невеста... Он сообщил свое решение дочери, и та, вроде бы, даже обрадовалась.

Вечером накануне отъезда тан заглянул в свой кабинет. Он хотел проверить, не оставил ли на виду, на столе, каких-нибудь важных бумаг.

Он переступил порог, и уперся взглядом в темную фигуру, присевшую на углу стола. Незванный гость чувствовал себя как дома и с интересом изучал какой-то лист бумаги. Над его левым плечом завис бледно светящийся шар, и тан различил, что гость — черноволосый мужчина в распахнутом черном дублете, из-под которого ослепительной белизной сияла батистовая рубашка.

— Кто вы такой? — холодно спросил тан, нашаривая на поясе рукоять кинжала.

Гость поднял голову и улыбнулся. В первую секунду тан не узнал его, гладко зачесанные волосы и отсутствие угольных мазков по нижнему веку изменили лицо до неузнаваемости. Но вот когда он встретился взглядом с черными глазами...

— Мир вам, господин тан, — сказал гость, ловко спрыгнув со стола и сдержанно кланяясь.

— Мир?! — тан едва не подавился собственными словами. — Кто тут говорит о мире? Как вы здесь оказались, извольте отвечать? Кто впустил вас?

— Да что вы, господин тан, — слегка удивился гость. — Разве вы забыли, что для меня не существует запертых дверей?

— И законов вежливости, вероятно, тоже!

— Простите. Я просто не хотел терять времени. В следующий раз постучусь в дверь, как полагается.

Встряхнувшись, тан стремительно подошел вплотную к гостю. Тот не отступил, только чуть приподнял подбородок.

— У меня срочное дело, господин тан. Надеюсь, это извинит мою бесцеремонность. Мне совершенно необходимо поговорить с вашей дочерью.

Тан ошарашено взглянул на него и бешено расхохотался.

— Всем нужно поговорить с Элейной! — ядовито вскричал он. — Моя дочь в последнее время пользуется бешеной популярностью среди знакомых! Вы уже доставили ей достаточно неприятностей, Нэль, не хватит ли с нее?

— Знаю, я причинил ей много зла, — серьезно согласился маг. — Именно поэтому мне нужно ее видеть. Где она? В своей спальне?

— Где еще, по-вашему, может быть молодая девушка за три часа до полуночи?..

— Проводите меня, господин тан, будьте любезны. Не хотелось бы грубо врываться и пугать ее...

— Я не позволю вам... — яростно начал было тан и вдруг осекся под пристальным взглядом черных глаз. Послушно отступил в сторону и пропустил Нэля в дверь впереди себя.

— Благодарю вас, — едва слышно сказал маг.

Перед дверью в спальню Элейны уже не было охраны, тан убрал ее несколько дней назад, предоставив дочери прежнюю свободу. Вот только она не спешила ею воспользоваться. То ли уже смирилась с существованием в четырех стенах и не хотела ничего большего, то ли чего-то боялась...

— Быть может, она уже спит, — через силу выдавил тан, остановившись у дверей.

— Нет, не спит, — возразил Нэль. — Прошу вас, господин тан... Вы можете тоже войти, если хотите.

Как он, однако, заговорил. Но тан не мог даже возмутиться. С ним творилось что-то странное. Уж не прибег ли Нэль к помощи какого-нибудь заклинания? С него станется. Полный дурных предчувствий, тан поднял налитую свинцом руку и постучал в дверь.

— Элейна?.. Ты не спишь? Можно войти? Один человек хочет увидеться с тобой.

Слабым голосом девушка отвечала, что не спит, и что отец, конечно, может зайти.

Тан вошел первым. Элейна сидела у очага и читала. Она еще не переодевалась ко сну. В комнате кроме нее никого не было, Марика уже ушла к себе. Элейна подняла вопрошающий взор на отца, гостя она то ли не заметила, то ли не узнала. Тан хотел заговорить, но Нэль его опередил. Он быстро подошел к девушке и наклонился, упершись ладонями в подлокотники ее кресла.

Теперь она его узнала. Она вскрикнула, уронила на колени книгу и хотела отстраниться. Деваться из кресла ей, однако, было некуда.

— Вы... — простонала она дрожащим голосом, глядя на него во все глаза.

— Да, я, — бесстрастно подтвердил Нэль. — Не бойтесь, Элейна, больше я не стану ничего от вас требовать. Я пришел только смиренно просить вас о прощении, если только это возможно.

Элейна попыталась оттолкнуть его, но он вдруг поймал ее руку и прижал к своей щеке. Тан внимательно следил за ним и заметил, как исказилось его лицо, всегда такое бесстрастное, отчужденное. Здесь была и боль, и нежность, трудно даже сказать, чего больше. Но это продолжалось один лишь краткий миг. Нэль прикрыл глаза, возвращая власть над собой, и вот уже снова был спокоен. Он отпустил руку Элейны и сказал ровным голосом:

— Я знаю, что вы меня ненавидите. Клянусь, более вы меня никогда не увидите. Забудьте все, что было, как дурной сон.

Он положил сомкнутые пальцы обеих рук на виски Элейны и, склонившись

еще ниже, коснулся губами сначала ее лба, потом сомкнутых век. Элейна поникла в кресле, неподвижная и безмолвная.

— Что ты с ней сделал? — опомнившись, тан бросился к ней, но Нэль остановил его, удержав за плечи.

— Ваша дочь спит. Не тревожьте ее. Когда проснется, она не будет помнить ничего, что с ней случилось в последние дни... плохого. Обо мне она тоже забудет.

— Спит?..

— Да. Можете сами в этом убедиться, господин тан.

Нэль отнял руки, и тан склонился над дочерью. Элейна, и впрямь, мирно спала, и на ее порозовевших губах, впервые за много дней, рождалась спокойная и радостная улыбка.

Когда тан, наконец, смог оторваться от созерцания милого девичьего личика и обернулся, Нэля уже не было в комнате.

Нигде в замке его тоже не оказалось.

* * *

После бурной сцены со слезами и стонами, состоявшейся в комнате Элейны, Арьеля выкинули из замка буквально за шкурку, как напроказившего котенка. Уж очень сильно тан был потрясен, увидев, как посторонний мужчина безо всякого стеснения обнимает его дочь и прижимает ее к груди. Он категорически отказался выслушать объяснения Арьеля, который, между прочим, желал всего лишь утешить плачущую девушку. Музыкант недоумевал. Сначала его грубо притащили в замок, а потом так же грубо выставили оттуда. Никаких извинений, конечно, не последовало. А самое обидное, он пострадал ни за что. То есть, Арьель был бы очень не прочь утешить прекрасную Элейну и другими, более действенными, способами, если бы только заметил в ней хоть искру благосклонности, но ведь ничего подобного не произошло. Ну, а мысли не считаются... мысли — они у всех такие есть.

Впрочем, все сложилось к лучшему. Арьель вновь обрел желанную свободу, а больше ему ничего не было нужно.

Он снова шагал по дороге, прочь от тальерского замка, на север, погруженный глубоко в свои мысли. Он так и не понял толком, зачем Нэль посылал к нему Элейну, и что же могла означать эта история. Если бы, наконец, встретиться с магом! Уж он, наверное, все объяснил бы. Удивило Арьеля и поведение Марики. Вместо того, чтобы упорхнуть в свой ненаглядный лес, как только появилась возможность, она осталась в замке. Она, видите ли, привязалась к Элейне и хотела побыть со своей подопечной, чтобы убедиться, что за ее здоровье можно больше не бояться. А когда наступит такой день, с убежденностью сказала Марика, я обязательно вернусь в свою избушку. Думаю, случится это скоро, так что, братец, когда

появится охота заглянуть в гости, ищи меня там.

На дороге было пусто и тихо. Арьель шел, задумавшись, и не сразу заметил человека, который сидел на плоском сером камне у обочины.

— Эй, — тихо окликнул его этот человек.

Арьель остановился. На мужчине (голос был мужской) был когда-то черный, но посеревший от пыли храмовый балахон с капюшоном, надвинутым до самого подбородка. Лица человека было не разглядеть. В руках он держал длинную ветку, которой чертил у своих ног непонятные знаки.

— Вы ко мне обращались? — спросил Арьель с неприязнью: если он и не любил кого-то больше, чем храмовников, так это храмовников бродячих. Обычно они оказывались не самыми приятными людьми.

— К тебе, — отозвался храмовник, и Арьель задрожал, узнав голос. Он подался вперед и наклонился, пытаясь заглянуть под капюшон.

— Нэль, это ты? — прошептал он, не веря.

— Хорошо, что тан Аль выпустил тебя целым и невредимым. Я уж побаивался, что у него для тебя веревка припасена.

— Нэль!

Еще секунда — и Арьель содрал бы этот капюшон. Но храмовник, наконец, поднял голову, и капюшон скользнул со лба на затылок. Нэль усмехался от уха до уха, и было видно, что он сдерживается изо всех сил, чтобы не расхохотаться в голос.

— Безы... мянний бы тебя побрал, Нэль! Откуда ты знаешь про тана? И ты что, сидел и специально ждал меня здесь?

— Ждал...

— Откуда же ты знал, что я пойду этой дорогой?

Нэль все-таки захохотал, запрокинувшись назад.

— Ох, друг мой, ты не поверишь, если я расскажу!

Арьель смотрел на него во все глаза. Редко, но все-таки случалось, что маг улыбался. Но чтобы он хохотал вот так, захлеб, словно мальчишка... Это что-то новенькое.

— Ты даже не представляешь, до чего я рад тебя видеть, — продолжал Нэль, немного успокоившись. — Как я рад, что вообще вернулся.

— Откуда?.. Где ты был, Нэль?

— Ты правда хочешь узнать?

— Конечно, хочу! — нетерпеливо воскликнул Арьель.

— И ты не откажешься от моей компании?

— Я всегда тебе рад, ты же знаешь.

Нэль стал серьезным, и глаза его странно блеснули.

— Немногие сказали бы то же самое, — он легко поднялся и отряхнул полы рясы от пыли (чище она, впрочем, не стала). — А как у тебя дела с магией? А то я как раз подумываю о том, чтобы набрать учеников. Пойдешь ко мне учиться?

Музыкант кивнул.

— Тогда не будем терять времени. У тебя с собой мои книги?

— Нет, я оставил их...

— ...в Карнелине, где тебя повстречали люди тана, — снова заулыбавшись, подхватил Нэль, и музыкант вытаращил на него глаза. А маг продолжал, как ни в чем не бывало: — Тогда лучше пойти туда и забрать их. Жаль, если пропадут... хотя, по правде говоря, мы вполне сможем обойтись и без них. Но пусть будут, как память. А потом, после Карнелина, заглянем в Аркару и в Рябинники. Хочу познакомить тебя кое с кем. Уверен, Лекад тебе понравится. И Ильмас тоже. И Виленка. И... — он оборвал себя и засмеялся. — Однако, я что-то стал много болтать. Пойдем же скорее! Разговаривать можно и по дороге. Видишь ли, друг Арьель, мне ужасно не терпится поскорее приступить к делу.

Апрель 2004 – июль 2008

Der Goldene Hügel von Svetlana Krushina

Disclaimer

Dieses Produkt wurde unter Lizenz erstellt. Das Schwarze Auge und sein Logo sowie Aventuria, Dere, Myranor, Riesland, Tharun und Uthuria und ihre Logos sind eingetragene Marken von Significant GbR in Deutschland, den U.S.A. und anderen Ländern.

Ulisses Spiele und sein Logo sind eingetragene Marken der Ulisses Medien und Spiele Distribution GmbH.

Dieses Werk enthält Material, das durch Ulisses Spiele und/oder andere Autoren urheberrechtlich geschützt ist. Solches Material wird mit Erlaubnis im Rahmen der Vereinbarung über Gemeinschaftsinhalte für SCRIPTORIUM AVENTURIS verwendet.

Alle anderen Originalmaterialien in diesem Werk sind Copyright 2017 von Svetlana Krushina und werden im Rahmen der Vereinbarung über Gemeinschaftsinhalte für SCRIPTORIUM AVENTURIS veröffentlicht.

